

ПОЭЗИЯ

Двадцать первый век Новой эры

1 * 2023

В НОМЕРЕ:

Сергей АНТИПОВ
Юрий ВОРОТНИН
Дмитрий КРАСНОВ
Сергей ГАЗИН
Элла КҮЗНЕЦОВА

Ярослав КАУРОВ
Юрий РЫЧЕНКОВ
Эдгард ХАНДЮКОВ
Владимир КҮЧЕРЬ
Сергей СЕЛЕЗНЁВ

Наталья МАКСИМОВА

ISSN 2712-9055

литературно-художественный журнал

ПОЭЗИЯ

Двадцать первый век Новой эры

№ 1

POETRY

Twenty-first century Anno Domini

Magazine
Literary edition

Moscow

~ • ~

Москва

2023

Главный редактор – Антипов С.С.

Генеральный директор проекта – Ю.И. Воротнин

Редколлегия:

В.И. Кучерь-Чепелёв (*ответственный редактор*),
С.Ю. Газин (*выпускающий редактор*),
Э.В. Кузнецова (*художественный редактор*),
Е.Г. Яковлева (*редактор-корректор*),
Д.В. Минаев (*интернет-редактор*).

Редакционно-издательский совет:

Председатель – академик РАН И.Б. Ушаков,
Т.Ф. Дьякова, В.И. Зайцев, Д.А. Краснов,
Л.П. Жарова, Н.А. Дубовицкая,
Э.В. Хандюков, Наталия Воробьёва-Хржич,
Игорь Куринной, Э.В. Кузнецова, В.К. Лория,
Н.В. Максимова, А.Г. Прихожанин,
Г.Н. Рябинина, О.Н. Севрюков,
В.С. Скворцов, Л.Н. Черникова,
Б.Б. Катковский

«ПОЭЗИЯ. Двадцать первый век Новой эры».

Литературно-художественный, культурно-просветительский
и образовательный журнал

Учредители и издатели:

Московская областная организация Союза писателей России;
Издательство “Серебро Слов”

Адрес редакции и издателя:

141004, г. Мытищи, ул. Силикатная, д. 26-Б

Тел. 8 (495) 926-28-56

e-mail: SergMerisar2@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Во избежание взаимных обид просьба представлять
компакт-диски CD-R или CD-RW и распечатку текстов.

Юрий ВОРОТНИН

Юрий Воротнин – родился в 1956 году в п. Пирово города Тулы.

Прошёл обучение в Тульском политехническом институте по специальности инженер-строитель.

Живёт в г. Дедовск Московской области.

Стихи печатались в журналах «Поэзия», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Москва», «Парус», «Алтай», «Дальний Восток», «Сибирские огни», «Нобелевский тупик».

Автор нескольких книг – «Осень в райских садах», «Небесный щит», «Поздняя улада».

* * *

И наступает век,
Внезапно, по утру,
Когда почистить снег
Уже неумогуту.

У снега нет границ,
Его не обрмить...
Успеть бы только птиц
Родимых накормить.

* * *

Даже если кипящую серу
Ветер гонит на наше жильё,
Всё равно принимаю на веру
Я и слово, и дело Твоё.

Ведь издревле мне было вестимо
И доныне завет не изжит,
Если не было Третьего Рима,
Ему быть и сиять предстоит.

* * *

Как в нашей памяти темно!
Как глубоки её отстойники!
Пусть и не молимся давно,
Мы все – раскольники, раскольники.

Казалось, нет на то причин,
Обряд – игра лишь, знают школьники,
Но не по чину страшен чин,
И мы – раскольники, раскольники.

* * *

Никто не знает глубины зеркал,
Сколь не гляжусь до головокруженья,
Я лишь с верхов снимаю отраженье,
Мне путь закрыт в мерцающий астрал.

Я по легенде знал, не наяву,
Что там за гранью зазеркальной тверди,
Есть продолженье жизни после смерти,
А здесь живым не каждый день живу.

О, как меня то зеркало влекло,
Я шёл на блик, в усердии отражался,
И каждый раз с самим собой встречался,
И лбом горячим бился о стекло.

Когда-нибудь иные жизнь и смерть,
Нас заведут в заоблачные дали,
И будем путь искать из зазеркалий,
И не найдём, упрёмся в ту же твердь.

Не дай нам Бог живыми умереть,
И на себя из зеркала смотреть.

* * *

Чудо старых фотографий,
Лица вышли на парад,
Память вычертила график
Путешествия назад.

Без попыток осужденья,
Без надежды всё вернуть,
От предсмертья до рожденья
Разворачиваю путь.

И не то, чтобы прощаюсь,
Жизнь ко мне ещё добра,
Я во времени качаюсь
Между завтра и вчера.

И свободен без свободы,
Пробиваясь сквозь завал,
Вдруг проваливаюсь в годы,
Где в помине не бывал.

Только краешек случайно
Рассмотрю и дальше тьма.
Сотворенья мира тайна
Не для нашего ума.

ВДОВА

Бесконечно ристалище,
До конца не пройти...
Хоронили товарища,
Грели землю в горсти.

Смерть скользящими лапами
Задушила свечу.
«Не спешите закапывать,
Наглядеться хочу...»

* * *

Долго шли мы в стремлении строгом,
Берегли отведённые дни,
Растеряли своих по дорогам
И неволью остались одни.

Только памятью поздней согреты,
С говорком «от сумы до тюрьмы».
Посреди невозможного лета,
Как среди невозможной зимы.

ОТБЛЕСКИ

* * *

«За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет...»
М. Цветаева

И дом, и сад
И старость лет,
Но тот же ад,
И тот же бред.

* * *

«Выйти из дому при ветре
И поклониться отчизне.
Надо готовиться к смерти
Так, как готовятся к жизни...»
Д. Самойлов

* * *

Выйдешь из дома при ветре,
Втянешь отчества дым.
Кто не готовится к смерти,
Тот остаётся живым.

Людмила СНИТЕНКО

Людмила Михайловна Снитенко – Член Союза писателей России, Координатор культурных программ Славянской литературы и художественной Академии в России, автор более шестнадцати Сборников стихов и переводов со славянских языков. За литературную деятельность награждена грамотами Министерства культуры и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, лауреат многих общественных премий и наград Союза писателей России.

ИЗ ПОЭМЫ «СВЯТОЕ ИМЯ РОССИИ»**1. К БОГОРОДИЦЕ****МОЛИТВА МАТЕРИ**

Как сквозь окно смотрю на Богоматерь,
Лицом к лицу молюсь душе святой,
Приблизил Богородицу Создатель,
В земных скорбях нам жизнью жить одной.

«Надеждой стань и Светом путеводным
В дни трудных испытаний и утрат,
В порыве битв, отвагой окрылённый,
Пусть сын в бою не ведаёт преград.

Во времена безмерного разгрома
Легло на плечи множество забот,
Заступница, смирив грозу и горе
И защити наш православный род.

И пусть врага молитва остановит,
Всю боль за Русь готова в сердце взять!
Молю, о Милосердная, покрова,
Помочь родную Землю отстоять.

Молю тебя, родная, о спасенье
Отеческой земли и сыновей,
И твоего прошу благословенья,
Родной народ избавить от скорбей».

Находит в вере силу боль земная
В печали безысходной на краю,
Храни молитва матери святая
Сынов бесстрашных в жизни и бою.

**2. ОБРАЩЕНИЕ АЛЕКСАНДРА
НЕВСКОГО К ДРУЖИНЕ*****Могучей быть Державе на Руси!***

За Русь, за правду, с верностью и верой
На том стоим, и будем так стоять!
Всевышний укажи врагам пределы
Границ, которых не переступить.

Родной земли не отдадим по праву,
Повержен будет враг и побежден,
За Русь стоять вас, братья, призываю,
Оберегать Отечество от войн.

«Не в силе Бог, а в правде», –
сказ дружине,
Щит веры сильных делает сильней,
Чтоб иноверцы путь на Русь забыли,
Седлайте лёгких на ногу коней!

И в битве станьте силой неоглядной,
Способной от неверных оградить,
Суди, Господь, обидчиков нещадно,
Отечества врагов, Господь, суди!

На Троицу святую уповая,
Мы храмы возведём и города,
И супостатам твёрдо обещаем,
Не будет Русь склонённой никогда!

Врага мы победим своим единством
В нас корни рода русского сильны,
Отважен дух, и нрав наш не воинствен,
Могучей быть Державе на Руси!

ЗА ПРАВДУ, ЗА ДЕТЕЙ!

Народ мой, братья, мы – большая сила,
Едины духа русского родством,
За будущее горечь охватила, –
На битву встали с леденящим злом.

Не только кровных единил по духу
России исторический союз,
Делили хлеба добрую краюху,
Неповторимо сладкую на вкус.

В гармонии своей многоязычной
С согласием исконно вековым
Соборно принимал народ единство,
И был закон сплоченья нерушим.

Но сатанизм политиков лукавых
Разрушил справедливости уклад,
Коварство добрый мир размежевало...
Мы вместе, братья! Пусть нам не грозят!

В наследии творцов времён великих
Завещано – своих не оставлять,
Пусть за морями царствуют «владыки»,
Продажную их не допустим власть.

И верю, дух Отечества – бессмертен,
И созиданье движет мир вперёд.
К защитникам, Господь, будь милосерден,
За Правду, за детей встал наш народ!

«ДЕРЖИСЬ!»

На бой уходили ребята,
Оставив подруг и дела,
В затишье им верба крылатым
Крестом среди поля была.

Магическим словом комбата
Звучал боевой приказ,
Сильнее и громче набата
Вонзался он в утренний час.

«Держись, брат!», – подхватывал ветер,
Скользила земля из-под ног...
Настойчиво ждали ответа
От тех, кто вернуться не смог.

По жёсткой, тернистой дороге
Длиной в их окопную жизнь
Гремел по-отчески строгий
Наказ командира: «Держись!» ...

И ждали бойцов не напрасно,
Помог крест крестильный спастись.
Отвага и Вера всевластны
С напутствием: «С Богом!
Держись!».

ОГНЕННАЯ ВЫСОТА

Идёт победный бой на высоте,
Где каждый человек, как полк и порох,
И верность долгу – в верности мечте,
За будущее путь непрост и долог.

Чтоб радовались каждому лучу,
В закате ощущали Божью милость,
Вы, крепко автомат прижав к плечу,
На битву поднялись за справедливость.

За Правду продолжаются бои,
И гул орудий – это вам не шутка,
Прицелом точным меряете вы
Мгновенья наступающего утра.

Идёте по измученной земле,
Что превратилась в жертвенную чашу
И соль впитала жгучую во мгле
От детских слёз, нечаянно упавших...

Спасите опалённую мечту,
И пусть цветами заалеют склоны.
Спасите неземную красоту
Во исполнение Божьего закона.

* * *

Когда закон гармонии нарушен
И тайный хаос сотрясает дни,
Стихии необузданной сродни,
Дух потрясённый – вечности послушен.

И вспомнится тогда любимый голос
И солнцем напоённый светлый луг,
Полёт двух птиц прозреет сердце вдруг
И венчанный росой омытый колос.

Любовь незримо, слов ясноречивей,
Оберегает благостно приют
И в дни междоусобных смут
Покоем награждает молчаливо.

И сдвленную в замкнутом чертоге
Овеет душу светлая волна,
И не утихнет верная струна
Земной любви в её сиянье строгом.

* * *

Не всем дано, в молитве непростой
Стоять над бездной,
 в сердце с бездной света,
Где тишина сжимает немотой
И к небесам взывает без ответа.

Где ты пришёл, с ладоней знак стереть,
Судьбой неповторимой стать навеки
И жизнью одинокою прозреть
Единство в одиноком человеке.

И разомкнуть удущье тишины,
Услышать весть небесного покрова,
И звук протяжный ветра с вышины
Воспламенить молитвенностью слова.

МУЗЫКА ДУШИ

Отворяет музыка пространство
Состоянья схожести души,
Переливом отзвуков реальность
Совпадает звоном тишины.

Струн душевных отклик безмятежно
Воскрывает учащённый пульс,
Звуков лад как сердца ритм Вселенной
Единит пронзительностью чувств.

И мерцаем ритмов окрылённой –
С верой обращаю взгляд во «внутрь»,
Мощью полнозвучия рождённый –
Ритм врачует утомлённый дух.

Звуковых иллюзий изваянем
Затихает вьюжная метель,
И ложится облако скитаний
На земную жизни параллель.

ПАСХАЛЬНАЯ РАДОСТЬ

В волнении неровное дыханье...
Христос Воскрес! Воскресла вся Земля!
И радости Пасхальное сиянье
Снисходит в пробуждённые поля.

Подарок светлой Благодати вечной
Легко принять, не просто сохранить,
И в суетности нашей бесконечной,
Из родника бессмертья не испить.

Но озарит нас Праздника улыбка,
Ликующим смятением оживит,
И жемчуга рассыпанная нитка
Напомнит радость благостных молитв!

ПУТЬ ЗЕРНА

Не устремится стебель из зерна,
Не обретёт он истинной свободы,
Пока не приоткроет глубина
Земной любви Божественные своды.

И силу жизни стебель наберёт,
Нальётся полным колосом певучим,
И ветер золотой волной вздохнёт,
И небо звонким пением озвучит.

Душе свободной жизнь зерна дана,
И не измерить долгий путь годами,
Любовь жива, пока поёт она,
И песнь души слышна за облаками.

РУСЬ НЕИСТРЕБИМАЯ

Владимир КУЧЕРЬ-ЧЕПЕЛЁВ

Владимир Иванович Кучерь-Чепелёв – поэт, драматург, публицист. Член Союза писателей России. Участник VI съезда писателей СССР (1976 года) и VII Всесоюзного совещания молодых писателей (1978 года).

Опубликовал более десятка книг. Основные из них: «Осторожно цветы» (стихи и поэмы), «Дочь Дантеса» (драмы), «Разглядите себя» (стихи и поэмы), «И всё же мир устроен хорошо» (стихи и поэмы), «От первого лица» (стихи, поэмы, пьесы), «Цвета побежалости» (стихи, поэмы, пьесы), «Неповторимые пути» (стихи, поэмы, пьесы), «И высота

земли и моря глубина» (стихи, поэмы), а также «Эхо времени» – корона сонетов (отдельной книгой).

Творчество отмечено различными наградами. Лауреат Московской областной литературной премии Имени Ярослава Смелякова.

ПИСЬМО

Как ужас на картине «Крик»,
И, как «Девятый вал» крошечный,
Так человечеству без книг
И рукописных слов сердечных...
По электрическим веткам,
Нацелено, в рассудок, сердце,
Будто стрела, летит строка
И даже достаёт младенца.
Гипнотизирует экран,
Прогресс в его ориентире,
И клавиш – маленький капкан,
В компьютерном огромном мире.
Выводит тексты монитор,
Но в новоявленном рассказе
Намного уже кругозор,
Лишённый солнечных фантазий.
Теперь не занят я трудом,
Когда узоры букв чернильных,
Шли друг за другом чередом
С нажимом слабым, средним, сильным...
Я в трёх перстах держал перо,
Как подобает при молитве
И вдохновение цело
Душевно, следуя палитре...
И прибавляла вес тетрадь,
Когда стихами заполнялась,
Теперь в её страницах гладь;
Неописуемая жалость...

ВМЕСТЕ

От матери и от отца
Я выплыл, в океане света
Наследник русского лица,
Земли дедов на пол планеты.
Мой корень жизни от славян
Возможно, есть другие корни,
Но мой язык, что в детстве дан,
Своим стихом пытаюсь полнить.
И погружаясь с головой,
С душой, давая волю сердцу,
В дар слов с основой вековой,
Среди моих единоверцев...
Бугрист литературный путь,
Он часто с жёсткими боями.
Глагол народа – жизни суть,
Строка классическая – пламя.
Но я лыжню свою веду,
Не ради похвальбы и злата.
С моею песнею в ряду,
Читатель, – будь сестрой и братом.
Но только может ли лыжня
Существовать в разгаре лета?
В моём уме идёт возня
И нет сомнений ответа.
И проричать я не берусь,
Как отзовётся моё слово,
Но вместе мы – Россия-Русь –
Любовь, надежда и основа.

СЛЕД ОСЕНИ

Вновь осень гуляет по свету,
Под свой золотеющий свист.
И дождь затяжной после лета,
Является, как пианист.
Дождинки его, словно пальцы,
Листва, будто клавишей строй.
Мне слышится музыка вальса,
Я вновь восхищаюсь игрой.
И даже при сумраке сером
Не зlobят дождей времена,
В родной стороне, с атмосферой,
Где с солнцем исчезла луна...
Тоске придаваться не нужно,
Что жизни сжимается срок,
В одном направлении бездушном –
Земных и вселенских дорог.
По ним след движенья природы
Бежит всё быстрее и быстрее;
За сутками – месяцы, годы,
И с ними наш возраст старей...
Не только торопится осень,
За нею зима и весна,
А лето проносится вовсе...
И так до последнего сна.
Моё заключение не новость,
Тем более не пастораль,
Но чувствую явную робость,
Где вечно бытует печаль...

УБИЙЦЫ А.С. ПУШКИНА

Их было много царских прорв.
Убит поэт, заморским бесом,
Иначе говоря, Дантесом,
Но рядом был и Бенкендорф.
И тот, кто не имея прав
К успехам Пушкинского слова,
Порою с завистью суровой
В оценке был, как змей лукав.
И те вельможи, кол им в прах,
Что представляли пену света,
Кривясь, смотрели на поэта;
Он камер-юнкер на бобах.
Рычанье шло от светских львиц,
Когда жену его Наталью
Кружило вальса зазеркалье,

Среди самодовольных лиц.
Мужская похоть – честь грехам...
Лицо прекрасное и тело...
И ни кому из них нет дела,
К бессмертным мыслям и стихам.
Томился гений на балах,
Под ношей звания – камер-юнкер;
Но жить Наталье в Петербурге,
Где восхищался ей монарх!
Он господин, всяя Руси,
Как зверобой, стеклом лорнета,
Выслеживал жену поэта,
И мужа ревностью бесил.
Принадлежало всё царю,
Любодеянье его кредо.
Какая песня была спета?
Сужденье равно пустырю...
Погряз в безденежье поэт,
В бездушии, скатились слухи
На его честь, по всей округе,
И не уйти было от бед.
Так, Черной речкой стала речь,
О чёрной гибели поэта,
И скорбь народа без просвета...
Царь-государь – Дамоклов меч.
Он первый самый смертный враг
Незащищённому поэту,
Жена Наталья – жертва света,
На царедворческих балах...

СПАСИБО, МИЛАЯ

Спасибо, милая, за то,
Что ты живёшь на белом свете.
Над жизненной маетой
Передо мною твой образ светел.
Не тереблю я чувств твоих,
Не обращаюсь к тайным мыслям,
Но для меня в осенний миг
Твоё явление больше жизни.
И моё счастье – быть с тобой!
Я, восторгаясь твоим светом
И в сердце чувствую прибой
Неописуемого цвета...
И радостно моей душе,
За пониманье с полуслова,
Во имя рая в шалаше
Я повторяю снова, снова:

Спасибо, милая, за то,
Что ты живёшь на белом свете.
Над жизненною маетой
Передо мной твой образ светел.

Пусть вьюга дальше ворожит
И продолжает свои песни,
И ты скажи мне от души,
Что навсегда мы будем вместе.
Чтоб не гремел раздора гром
Колесами по рельсам стылым,
Чтоб позабыл я о былом,
Которое печально было.
Чтоб сохранив любви обет,
И для неё на всё готовый,
Как удивительный сонет,
Я повторял бы снова, снова:
Спасибо, милая, за то,
Что ты живёшь на белом свете.
Над жизненною маетой
Передо мной твой образ светел.

И через много лет, когда
Твоя изменится походка,
Когда весенняя вода
Прибьёт разлуки нашей лодку,
В течение времени, вдали
Под траурными парусами,
Уйдя от солнечной земли,
Соприкоснусь я с небесами.
И в этот злополучный час,
Для близких горький и суровый,
Я повторю в последний раз,
И отзовётся эхо снова:
Спасибо, милая, за то,
Что ты живёшь на белом свете.
Над жизненною маетой
Был для меня твой образ светел.

В ЗЕНИТЕ ВЕСНЫ

Дом мокнет под дождём,
по шиферным ложбинкам
Струятся ручейки и нитями висят...
И общий лёгкий шум,
звучащий под сурдинку,
Стоит сплошной стеной,
как будто нотный ряд.

Весна, но сад угрюм,
и скучно в доме дачном,
Печь нужно растопить, чтоб обогреть его.
Мышиный дух живёт,
и смотрят окна мрачно,
Привычно на закат, но нет там ничего...
Плодовый сад не густ,
в нём яблонь, только пара,
Да тройка слив всего,
кто посадил их здесь...
Изогнуты стволы, они заметно, стары,
Но чувствуется, в них бывалая сила есть.
Голодная пора в естественном протесте,
Настойчиво своим прямым путём идёт,
И дождик не стоит задумчиво на месте,
Он ест в лощинах снег, откусывает лёд.
Совсем недолго ждать
период тёплый летний,
Где флоре вновь цвести,
расти в свою сажень,
Где будет ночь светла
и утро в час рассветный
Начнёт переходить
в высокий долгий день.
Ну, а пока на двор
пришёл угрюмый вечер,
С восточной стороны,
ступая в слякоть, в грязь...
Печь начала ворчать,
и в канделябре свечи
Льют лепестки огней, таинственно лучась.
Люблю такой порой
не пользоваться током,
О радио забыть, не видеть мир в экран.
Уже в доме тепло, светло и, слава Богу,
И дальше разум мой рисует жизни план...

ДОЖДЛИВЫЙ МАЙ

Неслышно дождь приходит ночью,
Он до утра и целый день,
Повсюду ставит многоточье
И небо превращает в тень.
Округу, погружая в дрему,
Во весь простор и белый свет,
Дождь льёт за грани окоёма
Однообразный серый цвет...
Витает грусть в холодном ряд.

И лишних слов не нужно тут,
Если собаки редко лают,
А птицы вовсе не поют.
Цветенье не кипит по саду,
Едва проклюнулась листва,
И в настроениях досада,
И пахнет осенью трава.
И куст черёмухи, к примеру,
Озяб, склонился под окном
И капли по стеклу не смело
Слезятся, падая ничком.
Так дождь идёт без остановки
И даже был однажды град,
В дороге лужи по грунтовке,
Уходят к лесу на закат.
А я иду к востоку снова,
И мои мысли вслед бегут, –
Что южный ветер скажет слово
И вспыхнет солнечный салют.

НАЧАЛО ЛЕТА

Закат разлился широко,
В начале нынешнего лета,
По горизонту мягким светом
И растворился за рекой.
Но только кромка по кривой
Не исчезает с края неба,
Она течёт направо с лева,
По ночи три часа всего.
Звёзд бледных, малое число,
Едва проклюнулись в зените,
И слабо их струятся нити,
На восходящее крыло...
Восток невероятно чист,
Верней сверкает его пудра...,
Звенит пылающее утро
И льётся птичий пересвист.
Искрится редкая роса
И зеленеет мир растений,
И от него ложатся тени
На травы, словно паруса.
И первый миллиард лучей,
Как будто бы электросварка,
Напором ярким, даже жарким,
День явно будет горячий...
И сон уходит на закат,
Жужжит в стекле большая муха,

На волю просится – по слуху,
Я распахнул окно ей в сад...
В саду гуляют соловьи,
Прилёт их вышел запоздалым,
Вокруг соперников навалом,
В честь назревающей любви.
От сердца трели, от души;
Невольно чувства внемлют к звукам...
На весь простор, на всю округу
Кукушка правду ворожит.
Шмель прогудел, он солнцу рад,
Нектара вдоволь вновь напётся,
Как я водою из колодца,
Где вьётся дикий виноград...
И голос подаёт петух,
И раздаётся лай собаки,
Не ради страха или драки,
А так, чтоб ей упрочить дух.
И яркой бабочки полёт
Разнообразит утро сада,
Вдруг с неба, будто камнепадом,
Обрушил стрёкот вертолёт.
И проворчал автомобиль,
По дну просёлочной дороги,
День будничный в заботах строгих
Растёт от неба вдаль и вширь...
Приволья теплая пора
Привносит в жизнь свою надежду,
На взрослых лёгкие одежды,
И детвора кричит – ура!

БЫЛО...

По стёклам окон грустно пролегли
Следы дождей серебряного цвета,
И следом, уплывают журавли,
По склону убывающего лета.
Так же печально вместе стало нам,
В час непогожий, откровенный, поздний...
Что разделили жизнь напополам;
На прошлое, на то, что будет после...
Где вновь не повторятся никогда
Маршруты и любовные салюты,
Как растворенье в половодье льда,
В особо раскалённые минуты.
Но словно отражение с клише,
Воспоминанья проступают ярко,
Как счастливо мы жили в шалаше
Большой обетованной коммуналки.

Весёлый возраст явно отступил
И отразился влагою во взглядах,
И ослабел наш неуёмный пыл,
И всё ж надежду огорчать не надо.
И повторять, что ты была, я – был,
Так, слово бы мы затерялись где-то...
Не позабыть, как я тебя любил,
И ты меня любила жарче лета.

ВЕСЕННИЙ ВСПЛЕСК

Мне ранняя весна заживает раны
Житейской кутерьмы, с позиции тепла,
Рассветы льют лучи, как мощные фонтаны,
Всё боле высоко, их прямота светла.

По цвету облака в своём различном весе
И с ними день плывёт по широте кольцом,
И кто такой порой откажется от песен,
И городской пейзаж стал веселей лицом.

Особая пора – она сестра приволью,
Где молодой любви лететь на всех порах...
К полудню хлынул дождь
на вечный град престольный,
Предвестник первых трав
в газонных секторах.

Шоссейные пути и ленты тротуаров
Образовали дно сливных потоков, луж...
Под проливным дождём,
летят машины валом,
Настойчиво вперёд, на скоростях к тому ж.

И накрепко срослись прохожие с зонтами,
И голуби рядком забились под карниз,
А ливень жестяной играет проводами,
И в музыке его характер и каприз...

Но вот стихает дождь,
светлеет кромка неба,
Капли повисев, дрожат, срываясь вниз,
И снова солнце круг, вдруг караваем хлеба,
Всплывает среди туч,
свой подтвердив девиз.

И первый лёгкий пар клубится под лучами,
Напоминая, что, вот-вот вспорхнёт листва,

Воздушное крыло свет радужный качает,
И всё ясней видна на небе синева.

Я в сердце удержу
весёлый всплеск природы,
И сохранил его до будущей весны,
Но только всё быстрее текут куда-то годы,
Былые времена, как призрачные сны.

В КОЛЬЦЕ ЭГЕЙСКОГО ЗАЛИВА

(Поэма)

-1-

Под колючим, раскалённым солнцем,
По заливу мелких волн не счесть,
На прибрежной глубине по донцу
Вспыхивает ярких бликов сеть.
Важно ходят в синих водах рыбы,
Суетятся юркие мальки,
Нависают скал слоистых глыбы,
А за ними горы высоки.
Выглядит предгорье триумфально,
Тянется оно к вершинам гор
В травах, в соснах,
в кипарисах, в пальмах...,
И везде, куда не окинет взор.
Утром штиль, легка температура,
Но к обеду зной на высоте.
Не бывают в это время хмуры
Ночи, что в прозрачной наготы.
День свои определяет грани;
Разнолико естество миров –
Чайки беспокойные горланят
И гудят моторы катеров.
Яхты серебрятся на приколе,
Вот в залив вошёл катамаран,
Он прошёл бушующее море
С именем достойным – «Магеллан».
Вечереет. Солнце за горами...,
Словно соль, на небе, звёзд кремни,
Шёпот волн..., погас заката пламень,
Он душе загадочной сродни.

-2-

Могуч Морфей,
уснуло даже море
И горы погрузились в тишину,
Лишь плеск волны,
чуть слышно,
плеску вторит,

О сваи,
 уходящие ко дну...
 Небесный край
 в закатном ореоле,
 Склонился
 к гипнотическому сну
 И потонул
 в каштановом растворе,
 И потерял легко,
 величину.
 Привычно
 и вполне обыкновенно,
 Вечерний сумерек
 сгустился постепенно,
 Ночь впереди
 и зреет звёздный свет.
 Вплотную подошли
 края обзора
 И затерялась
 широта простора...
 И дремлет
 Посейдон анахорет
 На дне морском,
 в своём большом чертоге,
 Где каждый уголок
 таит секрет,
 Где у морских существ,
 свои дороги.
 В расщелинах,
 в ложбинах...
 Спора нет,
 Кто самый сильный,
 а кто очень слабый,
 В одно мгновенье исчезает шкет –
 Малёк,
 В огромной пасти,
 только плавал...
 Вся жизнь подчинена биосистеме,
 И хищники,
 и жертвы
 близко,
 рядом
 Соседствуют,
 как на земле брат с братом...
 Иначе,
 чем на суше,
 длится время...
 Стремятся изучать аквалангисты

Глубоководный мир,
 безмолвный,
 мглистый
 На южном берегу,
 с начала мира,
 С людьми бок о бок
 обитали Боги;
 Воспетые классическою лирой,
 В искусстве воплотились.
 Вот истоки –
 С экватора
 до белых полюсов
 У человечества немало адресов,
 На островах,
 тем боле в тайне моря –
 Безмерна широта
 и глубина.
 Зеркально отражается луна
 На тёмной глади,
 при ночном дозоре.
 В порту у пирса
 яхты на приколе
 Бок о бок
 в ожидании стоят...
 Все паруса их свёрнуты, но вскоре
 Они, расправив крылья, полетят...,
 Хотя, конечно,
 в море бродит горе, –
 И это несомненный постулат,
 В едином
 и великом океане.
 Материки меняли очертанья,
 Представить трудно,
 миллиарды лет...
 Так же склоняясь
 к силе притяженья,
 В поверхности воды,
 смешавшись с тенью,
 Заметно отразился звёздный свет.
 Из самого далёкого начала,
 В парсеках бесконечных
 его след
 Уходит вдаль,
 за тёмный край причала.
 Вот так же жизнь,
 она была,
 и нет
 И время, так же мчатся не устало.

Но у рассудка
 чёткий есть ответ,
 Что значит много,
 а что значит мало...
 Испытана природа на излом
 Под напряжением
 в клубке земном,
 Где техника превыше всех историй.
 В работе,
 в круговерти городской...
 Светлеет ночь,
 теряя стимул свой,
 На заревом,
 магическом просторе...
 Корабль с утра ушёл за горизонт.
 Мне верится,
 что в проведённом сборе
 Окажется надёжным капремонт.
 Шторм –
 испытанье духа,
 силы,
 воли,
 Не просто его
 громоподобный фронт.
 И явно,
 ни до страха,
 ни до боли,
 Когда не дружелюбен
 древний понт.
 Живёт стихия
 в битвах вековых,
 В своём пути земном,
 в спиральном,
 Млечном,
 Открытие такое, не секрет.
 Движение – основа всех событий
 И, как пример,
 в привычном нашем быте
 Над побережьем
 серебрится свет...
 Он разбудил юдоль,
 где в томной неге.
 Все чувства лучшие
 звучат в ответ,
 Протяжным эхом
 в двадцать первом веке.
 Перерождаясь в радостный сонет –

О море,
 о горах,
 о человеке...
 И о любви,
 что только тет-а-тет
 Мужчины с женщиной – на бреге
 У кромки водной – светлой полосы...
 Событие,
 в столь ранние часы,
 Всей жизни
 исключительная доля.
 И волнам в такт,
 теперь стучат сердца;
 Он будет воду пить с её лица,
 Она возьмёт в полон,
 мужскую волю...
 Большой базар – привольный юг
 Где толкотня,
 привычный шум вокруг,
 В такое время тёплое,
 тем боле.
 И любопытство здесь не побороть,
 Благословил свои дары Господь,
 Цикады утро прославляют в хоре.
 Их музыка
 звенит,
 как на круги
 Стремится красота
 и в фауне,
 и в флоре,
 Как повторенье,
 исполненные роли,
 Под ритм и такт
 божественной руки.
 Привычно,
 прибывают всюду люди,
 С надеждою,
 что день удачным будет,
 В торгах имеет смысл менталитет...
 Одно
 другому
 следует на смену
 И всё имеет собственную цену,
 И звёздный свод
 давно подвергся тлену,
 И бледный лик луны
 сошёл, на нет.

Лежит в прохладе утреней округа,
 Искрятся росы,
 преломляя свет,
 Жужжанье насекомых ближе к слуху...
 Сказал мудрец – всё суета сует!
 Не согласиться трудно,
 только штука
 В том,
 что душа хранит
 надежд завет,
 Как песни в исполнении ашуга...
 Как говорят,
 нет дыма без огня,
 Так же восход очаровал меня
 И в целом край
 желателен весьма!
 Он не последний
 на моём пути,
 Как ночь,
 что оказалась позади
 Небесная синее бахрома...
 Грядущий день,
 превыше волшебства.
 С водой морскою тело слиться хочет.
 На дне растёт
 прекрасная трава...
 Нырнув плыву свободно,
 что есть мочи,
 Недаром море –
 лоно божества,
 О чём я говорил вначале ночи.
 Всё ближе к полдню,
 стрелки на часах...
 Прозрачен воздух,
 чисты небеса,
 В безбрежной глади,
 в дымке острова.
 Уходят яхты...
 в разные маршруты...,
 Их паруса развёрнутые круты
 И солнце обрело свои права.
 Так же ветра,
 не забывают право
 Ворочить волны,
 словно жернова,
 Кренить корабль
 налево
 и направо.

В лихих штормах
 душа едва жива,
 Где на пути провалы,
 и канавы...
 Нет на земле иного вещества,
 Такого исключительного сплава!
 Но после бури,
 как известно,
 штиль,
 Раскинется на много водных миль;
 Огромное влияние тропосферы.
 И радость в сердце
 затрепещет снова,
 Как верное,
 молитвенное слово,
 Как прежняя языческая вера.
 Сопровождают боги, явно, нас –
 И греческий Эрот,
 И римская Венера,
 Крылатый конь,
 по имени Пегас
 И вечная поэзия Гомера.
 Гекзаметром правдивым,
 и не раз,
 Воспета историческая эра,
 Звучит в веках её нетленный глас.
 Как быстрота и красота Ахилла,
 Мысль Одиссея
 и Геракла сила,
 Великое значение слова, слога...
 Где взвешена,
 до буквы,
 тема в строках,
 Где воин каждый,
 в сущности,
 ремень –
 Живая древность, с поступью могучей.
 Зной нарастает,
 на песке пекущем
 В полудне не имеет силу тень.
 И радостно,
 когда макушку солнца
 Прикроет туча,
 схав набекрень,
 И вылет содержимое до донца.
 Опять жара,
 липучая,
 как лень.

Поднимется,
как будто бы из пекла,
На ту температурную ступень,
С которой
шапка снежная поблекла

В горах...
И солнце хуже, чем беда,
Толкает человека в никуда;
И не спасает от лучей навес,
И даже бирюзовая вода,
К ней самый первородный интерес...
Но к вечеру

растёт большая тень
От белых скал
на вызревшем закате,
И в пальмовой листве,
в платановой преграде...
Её цветная,

трепетная сень,
А рядом мир загара в шоколаде...
Великий праздник,
следует сказать,
Что суждено родиться,
жить на свете,
Хоть и развеет

планетарный ветер,
Сегодняшнего чувства благодать,
Но на душе останется печаль.
Любви,

Надежды,
Мудрости
и Веры,

Преодолев
сомнения барьеры,
И совокупность
безотрадных встреч,
И песней человеческая речь,
Клубится с золотом атмосферой.
И процветает

райская пора,
Вновь жаркий день воспримем
на ура!
Как сказано,
бездонна его мера.

Дай Бог,
чтоб завтра было,
как вчера,
Пусть даже при погоде
скучной,
серой,

когда в пути меняются ветра...
А шар земной,
как прежде,

так же кружит
И проходя по морю
и по суше,
Уходят в вечность,
утренние зори.

Мгновенья, незаметно, как нули,
В вечернем остывающем просторе,
Вращает человечество рули...
Ночь – звёздное разбрасывает семя,
Сон в сумме

отбирает жизни время,
Но в этом нет беды,
и горя нет

На ярком берегу
в расцвете лет...

И что теперь себе не говори,
Года идут, как в море корабли...

-3-

Поклон величию земному
За солнечный восход, закат...
За молнии, за дождь, за громы,
Что над землёй несут раскат...
За то, что море изумрудно
И мягче бархатистых кож.
За то, что в жизни поминутно,
Мир восхитительно хорош.
За то, что гребни волн высоки,
Бьют с силой о причал широкий
Качая яхты в полный рост,
А в густоте ночей глубоких
Зовут к себе скопления звёзд...
И хочется душой в полёте,
Подняться к точке апогей.
И поклониться всей природе,
За единение корней,
За праздник жизни на восходе.

Александр АНУФРИЕВ

Александр Фёдорович Ануфриев родился в 1948 году в Москве в семье востоковедов-индологов. Окончил Институт восточных языков (ИСАА) при МГУ. Работал в Индии и Пакистане, 36 лет преподавал языки урду и английский в МГИМО.

Член Союза писателей России. Заслуженный поэт Москвы. Почётный профессор и доктор филологии, действительный член Международной академии русской словесности, лауреат Оксфордской премии в номинации «Авторизованный перевод», кавалер Золотой Есенинской медали, лауреат Премии Н.С.Гумилёва.

Большая часть авторских стихов и переводов публиковалась в разные годы в периодических изданиях СССР и России, таких как «Художественная литература», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Молодая гвардия», «Восточный альманах», «Весь свет», «Литературная Россия», «Сельский календарь», «Чётки», «Половецкая луна» и в Издательстве «Техносфера».

В 2018 году первое издание книги «Любовь и вдохновение» удостоено звания «Лучшая книга года».

ДОНБАСС

Ветры бушуют лихие...
Как уже было не раз,
Вновь под прицелом Россия,
Кровью исходит Донбасс...

Снова нацистская нечисть
По Украине ползёт.
Кто же так расчеловечил
Некогда добрый народ?

Все отщепенцы на свете
Дружно слетелись, и тут
Детства не знавшие дети
В тёмных подвалах живут.

Но при поддержке вселенской
В мутном движенье своём
Клоун кровавый—Зеленский
Властью «на миг» упоён.

Он в кокаиновом бреде
И напускном удалстве
Грезит о мнимой победе
И о параде в Москве.

«Пусть мне денюжат хоть немного
Даст Вашингтонский обком,
Сразу придёт перемога,
Кто ж сомневается в том?»

Но, вурдалаку не внемля,
Тысячи русских солдат
Милую отчую землю
Смело очистить спешат.

Чужая опасность, «элитка»
Запад любя с давних пор,
Вдруг по-предательски прытко
Рвётся удрать за бугор,

Чтобы на солнечном пляже
Радостно жизнь прожигать
И в наркотическом раже
В родину ядом плевать...

Но от отравленной пищи,
Боженька, нас упаси:
Воздух бодрее и чище
Станет у нас на Руси.

Верю, что дни роковые
Сменит Победы восход.
Преображенье России
В мир из Донбасса грядёт!..

ВИНЕТА*

Немало древних тайн хранит планета,
Видала много легендарных стран...
...Цвела веками древняя Винета –
Величественный стольный град славян...

Красою с чудесами света споря,
Жемчужиною Балтики слыла.
На берегу изменчивого моря
Всем страждущим приют дарить могла.

Стремя струи в объятья океана,
Венету омывали три реки.
В ночи дарили свет «котлы вулкана» ** –
Древнейшие в Европе маяки.

Нужды не зная, жили горожане
В просторных белокаменных домах.
Мужчины щеголяли соболями,
А женщины в изысканных шелках...

Славяне истово молились небу,
По праздникам
стекались дружно в храм.
И каждый приносил святую требу
Своим родным ведическим богам...

Владели все искусством волхвованья,
Был низкий страх
в сраженьях незнаком.
И с помощью волшебных заклинаний
Мог каждый стать и магом, и творцом.

Из Гамбурга, Руси и Византии
Купцы везли товар наперебой...
Казалось, что судьбы перипетии
Минуют дивный город стороной.

Всё верилось: таинственная сила
Способна город охранять всегда...
Но миг настал... Винету поглотила
Морская ненасытная вода...

Что приключилось? Не могу понять я,
Кто благостную связь времён пресек?
Из-за какого подлого проклятья
Прервался Золотой Славянский век?

Кому мы так мешаем постоянно,
Что нужно нас стереть с лица Земли?
Быть может,
нас завистливые даны***,
В библейский рай
мечом загнать пришли,

Когда произошло землетрясение,
И город был в руины превращён?..
Исчезло всё... Как ветра дуновение,
Как смутный, позабытый сон...

Лишь волны набегают величаво,
И над водой белеют буруны,
Слагая мифы о великой славе...
Об этом свято помнить мы должны!..

**Винета* – Винета, или Юмнета (нем. Jumneta) или Юмна (дат. Jumne) – легендарный славянский город (столица вендов), предположительно располагавшийся на острове в низовьях Одера в 3-12 вв..

*** Котлы вулкана* – название маяков в древней Винете.

**** Даны* – датчане, с завидным упорством огнём и мечом загонявшие славян в христианское рабство.

ПЕРЕПЛУТ

Как много сказочных преданий
В народной памяти живут...
Дивит богатством ярких граней
Бог древних русов – Переплут...

Он встарь собакою крылатой
С хвостом-растением в цветах,
Как верный друг и завсегдатай,
Являлся русам в добрых снах.

И люди пили мёд из рога,
Кружились в пляске озорной,
И не было задорней Бога
В часы веселья под луной...

Весёлым нравом, доброхотством
Был Дионису он сродни.
За урожай и мореходство
Он был в ответе искони.

При этом, сколько ни ищите,
Древнее Бога не найдём:
В священных гимнах на санскрите
Упоминается о нём.

Но, в споре с вечностью седою,
Он балагур и баламут...
Не властно время над тобою,
Бог древних русов – Переплут!..

ХЕТТЫ

Ещё не все получены ответы
Из тьмы веков сигналы не слышны...
Откликнитесь, блистательные хетты –
Воители арийской старины!..

Всё явственнее вижу ваши лица,
Неистовым восторгом обуян...
Во весь опор несутся колесницы,
Круша твердыни сопредельных стран...

Был на скрижалях подвиг хеттов выбит,
Когда, надменен и властолюбив,
Склонил пред ними голову Египет,
На время о гордыне позабыв.

Столица хеттов – гордая Хаттуса
Надёжно возвышалась в горах...
Являя чудо вычурного вкуса,
Врагам внушала суеверный страх...

Ворота Сфинкса, Львиные ворота
Людей пленяли дивной красотой...
Страна достигла сказочного взлёта
И промысел в веках вершила свой...

Терпимостью прославились хеттяне,
Весь Древний мир немало удивив:
С захваченных земель не брали дани,
Их древние святыни сохранив.

Бассалы хеттов – храбрые герои
Не мыслили желать иной удел,
Хранили стены Древнерусской Трои,
Заветные проливы Дарданелл.

В союзе с мощной Хеттской державой
Народы жили, не страшась врагов,
Осенены непреходящей славой
И под защитой тысячи богов.

Казалось, жизнь не предвещала горя,
Но засухи лихой пришли года,
Вслед хлынули, как рок, Народы Моря...
Империя распалась навсегда...

И, разойдясь во все концы планеты,
Герои основали много стран...
Потомки славных хеттов это геты –
Прямые предки русов и славян...

Деянья хеттов не были напрасны:
Не порвалась преемственности нить...
Потомки подвиг помнили прекрасно
И связь времён сумели сохранить!..

* * *

Осыпаются листья, желтея,
На ветру по-сиротски дрожа.
И засыпала за ночь аллею
Золотисто-багровая ржа.

Туча чёрная вслед набежала,
Клинья птиц устремились на юг...
Это значит, что время настало
Холодов и безжалостных выюг.

Но не вечно над мёрзлой землёю
Злым буранам водить хоровод,
И весна молодою травой
Из разбуженной почвы взойдёт...

НЕИСПОВЕДИМАЯ КРИВАЯ

В бескрайних недрах макрокосмоса
Вся жизнь сюрпризами полна.
Она пестра, многоголосна
И к парадоксам сведена...

Грядущий день окутан тайной.
Живём, взглянуть вокруг боясь...
Но скрыта в мелочи «случайной»
Причинно-следственная связь...

В других мирах – стези иные,
В секунде – миллиарды лет..
... Решила великанша Ия
Готовить для семьи обед...

Знакомо всем, кто пищу стряпал,
Случайно дрогнула рука,
И незаметно с ложки на пол
Упала капля молока...

Что за беда? Споткнулась баба,
И даже не испачкан пол..
... Коллапс вселенского масштаба
В тот краткий миг произошёл...

Не сантиметры, а парсеки,
Не капля – целые миры
Сошли с своих орбит навеки
По воле спутанной игры...

И сотни векторов в кривую
Нас выведут когда-нибудь.
И к новым странствиям вслепую
Свой путь продолжит Млечный Путь.

И, в бездны чёрных дыр ныряя,
Мы не поймём наверняка:
Куда ведёт, судьбу меняя,
Простая капля молока...

БУРУНЫ

Буруны, буруны,
Белые барашки.
Пенятся поверх волны
Пышные кудряшки...

На рассвете чуден взгляд
Солнечного лика,
А на отмели горят
Блёстки сердолика.

Быстро пролетает день,
Близится к закату,
И уходит солнце в тень,
Вниз по небоскату.

А над морем всё темней,
Волны шепчут что-то..
...Вышел Карадагский змей
Ночью на охоту.

Он по гребню волн плывёт,
Хищно выгнув спину.
И трусливо в тайный грот
Прячутся дельфины.

Утром луч блеснёт едва,
В страхе мир проснётся,
И ужасная молва
Быстро разнесётся.

И приснятся в жутких снах
Нам порой ночью
Волны в белых бурунах
В море под луною...

ДОЛЬМЕНЫ*

Что ни день, то перемены,
Цепь сменяющихся сцен..
Только вещи дольмены
Знать не знают перемен...

Со времён Гипербореи
Много тысяч лет подряд,
Тайнами времён владея,
В северных лесах стоят.

Там, в местах незримой силы,
Время тормозит свой ход.
Под землёй таятся жилы
Скрытых золотых пород.

Много сказочных историй
От людей дольмен хранит,
Лечит страждущих от хвори,
Он прочнее, чем гранит...

Он навек застыл в дозоре,
Как начало всех начал,
Точно зная априори
Путь во временной портал.

Лишь дольмен не знает тлена,
Не боится перемен...
Всё пройдёт, но непременно
Уцелеет лишь дольмен!..

**Дольмен – разновидность мегалита.*

КЛЁНЫЧ*

Средь обитателей зелёных
Российских лиственных лесов,
Что знаем мы о стройных клёнах,
Кто рассказать о них готов?

Размыты сведенья и редки:
Давно распалась связь времён...
Совсем иное дело предки –
В их жизни много значил клён.

Когда-то (не сочтите форсом)
Бог Клёныч в образе своём
Ассоциировался с Хорсом ** –
Солярным русским божеством.

У дома русы клён сажали,
Чтоб охранял людей от зла.
Свозь клён младенцев «продевали»***,
И жизнь их долгою была...

Издревле клён целебной силой
От разной хвори обладал.
Кленовая стрела разила
Любую нежить наповал.

Измучили тоска ли, грусть ли,
Иль время выпало страдать,
Из клёна мастерили гусли,
Чтоб душу песней убаживать...

Под кроной клёна отдыхает
Кто счастлив и душой влюблён.
Хозяин дома умирает,
И вскоре засыхает клён...

Славяне верили от века,
Не сомневаясь наперёд:
Есть в клёне сущность человека,
Что днесь перерожденья ждёт.

И ныне Клёныч рядом с нами,
Хоть мы в беспамятстве своём
Не дружим с древними богами,
Увы, родства не признаём.

Но память прошлого вернётся
О том, кто лечит и хранит,
И в русских душах отзовётся,
И веру предков возродит...

** Клёныч – Бог и дух клёна.*

*** Хорс – скифский, славянский и русский Бог Солнца.*

**** На Руси существовал обряд «продевания» новорожденных младенцев меж веток клёна, что, согласно поверью, гарантировало долголетие.*

Нина ИВАНОВА

Нина Дмитриевна Иванова родилась в г. Алексине Тульской области в 1962 году. Окончила Московский институт Тонкой Химической Технологии им. М.В. Ломоносова и Московский Государственный Университет (факультет иностранных языков) им. М.В. Ломоносова.

Преподаёт английский язык в Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина. Ветеран труда.

Награждена Памятной медалью в честь 95-летия Московской государственной академии ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина.

Член Союза писателей России.

Лауреат поэтических конкурсов. Награждена “Золотым дипломом имени С.А. Есенина”, медалью Ивана Бунина, дипломом 3 степени поэтического фестиваля “Успенские встречи”, дипломом лауреата 2 степени открытого областного конкурса “Звёздное перо” имени Георгия Кольцова.

Издательство “ИЛЕКСА” выпустило книги стихов автора: “Россия – Родина моя”, “Среди разнотравья лесного...”, “Когда светлеет вновь душа...”, “На родном берегу”.

БАРАНЧИКИ

Первоцвет весенний в травах
Расцветает золотой,
В кружевных зовя дубравах
Материнской теплотой.

Лист морщинист и приятен,
И шершавый, как ладонь,
Взор смиренный – благодатен,
И зажгёт его огонь.

Открывают кладовые
Былок примулы – ключи,
Где просторы луговые
Охраняют силачи.

Ветер, связками играя,
Прошпентал травой густой:
“Обронил ключи от рая,
Знаю, здесь наш Пётр святой”.

Зажигались возле дуба
Под берёзами в тени,
Где лучом сквозила “шуба”,
У баранчиков огни.

БРАТЦЕВО

В усадьбе Братцево давно
Тенисты кроны сада,
В глуши его совсем темно,
И в зной томит прохлада.

В лесной взглядишься полумрак,
Взойдя на мост ажурный,
Зришь, размывает там овраг
Ручей весною бурный.

У дома слышен шум берёз
Вдоль кручи под ветрами,
Густой травой склон зарос
И вниз ведёт коврами.

Несёт, как прежде, храм дозор,
На луг зовя умытый,
Где полевой воспел простор
Художник знаменитый.

Желтеет рожь передо мной,
Дымок уходит в небо,
И с полотна идёт волной
Из далей запах хлеба.

НА ОСТОЖЕНКЕ

Где зовут в обитель звоны,
Есть рисунок на стене,
Здесь Тургенев видел кроны
На Остоженке в окне.

Он глядит внизу с портрета
В сквере тихом в наши дни,
И стоишь в усадьбе где-то,
Нарисованной, в тени.

Выше тянется дорога
Средь томимых в зной полей,
Что видна ещё с порога
В обрамленье тополей.

Шепчет роща под ветрами
Возле нивы золотой,
И зелёными коврами
Устлан с домом склон крутой.

Вот идёт хозяйка в гору
В шляпке тёмной, кружевной,
И откроешься простору,
Вспомнив запах травяной.

САУНИНО

Храм на севере далёком
Звал с картины среди снегов –
У лежащих в сне глубоком
В сумрак утренний лугов.

Как корабль, плывущий в море,
Он темнел передо мной
На белеющем просторе,
Где тянулся лес стеной.

Опустела колоколья,
Звон уплыл давным-давно,
Только дышится привольно
У берёзы всё равно.

Изгибаясь под ветрами,
К небу тянется она
За высокими шатрами,
Где за лесом даль видна.

Храм стоял в снегах дозором,
Неприступный, как скала,
И земля глядела взором
Материнским и звала.

ЗАКАТ

Закат разливался багровый,
И дождь уходил проливной,
И отблеск ложился лиловый
На гроздьях сирени хмельной.

Проснулась герань луговая
В сиренево-синих цветках,
Лучи, теплотой согревая,
Остались в её лепестках.

Дубы уводили в покои
У сине-багровых прудов,
В глуши разрастались левкой
Под сенью прибрежных садов.

Собрал акварель у заката
Люпин, засинев над водой,
И тучи в дали розовой
Уже уплывали грядой.

ПОСЛЕ БУРИ

Взмывали сосны в небеса
Озёрного простора,
И луч сквозил через леса
Светлеющего взора.

Манила дальняя лазурь
Разводами от солнца,
И бор, омытый после бурь,
Открыл ему оконца.

Огни на дальнем берегу
Зажглись зарёй в просветах,
Сырые травы на лугу
Лежали в самоцветах.

Стоял сосновый бор стеной,
Расцвеченной соборной,
Синело небо надо мной,
Как свод, в тиши озёрной.

КАЛЯЗИН

Давно таят глубины лес
И старую обитель,
Лишь колокольня средь небес
Белеет, их хранитель.

На полотне встаёт она,
Даль сторожа лесную,
Шумит у стен её волна
Про сторону родную.

Глядел когда-то монастырь
В Калязине дозором,
Но и теперь, как небо, ширь
Его хранима взором.

Есть, говорят, ему собрат
На небесах с рождения,
И золотит пока закат
Здесь воды до спасенья.

Зовёт, взмывая, как стрела,
С картины колокольня,
Где Волга чашу налила,
И слышишь звон невольно.

УСАДЬБА МОРОЗОВЫХ

Зовёт наверх в чудесный сад
Ивановская горка,
И сторожит пред ним закат
Обитель, глядя зорко.

Взойдётся от каменных ворот
По лестнице кружащей,
За цветником плетётся грот
Каштановою чащей.

Роскошен, как в былые дни,
Господский дом на круче,
Но только сумрачно в тени,
И держат кроны тучи.

Будили дом колокола
Морозовский, когда-то...
И всё гляжу на купола
С высот в лучах заката.

Всё так же шепчется трава
С развесистой лозою,
И красит стены синева
И солнце бирюзною.

В ПРЕДДВЕРИИ АПРЕЛЯ

Распустилась пролеска с лучами,
Где в разлив заглянула вода,
И зовёт голубыми очами
В листьях старых теперь у пруда.

На травинки отдельные сели
Голубые с небес мотыльки,
И от бурь укрывают их ели,
И ласкают ветра лепестки.

Стережёт озёрки их валежник,
И зовут небеса на земле,
Глянул облаком лёгким подснежник
От снегов, размлевших в тепле.

Где стучали дождинки с рассвета,
И крупной засыпала пурга,
Появились потом первоцветы
В красках неба, зовя на луга.

ЗОЛОТАЯ ИВА

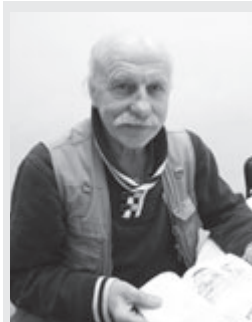
Был хвойный лес ещё дремуч,
Но в чащу звал густую,
Вдруг осветил весенний луч
Верхушку золотую.

Где ель украсил новый мех,
Рассыпал он веснушки,
Через ольшаник и орех,
Зовущие с опушки.

В глуши согнулся до земли,
Ствол, расщепившись, старый,
И в небо кроны вознесли
У раны ивы парой.

Ещё таился снег в тени,
Но лес зажгёт оконца,
В просветах вспыхнули огни
Серёжек ив от солнца.

Владимир ЗАЙЦЕВ

Секретарь Московской областной организации
Союза писателей России.

Издal 4 книги стихотворений.

Лауреат литературных областных премий
имени Евгения Зубова и Ярослава Смелякова.

Лауреат Литературной премии Губернатора Московской
области имени Роберта Рождественского.

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

Жизнь как жизнь, что, покоя не зная,
Повернула уже под уклон.
Устилает листва золотая
Серых буден железный бетон.

Проплутав в дебрях времени долго,
Путь дальнейший подскажет душа.
И пока под ногами дорога,
Думай тихо, иди не спеша.

Ворох лет, потерявши когда-то,
Не жалей, никого не вини.
Будем праздновать каждую дату,
И вымаливать лучшие дни.

ОМУТ СТРОК

Нас увлекает не любовь,
Процесс знакомства и разлуки.
И в омут строк, бросаая вновь,
Ты не испытываешь муки.

Где снова счастье не поймёшь,
И не знакомо тебе горе.
В той сказке сладостная ложь
Звучит, как песня гор и моря.

А в скалах бьётся пульс земли,
И в волнах тонет твоя нежность.
Где вечность грезится вдали,
Как смерти близкой неизбежность.

НЕ КАЖДОГО ПОЭТОМ НАЗОВУТ

В плагиате зла совсем не вижу,
Жизни суть важнее, чем имена.
Не люблю, когда десяток книжек,
Тяжелее ящика вина.

Я не грузчик, мне не надо силы,
Что б стащить талантливый сюжет.
Но того, что написал, хватило,
Что б услышать: – Вон пошёл поэт.

Мне приятно, что талант имея,
Выношу стихи на общий суд...
Люди судят, как они умеют,
Но не каждого поэтом назовут.

КОЛЬЦА ЖИЗНИ

Моей супруге

Долгий путь, что стелился за мной,
Словно дым пепелищ моих буден.
Помни, друг мой, пока я с тобой –
Будет трудно, но скучно не будет.

Мне осталось, что Бог отсчитал,
В чём помогут врачи и таблетки.
Я карабкался на пьедестал,
А качаюсь, как птичка на ветке.

Кольца жизни крадутся за мной,
Тянут шлейф оседающей пыли.
Жизнь не стала моею виной,
Пусть же теплится, как мы любили!
Пусть теплится, пока не забудут.

МАМИНА БОЛЬ

Моей супруге

Почему мы, как будто чужие:
Говорим, улыбаемся, ждём?
Светлый мальчик, ты в годы иные –
Лучик солнца под летним дождём.

Было время, где в жизни, как в сказке,
Между прошлым и будущим – миг.
Двое мальчиков в детской коляске
И счастливая мама при них.

Нет тоски, нет обид и сомнений.
Есть печаль материнской любви.
Это вечная боль поколений.
Счастье было! И с этим живи...

ЛЕТИМ ИЗ МОСКВЫ В ПИТЕР

Моей супруге

Всё меньше времени до взлёта.
Подумать только – час всего.
Ну что ж: Удачного полёта!
Тьфу, тьфу – не взглянуть бы чего.

А за окном – большое поле,
В квадратах взлётной полосы.
Летим на Питер. До футбола
Остались редкие часы.

Прощаться принято на случай.
На радость, дарятся цветы.
Ты ж знай: И после жизни –
лучшей
Была и будешь только ты.

А в этом быстром перелёте,
Когда красиво за окном,
Живём мы на мажорной ноте,
Не стоит думать о дурном.

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ В МИНУТЫ ПЕССИМИЗМА

Дворик чистый и сад
Был моею мечтой.
Исполнению рад
На десятке шестом.

Где деревья цветут,
Нежно пахнут цветы.
Сладко птицы поют,
Опыляя кусты.

Льёт от церкви с утра
Перезвон золотой.
Будит мягко: – Пора,
Наслаждаться мечтой.

Только руки велят –
Удобрять и копать.
А вот ноги болят,
Но идут поливать.

Наслаждения рай –
Он наверно, такой.
По ночам отдыхай,
Днём с проблемами в бой!

Дворик чистый и сад
Был мне с детства привит.
И тогда был я рад,
А сейчас всё болит...

ВЕРА

Долгая дорога...
Уже много лет.
Между мной и Богом
Прямой связи нет.

Я молюсь иконам,
Укрепиться что б,
И кладу поклоны
Не жалея лоб.

Но любовь Христова,
Нет, не храм чудес.
Где сын Божий снова,
Где Иисус, сын Божий,
Ради нас воскрес.

БЕГ НА МЕСТЕ

Бег на месте до стёртых коленей.
И мелькают, как листья года...
Вроде в Божьем повиновении,
Но куда-то идём не туда.

Просто всё до обычной банальности.
Был огонь – всё осталось в золе.
Так живём в параллельной реальности,
Хотя вроде живём на Земле.

ПОДВИГ

Вдоль дорог, по полямobeliski,
Но России не жить как-нибудь.
Этот мир и далёкий, и близкий,
Это мой с тобой Родина путь.

На земле, часто политой кровью,
Гуще хлеб. Я такому не рад.
Только верю, с такою любовью –
Созидается новый уклад.

Кто не понял – не встанет с коленей.
Так и будет галерным рабом.
Станет жертвенным труд поколений,
Но ничтожным в раскладе таком!

И не надо про долг и голгофу.
Про служение, подвиг и честь.
Честным будь – до последнего вздоха.
Жизнь по совести – подвиг и есть!

Владимир ШАПЦЕВ

Владимир Шапцев проживает в городе Раменское Московской области.

Член Правления Московской областной организации СПР.

Руководитель ЛИТО «Раменские Зори». Лауреат Видновской областной литературной премии имени Евгения Зубова, дипломант литературной Раменской окружной премии имени Ивана Бунина.

Выпустил две книги стихов, печатался в журналах, альманахах и периодических изданиях Московской области.

МАМА

Как страницы у книги листаю,
Память вновь возвращает домой.
Ты всегда для меня молодая,
Сколько лет пронеслось над землёй.

Слышу шаг твой, знакомый до боли,
По хозяйству твою суету.
Ты готовила завтрак мне к школе,
Я в постели тянусь поутру.

Вспоминаю твои разговоры,
И друзей в летний час на пруду,
И с тобою незлобные споры,
Будто всё это было в бреду.

Пусть во сне много раз повторится
Детской жизни безоблачный мир.
Дорогие, знакомые лица,
Что люблю и в душе сохранил.

ЛЮТЫЕ МОРОЗЫ

Я вспоминаю лютые морозы,
Сугробы снега, детства смех и прыть.
Мы не грустили и не лили слёзы,
Что в школу можно было не ходить.

И мы, одевшись, как бы потеплее;
Ушанку-шапку, валенки, пальто,
На улицу спешили, цель имея,
Нас дома удержать не мог никто.

В снегу копали блиндажи, землянки...
Мы воевали, враг наш отступал.
Как молнии, неслись с горы на санках
И шумным был наш боевой привал.

Ты с добрым сердцем отдавала
Все то, что ты могла отдать.
Ты скупости ни в чём не знала,
Любила как родная мать.

Мы по-пластунски ползали в разведку,
Взрывали доты, брали «языка».
Снежки летели, как снаряды метко,
Их посылала детская рука.

Ты в памяти – осколок счастья.
Не понимали мы тогда,
Что ты хранишь нас от ненастья.
Промчались детские года.

Веселые, но мокрые от снега,
Под вечер приходили мы домой.
Меня ругала мама за «успехи»,
За то, что я пришёл, как водяной.

Незамутненный взгляд речушки
И блюдца звонкие прудов,
Лесные сладкие опушки,
Манящий запах от костров...

В кастрюле борщ дразнил
 манящей пенкой,
Яичница скворчала на плите.
Мне мама йодом мазала коленку –
И мою рану прятала в бинте.

Неслись по детству бойкой рысью
И память помнит каждый миг.
Я без сторонки жизнь не мыслю
И про неё пишу мой стих.

Мы жили жизнью преданных героев,
За это получали «ордена».
Не знали мы смиренного покая;
Учила нас советская страна.

ЗНАКОМАЯ КАРТИНА

Я помню деревенские стога,
Мне с детских лет знакомая картина.
Косили летом, пышные луга
Шёл запах трав в кружении едином.

ВЯЗ

Я из слов вполне привычных
Вязь словесную вяжу.
Петушиный голос зычный
В этой вязи нахожу.

И после запах скошенной травы
Манил к себе нас, как в просторы рая.
Веселый смех шумливой детворы,
Шёл над рекою, с радугой играя.

В ней тропинка вьётся к пруду
Средь роскошных ярких трав.
Косогор, как горб верблюда,
Видно, он присел, устав.

И серебрились пухом тополя,
И превращали в зиму наше лето.
За пухом, повторяя вензеля,
Стрижи летали, шегольски одеты...

Пыль клубится по просёлку,
Стадо движется домой.
Пёс плетётся втихомолку,
Охраняя их покой.

СТОРОНКА

Кнут не щёлкает со свистом.
Воздух пахнет молоком.
Сам пастух, был гитаристом
Всей округе, он знаком.

Прости меня, моя сторонка,
Сейчас далече от тебя.
Ты вспомни русого мальчонку.
Любили мы свои края.

Память-вязь мне греет душу,
Как же вам не рассказать,
То, что было. Надо слушать,
Детям, внукам передать.

ОЖИДАНИЕ

На протяжении безликих лет
Я долго ждал, что вот оно свершится –
Забрезжит в темноте желанный свет,
Свое перо подарит мне жар-птица.

Проснутся годы, как от волшебства
И заиграет музыка другая,
И я пойму всю сущность естества
И заново всю жизнь перелистаю.

Пойму, где прав я был, а где не прав,
Кому я в жизни насолил изрядно.
Я не смогу переписать тех глав
И сам вернуться не смогу обратно,

Чтоб попросить прощения у тех,
Кого обидел в жизни очень больно.
Как искупить мне этот горький грех?
Ведь я все это делал добровольно.

УДАЧА

Со мной судьба опять играет в прятки,
Она найдет на это сто причин –
То спрячется, то мчится без оглядки,
А в результате я теперь один.

Ну, где же загулявшая удача?
В какой же дом свернула и зачем?
По-моему, она совсем незряча,
Коль создаёт мне множество проблем.

Судьба, как поводырь ведёт по жизни,
Подскажет, где же истина моя.
И мысли, чтобы были бескорыстны,
Чтоб меньше в жизни было бы вранья.

Ведь это все, в буквальном смысле слова,
Поможет избежать других потерь.
А чтобы в жизни было всё толково,
По шире распахни удаче дверь.

БУНТАРЬ

Листочки вальсируют с ветром в круженье,
Жалея, что это последний сюжет.
И нет победителя в этом сражении,
Им в такт музицирует грустно кларнет.

Один из листочков решил в одночасье:
«А брошу я этот смиренный покой.
Умчусь в никуда, пусть терзают ненастья,
Я снова вернусь, только ранней весной».

И он полетел над полями и лесом,
Шокируя близких, поступком своим.
Нет, он не бунтарь, не весёлый повеса.
Подумал, кто-то сорвется за ним.

И он улетал одинокою птицей,
Мерца вдали позолотой своей.
Нарушил все правила, стер все границы
Лишь ветер – попутчик и нету друзей.

Надеюсь, судьба снисходительной будет.
Найдет для него теплый зимний приют.
Собратьев своих никогда не забудет.
Их в кучи сметут, а потом и сожгут.

ТИХИЙ ДЕНЬ

Философию тихого дня
Беззаботно я бросил на полку.
А душа бесконечно грустна,
И от сердца остались осколки.

Но я знаю, что время придёт
И мне память палитру разложит.
Тихий день и дождливый восход –
Друг на друга они не похожи.

В череде серых пасмурных дней
Не остались по жизни зарубки.
И мерцанием ярких огней
Она выхватит дни-незабудки.

Я хочу, чтобы этот букет
Окрылял, придавая мне силы.
Чтоб прохладой будил бы рассвет
Разноцветный, звенящий и милый.

ВЕСЕННИЙ ТУМАН

Туман, взъерошенный старик,
Уничтожая лежки снега.
В овраги медленно проник
Хозяйничает в них с успехом.

Он нежно веточки обнял,
Согреть от холода стремится.
Морозец лезет на скандал –
Одумайся, ты не жар-птица.

О ком заботишься, чужак?
Они тебе родные, что ли?
Средь бела дня посеял мрак.
Чему тебя учили в школе?

Мороз ушёл – пришла пора.
Туман сгустил свои объятья.
А солнце ласково с утра
С земли снимает нежно платье.

Туман поможет поскорей
Забыть про зимние морозы.
Крик прилетевших журавлей
Разбудит спящие берёзы.

СОЛНЕЧНЫЙ РАССВЕТ

Солнце ладошками землю обнимет,
Напьется прохладной хрустальной воды,
Капли росы заискрятся под ними
Радушным цветом, окрасив цветы.

Здесь колокольчик кивнет головою,
Будит ромашку от сладкого сна.
Лютик реснички с восторгом откроет,
Цветочным дыханьем воздух пьяня.

Пчёлы жужжат над шиповником ярким
Стрекозы бесстрашно снуют над землёй.
Воздух сгустился, становится жарко
Ветер по травам гуляет волной.

А на пригорке цветёт земляника,
Клевер-красавец – в пунцовой чалме.
В красной юбчонке резная гвоздика
Ярким костром зацвела на холме.

ОЩУЩЕНИЕ ПРИРОДЫ

Буйствуют краски теплого лета,
Цветы на лугах шьют чудесный ковёр,
Ночною прохладой дышат рассветы,
А в утреннем небе пылает костёр.

Над полем слышится трель жаворонка,
И чибисов пара кружит над гнездом.
Вниз по теченью скользит плоскодонка,
За речкой пастух гонит стадо кнутом.

В мареве мост, в очертаньях неброский.
Полоска тумана висит над рекой.
Скрипят на мосту почерневшие доски.
Овражек разрезал поляну дугой.

Дым от костра лижет ветки ракиты,
На пышных кустах оставляет клочки.
Восход зазелел, пруд – из бронзы отлитый,
В проснувшихся травах смолкают сверчки.

В утренний час – переключка пернатых.
Травы усеяны звонкой росой.
Всё, что я вижу, – для сердца отрада.
Чувствую, крылья растут за спиной.

Владимир ФЕДОРОВ

Владимир Николаевич Федоров родился 12 июня 1948 года в городе Москва в семье военнослужащего. Журналист, поэт, музыкант, кандидат технических наук, доктор философии, академик, международный эксперт. Член Союза писателей России, Российского творческого союза работников культуры, Московского литературного фонда, Союза журналистов России, Международной федерации журналистов, первый вице-президент Международной академии русской словесности. Закончил Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе.

Награждён рядом литературных дипломов и наград. Лауреат премии “Золотое перо Москвы”.

* * *

Смотрю я Вечности в глаза,
Душа томится в ожиданьи,
Молитвы я шепчу слова,
Я жду заветное свиданье.

Душа томится в ожиданьи
Рожденья слова и стиха,
Внимает тайнам мирозданья,
Она – свободна и чиста.

Молитвы я шепчу слова,
Пусть будет явлен лик желанный,

Из глаз моих бежит слеза,
Увижу ль слова свет отрадный?

Я жду заветное свиданье,
Душа смиренна и светла,
Но мир иной хранит молчанье,
Сокрыты звёздные Врата...

Смотрю я Вечности в глаза,
Быть может, Смерть уж у порога,
Молитвы я ищу слова,
Пусть подождёт она немного!

24 мая 2009

**Редколлегия журнала
“Двадцать первый век Новой эры”
сердечно поздравляет
нашего постоянного автора, поэта
Владимира Федорова
с 75-летием,
желает ему крепкого здоровья
и творческого долголетия.**

Ирина МАРКОВА

Маркова Ирина Григорьевна – член МГО СПР. Автор двенадцати поэтических сборников, соавтор многих литературных журналов и альманахов. Лауреат ряда литературных конкурсов. Вошла в пятерку лауреатов конкурса «Король поэтов» (2013 г.). Награждена медалями А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, Андрея Белого, серебряным крестом за книгу «Благовещение», орденом «За вклад в просвещение». Заслуженный поэт Москвы. Заслуженный поэт Подмосковья.

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ

Солнце низко над лесами
Уплывает в горизонт.
Тучи в небе полосами,
Купол, словно серый зонт.

Дарят белые берёзы
Дачам золото листвы.
Отцвели у дома розы
Среди высохшей травы.

Побежала вереница
Поблдневших мокрых дней.
Бесконечно вечер длится,
Звёзды стали холодней.

Сад уснул, окутан ленью,
Журавлиный плачет клин.
Догоревшие поленья
Погасил в печи камин.

Клён оранжевого цвета
Чётко виден за версту,
А душа стремится к лету,
Ловит листья на лету.

Мимо день проходит сонный,
На ходу почти что спит.
Вышел дождик монотонный
Погулять среди раки.

Дремлют белые метёлки
На поникших стебельках.
Неба яркого осколки
Держат Ангелы в руках.

Лепестками облетели
Все садовые цветы.
...На грядущие метели
Смотрит Ангел с высоты.

МУЗЫКА НЕБЕС

Половина неба скрыта,
Дождь заполнил полземли,
В тишине печаль размыта,
Дымка стелется вдали.

Клён меняет одеянье,
Клонит ветки над рекой,
Звёзд вечернее сиянье
Льёт мерцающий покой.

День туманный тихо тает
У холодных серых вод.
Лист кленовый улетает
То ли вдаль, то ль в небосвод.

Тучи движутся рядами,
Мало света кратким днём.
Осень веет холодами
Над рябиновым огнём.

Крыши острыми углами
Ловят клочья синевы,
Небо дышит куполами,
Тонким золотом листвы,

Красным золотом червонным,
Где-то краской голубой,
Колокольным перезвоном,
Тихой ангельской трубой.

Жёлтой пряжей тополь дышит,
Зашумел от ветра лес.
...Счастлив тот, кто нынче слышит
Эту музыку небес.

...Умолкает нынче птица –
Та, что пела без конца.
Небо в колокол стучится,
Чтоб откликнулись сердца.

ФЕВРАЛЬСКОЕ ЗАТИШЬЕ

Верхушки тёмных елей
В закат погружены,
Устали от метелей
В преддверии весны.

Весна не за горами –
С восточной стороны,
И льётся вечерами
Прохладный свет луны.

Весна в ветрах и водах,
В осколках льда, в снегах,
В февральских небосводах,
У рек на берегах.

Продрогшая Россия
Склоняется к реке,
Лишь месяц в дымке синей
Сияет вдалеке,

Лишь звёзды, как салюты,
Над просекой лесной,
И тикают минуты,
Как будто пульс земной.

Снег не покинул землю –
Позёмка да пурга,
И только тихо дремлют
Ковыль да берега.

Российская природа,
Из снежной дымки пыль –
Века, минуты, годы,
Метели да ковыль.

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Отзвучала, отзвенела
Мимолётная пурга,
А весна идёт несмело,
Пробираясь сквозь снега.

Над рекою ива плачет,
Лёд реки в прозрачной мгле,
Солнца луч бежит и скачет
По заснеженной земле.

Он растопит зимний вечер,
Отдавая власть луне,
И кругами бродит ветер
По российской стороне.

К лету тянут ветви ели
То ли в дымке, то ль во мгле –
Им морозы надоели,
Что гуляют по земле.

Как в рисованой раскраске
Тёмных сосен красота.
...Ждёт земля весенней сказки,
Светлой Пасхи и Христа!

Галина ЛЕОНОВА

Леонова Галина Георгиевна – поэт, член Союза писателей России.

Родилась в г. Тула в 1954 году. Проживает в г. о. Ступино Московской области. Окончила Московский авиационный институт, Высшие литературные курсы имени И. А. Бунина. Автор пяти поэтических книг. Лауреат премий Губернатора Московской области имени Роберта Рождественского и «Наше Подмосковье» и литературных премий имени А. П. Чехова, И. Бунина и Е. Зубова. Победитель Всероссийского литературного конкурса «Твои, Россия, Сыновья!». Награждена Почётными знаками Московской областной Думы «За доблестный труд» и «За труды». Заслуженный поэт Подмосковья. Руководитель литературных студий «Художественное Слово» и «Роднички» в г. о. Ступино.

✱ ✱ ✱

«Есть женщины в русских селеньях...»

Н.А. Некрасов

Есть женщины в русской глубинке,
Похожие на образа,
Живущие там по старинке,
Смотрящие прямо в глаза.

Им выпало горя не мало,
Их трудностей – не перечесть.
И то, что страна им желала,
Они принимали за честь.

Нахлынуло новое время,
И новою стала страна.
Проклюнулось новое семя,
Где прежде была целина.

А женщины в русской глубинке,
Похожие на образа,
Всё также живут по старинке
И смотрят всё также в глаза.

БЕЛАЯ СИРЕНЬ

Белым снегом замело
Под окном сирень.
Но случайное тепло
Дарит зимний день.

Ветер влажен и нестрог,
Мягкий свет небес.
И дорожка из-под ног
Убегает в лес.

Тихо рядышком идём,
На душе легко.
Старых мыслей бурелом
Где-то далеко...

И не надо вспоминать,
Ворошить дела.
Не спугнуть бы... благодать,
Ту, что жизнь дала.

Как прозрение приму
Этот зимний день...
Распускается в снегу
Белая сирень.

✻ ✻ ✻

Платки ажурные свисают прямо с неба,
До них дотронешься –
 рассыплются, как пух.
И эта сказочная, призрачная небывль
Со мной волнуется, захватывая дух...

Снег разлетается, как будто бы от ветра,
Освобождая всё от тяжести оков.
И распрямляются, и рвутся в небо ветки
Зимой проснувшихся деревьев и кустов.

Величав и красив, вечно молод –
Скверы, парки, фонтаны, цветы...
Дай мне шанс, дай мне маленький повод –
Вновь скажу: «Ты мой город мечты».

И всегда ты моё удивление,
Море чувств, словно ранней весной.
Я нашла здесь своё вдохновение,
И судьбу я связала с тобой.

Я приеду, мой край недалёко –
Край речушек, лесов и полей.
И приеду не раз, но до срока,
Отведённого жизнью моей.

* * *

На исходе лето,
Осень впереди.
Ясная погода,
Но грянут дожди,

Шквалистые ветры,
Тьма и холода.
Я уже тоскую.
Впрочем, так всегда.

На просторах лета
В небо окунусь,
Напитаюсь солнцем,
Успокою грусть...

И однажды в вихре
Всякой чепухи
Вдруг запахнут летом
Все мои стихи.

БАБЬЕ ЛЕТО

От суеты я нынче отдыхаю,
Я отдыхаю телом и душой:
Рыхлю, полю, сажаю, поливаю...
И не хотела бы судьбы другой.

Моя земля. Я здесь пустила корни,
И не уехать, и не улететь.
С годами я усердней и проворней
Плету себе невидимую сеть.

Сеть из любви, привязанности стойкой,
Которая течёт в моей крови,
И памяти, разросшейся настолько,
Что дать советы часто норовит.

В объятьях солнечных тепла и света
Лежит моя осенняя земля.
Опять уйдёт поспешно бабье лето,
Но у меня МОЁ отнять нельзя.

* * *

Ещё цветут бархотки, георгины.
Настурция и цинния цветут.
Ещё живут роскошные картины –
Большой художник был недавно тут.

Ах, дождик, дождик, погоди немного!
Дай наглядеться этой красотой.
Не шелести у моего порога,
Сплошной стеной за окнами не стой.

Ещё не время холодам, туманам,
Не наступила сырости пора.
Не начинайся с лёгкого обмана
За листопадом с самого утра.

Я не замечу грустные приметы,
Поверю в нереальные мечты...
Позволь, хотя бы соберу в букеты
Последние осенние цветы!

* * *

Опять эта улица, площадь и дом,
Табло электронное: время и дата;
Зелёный газон и петуния на нём.
Так было недавно, так было когда-то.

Но люди не те. А быть может, и те:
Пальто и плащи вместо платьев и маек,
И мало весёлых и шумных детей,
И много идущих на рынок хозяек...

Подходит автобус, незлобно шипя,
Открытые двери теплом заывают.
И быстро толпа увлекает меня,
И вот у окна я – сижу и зеваю.

Мелькает всё тот же пейзаж городской:
Бульвары и парки, газоны с цветами...
И кто-то как будто играет со мной –
И кажется, лето ещё вместе с нами.

Вокзал. И шоссе. И как будто размыт
Рисованный город за серою дымкой...
Вдруг в осень внезапно врывается мы!
А может быть, осень была невидимкой?

Оранжево-солнечный, праздничный свет
Слепит пассажиров и льётся на плечи.
Пылают деревья... и трактора след...
И вспахано поле... и высохли плети...

И жизнь незаметно, но быстро летит.
Вечернее время. Осенняя дата.
Не ведая, что меня ждёт впереди,
Я ездила в город и еду обратно.

ЗИМНИЙ ЗАКАТ

Серое небо над лесом склонилось,
К снежному полю прижалось щекой.
Шумное лето давно отоснилось,
Всюду царили зима и покой...

Час миновал, а быть может, минута –
Небо вдруг сбросило серый наряд.
И отчего-то, и почему-то
Вспыхнул пожаром над лесом закат.

Так не бывает, но краски всех радуг
Взвились, сплетаясь в дали голубой.
Рыжее солнце как будто в награду
Зимнее небо согрело собой...

Чудо свершилось. Что дальше – не знаю,
В чувствах сгорает немая душа.
Серое небо за серость прощаю.
И ухожу... не спеша... не спеша...

ЗИМНИЙ ЛЕС

Зимний лес не шумит, не колышется,
Неживая вокруг тишина.
Колким воздухом медленно дышится,
И нескоро, нескоро весна.

Перевернуто небо бездонное,
Заметелился солнечный лик.
Встрепенулись вблизи птицы сонные,
Обо мне позабыв в тот же миг...

И вдруг – солнце! Безжалостно яркое
Освещает за лесом поля.
Ох, не ласковое, ох, не жаркое –
Леденеет сильнее земля.

И раскаты зловещие слышатся...
И моя будто в чём-то вина...
И стихи непривычные пишутся...
Где-то там... У порога война!

СТРАНА ОГРОМНАЯ

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...»
В. Лебедев-Кумач
«Священная война»

Всё чаще мысли о войне –
Любой войне: былой, идущей –
И беспокойство о стране
И о судьбе её грядущей.

Немало подлости и лжи,
Безмерной зависти, насилья:
Живи на свете, не тужи.
Но нет! И слёзы от бессилья...

Всё больше пламенных речей –
Вокруг меня, с телеэкрана.
Не гаснут тысячи свечей,
Звучат молитвы в сотнях храмов.

Храни, Господь, святую Русь
И все народы на планете.
Прости меня, когда боюсь,
Что вновь заплачу где-то дети.

Но знаю, если вдруг война
С враждебной, жуткой «силой тёмной» –
На бой поднимется страна –
Сплочённой, мощной и огромной!

ВЕСНА 2014

Мы перестали жить спокойно,
Мы новостей ждём каждый час.
Олимпиадою довольны,
И Сочи радует всех нас,

И хороши спортсмены наши
Намного вырвались вперёд.
И нет России лучше, краше,
И гордость за страну растёт.

Но в то же время, рядом с нами
Взорвался мир, горит огнём,
Разбиты души сапогами
И в пламени горят живьём.

Когда-то братская столица
И город славы боевой
Теперь с Россией не роднится
И угрожает нам войной.

В том мире всё перевернулось:
Мораль, история, закон...
Как будто времена вернулись
И свастика взошла на трон.

А помнится, в недавнем прошлом
Была огромною страна.
Страной Советов всем народом
Была когда-то названа.

Мы перестали жить спокойно...

АВГУСТ 2022

Любимый август – продолженье лета,
На удивленье сухо и тепло.
Ещё природа красочно одета,
И время увяданья не пришло.

Ковёр цветов ещё ласкает взоры,
И яблоками светятся сады.
Ведёт неспешно ветер разговоры,
Не осыпая спелые плоды.

На улицах весёлое гулянье –
Детишки, молодёжь и старички.
С роскошным летом доброе свиданье
Всё длится, длится бурям вопреки.

Любимый август, ты достоин оды,
Горячий месяц – радость и любовь.
О как божественны дары природы...
А на Донбассе льётся кровь!

ВЕСНА 2023

Опять весна. Одной весны мне мало.
Объявлен бой за Правду, за страну.
И жить, как прежде, невозможно стало –
Возьмите добровольцем на войну!

Нам как тогда «нужна одна Победа»,
Опять мы «за ценой не постоим».
Назло врагам, назло смертям и бедам
За нами Май! Мы победим!

Элла КУЗНЕЦОВА

Элеонора Кузнецова родилась и живёт в Москве. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «Великий князь Сергей Александрович», «За Победу!», а также Дипломом «Победитель конкурса «Путешествие в страну чудес» с вручением именной статуэтки в номинации «Поэзия». Кавалерша Золотой Есенинской медали.

И ТОГДА, И СЕЙЧАС

Я в детстве встретила с девчонкой,
Тогда нам было по семь лет.
Она нахально с речью звонкой
Мне дула в уши наглый бред.

Ругая Сталина так мерзко,
Ввергала в грязь СССР –
Она заученно и дерзко
Меж нами ставила барьер.

Ей наша русскость не по нраву,
Мол, все мы просто дураки...
И так кривила рот коряво,
Что я сжимала кулаки.

Меня кольнула злая кривда...
К родителям бегом в слезах
Я убежала от обиды
За ложь и прах в её словах.

В груди стучало гневом сердце,
Но объяснили мне тогда,
Что это дочка западнцев,
А там не любят нас всегда.

Какие нравы западнцев,
Не нужно объяснять теперь,
К нам Запад ненависть – с младенцев
Укореняет в них... Вот зверь!

Та злая кривда, в поколениях
Живя, ползя из рода в род,
Шлёт в мирные дома мученья,
Безжалостно губя народ.

Враги опять в лихие годы –
Убить всё русское хотят...
По школам тупо бьют, уроды,
И по больницам лупит гад.

Мы вновь ведём борьбу с фашизмом,
Оскалил хищник пасть на Русь,
В нас изрыгая вонь нацизма...
Но встал народ: Изгоним гнусь!!!

ГОРДОСТЬ

Горжусь, что родилась я русской,
И быть хочу сама собой.
Я восхищаюсь дружбой чуткой,
Плечом к плечу идущих в бой –
За нашу правду и родное слово,
За веру, радость бытия,
Где православие – основа,
А вместе – крепкая семья.
Фальшивым – скатертью дорога,
Лжецам – позор и срамота...
Стоять за всё, мы будем строго –
За что кровь дедов пролита.

КЛОУН

Безобидною овечкой
Волк решил предстать,
Но без маски на крылечке
Королём не стать.

В КВН-ах научился
Блеять и рычать –
Как же быстро возгордился,
Маски стал менять.

В НАТО хочется пробраться,
Как же угодить?..
От русни отмежеваться? –
Так тому и быть!

Наточил волк острые зубы,
Чтоб Донбасс весь съесть –
Поддержали душегубы,
Бить людей – вот честь!

Клоун в облике овечки
Родину продал...
На коротенькой уздечке
 Попрошайкой стал.

МЕЧ ВОЗМЕЗДИЯ

Не будет жить Русь!.. –
Кричит нам в захлёбе
Вся подлая гнусь,
«Звездясь» в телескопе.
Стреляет труба,
И трясёт лихоманка –
Страшна их судьба,
Всё у них наизнанку.

Пьяна, зелена,
Но крутит баранку –
Видать, Сатана
Взрастил наркоманку.
В коварстве и лжи
Немеркнувшей злобы
Свои блиндажи
Возводят циклопы.

По детским садам,
По школам, больницам,
По русским церквям
Спешат отбомбиться...
Фашистской рукой
Снося обелиски,
Ничтожный херой
Заходится в визге.

Нацистскую желчь
Вкруг себя разливая,
В кострах книги жечь
Стали, Русь убивая...
Который уж год
Потомки Бандеры
Бомбят напролёт
Донецк... изуверы.

Но встали сыны,
Все люди простые
В защиту страны –
Всей светлой России.
Они наша честь,
И доблесть, и слава.
Чужда русским месть,
Но жизнь – наше право!

Возмездия меч
Архангелов крылья
Подняли пресечь
Злой черни засилье.
Господь-то за нас,
За русские земли –
Отмщения час
Протрубили на Небе!..

ПОЕЗД ЖИЗНИ

Неустанно стуча колёсами,
Поезд жизни несётся вперёд
По России с белыми росами –
Красотой насмотреться зовёт.

Необъятны просторы русские,
Потому и душа без границ, –
Вот и лезут к нам злыдни шустрые,
Но пред ними не ляжем мы ниц.

Таракановы НАТО-полчища
Расплодились у красной черты,
Жаба-ага – злое чудовище,
Довела свой народ до беды.

Но протянуты руки помощи,
Из России спасенье идёт,
И трепещут от страха сволочи,
Что расплата их страшная ждёт.

Умоляю о счастье солнечном,
О любви бесконечной в душе
Даже в дальнем пути просёлочном,
Даже в самом крутом вираже.

Русь за окнами яснолика –
Купола с благодатным огнём!..
Вся бескрайняя ширь великая
Умещается в сердце моём.

ЗА РОДИНУ

Нет, годы не проходят, –
 годы пролетают...
Но ты – многострадальную войну
Бойцы седые никогда не забывают, –
Сражались с честью за свою страну!

А было горе, ужас,
 безысходность была,
Но в ярости бесчисленных атак,
В сердцах бойцов
 рождалась внутренняя сила
И отступал побитый страшный враг..

Когда фугас взрывался или мина,
Порой вздохнуть от боли не могли –
Но в бой за Родину,
 за мать, за дочь, за сына
На гибель шли – и землю сберегли.

И даже, если крови много утекало, —
Сердце касаясь нежною рукой,
Любовь земная выжить
людам помогала,
И с письмами родных несла покой.

И снова в строй вставая,
гнали до рейхстага
Врага советской огненной метлой,
И в мае, в честь победы
сталинского флага,
Салютовал с восторгом шар земной!

11.01.2019

ГЕРОЙ НЕПОБЕЖДЁННЫЙ

Фашист хотел нас Родины лишить,
Уверен был, что сможет победить...
Раздул войны безжалостное пламя,
Но не сумел спалить свободы знамя.

Народ решил за землю умереть
И дрался крепко, побеждая смерть...
Враг поражался стойкому упорству —
Страны великой славному геройству.

В сраженьях тяжких дали мы ответ
И перебили Вермахту хребет.
Как долго наши раны заживали...
Но смертью смерть поправ –
сильнее стали!

И отстояли честь своей земли,
И по Берлину с песнями прошли –
Солдат советский
 с девочкой спасённой,
Там встал за МИР –
 герой непобеждённый!

04.05.2018

Мия БИБКАЕВА (Настя ЕРЁМИНА)

Член Интернационального союза писателей, член Союза писателей России, член Международной Академии Наук и Искусств. Студентка юридического факультета. Индивидуальный предприниматель. Родилась и проживаю в Москве. Поэт. Автор книг: «Мой путь», «Палитра души».

* * *

Сорок пятый на дворе,
Возвращаюсь в отчий дом.
В мае радость детворе,
Только в горле страшный ком.

Я бреду... а шаг по стёклам,
Помню мать, отца глаза,
Помню, батя кепку комкал,
По щеке текла слеза...

Подхожу, родной забор,
Яблони чудесный цвет,
Вижу томный яркий взор,
Это глаз любимых свет,

Здравствуй, мамочка родная!
Здравствуй, батя, я живой!
Всю войну, пройдя до края,
Я вернулся вновь домой!

* * *

Девятое мая – радость и слёзы
Катились ручьями по юным щекам.
Я помню любимые мамины розы,
Как бредил по близким и нежным рукам...

И вот я иду, за плечами парад!
Душа заживает и плачет порой,
Идёт по Москве совсем юный солдат,
Я помню наш подвиг прекрасной весной!

Знамя победы, и горд небосвод.
Славный парад под Кремля циферблатом.
Небо безоблачным стало в тот год.
Вечная слава героям-солдатам!

МАТЬ

Молила Господа за Русь,
Стояла на коленях мать.
Сказал сынок ей: «Я вернусь!»
Ушёл, родимый, воевать!

Молила днями и ночами,
Глаза все выплакала мать.
Душой сражалась с палачами –
Сражалась воинам под стать!

Молила, помнит свет лучины,
И лик святых с икон смотрел.
Ее душа – небес глубины.
Ее сынок за Русь болел.

Молила Господа за Русь,
Стояла на коленях мать,
Я сердцем с болью поклонюсь,
Ушёл сыночек воевать...

* * *

Воин наш исполнен силы.
Знаем: нечисть победим!
На века стоять России.
Если надо – повторим!

Наша гордость – ветераны,
Ваша жизнь – великий путь!
Ты, солдат на поле брани,
Этот путь не позабудь.

ДОНБАСС

Донбасс живой! ты слышишь, мама?
Стоит герой стеной за Русь.
Я к пулемёту рвусь упрямо.
Добить скорей фашиста рвусь.

Ты не горюй, моя родная!
Россия выстоит опять,
Там Богородица святая
Спасет солдат, не даст пропасть.

Ты слышишь залп? Дома пылают!
Всё для победы отдадим!
Там палачи в детей стреляют,
За зверства все им возвратим!

Война идёт! Шлю телеграмму:
«Мамуль, мы ломим! Я живой!
Я видел страшное здесь, мама...
Но я всегда храним тобой».

Полощется победы знамя.
Я в двадцать пять – сто раз герой.
В моих глазах отваги пламя!
Я верный сын, Россия, твой!

* * *

Надежда Господа – Россия.
Горит лампада у икон.
Проходит в храме литургия,
И поминает мамин стон!

Лежат солдаты безмятежно,
В земле родной. В земле сырой.
Глядят с небес они с надеждой
На мир спасенный, мир живой.

РОССИЯ

Россию врагам не понять,
Россию лишь в сердце лелеять,
Лугов ароматы вдыхать,
И нивы хлебами засеять.

Богатую красками мира,
Россию врагам не понять!
Изящная Господа лира!
За родину буду стоять!

Из пепла восставшие храмы,
Вы веры христовой оплот.
Гордится Россия сынами,
Кто знамя победы несёт.

Вера КИРИЛЛОВА

Член Союза писателей России. Стихи и рассказы пишет с детства. Дипломант ряда литературных и художественных конкурсов международного и российского уровня. Автор шести сборников стихов, двух сборников рассказов, шести альбомов художественных работ.

Родилась в Казахстане, живёт в Москве в Зеленоградском округе.

Закончила Уральский государственный университет им. Горького в Свердловске, филолог.

Подполковник милиции в отставке. Занимается общественной работой с ветеранами и учащимися, является общественным советником Управы Крюково. Участвует в выставках прикладного искусства, Почётный ветеран г. Москвы.

* * *

Шли танки, бомбили их самолёты,
Фашистов армада сильна,
Но в землю родную вросла всей плотью
Могучая наша страна.

Рубеж под Москвой – ни шагу назад,
Стояли солдаты могучей стеной.
Чтоб в Крюково мирно рос Зеленоград
Чтоб враг не проник в наш город родной.

Сумели отстоять и выстоять
Под Крюково советские бойцы.
И в наступленье трудном выступить,
Тем обозначили войны концы.

Героями уходят в вечность,
Защитники Москвы
Им память, благодарность бесконечны –
Поддержите меня все вы.

Указ правительства – награда
Всем павшим и живым.
И стела в парке Зеленограда
Признание, заслуженное ими.

Пройдут года и в зелени дубравы,
Где мирный труд на подвиги зовёт,
Районом доблести, геройской славы
Гордится весь живущий в Крюково народ.

Придёт весна и зацветёт смородина
И над страной заликует май.
Крюково – малая, славная Родина –
Героической битвы край.

* * *

Закрыта тяжёлой войны страница –
Сражениям команда – отбой.
Я помню счастливо усталые лица –
Ведь мы возвращались домой.

Души болели, кровавили раны,
Сколько трагичных утрат.
Но мы возвращались из Афганистана
К семьям, в Зеленоград.

Ужас войны до сих пор мне снится –
Грохот, снарядов шквал.
Не забываю друзей я лица,
Которых в войну потерял.

И, конечно, нельзя иначе –
Ведь это наш воинский долг.
А сколько сердец материнских плачет?
Ротую стал наш полк.

Ждут и надеяться не перестанут –
Вдруг в дверь сынок постучит?
Бои под небом Афганистана...
Сердце, как рана, болит.

И хочу я заверить, люди –
В мирных живя трудах –
Однополчан никогда не забудем,
Что жизни отдали в боях.

* * *

Котюкову Л.К.

«И что сказал, то сказал!» –
Припечатал он категорично.
Обрушив на головы шквал
Писаний не всегда приличных.
Да, поэт Котюков известный,
Мудрых мыслей его не отнять.
Выступает он повсеместно,
Исходя сарказмом неместным –
Необъятного не объять.
И на фото он смотрит сбоку,
Не для массы его стихи.
Подбирается он с экивоком
Через многие из стихий.
Найдёт всегда он мастерское слово
Обрушит свой критический Ваал –
Всё узнаваемо у господина Котюкова –
Но, что сказал он, то сказал.

* * *

Зима оставалась морозной и кручёной,
Блинами её закидать не сумели.
Не растопили, сжигая чучело –
Сплошной снегопад и с ветром метели.
А тополя обмануть не удастся.
Почки, как губы от поцелуев.
И ни на чём не буду я клясться,
Просто скажу, что тебя люблю я.
Голос твой и твою походку,
Профиль, и как позабыть такой!
Поплыла бы по морю лодкой,
Только чтобы мне быть с тобой!
Звон гитары, ватаги подростков –
Средь метели – так каждый вечер!
Может, на следующем перекрёстке
Я тебя, наконец-то, встречу!
В апреле сосульки всплакнут слезами,
Значит, зима всё ж сдаёт позиции...
И случится желанная встреча меж нами.
Так, нечаянно, без амбиций.

Ты улыбнёшься, я улыбнусь,
И тебе я скажу сама –
Пусть метель не проходит, пусть!
Ведь лучшее время года – зима!

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Ах, он пел – хрипел – всё по нервам!
Завораживал люд, забирал в плен.
В правоте своей, силе – был первым,
Словом яростным поднимал с колен.
Его голос звучал из любого окошка,
Возрастов не блюдя – держись!

Огонь на себя вызывая оплошный,
Глаза открывая народу на жизнь.
Громил и смеялся, души вскрывая,
Хотел бесконечным в пространстве жить.
Один вековечный вопрос задавая –
Быть или не быть? Конечно же, быть!
Он правду всем выдавал, как на блюде,
Стоял на самом на краю:
Думайте сами, решайте, люди –
А я ещё куплет допою.

В руках его трепетала гитара,
Нервом его звенел перебор.
Были с Мариной прекрасной парой,
Но лез всегда он через забор.
Миры открывая, себя не жалея,
Пел, выкашливая сердце...
Жаль, не дожил он до юбилея –
Добавил бы жизни острого перца.

Глаза открывал больным и незрячим,
Пел, надрываясь, глаголом жёг!
Теперь об ушедшем мы молча плачем,
Придя на его последний порог.
Взлетел, словно сокол, мир освещая,
Надежду на лучшее людям принёс,
Щедро душой своей всех озаряя...
Но молчалив и мрачен погост.

Помним и ценим каждое слово!
На душе без тебя тяжело.
Тебя заменить? Никогда не готовы!
Ты есть среди нас – в этом нам повезло.

* * *

То в жар бросает, то в озноб...
Горят ладони и немеют,
То леденеет и пылает лоб...
И вновь глаза поднять не смею.
А вы признались, что меня боясь,
Вы подойти не можете ко мне.
Как призрачна, тревожна наша связь,
Как тени, промелькнувшие в окне.
На сердце радость, маята –
Всё разом и вопрос тревожный –
Что я совсем уже не та,
И как же можно, как же можно?
Как просто радость принести –
Об этом я боюсь и думать;
Росу в ладонях пронести
Иль в трубку телефона дунуть.
Одним дыханием согрета
И жить и радоваться хочется,
И ни за что не скажешь – нет –
А вдруг всё это...кончится?!

СВЯТОЙ ПАСХЕ

Есть тайное желанье у меня –
Чтоб на земле обетованной
Схождение благодатного огня
Увидеть долгожданный.
Пройти Иисуса скорбный путь,
Его оплакивая раны,
И в храм прийти не позабудь,
Свечу зажечь не будет странным.
Поставить свечи в Храме Гроба
Господня
Благуя весть о воскрешении Христа
Поставить свечу в изголовье,
В душе и мир, и чистота.

* * *

Я поднимаю тост –
За всех своих врагов!
Не так-то я и прост,
Ну, точно, не таков!
Их завистью силён,
Их клеветой смел,
Их злобой в мир влюблён
И добрым быть сумел.
Спасибо, недруги мои,
Обидчики, злодеи.
Украсили мои вы дни.
Без вас жить не сумею.
Доставали меня до изжоги,
Неповинного злобно кляня.
Сил добавили на жизненной дороге,
Укрепили духом меня.

ВСЁ ПРОШЛО

Цените жизнь – она так коротка...
Любовь без ответа – тяжёлый крест.
Упала бессильно рука,
Звонил не для меня Благовест.
А сердце – глупый маленький вещун –
Подскажет – разлюбил меня...
И звон гитарных грустных струн
Уж не зажжёт в душе огня.
Судьбы различны, но сопричастны,
Годы идут своей чередой.
А меня придавило ненастье –
Милый уже, увы, не со мной!
Много стихов на грустные темы –
Листою наш путь замело...
Помню оранжевые хризантемы...
Всё было и прошло...

Наталья ШУХНО

Родилась в 1984 году, в г. Могилеве.

Окончила МГУ им М.В. Ломоносова, факультет журналистики. Журналист, телеведущая, сценарист, поэт, автор песен. Автор и ведущая телепрограмм о кино, театре и музыке. Автор двух поэтических сборников: «Белые паруса» (2002 г.), «Сборник стихотворений» (2010 г.). Лауреат литературной премии им. Ю.П. Кузнецова (журнал «Наш современник»). Автор пьесы «Оранжевый рай». Премьера пьесы состоялась в 2019 году на сцене театра «Модерн». Являюсь членом Союза писателей России (Московская Областная Организация).

* * *

Мама, не плачь, помирись с отцом,
Я где-то в поле, в земле лицом,
Пахнувшей мятой и чабрецом,
Слышу малиненок и скворцов,
Стыну свинцом.

Помню, как старший меня тащил,
Я не просил, он и сам без сил,
В спину огонь, надрываясь, выл,
Я с облегчением всех простил –
Небо в горсти.

Руки заламывать не спеши,
Оле, пожалуйста, напиши.
Знаю, что толком ещё не жил,
Краски в коробку мои сложи
И карандаши.

Кровь затекает за воротник,
Хрипы, металл, я уже привык,
Кто призывник, кто уже поник,
Крепок мужик, но внутри зажим,
Сердце дрожит.

Мама, я верю в большой покой,
В лунные паводки над рекой,
Где я без раны рваной и ножевой
Буду присматривать за тобой,
Словно живой.

* * *

Всё сложно и на ноль умножено,
Весною, плачущей от ран,
Мне мальчик позвонил из прошлого,
Он был когда-то небом дан.

И воздух ласковый черешневый
Заполнил стены до краёв,
И снова тело под одеждою
Уже как будто не моё.

Он говорил, что сердце замерло,
С прошедших лет снимал покров,
Над крышами алено зарево
Цветущих майских вечеров.

Он говорил, что много прожито,
Но можно попытаться вновь
Искать, как сон в траве нескошенной,
Незавершённую любовь.

Зачем такое возвращается?
Понять, подумав, Боже мой,
Что просто мы сейчас прощаемся,
Что это всё перед войной.

* * *

Смывает тушь, стирает губы
И курит, глядя в никуда,
Пока по водосточным трубам
Бежит осенняя вода.

И хмурый вечер сложен вдвое
Среди душистых тополей,
Ей кажется – окно чужое
И ярче светит, и теплей.

Печаль туманна, боль условна,
Фонарик сломан, пуст вокзал.
Джюльетта, уходи с балкона,
Тебя никто туда не звал.

* * *

Я пишу тебе. В сумраке комнаты
На обоях тюльпаны цветут,
Стул скрипит, занавески задёрнуты,
И часы не идут.
Знаешь, здесь ничего не меняется,
Дом стоит, небо в лужах дрожит,
Со стабильной тоской начисляются
Коммунальные платежи.
Я ребёнка веду в поликлинику,
Отдаю свои шпильки в ремонт,
Приближаясь беззвучно к полтиннику,
Брат по-прежнему пьёт.
Мамы нет. И дыра не латается,
Слёзы душат, но делаю вдох,
Только в спальне ещё сохраняется
Нежный запах духов.
Может, так бы меня не корёжило,
Не рвало на лоскутную ткань,
Если б наше дворовое прошлое
Не сдавило гортань.
Я люблю тебя. Годы – минутою,
Ты взлетел высоко – не достать,
Скоро сорок, а всё – ещё глупая...
Можешь не отвечать.

* * *

Как провожают нынешних и бывших,
Касаются губами скул едва.
И молятся, храни его, Всевышний,
Молитвенные позабыв слова.

Так сладок сон, так тихо шепчут травы,
Пока молчит бесчувственная сталь,
Здесь нет уже и правых, и неправых,
А лишь глаза, смотревшие в февраль.

Он видит смерть, она идёт по следу,
Кровавый дым к сухой земле приник,
А там, за ним, Туманность Андромеды
И волосы прекрасных Вероник.

Он станет снова маленьким и лишним,
Пополнит геометрию могил,
Поэтому люби его, Всевышний,
Пока небесный край крестами вышит,
Прими его, уже навечно в тыл.

* * *

Пусть будет лето и жара,
Медовый зной, душистый воздух,
И ослепительные звёзды,
И сосен тёплая кора.

Пчелиный гул, сверчковый плач,
Вишнёвый сок, трава по пояс,
Я всё пытаюсь, успокоюсь,
Несопряжённое сопрячь.

Июль, зачатый по любви,
Врастёт в податливую почву
И затаится в паре строчек
Понятной истиной земли.

Я застываю где-то меж
Ветров и солнца. Вижу сцену,
Венок, который не надену
И потолок, сдавивший стены,
И клетку собственных надежд.

* * *

Её кресты как обстоятельства
Сложились в схемы неизменные,
Обыкновенное предательство
И боль вполне обыкновенная.

Она звала. Стальными веками
Моргали совы желтоглазые,
Но откликаться было некому
И сожалеть о недосказанном.

Тревожный сон, в нём что-то важное,
Тугим жгутом рубашка свёрнута.
Но одиночество не страшное,
Когда луна заходит в комнату.

Промозглый ветер, вечер пятницы,
Звенит в окне осина голая,
Она молчит и улыбается,
И Бог её целует в голову.

* * *

У ночи осенней в плену
Тревожные шепчутся клёны,
Как на проводах оголённых,
Целуешь чужую жену.

Сочится из форточки мгла,
Часы умирают на кухне,
И пляшут беспечные духи
В размытом пространстве угла.

Излом в середине пути
Октябрьский привкус песчаный,
Так пахнут земля и туманы,
Так хочется дальше идти.

А дождь продолжает строчить,
Дробиться, как хрупкое счастье,
Ты стал его временной частью,
Которую не повторить.

КРЫМ

У меня в чемодане чайки
И шампанское "Новый Свет",
Бело-розовой россыпь гальки,
Две цикады, бикини, "найки",
Сколько этому лету лет?

И морская тоска мелодий,
Из чернильных глубин вода,
Сожаления о свободе
И бессилие тех, кто входит
В бесконечные поезда.

У меня в чемодане письма
О таком, что нельзя сказать,

О молчании кипарисном,
Обещании ныне и присно
Обещания не выполнять.

День, как старый роман, пролистан,
Синевою залит восток,
И пронзительно пахнут листья,
Наполняя тревогой пристань,
Корабельный дрожит гудок.

У меня в чемодане море
И разлука в сто тысяч верст,
И сто тысяч таких историй,
Остывающий воздух горный
И крупинки солёных звёзд.

* * *

Мне снился бесконечный океан,
Печаль волны и то, что будет поздно,
Огромный кит, плывущий в небе звёздном,
Пускал неисчерпаемый фонтан.

Когда окно врежется в туман,
В молочной мгле не видно дом соседний,
Рябины кисти, розы цвет последний,
Фонарный столб, желтеющий каштан.

И человек не виден в пустоте,
Хотя ладонь была живой и тёплой,
Он уходил сквозь выбитые стёкла
Кататься на космическом ките.

Сергей КРЮКОВ

Сергей Крюков родился и живёт в Москве.
Член МГО СП России.

Поэт, прозаик и переводчик.

Образование высшее техническое и
высшее гуманитарное. Лауреат нескольких
литературных премий..

Немало пользы нам несёт «Донбасс»,
и спорить с этим вряд ли кто-то станет.
Смотрите, из страны удрал Чубайс!
Глядишь, и Грефа за собой утянет!!!

Собчуха, Ургант, Нарусова, FACE,
Хаматова, Васильев, Пугачёва... –
мне в этом бегстве видится прогресс,
свидетельство, что ты, страна, здорова.

Мы победим.
Запросятся назад
продажные любители халявы.
Но слаще будет им – дорога в ад.
Адьо, друзья! – скорейшей переправы!..

СТРАХ

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.
Юлия Друнина

У страха нет начала и границ.
А в паре с тьмой – его безмерны силы.
Пред небесами я упал бы ниц,
Когда бы испугался за Россию.

Я возопил бы: Господи, спаси! –
Да так, что содрогнулись бы созвездья, –
Когда бы тьма ползла к моей Руси,
Не знаяша отпора и возмездья.

Опомнясь, я восстал бы в полный рост,
Сжал кулаки – и выдвинулся грудью,
Как вся страна, как весь её народ,
Как русский дух,

живущий в русских людях.

Сегодня поминая ту войну,
Переживая день позавчерашний,
Я знаю: если страшно за страну,
Жизнь за неё отдать – не так уж страшно.

СВАСТИКА

Когда-то, сея Божью милость
любым светилам в унисон,
по небу свастика катилась
славянским алым колесом.

Тот символ был солнцеворотом,
но, камнем свергнувшись с высот,
завился в чёрное болото,
в губительный водоворот.

Давно уж свастики – не звёзды.
В них переломаны лучи.
На этих чёртовых колёсах
смерть необузданная мчит.

Её обугленные краски
крошатся следом в колее,
и гром четырёхгранной тряски
разносится во злобной мгле.

Черным-черны квадраты, грозно
ползущие из тьмы веков
нашествием жуков навозных
и ядовитых пауков...

России непреклонно кредо:
недопустима бездн власть! –
и наши доблестные деды
в Европе раздавили мразь.

Нацизм повержен был в руины,
чтоб мир от края отвести.
Но у нацистов Украины
всё те же символы в чести.

И омерзительно, и жутко...
Но ты надейся и не трусь:
нет, пауки не расползутся,
пока жива Святая Русь.

ВОЛНЫ

На рассвете дрожала земля
так, что снились огромные волны,
будто бьющие в борт корабля,
на котором, тревогами полный,
уплывал я навстречу судьбе,
непонятной, тугой, неизвестной...
Сон циклично крутился в себе,
замыкаясь в корпускуле тесной...

А наутро нагрязнула весть,
что, превысив пределы терпенья,
покатилась священная месть
справедливой волной избавленья
от коричневой ярой чумы,
охватившей соседей безумных,
от войны, пропитавшей умы
кровожадных украинских зубров...

Если б так! Если б чёрной волной
против веры Святой Православной,
против Русского мира войной
шли соседи бедою заглавной!
Если б, спутав, кто враг им, кто – брат,
дурни сами на нас налетали! –
но толкают на битву солдат
англо-саксов коварные стаи...

На рассвете дрожала земля
так, что снились огромные волны,
сотрясавшие штормом безмолвным
каждый болт моего корабля.

Волны времени бились в планету...
В эту грозную бурную ночь
вышли воины правды и света,
чтобы истине в битве помочь.

СВЯТОСТЬ

Тишь ли, ветры, дожди ли, снега ли
Или буря, святыням назло,
Всю Россию на годы и дали
Занесло, залило, замело...

Треплют землю не ветры, не выюги
И не волны, штормам в унисон... –
Это зло в пересильной потуге
На Отчизну летит испокон.

Русь в порыве любви беззаветной
Не утратила Святость во мгле.
Это подвиг – пречистой, и светлой
Оставаться в веках на Земле.

* * *

Какая разница, живым ли
В бою останешься, когда
Народ твой сгинет или вымрет –
И станет вечною беда?

Когда глумящиеся толпы
Покроют скверною поля,
Что проку будет в том, что толку,
Что носит всё ж тебя земля...

Затем ли в материнских муках
По воле Божьей ты рождён,
Чтоб замыкался век во внуках
Под материнских слёз дождём?

Пронзит в последнее мгновенье
Высоковольтный гнев-разряд.
Святое воли мановенье
Тебе укажет Рай и ад.

И, если выбор ждёт суровый –
Жить – иль за край свой умереть,
Хоть малый шанс найти попробуй
Попрать своею смертью – смерть.

МОЛИТВА

Когда иссякнут силы,
Когда надежды нет,
Храни, мой Ангел милый,
Страну мою от бед.

Весь ворох сатанинский
Обрушился на нас.
И враг сутью низкой
Опять пустился в пляс.

Мой Ангел, мой Хранитель,
Забудь меня, пока
Тенет не вспорот нити
Священная рука,

Пока моя Отчизна
Не выпрямится в рост,
Пока во имя жизни
Не встоит народ.

Дай полыхать, как прежде,
Лишь доброму огню.
Пока жива надежда,
Русь сам я сохраню.

* * *

Тонконогие мальчики,
С виду – «люди» вполне,
На стекле пишут пальчиком:
«Нет войне!»
«НЕТ ВОЙНЕ!!!»

«Без икры и Шампанского
Так прожить нелегко! –
А донецки с лугансками –
От Москвы далеко.

Что нам – ваши амбиции?
Что нам эта страна! –
Для амбалов и рыцарей
Существует война...»

Пусть визжат-обижаются,
Но скажу я в ответ,
Что их братья сражаются
Ради этого «НЕТ!».

Парни, свету открытые,
Защищать их должны.
А кузнечики прыткие –
Пусть боятся войны.

Пусть, от страха зависимы,
Стыд прикрыв рукавом,
Хорохорятся письмами
На стекле лобовом.

Их наигранной борзости
Не постигнуть вовек,
Что из чести и гордости
Состоит «Человек».

ЗА СВЯТУЮ РУСЬ!

Героям СВО

Уравнивает смерть людей в правах,
а подвиги уравнивают – в званьях.
Кошмар вокруг, смятенье – в головах,
и рушатся законы мирозданья.

Но, как бы ни ярилась вражья рать,
Не будет НАТО – мира гегемоном.
Святая Русь умеет воевать,
отождествляя мужество с Законом.

Вы думаете, славный героизм
солдат Руси – сражение за братьев?
Но в спектре мировых глубинных призм –
безмерно шире русский подвиг ратный.

Мы бьёмся за украинских людей,
за их свободу от нацистской клики,
но против нас сражается Злодей –
имперский Запад, обнаживший лики.

В бою всегда проигрывает трус –
и сам ты это знаешь, враг трусливый.
Дерутся парни – за Святую Русь,
За Жизнь, за Мир,

за право быть счастливей!

СТОЙКОСТЬ

Россия-Русь моя,
Ты – не страна, не край,
Ты – беспредельное
Суровое пространство...
Кому не нравится,
Ложись – да помирай.
А Русь останется
В нетленном постоянстве.

Ветрами выступит,
Что не укутал снег.
Морозом выстрелит,
Когда не ожидали.

И, если выстоит,
Не сгинет человек,
То Божьей истиной
К нему прорвутся дали.

Нет-нет, за Господа
Решать я не берусь.
И прорицателей
На свете слишком много...
Не оттого ль ты и сильна,
Святая Русь,
Что так неистово
Зависима от Бога?..

* * *

«Священный долг.
Почётная обязанность.»
Банальны надоевшие слова.
Не слышит сердце назиданий сказанных.
И думать не желает голова...

А ты – подумай.
Знаю я, когда-нибудь
Поймёшь ты суть негромких этих слов,
Проникнешься их сокровенным таинством,
Питая к Жизни, к Родине любовь...

«Священный долг.
Почётная обязанность.»
Какие настоящие слова!
Не нужно сердцу ничего подсказывать.
И кружится в волненье голова.

* * *

Гранями стёртыми,
лживыми блесками
ваша корона жива.
Будь же ты проклята,
кровь королевская
перестарелого льва!

Проклята будь
и стервятников нация,
вновь насаждённая львом,
стёршая древние
цивилизации
на континенте живом!

Вам не хватает Америки с островом? –
это – не наша беда.
В ваших сердцах,
воспалённых коростою,
совести нет и стыда.

Вам,
никогда не сражавшимся с Правдою,
Истину не одолеть.
Сколь бы ни пыжились,
здесь, за Непрядвою,
вам не по силам Медведь!

ВОЛНЫ

На рассвете дрожала земля
так, что снились огромные волны,
будто бьющие в борт корабля,
на котором, тревогами полный,
уплывал я навстречу судьбе,
непонятной, тугой, неизвестной...
Сон циклично крутился в себе,
замыкаясь в корпускуле тесной...

А наутро нагрязнула весть,
что, превысив пределы терпенья,
покатилась священная месть
справедливой волной избавленья
от коричневой ярой чумы,
охватившей соседей безумных,
от войны, пропитавшей умы
кровожадных украинских зубров...

Если б так! Если б чёрной волной
против веры Святой Православной,
против Русского мира войной
шли соседи бедою заглавной!
Если б, спутав, кто враг им, кто – брат,
дурни сами на нас налетали! –
Нет! – толкают на бойню солдат
англо-саксов коварные стаи...

На рассвете дрожала земля
так, что снились огромные волны,
сотрясавшие штормом безмолвным
каждый болт моего корабля.

Волны времени бились в планету...
В эту грозную бурную ночь
вышли воины правды и света,
чтобы истине в битве помочь.

Сергей ГАЗИН

Член Союза писателей России.

Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Автор 15 книг стихотворений.

Награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века» и медалями: «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», «За Победу!» и др. Заслуженный писатель МГО СП России.

Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Лауреат премий МОО СП России им. Я.В. Смелякова,

Е.П. Зубова и «Золотое перо Москвитин».

Кавалер Золотой Есенинской медали.

ДОНБАСС

Грохот снарядов и едкая гарь,
В детской крови возле парты букварь –
Вместе с ребятами учителя...
Стонет от горя в Донецке земля.

Бьют негодяи по мирным домам,
Совести нет и души ни на грамм...
Звери-убийцы пришли на Донбасс –
Чёрных вампиров злодейский спецназ.

Солнце в дыму закоптилось совсем,
Люди кричат, но весь мир будто нем –
Рвутся снаряды, кромсая тела...
Мама! Зачем ты меня родила?..

ИГРА В КОСТИ

Игра продолжается в кости
С древних времён по сей час...
Хоть кто-то и брякнет: Ах, бросьте!..
Но кости всё скажут за нас.

Бросают людей в подвалы,
Кромсают тела детей –
Вместо улыбок оскалы,
Злобные хари зверей.

Снова вбиваются гвозди
В пленных, как в тело Христа –
Просто, так выпали кости...
Смерть для безумцев проста...

Ведь убивать стало проще,
Выстрелил из далека,
Раз! – и больницы нет больше –
Счастье в глазах дурака...

Тогу сменили на смокинг,
Но белые кости в крови...
Кровь для вампиров, как допинг –
Жизнь прожигать без любви.

НА ДОНЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Не пульсирует кровь в сердце каменном, –
Кровь «чужая» течёт по земле.
Нет прощенья всем новым каинам,
Обезумевшим напрочь во зле.

Жгут огнём в душах раны глубокие,
Будет грозен возмездия час!..
И не знают безумцы жестокие,
Что их прокляли тысячи раз...

МЁРТВЫМ СОЛДАТАМ

Мёртвым солдатам не снится война,
В чёрных глазах темноты тишина...
К павшим героям нисходит покой –
Вечности светлой покой неземной.

Падают листья, пылая огнём,
Саваном кроя солдат перед сном, –
Перегорят и усталость, и боль,
Кровь питает бессмертием соль...

Слёзы солёные выжгут беду
И остановят смертей череду, –
Павшим солдатам приснится Весна –
Песню любви запоёт тишина...

Вражеским силам настанет конец,
И расцветут – и Луганск, и Донецк!
Вновь к обелискам придёт молодёжь,
Память почтить –
кто в Рай Божий стал вхож...

СПЯЩИЙ ВИТЯЗЬ

Ой, да не плачь,
не рыдай обо мне, Россия –
Я твой голубь с небес,
вражьей сражённый стрелою...
Ты прости, я упал с высоты некрасиво
На ладони твои, да со своею беду.

Не собрал земляники я в звёздной лазури,
Не достал и водицы, жаль,
занебесной живой...
Чем тебя угостить? –
кровь свою принесу ли?
Дай же силушки мне своей
от землицы сырой.

Верь!
Я ещё поднимусь, вот увидишь, легко...
Светом белым имя твоё напишу в синеве!
Замелькает лучами – далеко-далеко
Огонёк чистых глаз твоих,
да по мокрой траве...

Ой, ты не плачь,
не рыдай обо мне, Россия!
Я твой витязь былинный,
спящий в волшебной горе...
Будет время, дождёшься ты славного сына,
Засияет величье твоё в рассветной заре!

ДВУГЛАВЫЙ ОРЁЛ

Смотришь влево – в прошлое,
В будущее – вправо...
Будет жизнь хорошая –
Слава Богу, слава!

Чудо-птица дивная
Золотом небесным
Бьёт змею могильную –
Скипетром чудесным!

Крылья златопёрые
Реют над ветрами –
Тучи злые, чёрные
Улетают сами...

Правдою пресветлою
Расцветёт Держава –
Станет жизнь бессмертною!..
Слава Богу, слава!

РУССКОМУ КРЕСТОНОСЦУ

В тяжкой скорби старики...
Вражьей нечисти полки,
Превратив народ в рабов,
Дани требуют, даров.

Далеко зашла беда,
Вымирают города,
Деревень давно уж нет...
Погибает Белый Свет.

Чу! Отколь колокола?..
Конь, летящий, как стрела?
Встрепенулся сирий люд –
Божьи Силы помощь шлют!

Скачет всадник, наш ездец* –
Русский витязь-удалец,
Кровь свою пролить готов,
Жизнь отдать за честь отцов!

Крестоносец-богатырь
Свят оставил монастырь, –
Мчит, спасая наперёд
Православной веры род.

Напролом летит к реке, –
Крест нагрудный, меч в руке!
Меч молитвой освящён,
От злых духов защищён.

А в другой руке – копьё,
Бить ползучее ворьё...
А его могучий конь –
Белой молнии огонь!

Как пошёл мечом махать
И конём врага топтать!
Мерзких гадов всех мастей
Гнать из русских волостей!

Славный воин из былин
Вышел в поле не один, –
Солнцем истины храним –
Золотой орёл над ним!

Мир очистят Крест и Меч,
Чтобы свет от тьмы соберечь, –
Только сим мы победим –
Хоть с Георгием одним!

**ЕЗДЕЦ* – герб князей Рюрикава дома, изображался на лицевой стороне государственной печати. Исконный герб московских государей, всадник, которого Пётр Великий распорядился считать святым Георгием Победоносцем.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Сердца окрыляют молитвы
И помыслы воинов-предков, –
Не зря все победные битвы
Сердцами великих согреты!

Мы дышим возвышенным ритмом,
И знаем свой путь изначальный,
Где строчки купаются в рифмах
И сердце поёт беспечно.

Мы русские люди с рождения,
И нам не забыть о России!..
В молитвах горим вдохновеньем –
Сметаем чужое засилье.

Донбасс – наши русские земли,
Америке здесь нету места,
И натовцы зря к нам полезли,
Побиты ведь будут, известно...

Развёрнуто красное знамя!
Злой мрак исчезает с рассветом –
Луч солнца летит вместе с нами,
Горя вдохновеньем поэта.

СТАЛЬНЫЕ ЗРАЧКИ

Багряным огнём заката
Взрывается вдруг тишина...
Стальные зрачки солдата
Не знают ни страха, ни сна.

Стальные зрачки солдата
Встречают врагов сквозь прицел, –
Холодным огнём объаты,
Ведут пулёмётный обстрел.

Донбасс не сдаётся гадам,
Что лупят по мирным домам,
По школам и Божьим храмам...
Но Бог ведь сказал: Аз воздам!

Хлопок и разрыв гранаты,
И гадский конец – их удел...
Стальные зрачки солдата
Зло ада берут на прицел.

Костлявая смерть горбата, –
Что ей до земной красоты?
Стальные зрачки солдата
Полны неземной правоты.

* * *

Маски сброшены овечьи,
Зверски скалятся клыки...
Где же лица человечьи? -
Вдаль смотрю из под руки...
Всё не ново в мире этом -
За бабло дрожит злодей,
Песня дьявольская спета,
Бьёт хвостом зелёный змей.
Но взошло с востока солнце,
Илья Муромец идёт,
Ещё больше затрясётся
В страхе жалкий идиот.
На кого он замахнулся?
На российского орла!
Не иначе он рехнулся,
Жадность з разуму звела.

* * *

Кассандре не поверили троянцы,
Впустили в город вражеский спецназ...
Закончились майдановские танцы –
На трупях пляшет натовский альянс.

Спустилась мгла на древний город Киев,
И "мене, мене, текел, упарсин" * –
Всё громче слышит главный киллер змиев,
Не веря, что он проклят, сукин сын.

Но близок час возмездия злодеям,
И не спасут уже ни ложь, ни сатана –
В чужой крови купаясь и пьянея,
Придёт ко всем, кто пил её, хана!..

• "Мене, мене, текел, упарсин" – надпись,
начертанная невидимой рукой на стене во
время пира Вальтасара в Вавилоне, кото-
рую лишь пророк Даниил смог объяснить,
как предвестие падения царства от персов
и мидян.

* * *

Любовь недоступна отпавшим от Бога,
Сердца их чёрны от злодейских убийств,
А души – как тени, кровава дорога...
Спаси их не сможет уже экзорцист.
Что им остаётся? А сгинуть в геенне,
Хотя и не верят они ни во что...
Как звери живут в бездуховном горенье,
Провалятся в ад, как зола в решето!..

СТЕНЫ

Как много стен у нас вокруг...
Но видно всё ж, кто враг, кто друг.
Огородился нувориш,
Но чуть прижгло, дрожит, как мышь –
Бежит, прижав к груди бабло,
Пока совсем не припекло...

Вот на окраине своей
Мы леопардов зрим, ей ей...
Они нам точно не друзья,
Кресты тевтонов там, ja, ja!..
Их проклинали уж не раз,
Но вновь ползут к нам в грозный час...

Им Сталинграда стало мало?
Под Курском вырвали им жало!
Но подросла небитых смена,
На леопардах прут несмело...
Что ж, встретит их огней стена,
И будет снова им хана!..

* * *

Не помогут Киеву
К западу моления, –
И валы, что змиевы,
Не дадут Спасенья.
Тигры пресловутые
Были все разбиты...
Хлопцы майданутые,
Вы куда глядите?..
Погорят хвалёные
Звери-леопарды –
Побегут зелёные
Швыдче, чем гепарды...

ПРАВДА И КРИВДА

Правда безбожно зарыта
Грязной рукою неверной,
Кривдою тьмы перевита –
Спрятан глагол откровенья.

Небо очистится ветром,
Путь озаренья не гладок...
Правда – омоется светом,
Выпадет кривда в осадок.

СОЛНЦЕ РУСИЧЕЙ

Солнце русичей неугасимо, –
В каждом сердце горит Звёздный свет...
Вера русичей неистребима
Испокон веков всех зим и лет.
Кто с добром идёт, тому мы рады!
Кто с мечом в руке – секир башка...
Жадных, злых гостей нам здесь не надо.
Русь сломать – тонка кишка!..

Владимир ИКОРСКИЙ**РОССИЙСКИЕ МИХАЙЛЫ**

Набат грохочет басом мерным
Звон к литургии – не спеша.
Всё перезвон решает верный,
В России колокол – душа!

Неоднократно Русь звонила
В колокола в честь Михаила,
Когда Романов Михаил
В России смуту прекратил.

Вслед за Петром она звонила –
В науке солнце засветило,
Когда путь к знаниям открыл
Наш Ломоносов Михаил.

Поёт и молится Сусанин.
Смерть не страшна ему уже...
Полки клянутся: грудью встанем
На Бородинском рубеже.

Война двенадцатого года.
Французов встретил гнев народа.
Кто Русь тогда освободил?
Илларионыч Михаил.

Из полководцев он, мы знаем,
Был Михаилом не один:
И Милорадович с Барклаем,
И Воронцов, и Бороздин.

А век спустя – Победоносец,
Тандем – Георгий и Иосиф
Нам Михаила заменил.
Народ фашистов разгромил,

И заново страну отстроил.
В бою, в труде он был героем,
Путь во Вселенную открыл...
Но был иудой Михаил.

Со льдов полярных океана
Пришёл, как враг окаянный,
Медведь, дремавший много лет
И выжидавший свой момент...

Где ж вы, российские Михайлы?
Россию грабят изнутри!
Не эти «звери эпохальные»,
А бурые – богатыри.

СКОМОРОХИ

С незапамятных времен,
От царя Гороха,
По Руси, как перезвон,
Ходят скоморохи.

Скуден, право, их доход,
Подают им крохи.
Прибаутками народ
Лечат скоморохи.

Всё нечистое на суд –
Берегись, пройдохи!
Вы не спрячетесь, найдут
Всюду скоморохи.

На чиновничьих местах
Расплодились «блохи».
Разнесут их в пух и прах
Живо скоморохи.

На яву, а не во сне
Здороветь эпохе,
Если ходят по стране
Эти скоморохи.

ПАНТЕОН

У Волги есть земля святая.
В далеком пламенном году
Солдаты, кровью истекая,
Держали эту Высоту.

На зов сердец, ушедших рано,
Потомки дедов и отцов
Придут на землю Сталинграда,
Как фронтовое письмо, как,

Поклонятся родной святыне
И тем, кто здесь землею стал.
Стоит Вучетича поныне
На высоте мемориал.

Здесь кован меч, чтоб обезглавить
Врагов на Родине моей.
На склоне зал солдатской славы
Как богатырский мавзолей

Увенчан матерью Державы
С мечом в руке кургана склон.
А рядом зал солдатской славы,
Неповторимый пантеон.

Внутри цилиндра пантеона
Рука воздета как свеча.
По кругу движется колонна,
И «Грёзы» Шумана звучат.

Звучат как реквием по близким,
Как плач всех вдов и матерей.
Хор женский плачет вокализом,
Слух заполняя всё сильней.

И в зал, как в памятную нишу,
Скорбя, заходит вся страна.
Здесь до сих пор на стенах пишут
Героев битвы имена.

Они навечно будут с нами.
Мы помним смерти ураган.
Весь мрамор стен под именами,
Как под осколками курган.

А «Грёзы» то к небесам взвываются,
И вновь опускаются к земле,
В пучину Волги окунутся.
Их плач не смолкнет сотни лет.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЦВЕТOK

Цветок из Англии прислали
Царице в дар от короля.
И журавельником прозвали
За сходство с клювом журавля.

Он – пеларгония в науке,
Пеларгой аистов зовут.
Хозяек ласковые руки
С любовью в дом его несут.

Растет в саду и на окошке
Букет цветков на тонкой ножке.
Цвет белый, розовый и красный,
Добрее нет его окраски.

В квартире воздух очищает
И подоконник украшает,
Он в доме не потерпит зла,
Он – символ мира и тепла.

Листок, как веер в развороте,
И если вы его потрёте,
То он вам будет очень рад
Отдать целебный аромат.

Он – друг семейного уюта.
Он гасит ссоры, глушит брань.
Как врач, излечит вас в минуты.
Его название герань.

КАЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ

Века историю верстали.
И вот с кремлёвского холма
Надменно, будто с пьедестала,
Глядит История сама.

Казанский Кремль эпохой славен,
По-царегрозненски суров,
Здесь с правоверными в Исламе,
И православный дух здоров.

В Кремле мечеть для правоверных
Стоит в глазури голубой
И красотой беспримерной
Ведёт к Аллаху за собой

На минаретах каждый полумесяц
На Мекку смотрит остриём.
На мостовой к священной Мекке
Рисунок камня устремлён.

Ворота рядом расписные.
На них Луны и Солнца свет.
Соединяются святые
В любви Христос, и Магомет.

Супруга хана Сююмбеки
Здесь с башни бросилась не зря,
Чтоб не прославиться навеки
Женой московского царя.

Казанка плещет у подножья,
У стен кремлёвского холма.
К лицу российскому Поволжью
И мусульманская чалма.

ДОНБАСС

За горным делом, не за славой,
Шахтёр спускается в забой.
Врубаясь в пласт природной лавы,
Он там наедине с судьбой.

А судьбы связаны с Россией
Донского края испокон
Веков прошедших. В этом сила
Всех православия икон.

Донбасс был частью Украины,
Когда пробил майданный час.
Но эту чуждую личину
Не принял на себя Донбасс.

Нацистской сволочи химера
По Украине расплзлась.
Героем стал Степан Бандера,
Чтоб русский покорять Донбасс.

Но россияне не позволят
Стереть истории наказ.
И будет вскоре с Божьей волей
Свободным от врагов Донбасс.

ГОРОД НАШ НАУКОГРАД

Город наш наукоград
Возле древних стен Москвы
Двери первым без преград
Во Вселенную открыл.

Между Яузой и Клязьмой
Был по суше перевал.
И купцы соседних княжеств
К нам в Москву везли товар.

По дороге ярославской
Может быть не раз в году
Проезжал здесь поезд царский
Мимо лавры в слободу.

Обмелели наши реки.
Тех купцов уж нет давно.
Было нам в двадцатом веке
В Космос выйти суждено.

Собирали всё по нитке
На космический полёт.
Из посёлочка Подлипки
Вырос город Королёв.

Мы живём в наукограде.
Ход истории таков:
В Космос, словно пушкой, Грабин,
Выстрел сделал Королёв.

Город наш наукоград
Возле древних стен Москвы
Двери первым без преград
Во Вселенную открыл.

Регина ЛУКАШИНА

Журналист, член СПР и Русского географического общества. Закончила Историко-архивный институт РГГУ. С 1992 года работала в ведущих СМИ, входила в «правительственный пул». До 2016 года была политическим обозревателем Радио России, вела авторский канал. Поэтесса, театральный критик, награждена медалями имени Тютчева, Грибоедова и др. «за верное служение русскому слову». Автор остросюжетных и философских романов «Блеф во спасение», посвящённых цивилизационному выбору России. Многократно выступала со своими стихами на радио и на патриотических митингах.

ВСТРЕЧИ ВО СНЕ

Нет, никто не сможет узнать,
Что со мной прошлой ночью было:
Мне приснился, как бы сказать,
Незнакомый доселе милый.
Мы по крыше гуляли с ним,
Мы искали редкие звёзды,
Обсуждали и Крым, и Рим,
Добровольцев в далёком Грозном.
Словно дети, рука в руке.
И в висок поцелуй несмелый.
Мы бродили с ним налегке,
Раздвигая судьбы пределы.
И напиться мы так смогли
Этой сладкой и чистой влаги –
Понимания слёз Земли,
Дружбы чистой, плеча отваги.
Но к утру я сказала: "Всё!..
Эта встреча была удачей.
Дальше нам предстоит своё,
Что отпущено, не иначе.
Ты вернёшься к твоей семье,
Службе, долгу, горячей стали,
Лишь в мечтах признаваясь мне,
Кем друг другу мы здесь не стали.
Это – лучше. Ведь дальше – боль.
Наяву расставаться трудно.
Мы привычно играем роль
И казним себя безрассудно".
Он со вздохом обнял меня
И исчез в глубине рассвета.

Но теперь догадалась я,
Что скрывалось за встречей этой.
Это был тот, кто погиб...
Где-то на Донбассе горящем.
И в мытарствах пришёл на сгиб,
В складку прошлого с настоящим.
Наши души бродят во сне
И встречаются тех, кто нам ближе...
Кто жил злобой – всегда в огне,
Они точно гораздо ниже.
Для святых есть лифт ввышину,
Ну а мы были просто рядом.
Я, что крепко смогла уснуть.
И мой друг со своим отрядом.
За окном – холодный апрель,
И теперь мне совсем не спится.
Пусть тебе откроют ту дверь,
Где светло, и бед не случится!..
Если ты за руку со мной
На прощанье жизни напился,
Слава Богу!.. В путь, мой герой.
В Его царстве соединимся.

ОКОПНАЯ СВЕЧА

А кто-то с кофе, круассаном,
Пиар-проекты, сплетен смог...
А мы - из фляжки, без стакана.
Окоп. Вечерний ветерок.
Кому-то пенсии повыше,
Шофёр и личное авто.
А нам бы сердца стук услышать,
Когда товарищ лёг пластом.

Одним – накачанные губы,
Контент и тачку поменять.
А нам бы вовремя нащупать
Взрыватель. Хаты зачищать...
Ползком по лужам. Птичек с лёта
Увидеть в снайперский прицел.
Вперёд, крылатая пехота.
Эй, сорок третий, ты там цел?..
А где-то вор не взят с поличным,
Имея статус "депутат".
А мы грустим о чём-то личном,
Когда вокруг крошечный ад.
Кому-то – оперные вздохи
И туристический кэш-бэк,
А здесь – развитие эпохи.
Экзамен. Кто ты, человек?
Идёт легенда – оркестранты –
Былинные богатыри.
Снаряд вокал поёт дискантом
С командой "триста тридцать три"...
Рифмую строчки в век желеЗный
На облаке и на стене.
Поэт обязан быть полезным
И словом биться на войне.

СВЯТОЧНОЕ ГАДАНИЕ

Шлейф малиновый багряный
Над остывшею Москвой:
Не пугает рваной раной,
Негой дразнит неземной.
Оперение жар-птицы,
Что разбилась в куполах,
Потерялась в грустных лицах,
Заплутав в тревожных снах.
На закате всё возможно,
Что загадано в мечтах,
И в молитвах осторожных,
И в отчаянных словах.
Святки, стужа, месяц тает
С чуть отломанным бочком.
При свечах княжна гадает,
Кто ей будет женихом.
То ли витязь, то ли странник,
Иль прижимистый купец.
Толь подарит сладкий пряник,

То ли траурный венец.
Не грусти напрасно, манит
Несказанный блеск с небес!
Поведёт тебя избранник
В майский соловьиный лес...
Над столицей в лунном свете
Расплескалось серебро,
Обещая всей планете
Правду, счастье и добро.

ПИСЬМО СОЛДАТУ

Треугольничек солдатский
По утру тебе сверну.
Чтоб ты выжил в схватке адской,
Я пошлю тебе весну!
Голубь белый легкокрылый
Сквозь тревоги и метель
Отнесёт тебе, мой милый,
Подмосковную капель.
Чтоб непобедимой силой
Твоё тело налилось,
Чтобы сердце не остыло,
От печали не спеклось.
Меж листочков меж бумажных
Надышу любовь мою.
Чтоб душе твоей отважной
Снова сил придать в бою...
А ещё вложу в письмо я
Майский ласковый рассвет,
Солнце, молоко парное,
Пчёл жужжанье, птиц привет,
Детский смех, сиянье речки,
На песке - знакомый след,
Звёздный дождь в скопленье
Млечном,
Славу дедовых побед!..
Так и ты придёшь с Победой –
Русский воин в век стальной,
С буквой Z на пряжке медной,
Долгожданный и живой.
И весна расправит крылья
Над воскресшею землёй,
Назовут твой подвиг былой,
И мы встретимся с тобой.

Анатолий СИМОРА

Протоиерей Анатолий Симора (Симора Анатолий Артемович) родился в с. Залесцы Тернопольской области, что рядом с Почаевской Лаврой – колыбелью Православия на Западной Украине. Живет в г. Весьегонск Тверской области. Настоятель Иоанно-Предтеченской церкви города, благочинный Весьегонского округа, ответственный за издательскую деятельность в Бежецкой епархии.

Рассказы, стихи публиковал в сборниках, журналах, газетах.

Автор двенадцати художественных книг.

Член Союза писателей России.

Награжден «Золотой Есенинской медалью», «Золотым дипломом» им. Николая Васильевича Гоголя, имеет другие литературные награды.

ЖИЗНЬ – НЕ ПУЛЬТ...

«Скажи мне, мама, почему, –
Спросил мальчишка, – в мире войны?..
Вот на экране всё в дыму,
Бегут солдаты... крики, стоны...»

Включила тут же, пульт схватив,
Канал другой, церковный, мама,
И фронта ужас, негатив
Сменили вдруг святыни храма.

Сын улыбнулся и смотрел,
Как полыхают в церкви свечи,
Где хор красиво, сладко пел,
И люди ждали с Богом встречи.

А мама, слёзы проглотив,
К иконке Господа припала,
О чём-то тайно попросив,
Она печально прошептала:

«Пусть сын не ведает о том,
Что папа там, где брани тучи,
А жизнь – не пульт и вмиг щелчком
Войну на мир не переключит».

У СТАРОГО КЛЁНА

Помню, в детстве у старого клёна
Я листву цвета солнца беру,
И её, согревая в ладонях,
Вдруг бросаю в друзей – детвору.

И летали по воздуху листья,
Осыпая ласкательно всех,
И в ответ над покровом златистым
Поднимался наш радостный смех.

Через годы у старого клёна
Вновь играла листвой малышня,
Только детство в обличии новом
Не заметило рядом меня.

ТЕСНЫЕ ВРАТА

Пройти сквозь «тесные врата»
Не все по-Божьему способны:
Для плоти вольной – теснота,
Её сжимают, неудобны.

А вот идя в широкий мир,
Где меж столпами врат раздолье,
Свобода тела правит пир
И даже в будни – смех, застолье...

Но в быстрине досужих лет
Жизнь станет узких врат теснее,
Ведь всё, где Бога, Церкви нет,
Как чудный лист осенний, глеет.

Лишь тем, кто в «тесные врата»
Вошёл, на Бога уповая,
Даётся счастья полнота
В свободном, вечном Царстве рая.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Поймал он рыбку золотую
Один, застыв на берегу.
«Я просьбу выполнить любую, –
Сказала пленница, – могу:

Дам денег, золота, в придачу
Дворец тебе сооружу,
Ещё бассейн огромный, дачу,
И «джип» доставлю к гаражу...»

«Нет, – он прервал её, – не нужно,
Всё есть с избытком у меня, –
Промолвил скупое, равнодушно, –
А просьба главная одна:

Пошли мне лишь простого счастья!
Я от родных людей далёк!
И будто сам душою в снасти
Попал, оставшись одинок».

Пообещала! Он, вернувшись,
Увидел домик старый свой,
Где жил с женой, детьми в минувшем
Одной счастливою семьёй.

ЛЮБОВЬ ХРИСТА

Бог есть Любовь и призывает
В Святом Писании к любви
Такой, что недругов прощает,
Забыв «увечия» свои.

Не все в неё, такую, верят,
Мол, как любить иуд, лжецов,
Злодеев всяких, лицемеров,
Что злом ответят на любовь.

Христос явил любовь воочью –
Врагами на кресте распят,
За них просил: прости им, Отче,
Ибо не знают, что творят.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег, снова мир обновился,
Стал невинно, невиданно чист,
И вокруг широко растелился
Будто новый нетронутый лист.

Надевают на чёрные плечи
Сливы, яблони белый наряд.
И готовится, словно на встречу,
С доброй сказкой приветливо сад.

И по белой пушистой тропинке
Выхожу вдохновлённо во двор.
Тишина, только шепчут снежинки
И ведут о любви разговор.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Любуемся солнцем и синью небес,
Ночную дорожку млечной.
Вот всё, что узрели мы среди завес,
Пытаясь постичь бесконечность.

Чуть больше увидел и звёзд, и планет,
Да пыльную светлость галактик
В глазок телескопа за несколько лет
Седой академик, фанатик.

Но это всё только – Вселенной порог,
А мы лишь у ближнего края.
Зато зрим воочью, как царствует Бог,
Величье Его познавая.

СЕВАСТОПОЛЬ

Среди платанов белые дома,
Красуется под солнцем Севастополь,
Но времена, как он горел, дымя,
Напоминает стопами некрополь.

Он был залитый кровию святой
Тех, кто погиб, собратьев защищая...
И люди вместе силой трудовой
Его опять воздвигли, украшая.

Лишь поражает душу глубоко,
Любуясь ныне городом прекрасным,
Как море цвета неба у него
И до сегодня не осталось красным.

КРЕСТ В ГЕЛЕНДЖИКЕ

Как живой, увенчавши вершину,
Возвышается каменный крест
Над курортом, занявшим долину
Среди самых красивейших мест.

За златистою лентою пляжа
В море тёплом резвится народ
И с утра, и до вечера даже
Пребывает в объятии вод.

Крест святой, небеса обнимая,
Неподвижно на страже стоит,
Видя море не только до края,
Но и с Богом самим говорит.

Кто-то крестится, глас возвышая:
«Слава Богу за блага... Аминь»,
Вместе с морем душою встречая
Дар небесный – лучистую синь.

СТАРЦЫ И ЛЖЕСТАРЦЫ

Лжестарцы всем дают советы:
Как жить семейно, спать и есть,
Как ездить, как ходить по свету,
Как выбирать парней, невест...

Но даже Бог Адама, Еву,
Как малых чад, не опекал,
Лишь не вкушать плоды из древа,
Где зло таилось, завещал.

И если кто, ходя по старцам,
Забыл дорогу в Божий храм,
То это были самозванцы
И нет доверья их словам.

Святые ж храм найти помогут,
Отправят на приход в мольбе,
Ведь старцы чад приводят к Богу,
Лжестарцы всех ведут к себе.

ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ

Мы открываем, здесь живя,
Чужие страны с городами,
Моря, курорты, острова
И даже звёзды временами...

Но если, всё прибрав к рукам,
Мы не открыли в сердце Бога,
Не посетили Божий храм,
Напрасна наша жизнь в итоге.

НЕПРЕВЗОЙДЁННЫЕ КАРТИНЫ

Мы видим, как вокруг живут
Непревзойдённые картины,
Как солнца лучики поют,
Лаская горы и долины.

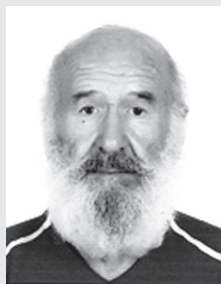
Как на нескошенных лугах
Они целуются с цветами,
А на озёрах и морях
В сини встречаются с мечтами.

Как золотистая листва,
Забыв тоску и увяданье,
Нам шепчет нежные слова,
Назначив с чувствами свиданье.

Как непорочной чистотой
Зима, леса, поля укутав,
Взывает к сердцу немотой,
Чтоб сообщить цену уюта.

Шедевры пишат, создают
О том художники, поэты,
И всё ж бессильно отстают
От видов новых, невоспетых.

Никто не может до конца
Отобразить красоты обличье,
Что нам даётся от Творца
В неисчерпаемом величье.

Вячеслав ГОРОВОЙ

Горовой Вячеслав Петрович –
член Союза писателей России.
Автор нескольких поэтических сборников.
Профессиональный спортсмен,
мастер спорта международного класса,
рекордсмен России в метании копья.
Живёт в Подмосковье.

**ПОМОЛИСЬ ЗА МЕНЯ,
БОГОРОДИЦА**

Помолись за меня, Богородица,
Помолись, не презрев бытия.
Может в жизни чего и запомнится,
Если только, что милость твоя.

Ты за боли мои и страдания,
За печали благие прости.
В этой жизни слепой ожидания
Обрести твою милость в пути.

Люди также с душою озябшею
По земле этой грешной бредут.
Веру в этой земле потерявшие
Милосердия божьего ждут.

Страсти нам не богами упрочены,
Не смирением нашим во тьме,
Только лишь на мгновенье отсрочены
Дни благие в прошедшей зиме.

Помолись за меня Богородица,
Ясным светом своим помолись.
Голова до земли низко клонится,
Не увидев безгрешную высь.

ЗАГОВОР ДОМА

Дана нам водица,
Живая криница.
Вылита из рога,
Да во славу бога.

Принеси здоровье,
Радость в изголовье.
Обели умело
И очисти тело.

Осветли нам душу,
Как леса и сушу.
Обнови жизнь нашу,
Сделай полной чашу.

Солнце нам светило,
В Роду божья сила.
В телах, душах наших
Сияй силой краше.

Всевышнему слава,
Во главу угла.

ЗА СВОИМ ИДУ НАРОДОМ

Мы и сеем, мы и пашем,
Ждём мы божьего гонца.
Открой дверь молитвам нашим,
Дай утешиться сердцам.

Поцелуй через иконы
Принимает каждый брат,
Многотрудные поклоны
Бить тебе здесь каждый рад.

Научи ты нас молиться,
Чтоб спасти наш бедный Род.
Пусть в душе моей святится
Слово гордое — народ.

Только в праздник, с крёстным ходом
Очищаются сердца.
За своим иду народом
Я на пытки, до конца.

ЗА ВСЁ ПРИДЁТСЯ ЗАПЛАТИТЬ

Общаясь с сущностью незримую,
Прошу её свой лик явить.
Но душу, ангелом хранимую,
Она не в силах зацепить.

Незрима сущность, злою тайною
Вселяет робость в душу мне.
Но станет истиной печальною,
Что с нею мне гореть в огне.

Явиться в полночь ей позволено,
Лишь стоит жуть часам пробить.
За всё, что в жизни не отмолено,
За всё придётся заплатить.

ПЕРВОЗДАННАЯ МОЛИТВА

Я в первозданной молитве без слога
В вере своей не грешил.
Тщетно губами молил в ночи бога
Без содроганья души.

И вот душа мне ответила ясно:
«Не голоси и не пой.
Что не от сердца, всё будет напрасно,
Вечной надеждой пустой».

Гневом пустым или робким терпеньем
Не превозмочь этот плен.
Только души своей ярким гореньем
В жизни найти перемен.

В БЕЛОМ ПЛАЧЕ БЕРЁЗ

В белом плаче берёз
Наши души таятся.
В чистой святости слёз
Они в бога глядятся.

Разбежится туман,
И проявится роща.
Растворится дурман,
Жизнь покажется проще.

Каждый душу найдёт
И по телу примерит.
Каждый бога поймёт
И в надежду поверит.

Не расстаться с душой,
Нам завещано с телом,
Как глазам с красотой
По весне в цвете белом.

СЛОВО БОГА ВЫШЕ СЛОВА

С верой приходя к иконе
Богородицы святой,
Не устанем жить в поклоне
Мы с душой своей простой.

Глубину души измерить
Только богу суждено.
Нам осталось только верить,
И другого не дано.

Услыхав моления наши,
Сходит благодать с утра.
Насыщаемся мы с чаши
Богородицы добра.

Слово бога выше слова,
Что слагает наша речь.
Голова уже готова
За добро на плаху лечь.

Райской жизни, нет, не просим
Мы в молитвенных стихах.
Души мы, как сумки носим
С раскаяньем в грехах.

Слово бога на спасенье
Грянет, счастьем опалив,
Мы душою в воскресенье
Верим, сердце оголив.

В ризничном, святом приходе
Бедным душам что отдать?
И от дел его исходит
В наши души благодать.

Божья благодать рекою
Нас омоет и простит.
Даст любви, душе покою,
Разум бедный просветит.

В ЗОЛОТОМ ПЕСКЕ

В золотом песке, как дети,
Заигрались толстосумы.
Будто нет им дня на свете,
Не ясны им наши думы.

В золотом песке туманом
Затянуло злые души,
И живут они обманом,
Закрывая от бед уши.

В золотом песке, как в солнце,
В ночь купаются их дети,
Тянет их песок на донце,
Не порвутся злые сети.

Их величье роковое,
Как кормилица скупая.
И хохочет счастье злое,
В золотом песке купая.

ВНУТРИ МЕНЯ ГОРИТ ОГОНЬ

Внутри меня горит огонь,
Сжигая жизнь мою.
Положишь на сердце ладонь
У жизни на краю.

Вокруг меня одна зола,
Вся от сгоревших тел.
Сколько добра в них или зла
Осталось не у дел.

Гори, огонь, жги сердце мне,
Испепеляй, как всех.
Не много радостей на дне
Осталось и утех.

Внутри меня горит огонь,
Что вам о нём сказать?
Кладите на сердце ладонь,
На всё вам наплевать.

Не надо вам меня жалеть,
Но я о том пою,
Как нищему за всех болеть
У жизни на краю.

ДЕРЕВО ЖИЗНИ

В ливнях дождей земля мокнет,
В новом потоке ей страх.
Дерево жизни засохнет
Без наших слёз в небесах.

Эту легенду приемлю,
Явь — это не чудеса:
Слёзы прольются все в землю
И воспарят в небеса.

Слёзы должны возвратиться
Из грозových облаков,
Дать нашим душам отмыться
От первородных грехов.

**БЕЛ, КАК СНЕГ,
С ГОДАМИ ВОЛОС**

Бел как снег с годами волос,
Лет своих не трушу.
Кто придёт послушать голос,
Через него душу?

Пусть поёт она, но жалость
Ей не по нутру,
Ночь по пустырям скиталась,
Но пришла к утру.

ДУША НАД ТЛЕНОМ РЕЕТ

Душа, она при жизни,
Как посох иль костыль,
Но я не в укоризне,
На эту жизни был.

Душа над тленом реет,
Над всепрощеньем тьмы,
Огнём благоговеет
Над холодом зимы.

Не потому ли всеу
Нам жизнь не хороша,
Что о любви тоскуем,
Грехами жизнь верша?

Галина РЯБИНИНА

Галина Николаевна Рябина – родилась в Подмосковном селе Троицкое, живёт в деревне Костино, Орехово-Зуевского района.

Поэт, член МОО СП России. Лауреат Московских областных литературных премий имени Ярослава Смелякова, Евгения Зубова, лауреат премии МОО СП России “Золотое перо Москвы”. Награждена медалью Московской епархии РПЦ “За жертвенные труды”. Награждена Орденом “Десница Святого Иоанна Крестителя”.

В 2014 году выпустила поэтический сборник “Признание” и музыкальный диск – “Цикл музыкальных произведений” на её слова. Музыку написал известный композитор, профессор, член Союза композиторов СССР и РФ, заслуженный деятель искусств России-Александр Васильевич Дудник.

В 2021 году выпустила поэтический сборник “Мои звенящие печали” и вокальный цикл “Признание”. Произведения также публиковались в периодических изданиях, поэтических сборниках и альманахах.

Награждена медалями “Ивана Бунина”, “Ярослава Смелякова”, “Евгения Зубова”, “В Память 100-летия Великой войны “За веру, Царя и Отечество”.

Номинант национальных литературных премий РС писателей “Поэт года” “Наследие”, “Русь моя”. Награждена медалями “Золотой Есенинской медалью”, “Анна Ахматова 130 лет, “Александр Пушкин 220 лет”, “Владимир Маяковский 125 лет”, звездой “Наследие”.

В ДЕНЬ АНГЕЛА

Галина Пресвятая,
Мой ангел неземной,
Молитвами Твоими
Я вижу путь иной.

Я чувствую, Ты рядом.
Душою я с тобой,
Небесный покровитель,
Ниспосланный судьбой.

Как холодна сегодня
Весенняя земля!..
Задули ветры буйны,
Мороз сковал поля.

Но солнышко сияет,
С небес в глаза глядит,
Галина Пресвятая
Со мною говорит.

23 марта 2016 г.

В СОЧЕЛЬНИК К МУЖУ...

Все храмы нынче тумане,
Вновь снег пришел к январю.
Рассыпал мелочь на камне,
Хоть милость целую твою.

И долгожданный, холодный,
Застлал черневшую соль.
И камень подобрал надгробный,
Мою бессонную боль.

И в этот тихий Сочельник,
В снежном безмолвном плену,
Пришла на кладбище в ельнике,
Пришла с поклоном к нему.

Я буду в небесном мире,
Я встречу с тобой весну,
Когда в убеленной могиле,
Войду в твою тишину.

18 января 2020 г.

ИМЕНИНЫ В ПОКРОВСКОМ

Поутру рассветлилась дорога,
Засветились во мгле купола...
На душе от волненья тревога, –
Богородица в храм позвала.

Там у речки ивы-монашенки,
Словно странницы жизни иной.
Белеют в кокошниках башенки,
Охраняя покой неземной.

Храм наполнен молитвой сердечной,
Правит службу монах Серафим.
Ангелочки в любви бесконечной,
Предстоят заступлением своим.

Святый Ангеле Божий, хранитель,
Не оставь меня в трудные дни.
Окаянного тела целитель,
Ты в молитве меня помяни.

Прошу у Галины Угодницы
Помолиться за душу мою
Покровом Святой Богородицы,
В золотом, светозарном краю...

23 марта 2019 г.

*Храм Покрова Пресвятой Богородицы
Село Покровское*

МОИ ЗВЕНЯЩИЕ ПЕЧАЛИ...

Мои звенящие печали
Душе покоя не дают.
Они из уходящей дали
В колокола набатом бьют.

И пряной осени дурманы
Уже не радуют меня.
Они, как синие туманы,
Крадутся на закате дня.

И виноград пурпурный, дикий
Воспоминая воскресил,
Но, как жестокий Ян двуликий,
Огнем их тут же опалил.

Как будто не было дыханья,
Моей руки в твоей руке,
И только горечь осознанья,
Что не прижмусь к твоей щеке.

27 октября 2020г.,

д. Костино

НАШИ ЛАНДЫШИ

Я не заметила, как ландыши цвели,
И листья клёна с изумрудной тенью.
В душе страдания вечным холодом легли,
Предав все чувства прежние забвенью.

И мысли прежние для радости глухи,
Стою в саду, в холодном осознанье.
И мне все кажется, не искупить грехи,
И ландыши в последнем увяданье.

Весна покинула мой уголок земли.
Сад, душу растрепала ветерками.
Иголки хвойные под соснами легли,
И стали тропы колкими стежками.

Верни мне радости потерянной весны,
Верни венца церковную прохладу,
Где мы с тобой в любви обручены,
О бренный мир, верни душе отраду.

7 августа 2019 г.

Деревня Костино

ПЕРВОЦВЕТ

Свет весенним духом полон,
Растрезвонился апрель.
По полям, едва вздохнувшим,
Синь - цветная карусель.

Голубиными крылами
Весть благая разнеслась –
Неневестная Невеста
Чистым цветом нареклась.

В Благовещение Святое
Первоцветиков нарвём,
Чистой Девыцы Марии,
Дивный Образ обовьём.
7 апреля 2019 г.

РЯБИНУШКА

Я спрошу рябинушку, светлую красу:
“Как моя хорошая, ты живёшь в лесу?”

Отвечает милая:” Мне спокойно тут.
Травушки-муравушки хорошо растут.

Вкруг берёзы белые водят хоровод.
Речка с тихой заводью замедляет ход.

Пташечки небесные говорят со мной.
И с любовью дышится, и покой земной.

И с зимой холодною буду я дружить.
Снег покроет веточки, чтоб теплее жить.

А весной, по солнышку, я опять в цвету.
И своею нежностью завлеку мечту.”

Сентябрь 2011 г.

У реки Нерская

СУДЬБА – РУЛЕТКА

Моя рулетка отдыхает.
Мне ставки делать ни к чему.
Любой исход переиграет
Моя судьба – венец всему.

Приснился белый храм в руинах.
Он жизнь пропащая моя.
Очнулась, будто на поминах
Своей души, у алтаря.

Дрожала, слёзно умоляла:
“Верни потерянный венец”.
Судьба покорность проявляла:
“Не я хозяйка, а Творец...”

23 апреля 2020 г.

Лидия ЖАРОВА

Лидия Павловна Жарова родилась в г. Шатуре Московской области. По образованию – филолог. Долгое время жила и работала в Москве (Минтопэнерго РФ, УМ-центр, директор). Имеет отраслевые награды и звания. Член Союза писателей России.

Сегодня проживает в Шатуре. За переводы стихов немецких поэтов 18-х вв. награждена национальной литературной премией "Золотое перо Руси". Многократный лауреат и дипломант областных, общероссийских и международных конкурсов. Участник международной книжной ярмарки (Франкфурт-на-Майне, 2012).

Кавалер многих орденов и медалей. Печатается в изданиях МОО СП и МГО СП, а также за рубежом (Германия).

11 лет руководила районным литературным объединением "Орфей", ныне – его молодёжной студией.

Л. П. Жарова – литературный редактор районного альманаха "Сфера притяжения", член Высшего творческого совета и член Правления МОО СП, Заслуженный поэт и Почётный ветеран Подмосковья, член президиума Совета ветеранов городского округа Шатура; почётный гражданин Шатурского муниципального округа.

ЧТО НИ СЛОВО, ТО ДОЛГ

Человеческой природе, и в особенности русской, свойственно в полной мере оценивать только потерянное. Так поспешим насладиться и удивиться тому, чем мы ещё обладаем, поспешим познакомиться с теми, кто живёт и творит для нас сегодня.

Лев Котюков – автор более тридцати книг стихов и прозы, получивших признание как у нас в стране, так и за рубежом. Имя его занимает своё достойное место в отечественной словесности. Однако столь широкое признание пришло к автору далеко не сразу. Долгое время его произведения оставались вне внимания издателей, критиков и массового читателя. Причины? Как объективные, так и субъективные. Котюков – человек непростой судьбы и неординарного духовного склада, его творчество и он сам трудно укладываются в общепринятые рамки.

Моё знакомство с ним как с поэтом началось в 2006 году с первой подаренной им книги избранных стихов с символическим названием «Крест и пламя». Книгу предвещает вступительная статья автора, и уже тогда многое в его высказываниях поразило и откликнулось в душе. Пр процитирую одно из его суждений: «Истинную поэзию не понимает почти никто. Но упорно пытаются разьять непознаваемое законами прозы. Сие действо подобно трепанации черепа – в поисках ума. Но даже самым гениальным хирургам не удавалось обнаружить ум в мозгах человеческих. И слава Богу...»

Надо сказать, сами стихи поразили не меньше. Но, следуя неопровержимо-му утверждению автора, я постараюсь не уподобляться некоему незадачливому хирургу и не пытаться препарировать стихи Льва Котюкова. Тем паче что я и сама не могу себе объяснить, почему иной раз возникает ощущение острой душевной пронзительности или какого-то особого света и влекущего пространства от музыки стихов настоящего поэта:

*Одиночество без срока,
И душа избита в кровь.
И Россия одинока,
Как последняя любовь.
И упорно не хватает
Чуда Божьего на всех.
Но душа, как снег, не тает,
Но душа, как вечный снег.*

Взявшись за очерк о Котюкове с намерением познакомить читателей хотя бы с небольшой частью его поэтического творчества, я оказываюсь в достаточно трудной ситуации: космогоническая стихия, смелые метафоры, океан мыслей, образов, чувств... Невозможно объять необъятное, но, осознавая это, я мужественно решаюсь-таки продолжать: что смогу...

«В нём было тяжёлое пламя печали», – так писал Корней Чуковский о Блоке. Эти слова могли бы относиться и ко Льву Котюкову. «Озябшие звёзды Медведицы пролетают сквозь сердце моё...» Лаконизм самовыражения поражает. Почему-то навсегда засело в памяти его стихотворение «Вдовец» – убийственные картины обледеневшего белья, гремящего на ветру. Пробило до слёз... И не только потому, что так потрясающе осязаемо соотносится оно в своей трагической обыденности с обугленной душой вдовца.

<i>Метель, – дошло сквозь забытьё, –</i>	<i>Дрожа, сошёл в гремящий двор</i>
<i>В метель один помру...</i>	<i>И стал бельё срывать.</i>
<i>Обледеневшее бельё</i>	<i>Срывал, швыряя под забор,</i>
<i>Гремело на ветру.</i>	<i>И дрожь не мог унять.</i>
<i>И явственно сквозь забытьё</i>	<i>И стон летел в метельной мгле</i>
<i>Увиделось в былом:</i>	<i>За тридцать земель,</i>
<i>Жена несёт в тазу бельё</i>	<i>И стало тихо на земле,</i>
<i>С мороза в тёплый дом.</i>	<i>И кончилась метель.</i>

К образу ледяного белья поэт возвращается ещё раз в стихотворении «Рубаха».

<i>Всю ночь одна без страха</i>	<i>Верёвка бельевая</i>
<i>В безумном ноябре</i>	<i>В безумной вышине,</i>
<i>Висит моя рубаха</i>	<i>Рубаха ледяная –</i>
<i>За домом во дворе.</i>	<i>Мерещатся во сне.</i>
<i>Висит моя рубаха</i>	<i>И, забыв о страхе,</i>
<i>В ночи вниз головой,</i>	<i>Один в чужом краю,</i>
<i>И бьёт её с размаха</i>	<i>Я в ледяной рубахе</i>
<i>Ветрище ледяной.</i>	<i>Пред Господом стою.</i>

И в самом деле, что есть ещё абсурдней и чудовищней, нежели родная обледеневшая рубашка, которая была, может быть, ближе всех к твоему телу, а стало быть, и к душе... И каждый ли это увидит и прочувствует в суе обывательской? Поэт – увидел. Каждое слово здесь – точный мазок художника на домашнем холсте. Убери, замени одно, и исчезнет острота восприятия, исчезнет пронзительность и поразительная явственность трагической минуты.

Тема одиночества, выстраданной любви, тема глубокой личной боли, неотделимой от вселенской, звучит во многих стихах Льва Котюкова. Его душа – источник боли. И потому он иногда грубоват в слоге, не манерен, не благодушен, не восторжен. Такое ощущение, что его стихи точно сбалансированы первой и последней строфой, как бывают сбалансированы лезвие кинжала и его рукоятка. Его обостренное восприятие бытия определяет сцементированный непривычной логикой синтаксис без излишнего сюра и украшательства и адресованный тем, кто способен понять аллегорию и символ. Его слово прорастает из рамок стиха, как прорастает мыслящее семя грецкого ореха, ломающего на две половины жесткий каркас своего Я, чтобы явить себя миру. Его поэзия – поэзия страдания, но не слезливого, а сурового, по-христиански осознанного. Стихи Котюкова многомерны, философичны, подчас космогоничны, острохарактерны, контрастны в красках и в оценках времени и себя – во времени, полны неожиданных сравнений и глубоких суждений. И что главное – устремлены к Богу.

Не могу не привести в качестве дополнительного аргумента свои короткие строки о его книге «Крест и пламя»:

*Любовь и боль озвучить на листе,
Когда кричит от мук и былъ, и небыль...
Прозреть стихом в неистовой мечте,
Насытить мир, не преломляя хлеба...
И вечно жить, сгорая на кресте,
И мыслить вечно, высветляясь небом.*

Увлечшись, я таки погрешила против своего обещания не углубляться в анализ творчества Льва Котюкова, но иначе как мне представить вам поэта и человека?

Александр Фитц (член правления Международной федерации русскоязычных писателей) пишет о поэте: «Лев Котюков – человек нервный, саркастический, талантливый, меткий в словах, убийственно точный в образах... и очень ранимый». За талант и сарказм многие его не любят. Он может сказать, к примеру, так: «Ты только глянь! У него же с возрастом вся душа на морду вылезла!» Как-то на парижской книжной ярмарке ко Льву направился один не уважаемый им литератор. И Лев пробасил: «Ближе, чем на три шага, не приближайся – ауру испортишь!»

Вот таков Лев Котюков... Резок, неудобен? Странен? Ну и что?! О себе он пишет так: «И то, что душою зовётся, душа не вмещает уже». Поэт уранового века, он одинок среди других потому, что не таков, как все. Стая, прайд или толпа, как правило, непохожих исторгают или принимают – с трудом. У таких, непохожих, обычно друзей меньше, а врагов всегда достаточно...

*Быть может, душу не спасти,
Но в силах я не оглянуться,
Чтоб не в поэзию войти,
А из Поэзии вернуться.*

Вернусь к книге Льва Котюкова «Крест и пламя»:

*... В молчании – мука. Но снова и снова
Жду вещего гласа. Жду вещего Слова.
И холодом тёмным дохнув у порога,
Мосты сотрясая, уходит дорога.*

*Тяжёлое небо над белым обрывом...
Зачатье страданья в мгновенье счастливым.*

*Прощальная песня. Безвестная мука.
Далёкая встреча. Разлука... Разлука...*

Сокращая по необходимости стихотворение и практически фрагментарно выщербляя его мозаичное полотно, я, видимо, святотатствую и нарушаю закон Гармонии. Надеюсь, однако, что найдёте книгу и прочтёте всё целиком. Но ведь – каково? «По лезвию ножа» – и «в кровь босую душу...» Печаль самого высокого накала. Но если вы не хотите печали, а хотите только смехопанорам и комеди-клуб, тогда вы этого льва Поэзии и не поймёте.

А он платит вам долги... «Что ни слово, то долг! / Этот мир переполнен долгами. / Но друзья и враги / Забывают земные печали. / Я прощаю долги. / Чтоб меня никогда не прощали».

Прозу и стихи Льва Котюкова разбирают на цитаты:
«Гении рождались в провинциях, а умирали в столицах.
Поэты прощают всех, но поэтам ничего не прощают.
Главный недостаток – он был живым.

Производители стихотворческого метража (о плодovitости иных пишущих).
Почему поэт должен быть праздничным подарком для окружающих, если сами окружающие, мягко говоря, не юбилейные сувениры?

Мы, русские, едим друг друга, тем и сыты.
Человек – это звучит горько.

Запасы поэтесс в России явно превосходят запасы ядохимикатов...»

Да, этакое мужское превосходство в последнем утверждении есть, но разве, вздохну я, Лев не прав? Но предположу, что не всем это понравится. Однажды Маяковскому на одном из вечеров в Политехническом крикнули: «Товарищ Маяковский! Ваши стихи моим товарищам не нравятся!» На что Маяковский невозмутимо ответил: «Надо иметь умных товарищей».

Как-то я сказала: «Поэты – словно церкви при дорогах: у каждого свои колокола». Пусть же колокол Льва Котюкова звучит, «обретая образ света». Он звонит и по нам.

*Рождаются в земле колокола –
И полнят чудным пеньем дол и небо.
И опадает сумрачная мгла,
И прозревает над водою верба.
Колокола рождаются в земле,
Но чудным звоном осеняют дали.
И птицы оживают в зябкой мгле,
И отступают ложные печали.*

*Но вот молчаньем чудный голос стал,
И тишина объемлет явь живую...
А где-то льётся огненный металл,
Клокочет, обжигая плоть земную.
Спекается, дымится глинозём,
Но яви колокольной ждёт планета...
И образ зверя, явленный огнём,
В молчанье обретает образ Света.*

Примите этого глубокого, неоднозначного поэта таким, каков он есть: он заставит вас посмотреть на мир под другим углом, ибо, как сказал Лев Котюков, «живёт настоящим душа – между светом и тьмой».

ЛЬВУ КОТЮКОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

«Надо чтить потёмки чужой души,
надо смотреть в них...
Смотри и чтить,
смотри и не плюй»
*Венедикт Ерофеев**

30-й КАБИНЕТ**

Он в дверь вошёл, как ветер — злой,
Нездешний, страждущий, упрямый!
Качалась люстра над столом,
И напроць вылетали рамы.
Зарывшись в ворохе бумаг,
Он утихал слегка затем...
А я терзалась мыслью: как
Средь этих узких, спёртых стен
Вмещалось и дышало страстно
Его безмерное пространство?
Трепал по швам, кряхтя в ответ
Тридцатый тесный кабинет.
2006 г.

БАРАН*** И ЛЕВ (басня)

Со Львом поссорился Баран.
Пусть Лев Барану помогал,
Решил Баран: давно пора
Поднять собрата на рога
И вот Баран наш, осмелев,
Исподтишка рогами — шасть!
Не кровожаден был тот Лев,
Но львам дана обычно власть.
И был его вердикт таков:
В Баране, видно, пляшет бес.
Когда бараны ели львов?
Так пусть, как должно, травку ест!
Баран по-прежнему рогат,
Но средь зверей сомненье есть:
Неблагодарный — виноват.
Так не пора ль его и съесть?
Живёт Баран... Но с этих пор
На шкуре носит свой позор.

* * *

На грани острой тьмы и света
Его душа средь нас живёт.
Оголена душа поэта:
Дотронься только — током бьёт.
Мир принимая нервно, страстно,
Он знал всегда, кто враг, кто друг.
На завершающем контрасте
Он начал свой последний круг.
2022 г.

* * *

Жил, как Бог ему велел.
Так, не так — ответа нет.
Тёмный пламень в нём горел,
Но лучился ясный свет.
Остальные все вопросы
К странному львиному парадоксам...

НА ТРОЕКУРОВСКОМ КЛАДБИЩЕ (06.09.2022)

Увы и ах! Он весь в цветах...
И строгость мускулов лица
Являла нам покой конца
У Бога на святых весах.

Он бессловесно-недвижим,
И не дано ему дышать
Затем, чтоб Богу не мешать
Спокойно разобраться с ним.

Но у волхвов сомнений нет:
Отметит Бог, что он — Поэт.

У ГРОБА

Мы все из львиного прайда,
Скорбим у немого лица
О том, в ком голая правда
Терзалась всю жизнь до конца.
Не тешим себя убеждением,
Что знали его хорошо.
Певец остроты напряженья
Непознанным тихо ушёл...

Светлая ему память.

* Л. Котюков читл Венечку.

** кабинет в здании МГО СПР на Б. Никитской.

*** один из недоброжелателей поэта.

ЧИСЛО ПИ

Пытаясь мерить тайны бездн,
И с калькулятором, и без
Я вычисляю до истерики
Суть математики материи.
Стремится странная цифирь
Упрямо вверх, и вглубь, и вширь.
Но где же, о великий Бог,
Твой окончательный итог?

* * *

Мир трёхмерен вроде, но
Ясно каждому одно:
То, что после запятой,
Всё у Бога под пятой.
Вычисляю, измельчаю,
Продолжая длинный ряд,
И понять уже не чаю,
Что там боги говорят.

* * *

Мир бездонный микрочисел —
От окружности к диаметру,
Странный код вселенских смыслов,
Дисгармония параметров!
И мученье, и блаженство
Удивляться этой данности:
Нет предела совершенству,
Если нет предела таинству!

В любви, как всё, наверное,
И родилась вселенная.

В правременном охвате
Есть у неё праматерь,
И взрыв как прасобытие
Есть результат соития.

ГОРБУН

Тяжёлый сумрак лёг на плечи,
И тучи рваной бахромой
Гасили уходящий вечер.
А ветер, робкий и хромой,
Едва ступая по осокам,
О лунной тайне шелестел
И замирал в траве высокой...
Горбун у озера сидел.

Он так любил, с такою силой,
Что мог бы плавиться металл!
И тень горба не отразила,
Когда горбун неловко встал.
И он увидел в водах праздных,
Не смятых сонною волной,
Что был он строен и прекрасен,
На миг обманутый водой.

Не даст Бог счастья полной мерой
Ни господину, ни рабу,
Но на мгновение поверил
В невероятное горбун.
Природа в нас колдует мудро,
Ей волшебства не занимать.
Горбун домой пришёл под утро...
«А где твой горб?!» — вскричала мать.

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН**«ЛЮБОВЬ НЕВОЗМОЖНАЯ» – ВОЗМОЖНА**

«Постигнутое не существует».

Л.К. Котюков «Любовь невозможная»

Однажды мы беседовали на кухне в Переделкинской даче Льва Константиновича Котюкова. Промко сказано, «беседовали»! По обыкновению, говорил Лев Константинович страстно, язвительно, безапелляционно, а я слушал и время от времени, когда Лев Константинович готовил для себя очередную чашку кофе, задавал не всегда уместные вопросы, которые раздражали Льва Константиновича, и он принимался с большей горячностью рассуждать о наболевшем. Угрозило меня спросить его тогда о литературном процессе в пространстве современной русской литературы. Почему, думал я, на слуху у публики, читающей и не читающей, смотрящей телевизор, и не смотрящей, звучит «обойма» из нескольких имён сомнительных писателей, словно это чей-то заказной проект. А о настоящих русских поэтах и писателях, в том числе и о нём, выдающемся поэте и писателе современности, так мало пишут и говорят, как будто его нет в литературе?

Последние книги Льва Константиновича: «Пепел тьмы», «Победитель последних времён», «Ангелы любви», «Любовь невозможная», – остаются незамеченными современной литературной критикой. На мой взгляд, в личности Льва Константиновича Котюкова и его творчестве прослеживается живая традиция столбовой дороги русской классической литературы.

– О чём ты говоришь?! – раздосадовано воскликнул Лев Константинович, – какой такой «литературный процесс?!...» Его нет и в помине. На повестке дня не литература, мой дорогой, а один только шкурный интерес!

Конечно, – продолжал горячиться Лев Константинович, – за так называемым «литературным процессом» стоят издатели, заинтересованные не в том, чтобы издавать качественную литературу, литературу полезную и нужную читающей российской публике, (а всякое уважающее себя издательство должно делать именно так!), а они думают только о том, чтобы получить побольше прибыли.

И вот избирается, как бы писатель. Для его раскрутки дельцы от издательства оплачивают модного литературного критика, создают шумиху вокруг имени писателя, он награждается престижными литературными премиями и его книги продаются огромными тиражами. Так работает современная технология получения больших барышей, по высоким западным стандартам. Может быть, Бог с ней, она имеет право существовать в современном мире! Но к настоящей литературе и литературному процессу, каким он традиционно существовал в России, это не имеет никакого отношения. К сожалению, в нынешнюю эпоху весьма нелегко истинному творцу, ибо «цензура» дикого рынка оказалась во сто крат страшней и безжалостней былой, советской идеологической цензуры.

Прежде чем продолжить разговор о Льве Константиновиче Котюкове и его последней книге «Любовь невозможная», позволю себе сделать некоторое отступление.

Литературный процесс в контексте русской литературы

На окраине листопада в глухой тьме, в старом пустом доме мне приснилась огромная-огромная, больше самой себя, информация, а потом современная художественная литература.

Сон был ужасен, как ночь в реанимации, – и я не буду рассказывать пережитое, оставлю нечеловеческий ужас при себе, дабы сберечь малое число своих последних читателей до назначенных сроков.

Л.К.Котюков «Любовь невозможная»

Первое слово, напечатанное для Славянских народов, было Слово Истины. Слово навсегда запечатлелось в душе и сознании русского народа. Он впитал это и запомнил на все времена: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог; Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть»...

Вот эта серьёзность и онтологичность Слова – определила нашу культуру как словообразующую, как смыслообразующую. И первые Великие летописцы, и писатели рассматривали своё обращение к Слову, как служение.

«Слово о Законе и благодати» Киевского митрополита Иллариона; «Повесть временных лет» монаха летописца Нестора; «Слово о полку Игореве»...

Русский народ прибавил к Слову Истины слово правды, правды общей для всех. Эти критерии передавались в письменной традиции, и перешли к Великим писателям 18 и 19 веков. Ломоносов, Державин, Пушкин, братья Киреевские, отец и сын Аксаковы, Лермонтов, Хомяков, Достоевский, Бунин – собственно те писатели, которые именуются классиками – золото национальной литературы! Они определили эпоху, названную Золотым веком Русской литературы. Те критерии оценки литературных произведений, которые выработал Золотой век, я бы назвал классическими. А апогеем стало публичное выступление Ф.М. Достоевского на открытии памятника Пушкину в 1881 году в Москве, когда были сформулированы и определены СМЫСЛЫ для столбовой дороги русской литературы. И смыслы эти Достоевский отыскал в творчестве Пушкина, Великого русского поэта, сумевшего сделать такие обобщения культурного опыта из разных слоёв жизни русского общества, что позволило ему стать первым и единственным Великим поэтом России.

Не стану писать о том впечатлении, которое возымела речь Достоевского о Пушкине на высоком Собрании любителей русской словесности, скажу только, что Иван Сергеевич Аксаков, выходявший к трибуне вслед за Достоевским, отказался от своей речи. А неизвестный студент, как писали газеты и журналы того времени, слушая речь Фёдора Михайловича, от восторга потерял сознание. Им оказался будущий митрополит Антоний Храповицкий, впоследствии возглавлявший Русскую Православную Церковь за границей.

Именно в те времена сложилось понятие литературного процесса, который, пожалуй, не терялся из виду литературной критикой до конца восьмидесятых годов прошлого века. Да и критика, как отдельный раздел литературы, существовала не в той форме, в которой она существует теперь, а именно – взять достойного писателя и во имя «корпоративного» интереса облить грязью.

Критика существовала сама по себе, как самостоятельный раздел. Литература была для неё поводом поговорить о главных вопросах бытия, о его смыслах и задачах.

Начавшаяся полемика в лоне Христианской церкви в одиннадцатом веке между Западной, Римской и Восточной, Византийской, получила завершение в четырнадцатом веке победой в этой полемике Восточной Церкви, в лице Святителя Григория Паламы и тех святых отцов горы Афон, среди которых он подвизался. Перешла она и в сферу светской культуры, в литературу, – правда, с большим опозданием...

Живая народная жизнь оказывала огромное влияние на умы русских литераторов. Трудно было преодолеть этот магнетизм, подобно воздействию силы гравитации Земли, – влияние народного языка и мудрости на представителей культуры. До поры, пока из Германии не подул сухой немецкой философии и многие секуляризированные умы в России подверглись другому, западному влиянию. И в литературе эхом отозвалось – возникла известная полемика Западников и Славянофилов, продолжавшаяся вплоть до шестидесятых – семидесятых годов двадцатого века. И всегда стоял вопрос поиска СМЫСЛА Русской истории и Русской культуры. И литература в поиске смысла занимала главенствующее положение.

Был особый период в Русской культуре, как удивительно заметила культуролог и поэт Нина Ягодинцева, который не являлся исключением из правила для национального сознания, а скорее подтверждал правило – «это единственный опыт в мировой истории использования потенциала литературы для воспитания людей, объединения общества, моделирование образа будущего в экстремальных условиях выживания. К этому прибегла с особым размахом новая интеллигенция и верхушка Советского государства мобилизационного периода в начале тридцатых – пятидесятые годы прошлого века. Можно утвердительно сказать, что сила литературного художественного слова имела решительное влияние на Советское общество: индустриализация страны, Великая победа над фашизмом, завоевание космического пространства...».

Чувство ответственности за печатное слово никогда не покидало русских писателей, потому что они понимали, что литература связана с мышлением людей, и влияние литературы на умы было направлено к созиданию жизни. «Литераторы хорошо знали, что человек обладает индивидуальным сознанием, обладает свободой выбора. И он всегда стоит на пороге главного выбора, следует ли ему направить свою волю на со-бытие с Миром, его породившим и в нем нуждающимся, или утвердить в качестве приоритета ЭГО, единичную частную жизнь. Писатели понимали также, что как личность, так и народ, включены в магистральный смысл всеобщего со-бытия. Что преодолевая ЭГО, человек становится со-причастным вечности, а те, кто культивирует свою частность, выпадают в ничто» (Н. Ягодинцева).

СМЫСЛ являлся и является важнейшей необходимостью бытия, с его утратой, человек подвержен хаосу, приводящему его к смерти, ибо его воля к жизни, не находя опоры во внешнем мире, его породившим, становится волей к гибели.

Подлинную литературу можно назвать лабораторией смыслов. Она их создаёт, она освещает пространство жизни, предлагая опробовать в действии найденные смыслы (уже опробованные в художественной реальности), важные для данной эпохи, данной культуры, данного поколения. Литература являлась и должна являться источником живой воды, противостоящей замиранию жизни.

А с девяностых, горестных для русского народа годов, мы наблюдаем в жизни и литературе настойчивое обесмысливание жизни.

Случайно ли, в качестве замены подлинной национальной литературы раскручивается «обойма» имён и произведений, превращающих в абсурд и бессмыслицу нашу историю, литературное наследие, наше настоящее, наши нравственные и культурные ценности? И это несмотря на отторжение народом подобной литературы. Нет, это инструмент «обезволивания жизни...» (Н. Ягодинцева).

Разрушительная деятельность, лишаящая смысла наше бытие, несёт в себе свой собственный совершенно внятный смысл.

Настойчиво отвергается национальная культурная традиция и насаждается «креативность»? А между тем, традиция – это сущённость наиболее жизненных

и энергетически ёмких смыслов. Наблюдается тенденция к перенаправлению вектора поиска. Литература, да и гуманитарные науки уже достаточно давно прилагают усилие на изучение низких смыслов, а иногда и прямой бессмыслицы. Это пространство сумерек сознания, угасания и тления воли, жизненных сил, самой жизни.

Это ни что иное, как дьявольская подмена. Возьмите наш обесмысленный смысл. Не подходит? Тогда ваше существование бессмысленно. Апогей экзистенциализма! Когда теряется не только вера в Божественное начало жизни, но вера и в саму жизнь, от которой экзистенциалиста мучит «метафизическая тошнота».

Мы знаем и чувствуем, что русскому человеку свойственен поиск соборного, всеобщего смысла – смысла для всех! Мы видим, намеренно часто, в средствах массовой информации ставят риторический вопрос о национальной идее, подчеркнута обнаруживая кажущуюся пустоту и отсутствие смысла. А это заведомо ложное утверждение.

Но без поиска смысла наша культура, система наших ценностей, не работает, а чахнет. И смысл для нас должен быть максимально высоким, потому что русский человек живёт в присутствии Бога, другое для него бессмысленно. Наша культура – высоких смыслов. А литература наша – подлинная лаборатория смысла.

Об одиночестве и свободе

Жизнь моя – разлука с Богом!

Встреча с Богом – жизнь моя...

Л.К. Котюков «Любовь невозможная»

Настоящий писатель одинок. В понимании вещей он уходит слишком далеко. Он так же одинок, как одинок Христос. Но совершенный Бог из своего одиночества продолжает любить творение, как Своё единственное дитя. Когда оно Его слушается и понимает, – Он любит дитя радостью. А когда оно Его огорчает, Он любит его Крестом. А мы, люди как часть Его творения, извратив замысел о творении, являемся Его Адом!

«Бог не вмешивается в противоборство человека со злом ради самого человека. – Пишет Лев Константинович Котюков в книге «Любовь невозможная», – Человек должен, подобно Богу, ибо «по образу и подобию...», одолеть зло без надежды на чудо и высшую поддержку. Богу надобны равные Ему, дабы Его одиночество не было вечным, и равенство заключено в победе. Но, и не поборовшие зло, остаются с Богом, ибо они становятся непобеждёнными. И никто не остаётся самим собой, ибо остаться во зле – всё равно, что умереть не родившись.

Лучше томиться вечной тайной, чем вечной безысходностью, ибо вечность есть одиночество Божье, где никто не одинок».

Человек был призван Богом сотворцом в Его творении, об этом свидетельствует книга Бытия, и навсегда получил от Бога творческое начало, способность творить. Оно развивается и реализуется при одном условии, – и это тоже является Великим даром человеку от Творца, – человек должен быть свободен. Без свободы нет творчества. Не свободный человек – не способен творить.

Вот как Лев Константинович Котюков рассматривает свободу в своей книге «Любовь невозможная»:

«Свобода воли, свобода выбора!.. Но почти мертвы слова эти в устах и делах наших. И, может быть, истинная свобода – это отсутствие выбора. Но, о Боже, как страшна эта истинная свобода! Она равносильна разлуке с Богом... Не каждый достоин этой разлуки, а свобода без выбора равносильна разлуке вечной».

– О-о-о!..- воскликнет обыватель и коллеги по цеху писателя, – напустил тумана, да ещё неопределённо завершил: «и что сказал, то сказал», – претендуя на мимолётность высказывания в состоянии высшего озарения! Да кто же согласится с такой свободой, у которой нет выбора? Что же это за свобода такая!? Где же здесь права человека!?

Но святоотеческий духовный опыт различает свободы. Например, преподобный Исаак Сирий. Для него есть свобода «истинная» и свобода «невежественная». Вот что преподобный говорит о второй свободе:

«Невежественная свобода – есть мать страстей... неуместной этой свободой конец – жестокое рабство».

А вот ещё одна цитата из святоотеческого предания, которая почти полностью совпадает с мнением Льва Константиновича Котюкова о свободе:

«Бог спасает нас, не без нас. Он вспомоществует нашей свободе, но не производит ни малейшего насилия над ней».

Преподобный Макарий Египетский добавляет к сказанному:

«А создан по образу и подобию Божию, потому что как Бог свободен и творит, что хочет, так свободен и ты, поэтому природа наша удобоприемлема и для добра, и для зла; и для благодати Божией и для сопротивной силы. Но она (т.е. свобода) не может быть приневолиема (со стороны Бога)».

Свобода воли, свобода самоопределения человека, таким образом, такова, что над ней никто и ничто не имеет власти – ни Закон, ни государство, ни общество, ни человек, ни сам Бог. (Мы знаем, что даже высшая мера наказания не останавливает человека от совершения преступлений).

Бог по своей природе не может нарушить свободу воли человека. Если бы Он мог, Он бы тогда нес ответственность за всё зло, которое совершается в мире.

«Великая свобода быть в состоянии не грешить, – пишет блаженный Августин, – но величайшая свобода – не быть в состоянии грешить».

Как радостно размышлять о серьёзных, глубоких вещах, вчитываясь в книгу Льва Константиновича Котюков «Любовь невозможная». Читаешь и чувствуешь, как утоляется Онтологический голод, как плоский мир, изображаемый современными секуляризированными писателями, углубляется, возвышается, становится шире, объемнее и в нём появляется реальность Бога – бессмертного источника всякого творения!

Писатель появляется не случайно. Он живой свидетель эпохи, в которую он живёт. Он должен оставить документ эпохи, чтобы эпоха была узнаваема. Но это не должен быть холодный текст очерка, документального описания событий. Это должен быть художественный текст. Только он имеет отношение к подлинному творчеству, к природе Бога-Творца, имеет отношение к настоящей литературе.

Во-первых, только то остаётся в литературе, что проходит через время;

Во-вторых, – это художественность.

Она является живой тканью произведения. Ещё учась в Литературном институте, я вывел для себя формулу: труд писателя заключается в том, чтобы создавать живую ткань жизни; чтобы жизнь, которую он изображает, становилась частью опыта другого человека.

То есть, читатель так вовлекается в литературный текст, как он вовлекается в события действительной жизни, которые с ним происходят. Влияние на читателя может оказывать только художественность. Без художественности литература невозможна.

«Жизнь прерывиста... – Пишет Лев Константинович Котюков в книге «Любовь невозможная» – Мы живём рывками. Наша жизнь при нашей жизни

обрывается, обращается в небытие — и вновь возникает в бытие неведомым для нас образом. Без прерывистости жизнь невозможна, ибо, как не дико сие звучит, — всё живое подпитывается энергией небытия.

Бытие есть невозможность.

Невозможность есть поэзия.

Истинная невозможность есть единственная в едином истинная реальность, живущая в слове, уходящая из слова в молчание и за пределы молчания.

И что сказал, то сказал!»

Современным писателям не хватает, вот этой, онтологической глубины. Эпоха секуляризации религии, оттолкнула творческую интеллигенцию от источника творчества. Писатели перестали отождествлять себя с онтологической глубиной, и литература стала плоской и жизнь стала плоской.

Лев Константинович Котюков является тем мостом над образовавшимся провалом, который соединяет классическую, богоискательскую литературу Достоевского и Толстого с современностью.

Судьба русского писателя

«К сожалению, правда и новизна — понятия несовместные, как гениальность и злодейство. Правда — это не новизна, а новизна — не всегда правда. И вообще: пристрастие к новостям есть неустойчивость ума и скорбное отсутствие душевной потребности познать истину».

Л.К. Котюков «Любовь невозможная».

Судьба русского писателя не похожа на судьбу европейского или американского писателя. Западные писатели напишут занимательную книгу, с захватывающим сюжетом, с интригующим развитием событий, хорошим, профессиональным языком. Книга вызовет сочувствие, сострадание, сопереживание героям и будет держать читателя в напряжении до последней страницы.

А русский писатель через коллизии сюжета будет искать смысл жизни. «Как жить и как умирать» (Л. Толстой), он будет писать такую книгу, которая должна изменить и человека, и мир к лучшему. И в своём стремлении к созданию такого произведения, русский писатель не вмещается в рамки искусства, он выходит к проповеди. Таковыми писателями были и Толстой и Достоевский, Хомяков и Вл. Соловьев, Салтыков-Щедрин и Гоголь, Чехов и Лесков.

Лев Константинович Котюков не изменяет судьбе русского писателя. В книге «Любовь невозможная» черты времени — безобразия, выраженные саркастическим языком, переплетаются с думами и размышлениями автора о вечных ценностях, утраченных современным человечеством.

«О материалистическое оцепенение мира сего — да сокрушит тебя гнев Божий!

Но, увы, медлит Господь, а материалистическое оцепенение времён советских ныне обратилось в гнусное оледенение — и с глобальной гранитностью накрыло так называемое прогрессивное человечество угрюмей ледникового периода».

Многострадальную Россию, обманутую и оболганную, Лев Константинович Котюков в книге «Любовь невозможная», называет страной Вий и сравнивает её с медведем, до поры спящем в берлоге.

«О, как тяжело, как неуютно ворочается в ненастном пространстве страна Вий, словно медведь в берлоге. И ежели встанет, никому мало не покажется, и в ядерном

рёве исчезнет шум времени, и скала Гибралтар окажется на Луне, Аляска на Марсе, а Антарктида вспыхнет в кольце Сатурна, и останутся только слова неизречённые и Голос Молчания Божьего.

Но где Дух Господень, там и свобода.

И мы все растворимся в свободе вечного бытия, ибо все мы – отражения...

И, отражая себя, как в зеркале, в Лике Христа, мы сами преобразаемся, вбирая Свет славы Божьей, неостановимо преобразуемся в этом Свете от славы в славу.

Только Бог даёт человеку способность для Божьего труда.

И я сам себе кричу сквозь безумный рёв рваного времени:

Делай добро, Страшный человек, но делай вид, что не добро делаешь! И дай Бог тебе силы в Истине, а не против Истины...

Но почему, почему – никто не слышит меня, кроме Бога?!».

С приметами времени переплетаются пронзительные по глубине богословско-философские мысли и пророчества о неотвратимо грядущем безвременье.

«И как-то пакостно от сего, как Страшному человеку в президиуме общества с ограниченной ответственностью по спасению утопающих в собственном дерьме. И лукавая мыслишка, что все обязательно умрут, совершенно не утешает, а ведь раньше даже как-то радовала. А вообще-то смерть есть временное состояние жизни. И в этом состоянии самое разумное – настоятельно помнить, что во грехе человек мёртв. Но бежим мы от Истины в страхе по чёрным травам небытия, пугаясь шума колеблющегося листа, как звона меча. И самое ужасное, что никто не преследует нас. И самое ужасное, что Христос – в нас, а мы не во Христе!

Но не рыдайте, любимые, ибо, как сказал Спаситель: «Возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

Но, Господи, как далеко, о, как далеко до сей радости бессрочной!».

Знающий уроки истории

“О, как темно за окном, будто весь планетный шар в землю зарыли. И грустно немного, а вернее, тоскливо, ибо Бог даёт жизнь, а смерть люди находят сами”.

Л.К. Котюков «Любовь невозможная»

Мы сидели, по обыкновению со Львом Константиновичем в Переделкино на его даче. Из окон гостеприимной веранды был виден корпус Дома творчества писателей.

– Послушай, – шурша листами, принесёнными сверху из кабинета, обратился ко мне Лев Константинович, – я не собирался писать тринадцатую главу, да и вообще моя повесть о Страшном человеке явно заходит в тупик, ибо он сам в своих дневниках рассказывает такое, что многомиллионные обитатели палаты № 666, то бишь страны Вий, немея от ужаса, вот-вот разбегутся в никуда – и никакой зритель по имени Зверь из бездны их не удержит. Вряд ли остановит разбегающихся и мой жалкий истошный призыв, что дальше (вы только почитайте хоть чуть-чуть!) всем будет не очень хорошо, но зато красиво...

Но хватит, хватит спонтанно бормотать в утону тьмы непрочтения! Обилие слов есть скудость мысли, как у большинства нынешних писателей. – И Лев Константинович многозначительно посмотрел в сторону Дома творчества. – И совершенно точно сказал на сей счёт Страшный человек: «Писать они не умеют, а мысли их вредные!».

От себя добавлю, что многие из них очень ловкие людишки, – и удивительно виртуозно умеют пользоваться гнусной бездарностью своей во имя популярности и наживы.

Однако, оставим это и поговорим о более важных вещах. Ты понимаешь, какое сатанинское дело предлагается человечеству, – Лев Константинович отложил листки за ненадобностью и задумался.

– Заметь, идёт эта бесконечная борьба за построение нового общества. Повсеместно отстаиваются права человека. Не идиотам, совершенно ясно, что истоки идеи прав человека лежат совсем в другой области, чем забота о человеке. – Лев Константинович опять задумался.

– В какой области? – тихо спросил я.

– В инфернальной.

– Что это значит, в инфернальной?

– Ты вроде учился в Литинституте, а чему учился – не понятно! Что же спрашивать с простых людей? В инфернальной – значит в потусторонней, адской, дьявольской. Заметь, – горячился Лев Константинович, – основополагающим христианским критерием всех внешних свобод, является ни что иное, как нацеленность всех действий человека на благо каждого ближнего своего. Так, кажется, говорит нам Евангелие? Любовь к человеку. Вот что должно быть стимулирующим, главным. Не свобода сама по себе, а любовь к человеку. Любое право должно проистекать только из этого положения – желание блага человеку, боязнь причинить вред человеку и обществу людей. Какой бы то ни было вред: физический, психический, экономический, – не важно. Один из отцов церкви, по-моему, Варсонофий Великий писал: «Хороша свобода, соединённая со страхом Божиим». А что такое страх Божий? Это страх нарушить закон любви в своей жизни и деятельности. Вот основополагающий христианский принцип! А когда свобода рассматривается безотносительно, не ограничивается страхом Божиим, страхом любви, поставляется над любовью, – такая свобода убийственна для человека. Ваш любимый Бердяев, – с сарказмом к нашему поколению выдал Лев Константинович, – исполненный сатанинской гордыни, проповедовал примат свободы над бытием. Вот, крылатая фразочка не осмысленная идиотами! Что стоит за ней? Бытие – это не Что, Бытие – это Кто! И Бердяев, как христианин, единым Миром мазанный, знал об этом, – Бог, Который есть Любовь! Там, где примат, первенство свободы над Бытием, что есть над Богом – там начинается сатанизм. Свобода без любви – это Дьявол! – Лев Константинович замолчал и, по обыкновению, налил себе в чашку кофе.

– Первична любовь, говорит человечеству христианство уже две тысячи лет кряду, и человечество колеблется всё меньше. Там, где любовь не стоит над свободой, не ограждает её, не является удерживающим началом, – там для человека и человечества начинается ад!

Последнее время я ведь ничего не читаю, кроме Евангелия. А Благая Весть говорит, что всякий делающий грех – раб есть греха. Вот тебе пример. Человек не может не курить, даже сознавая, что это приносит ему вред, – он не может этого не делать. Вот рабство! И напротив, человек, который не покорён страстям, – он, как раз является той свободной личностью, о которой можно сказать, что он обладает духовной свободой. Даже ещё римский стоик Эпиктет говорил: «Кто свободен телом и не свободен душой, тот раб. И в свою очередь, кто связан телесно, но свободен духовно – свободен».

Свобода духовная – это власть человека над всем тем, что в христианстве именуется духовными страстями и эгоизмом.

А вот католикам или иудеям-язычникам, грех представляется оскорблением Бога. Бога обидел – жди наказания. Какая ложь! Бога мы не можем затронуть ничем. Он есть абсолютная Любовь.

Грех – это то, чем мы наносим раны и страдания своей собственной душе. Как говорит Апостол Павел: «Всё мне позволительно, но не всё полезно».

Всё мне позволительно, но не всё назидает». Очень долго я не понимал всю глубину этой, кажущейся простой фразы апостола, а он в ней показывает, что с одной стороны есть у человека эта возможность свободы, но смотри, говорит он, как её использовать.

Потрясающе обличает эту гуманистическую свободу апостол Пётр:

«Ибо, произнося надутые пустословия – (ах, как хорошо сказано, вот как надо писать, воскликнул Лев Константинович, – «надутые пустословия» – это о современных лжецах на всех уровнях!) они улавливают плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находившихся в заблуждениях, обещают им свободу, будучи сами рабы тления, – ибо кто кем побеждён, тот тому и раб».

А вот, послушай, что пишет апостол Павел в послании к Галатам:

«К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к убождению плоти, но любовью служите друг другу. Я говорю, поступайте по духу, и вы не будите исполнять вожеления плоти. Ибо плоть желает противного духу, а дух противного плоти...

Не обманывайтесь – Бог поругаем не бывает, – что посеет человек, то и пожнёт. Сеющий плоть свою, от плоти пожнёт тление, а сеющий дух, – от духа пожнёт жизнь вечную». Понимание первичности духовной свободы и всей катастрофичности обратного, утрачено теми, кто руководит человечеством в настоящий момент. Кто эти люди, сказать трудно. Это, конечно, не президенты. Эти просто функционеры и марионетки. Я говорю о тех лицах, в руках которых находятся все средства массовой информации – пресса, телевидение, радио. Кто управляет тенденциями в области развития интеллекта, моды на идеи, на книги, на философские системы и так далее. Вот кто является руководством современного человечества. И сейчас они обладают полнотой власти. Идёт сознательное «развитие» человечества, его развращение и это не принесёт никому никакой пользы, ни какого добра, даже им, так называемым «избранным» – это «развитие» не улучшит ни нравственного, ни духовного состояния мира, более того, это приведет и приведет уже к противоборству с самой природой. Америка до сих пор не подписывает пакт противодействия загрязнению окружающей среды с формулировкой: это может повредить материальному благосостоянию наших граждан.

Причины развращения мира могут быть две: или полное непонимание, того, что происходит, но так думать было бы слишком наивно, – эти люди не так глупы; или руководство имеет сатанинские корни, не в переносном смысле, а в самом прямом, культовом. Там совершаются чёрные мессы и другая обрядовая сторона.

Духовная свобода, о которой говорит христианство, претит этим идеологам и они в своей озлобленности, в сатанинском духе уже перестают размышлять о будущем человечества. Страсти же не насытими! Они не на чём не могут остановиться. Чем больше даётся им пищи, тем более они становятся разрушительными и бескомпромиссными.

Там, где свобода становится над любовью – там кончается человек богоподобный, то есть собственно человек, и проявляется человек-зверь, а для такого «человека» уже нет никаких других «ценностей», кроме его самого в зверином виде.

Обрати внимание на современную европейскую цивилизацию, с какой заботой она относится к сохранению целостности и неприкосновенности человеческих страстей, приводить примеры тебе не надо, и абсолютно не думает о душе человека.

При попытке создания единой европейской Конституции, идеологи не внесли ни единого слова о христианстве, как одной из самых созидających сил в европейской цивилизации. Ни единого слова! А помнишь, ещё Фёдор Михайлович Достоевский оплакивал камни старой Европы, хранительницы христианских ценностей?! Мир его праху. Слава Богу, что он не дожил до наших времён. Какими

невинными представляются его романы, особенно «Бесы», после того исторического опыта, который пережил мир в двадцатом столетии. Хотя в своих пророчествах был абсолютно прав. А его кто-нибудь услышал?

Давай обратимся к современной статистике. В Европе больше половины живёт христиан. Так кто же писал эту единую для Европы Конституцию?

Кстати, те, кто отстаивает права человека и ратует за эту свободу и отдаёт ей «примат над Бытием»- они легко её продают за элементарный комфорт. Лишь бы нам было хорошо, а что там впереди будет – наплевать.

Совсем недавно высказался один умный политический деятель, что повсюду в мире умирают свободы: политические, экономические и личные. Без свободы жить легче. Всё больше и больше людей отдают свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать решения, меньше ответственности.

Отказ от духовной свободы – закономерен. Страсти получают свободу и, поработав человека, делают его эгоистичным, сластолюбивым, и он всё отдаст, лишь бы только получить чечевичную похлёбку.

Россия богата на пророков. Был у нас ещё один пророк, Иван Сергеевич Аксаков. Вот что он писал о прогрессе человечества:

«Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов, становится регрессом. Цивилизация завершается одичанием, свобода деспотизмом и рабством. Совлеки с себя образ Божий, человек неминуемо совлечёт, уже совлекает с себя образ человеческий и возревнует об образе зверином», – предвозвещает Иван Сергеевич Аксаков.

Общественное всеобщее рабство, о котором писал Святой апостол и Евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе:

«И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в Книге Жизни».

Поклонятся и за комфорт отдадут ему свою свободу.

Совсем недавно бесогон вся Руси Никита Сергеевич Михалков рассказывал в своей телепередаче об открытии пятидесяти семи километрового тоннеля в Альпах. Присутствовали так называемые главы многих европейских государств. Так вот театрализованное представление перед открытием тоннеля венчалось поклонением Апокалипсическому зверю. Христа символизировал камень, который закрывал вход в тоннель. Они отвалили его, отвергли, точно по-евангельски: Камень, который отвергли строители... и открылся путь в бездны ада.

Лев Константинович умолк и задумался, а я оставил его, сославшись на поздний час.

Жизнь ценнее, чем смысл её

“Время хранит свои тайны намного лучше, чем мы думаем, и никто ничего не знает”.

«Любовь невозможная» Л.К. Котоков

Я шёл в писательский Дом творчества и думал о бессилии смертного человека в мире сем. Если он потеряет христианскую любовь, он никого и ничего уже не сможет защитить ценой жизни. Когда Любовь Божья проявила себя во всей полноте? Тогда, когда Христос, облачённый в багряную плащаницу, добровольно следовал к Кресту и силы ада содрогнулись, поняв, что не имеют власти над Сыном Человеческим.

Значит Любовь невозможная – возможна! Значит внутренняя духовная работа и труд писателя Льва Константиновича Котюкова не напрасны.

Один из героев романа «Любовь невозможная» восклицает:

«Я, Юра, не хочу знать свой конец... Не хочу! Жизнь – это боль! От боли человек сходит с ума. Смерть не знает боли, смерть избавляет от боли! Жизнь во сто крат страшнее смерти! Но ещё страшнее – жизнь предсказанная. Знание грядущего – это не только смерть времени, но и смерть жизни. Жизнь – тайна, а знание – пустота. Мы всё больше познаём, а любим всё меньше... Познаём, но счастливей не становимся. Последние времена, последние сроки!.. Уши прожужжали этими последними временами, малыми и большими апокалипсисами... Но кто сказал, что Бог знает конец?! Бог – Творец!.. Истинное творчество, подчёркиваю, истинное – тайна для Самого Творца. И не от того ли ни в одной священной, богоданной книге нет ясного ответа – зачем вся эта земная мистерия? Ради чего?! Ради какой добродетели?! Ради преображения?! Во что?! В частицу Вселенской гармонии? Но вечная гармония – это полное безумие! Вечная гармония, хоры ангельские, благолепие, любовь неземная – всё это, извини, сумасшедшая тоска!.. Это уничтожение последней тайны Божьей, уничтожение души со всеми её страстями. Почему душа человеческая творит? Что, красота подвигает её на творчество?! Как бы не так! Но она творит! Да, конечно, что-то там постигается разумом, какие-то частности, но главное остается за семью печатями. Ужасно подменять тайну назойливым бессмысленным знанием... глупо!.. Зачем, на кой чёрт мне раньше срока знать своё будущее, свои грядущие неприятности? Хватит и настоящих... Чтобы отчего-то уберечься?! Ха!.. Но ты-то вот – от чего уберёшься?!»

И заканчивается книгу «Любовь невозможная» открытым финалом.

«Время хранит свои тайны намного лучше, чем мы думаем, и никто ничего не знает!.. Но, даст Бог, снизойдет благодать на нашего героя и когда-нибудь ему удастся вырваться из порочного круга всезнания, удастся одержать победу над сладостным безумием познания и смертью. Где он сейчас?! Неведомо...

Но пробиваются донные родники в умирающих реках, вновь расцветает дикий шиповник – кровь алеет на коже, плоть становится душой, душа обращается плотью. Всё возникает вновь и навсегда, ибо познанное нами не существует, вечно только неизвестное, и бессмертна любовь невозможная, как душа Земли, и всё проходит, кроме любви, ибо вечность крепится любовью и не существует без любви».

Сергей СЕЛЕЗНЁВ

Сергей Владимирович Селезнёв – родился и живёт в Москве. Член Союза писателей России.

Автор книг стихотворений “Звёздный час” и “Красные сосны”. Лауреат премии “Золотое перо Московии”. Награждён Золотой есенинской медалью, а также медалью “Н.А. Некрасов”.

Б Ы Л Ь

Здесь русский дух, здесь Русью пахнет

А.С. Пушкин

Ритмический перевод книги ВЕЛЕСА*

Часть 5

8

Начались распри
между руссами,
усобицы, и
встала Жаля меж
них, стала плакать,
и нарекать им.
Не повторяйте
этого, ибо
это и будет
погибель наша,
можем дожить до
такой поры, что
от нас ничего
не останется.
Вспомним же о том,
как единым при
отце Ории
был наш род славян.
А уже потом
сыновья его
разделили всю
Русь на троицу.
И случилось так
с русколанами
и венедами,
разошлись те
на две стороны,

и с борусами,
что расторглись
на две части там,
а теперь уже
десять их частей.
По что нам гряды
городить, да и
ограды строить,
так делиться мы
можем без конца?
Борусь должна быть
одна, – не десять.
Стали Родичи
разделяться, и
тогда враг напал
на нас, – мы должны
обороняться
от него, а не
спорить, у кого
какие отцы.
Если имеешь
ты десять коров
и погибнешь от
врага, то тебе
честь не велика.
Надо пребывать
в Роде до конца –
чтобы десятки

слились в тысячи.
Боярин у нас
был – звать Оглендя.
Водил Оглендя
коров по степям
говорил много
слов о родичах
своих, почитал
себя выше всех
Пращуров, выше
отца Орея,
этим вред творил.
Не будем ему
следовать, и путь
у нас теперь свой,
не пойдём за ним.
Канул Галарех,
отошли готы
к полуночи да
там и исчезли.
Детерех увёл *
их, и мы о них
боле не знаем.
Тогда пришли к нам
берендеи и
сказали, что есть
им великие
притеснения

*Продолжение – начало см. в Поэзии №1 2021

от ягов, тех что
объявились здесь
вслед за гуннами.
И Болояр им
велел подождать,
и он придёт к ним.
И пришёл он к ним
неожиданно
сам, с пятью тьмами
и разбил ягов,
разметал он их
во все стороны,
прогнал, как волов,
и забрал у них
коров и быков,
а дочерей их,
юношей, старцев
и вовсе побил.
Мы – русичи. И
должны гордиться
теми от кого
мы произошли,
держаться один
за другого и
биться до смерти
правой, поскольку
мы ещё помним
Дария – царя
Персидского, что **
напал на нас и
побил нас из-за
разделения
и битв меж собой.
Теперь варяги
Эрик и Аскольд
уселись нагло
нам на шею и
опротивели
нам до крайности,
потому что мы –
потомки Рода

Славуня, какой
пришёл к ильмерцам
и поселился
до готов и был
тут тысячу лет.
Потекли на нас
кельты с железом
своим, но когда
столкнулись с нами,
то повернули
на заход солнца,
так как мы твёрдой
рукой держали
как плуг, так и меч,
и навели страх
на чресла их, и
отбили мы их
от земли нашей.
ильмерцы на то
сами глядели,
но не сражались
и все погибли,
а мы ничего
не могли сделать,
так как все ильмы
не хотели брать
железо в руки
свои, от врагов
обороняться.
Таковым Родам
лучше иссохнуть,
чтоб иные им
не следовали!
В Сварге синей Гром
грохочет, и мы
должны лететь на
врагов, так быстро
словно ласточки –
дружно и грозно.
Быстрота – это
мечи новые

русские и цель
у нас нынче есть
такая: чтоб степь
наша, скифская,
так и осталась
за нами и чтоб
всякие люди
ней бродящие
совсем исчезли.
Наши коровы
там должны ходить,
и родичи там
должны жить наши,
то вчера кельты
были, сегодня –
варяги, греки,
которых зовут
все эллинами.
Те, которые
не понимают
этого, тогда
их будущее –
неволя, рабство.
Сражайся, земля
русская, себя
обороняй, чтоб
враги не сели
тебе на шею!
Не давай себя,
охомутать и
привязать к возу,
чтоб тянуть его
туда, куда власть
чужая хочет
так, а не туда,
куда шла сама
и куда идти
по своей воле
земля русская
сама захочет.

**Детерех, или Теодорих Великий (452-526 гг.) – основатель остготского государства в Италии. Но вначале, как видим, Детерех был с готами на Руси, а отсюда уже ушёл в Италию.*

*** Персидский царь Дарий напал на скифию в 514 г. до н.э. Это нашло отражение в барельефе на скале в Бегистуне (Мидия), где изображён Дарий, перед которым стоит ряд связанных предводителей подчинённых народов. Последним в этой связке изображён бородатый скиф в характерном высоком «колпаке».*

Сожаление
великое и
укоризна тем,
кто слов этих не
уразумет,
и гром небесный
им, чтобы они
поверглись долу
и не вставали!
Высшие наши
владельцы есть
только Перун и
Хорс, Купало и
Яр, Лад и Дажьбог.
И когда придёт
Купало в венце,
что возлежит на
его голове,
который сплетён
из цветов, плодов,
зелёных ветвей,
с того часа мы
из любой дали
должны скакать на
Русь к реке Непре.
О смерти своей
мы не думаем,
и жизнь прекрасна
на поле брани!
И бьёт крылами
птица Матерь-Сва,
зовёт нас к сече,
и не должны мы
Идти к иному –
не к хмельным пирам,
не к явствам брашным,
не к тукам смачным,
а должны мы спать
на сырой земле
и питаться лишь
зеленой травой
до тех пор пока
станет наша Русь
вольной и сильной.

И в тот час, когда
готы все на нас
шли с полуночи,
а Германарех
медлить тут не стал
против нас вступил
в союз с гуннами,
и тогда у нас
стало два врага
с двух концов стоят
на родной земле.
Болярев был *
в затруднении,
и в сомнении:
на кого идти?
Птица Матерь тут
прилетает и
говорит ему,
чтоб сначала он
на гуннов напал,
а разбивши их,
стал бы готов бить.
И так сделал он
гуннов враз разбил
и на готов он
повернул мечи.
Там он поразил
сына вражьего
Германареха
и убил его.

8(2)

К нам прилетела,
на древо села,
стала петь – Птица.
Всякое перо
её – иное,
так и сияет
оно цветами
разными, стало
нам в ночи, как днём.
И поёт песни
она – зовёт нас
к борьбе и битвам,

идём сражаться
мы с врагами в бой.
И вспомним о том,
какими были
отцы наши, те
что смотрят сейчас
из Сварги синей,
улыбаются
нам по-доброму.
Не одни мы, а
всегда с отцами
нашими вместе.
И мыслили мы
о Перуновой
помощи нам и
видели мы как
в Сварге скачет к нам
на белом коне
Всадник на помощь.
И вздыхает Он
меч в небесах и
рассекает Он
облака, и гром
гремит и течёт
живая вода
на нас, и мы пьём
её, ибо всё,
что от Сварога,
к нам жизнью течёт,
и мы пьём её
то и есть исток
жизни божеской,
что к земле течёт.
Идёт корова
Земун на поля
синие, траву
есть начинает ту
и молоко
давать, и течёт
то молоко по
хлябям небесным,
сияет оно
над нами в ночи,
звёздами светит.

* Видимо, речь идёт о Боляре Сегене, упоминающемся в дощ. 6-Д и дощ. 27 (готской). Боляр Сегеня воевал с готами и гуннами в V в. н.э., он убил сына Германареха и отбил Гилареха от Воронежа, он же оказал помощь берендеям в борьбе против ягов.

И видим мы то
Молоко, что нам
сияет, это
и есть – путь Правы,
а иного мы
не должны иметь.
Услышь, потомок,
песнь Славы, держи
Русь в своём сердце,
которая есть
и всегда будет
землёю нашей.
И должны её
мы оборонять
от любых врагов
и умирать за
неё так же, как
умирает день
без Солнца-Сурьи.
А когда только
умирает день
без Солнца-Сурьи,
то наступает
темнота и к нам
приходит вечер,
а умирает
вечер, то за ним
вслед приходит ночь.
А в ночи Велес,
сам идёт в Сварге
по Небесному
Молоку в свои
чертоги, и там
садится он у
своих Врат Звёздных.
И начинаем
мы вечернюю
песню петь и так
славить Велеса
от века и до
века, и его
храм, что огнями
многими блещет,
и становимся
чистыми будто
агнцы божии.

Велес научил
наших Праотцов
землю раять и
злаки сеять, жать,
свивая снопы
на полях страдных,
и ставить Сноп у
огнища, и как
отца божьего
почитать Его,
Отцом нашим, а
Матерью – Славу,
которые нас
учили богов
наших чтить, и нас
вели за руку
по пути Правы.
Так мы шли и не
были никогда
нахлебниками,
а были только
мы славянами,
то есть русами,
что богам славу
поют – славяне.
С морских берегов
Готского моря *
пошли мы к Непре
и не видели
нигде никаких
бродников, только
русов, а гунны
и яги были
езде отбиты.
Но был боярин
у нас Оглендя,
который нами
пренебрегал и
усобицы нас
раздирали на
многие части.
С утра, до утра
мы видели зло,
которое на
Руси творилось,
и ждали, когда

же придёт добро.
Оно не придёт,
пока мы силы
свои не сплотим
и не поставим
мы перед собой
цель единую.
О том говорит
вам глас Праотцов,
внимайте ему,
ибо нельзя нам
жить по-иному!
Пойдём же в наши
степи и будем
бороться за жизнь
свою, геройски,
а не как скоты
бессловесные,
которые что
творят не знают!
Идёт по небу
Заря Красная
нанизывает
драгоценные
камни на своё
убранство и мы
все приветствуем
её от сердца
так, как русичи,
а не как греки,
которые не
знают ничего
о богах наших
и рекут злое
по невежеству.
Называемся
мы Славянами
и эту славу
мы доказали
идя на мечи
их и железо.
И медведи там
стоя слушали
о славе нашей,
и скачущие
олени рекли

* Азовского моря

всем о руссах то,
что просто так их
не убивали,
а заставляла
необходимость.
греки просто так,
истребляют их
из-за собственной
прихоти бьют их.
русы сами суть
благодарные
и за хлеб они
благодарят всех,
не так, как греки,
они берут, а
сами злобятся
на дающего.
И о славе той
орлы клекочут
там и тут, ибо
русичи в степях
вольны и сильны.

8(3)

Когда Пращуры
наши создали
Сурож, сначала
греки купцами
приходили к нам
на торжища, чтоб
высматривать на
нём себе прибыль.
И, видя землю
нашу, слали к нам
многих юношей,
строили дома
и города чтоб
менять, торговать.
Но однажды мы
увидели их
воинов в броне
да с мечами, и
вскоре забрали
они землю
нашу себе и

устроили там
свои игрища,
совсем иные.
И прозрели мы
видя, что греки
все живут праздно,
а работают
на них славяне.
И наша земля,
которую мы
четыре века
считали своей,
стала греческой,
и скоро всех нас
прогонят как псов
каменьями, вон
отсюда, ибо
вся земля наша,
здесь огречилась.
И теперь должны
мы вернуть её
и полить своей
кровью, чтоб она
вновь стала жирной
и плодородной.
Летит в Сварге к нам
Перуница и
несёт рог славы.
Мы выпьем его
до дна а потом
сами отберём
свои уголья
у врагов наших!
И говорит нам
та Перуница:
«Как же вы, русы,
проспали свою
пашню? Вы должны
сразиться в этот
день здесь за неё!»
Говорит Сурья:
«идите, русы,
и сделайте так!
Ибо куда же
вы пойдёте от
своего края?»

Мы должны вдарить
в стену города,
проделать дыру
сами для себя
и своих войнов,
и вы будите
тогда в тот же день
сами у себя.
А кому Перун
присудит – тот и
будет в Ирии
вечно есть явства,
предстанет в Сварге,
ибо нынче он
погибнет и нет
возврата, чтобы
остаться живым.
Лучше быть мёртвым,
чем живым рабом
пахать на чужих,
так нет, никогда!
А для деспота
живой раб лучше,
чем заколотый.
Мы должны слушать
князей наших и
отвоёвывать
свою землю, как
они говорят.
И тогда Индра
придёт к нам, чтобы
сохраняли мы
силу и стойкость
и чтобы твёрдо
стояли мы за
уголья наши.
А когда сила
Божественная
пребудет с нами,
тогда станем мы
непобедимы
на поле брани.

Принесём богам
жертвы своими
руками и мы

увидим на кобь, *
что враги должны
быть повержены,
долу в прах и кровь.
Когда мы сможем
пробить кольцо стен,
то окажутся
за ними греки,
которые там
сил не имеют
и обабились,
потому мечи
у них тонкие,
щиты – легкие,
и они быстро
изнемогают
и бросают все
их на землю, от
слабости своей.
И не помогут
им василевсы,
а должны они
сами вставать на
защиту свою.
Та Сурож наша
была у них, а
вновь станет наша,
и никого мы
не должны слушать.
Они говорят,
что будто у нас
установили
свою письменность,
и чтобы её
мы все приняли,
утратив свою.

Вспомним же о том
Иларе, учить **
который хотел
здесь наших детей,
но прежде должен
он был прятаться
в домах наших, чтоб
не узнали, и
там учил наше
письмо, и также
как нашим богам
править все требы.
Говорю вам, что
попраны будут
греки, ибо я
видел ясный сон
об этом, видел
Кия – нашего
Отца, и он мне
сказал, что мы их
уничтожим, и
разрушим Хорсунь
и Амастриду
мерзкую то же.
Станем Державой
Великой тогда
вместе с князьями
нашими мы, да
и с городами
великими, да
и немереным
железом, и без
счёта – потомков
будет у нас ну,
а греков число
уменьшится, и

будут своему
прошлому они
удивляться, да
и головами
всё покачивать.
Делайте так, и
будут греметь над
нами многие
громы и грозы,
и едва одна
греметь прекратит,
другая начнёт.
И так победим
всех до конца и
утвердимся на
века многие,
так благодаря
Богам, нас никто
не уничтожит.
Встаньте все как львы,
друг за друга и
держитесь князя
своего – Перун
будет с вами и
даст вам победу.
Слава всем нашим
богам на небе
до скончания
веков на земле!
Всяких благ Руси –
отцовской земле
нашей! И будет
Так, ибо слова
эти – от богов...

* Кобь - гадание по птичьему полёту.

** Илар – Кирилл, которого считают основателем письменности у славян. Однако это не соответствует исторической истине. Письменность у славян существовала задолго до этого. Кирилл изучил её и перевёл на русский язык христианские трактаты, лишь дополнив славянскую азбуку некоторыми греческими буквами.

ПЕСНЬ ЛЮБВИ

*Художественная графика (тушь)
Эллы Кузнецовой*

Сергей АНТИПОВ

Антипов Сергей Сергеевич, родился в 1973 году в Москве. Окончил Московский Государственный инженерно-физический институт (МИФИ) и Высшие литературные курсы имени И.А. Бунина. Автор более двадцати книг.

Председатель правления Московской областной организации Союза писателей России. Руководитель секции литературы и пропаганды знаний Российской академии естественных наук (РАЕН). Действительный член Академии Российской Словесности и Европейской Академии Естественных Наук, член Союза журналистов России. Президент Ассоциации мастеров поэтической миниатюры. Доктор философских наук.

ПОСЛЕ СНЕГА

Мерцают февральские звёзды
В холодной ночной тишине,
И мир, будто заново создан
В гигантском осознанном сне.
Вот мягко зажёгся светильник
Пятнистой старушки Луны,
И я, многомерный и сильный,
Читаю полночные сны.
Читаю, листаю страницы,
Сдувая искрящийся снег
С лица утомлённой столицы –
Пусть ей сегодня приснится
Влюблённый в неё человек!

ДРУГОЙ СВЕТ

Я стал бояться вещей снов,
Кричащих в утреннем тумане,
Я стал бояться дерзких слов,
Что сердце жгут и душу ранят.
Слов, что нельзя в себе сдержать,
Летающих ввысь из ниоткуда,
Слов, что сбываются опять,
Меж строк обыденного чуда.
Я стал бояться видеть боль
Родной страны у края бездны,
Пятёрка, ноль, пятёрка, ноль,
Другие цифры неизвестны.
На минус – минус: вечный плюс,
Точнее крест – чего удивиться?
Священный крест, вот-вот проснусь:
Другой здесь свет, другие лица...

ПУТЬ ФЕНИКСА

Чтоб возродиться, нужно умереть
Для всех, с кем не расправишь больше крылья,
Однажды разорвав тугую сеть
Убогого всеильного бессилья.
Чтоб возродиться, нужно умереть,
Восстать из пепла Фениксом, а, впрочем,
Самим собой! Любить, творить и петь,
Петь о любви, молиться дни и ночи...
Летать, презрев враждебную картечь,
Найти свой Путь и высшую защиту,
Приняв, что мы теперь со смертью квиты,
Чтоб возродиться, нужно умереть!

МАМЕ

Ты всегда рядом, родная, теперь...
Было не так – я звонил, приезжал.
Ты открывала скрипучую дверь
В детство святое – начало начал...
Ровно дышал, в суете не ценил,
Думал, всегда хорошо будет так...
Но...
Скорая, паспорт, свидетельство СНИЛС,
Справка о смерти.... Курил натошак...
Хитрый агент облапошил – не жаль,
Не до того: лишь бы всё по-людски...
Был как в тумане: немая печаль,
Душу гранатой рвануло в куски.
Крестик и фото лежат на столе,
Врезаны в память все наши года,
Мама, я знаю, что ты не в земле –
В сердце моём ты теперь навсегда...

НЕДОПИСАННЫЕ СТРОКИ

Снятся недописанные строки,
Тлея, будто угли под ногами.
Я иду за Странником высоким,
Мимо плах, расставленных врагами.
Там на них качаются в лохмотьях
Страсти моего Армагеддона:
Души, перевязанные плотью,
Призраки покинутого дома.
Ввысь смотрю, да только в чёрном небе:
Ни звезды – теперь все на погонах,
Силось дописать: проснуться мне бы
В новых ослепительных чертогах.
Слышу голос: ты не одинокий –
Посохом по углям водит Странник,
И горят дописанные строки:
Просыпайся, ждём тебя, изгнанник!

СНЕГОКАТ

Пробежался ноябрьский снег
По дорожкам замёрзшего парка,
И увидел я двух человек:
Малыша в снегокате и папу.
Дерзко рулит весёлый бутуз:
То налево, то резко направо,
И давно бы случился конфуз –
Остановка, кульбит и канава!
Но на счастье в отцовских руках
Снегоката железная ручка,
Как корабль на всех парусах,
Мчат они – папа знает, как лучше!
Рад малыш, будто правит он сам,
И отец рад игре этой тоже,
Снег летит из-под ног к небесам –
Там давно так играют, похоже...

ГОЛОЕ УТРО

Голое утро, чадят небеса –
Ночью опять выжигали прошлое,
Перегрузили в четыре часа:
Жаль, ничего хорошего...
Вышел проверить свои маячки:
Трудно теперь их в тумане угадывать,
В зенках домов замигали зрачки –
Кто-то родился заново...

Камень бордюрный, стою на краю,
Словно пред серой бездной грядущего,
Голые рифмы моих дежа вю –
Буквицы книги Сущего...

Я ПРИВЫК

Я привык уже к этой земле,
Где закаты ныряют в рассветы,
Растворяя в небесной золе
Мироздания ночные сюжеты.
Я привык возвращаться к утру
Из неслышных, нездешних скитаний,
Высыхая бельём на ветру,
И храня приоткрытые тайны.
Я привык к тем, кто рядом со мной:
Будет жаль мне тут многих оставить,
И уйдя, наконец-то, домой,
Я для связи возьму позывной –
Нашу память...

ДАЛЕКО

Под ногами шуршат на ветру
Как живые, опавшие листья –
Пожелтевшие мёртвые письма,
Что принёс почтальон поутру.
Их вчера ещё кто-то писал,
Позабыв указать адресата,
А теперь не прочесть даже даты –
Лишь безвременья трупный оскал.
Но на сердце так странно легко:
Здесь я тень для увядших растений –
Что ж бояться блуждающей тени?
Ведь хозяин совсем далеко...
Далеко, днём с огнём не найти,
Далеко, но порой где-то рядом –
Обнимаю сияющим взглядом
Ту, которой со мной по пути!

АПРЕЛЬСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Я когда-нибудь буду скучать
По тебе, и по этому миру,
Бросив золото, ладан и смиру,
Распечатав восьмую печать.
Здесь наступит беззвёздная ночь,
И на время задержится солнце,

Большинство тут уже не проснётся,
Большинству тут уже не помочь.
Но ты жди – мы вернёмся к утру,
И Земля станет новой, и Небо:
За тебя три частички из Хлеба
Где-то вынули – ждут на пиру.
А пока ощути благодать
Дуновенья весеннего ветра,
И Любви, что, поверь мне, бессмертна,
Чтобы заново мир воссоздать!

СЦЕНАРИЙ

Умение проигрывать – победа,
Что рвёт сценарий зависти и зла,
Но чтоб понять всё это – нужно ведать,
И действовать, и верить, и желать.
Сценарий этот будет повторяться:
От Каина до нынешних убийц
Под хохот обезумевших паяцев
И тех, кто не имеет своих лиц!
Сценарий – бесконечная ловушка,
Поддался – значит, снова не прошёл,
Но если надоело быть игрушкой –
Обрушь всё это гаденькое шоу!
И вместо зависти – порадуйся за брата,
Взамен удара его крепко обними,
И ощутишь, что кончилась расплата,
Ведь победишь ты в этот чудный миг!
Точнее нет – вы победите оба,
Вас будет ждать другая высота,
И тот сценарий, что уже от Бога,
Который есть Любовь и Доброта!

ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

Иллюзия жизни, иллюзия смерти,
В пустом телевизоре бесятся черти.
Там медные трубы и зрелища с хлебом,
А мёртвые губы целуются с небом.
Им вышло до срока глотать чью-то землю,
Душа одинока, лишь ангелы внемлют,
Лишь ангелы знают границы иллюзий:
Билетик от рая, подаренный людям...
Но щерит компостер свинцовые зубы,
И шепчут апостолу мёртвые губы:
Простите, поверьте, и дальний, и ближний...
Иллюзия смерти, иллюзия жизни.

ЗИМНЕМУ ПИТЕРУ

О, славный город на Неве,
Опять приехал я к тебе!
Ожил ты вновь в моей душе,
И там не холодно уже...
Пойду я к "Спасу на Крови",
А ты, любимая, зови,
Зови меня среди миров,
Среди сбывающихся снов...
Потом по Невскому пройду,
Втоптав в асфальт свою беду,
Поверив знакам Бытия,
Где всюду только ты и я!
Да, Питер, я сегодня твой,
Но скоро ехать мне домой,
За всё тебя благодарю,
И жду московскую зарю!

Татьяна КОПЫЛЕНКО

Татьяна Тимофеевна Копыленко – профессиональная пианистка, журналист, писатель, общественный деятель.

Член Национального агентства по печати и СМИ «Русский литературный центр», СП России, Правления МО РТСРК, Международной академии русской словесности. Лауреат международных и всероссийских литературных конкурсов и премий, кавалер ордена «Служение искусству». В её творческом багаже несколько романов и повестей, а также публикуется в альманахах, журналах, международных сборниках билингва, участвует в общероссийских литературных патриотических

мероприятиях, ведёт активную общественную деятельность. Является главным редактором сборников «Литературный фонд», «Русские сезоны», а также книжной премиум-серии «Антология» (Русский литературный центр, Москва). Авторский сайт <http://art-slovo.ru>.

Автор известна своей работой по сохранению исторической памяти нашей страны, а также по возрождению традиций Черноморского Флота, организацией благотворительных акций «Книги в детские дома», а её работы «СЕВАСТОПОЛЬ. Женщины. Война. Любовь» и «ХЕРСОНЕС. Владимир. Русь. Единство» получили от Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла Благословение и дар – сборник «Семь слов о русском мире».

Я очарована тобой...
Без сожалений, без проклятий,
Иду по грани восприятий
Добра и зла
К тебе – и мне не стать другой...

Чего страшишься? Мук, потерь и боли?
Что пережить не сможешь этого? О, нет!
Любовь с тобой, согласно божьей воле.
Ты сам установил
свой собственный запрет.

Я очарована! Тобой,
Твоими мыслями, словами,
Улыбкой, планами, делами.
А...ты?... Не важно –
Романа мне не быть главой...

Меж «временем» и «временем» нет пауз,
Нет срока «до» и «после» для любви.
Из жизни в жизнь ты направляешь парус,
Скитаясь по судьбе. И я прошу, живи –

Я. Очарована. Тобой.
Так что ж я? Август мой роскошен!
Мной ангел был о жизни спрошен
И решено.
Люблю. Ты мой.

Что б я могла горячими губами
К ледышке-сердцу прикоснуться вновь,
Надеясь – рухнут стены между нами,
И с этой жизни примешь ты любовь.

Я очарована тобой!

Ведь для любви не важны перемены
Времён и царств, и мыслей, и причин,
Небес и звёзд, галактик и вселенных,
Земной юдоли временных личин.

Ты помнишь,
что любви подвластно время?
Не помнишь? Нет?.. И только потому,
Страшась любви,
ты ставишь ногу в стремя,
В попытке убежать. Но от кого? К кому?

Не страшны ей ни время, ни пространства
Мы встретились с тобой!

Рубеж преодолей:
Через века, вселенные и царства
Узнай меня. Прошу. Узнай меня. Скорей.

Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ

Виктор Пеленягрэ – культовая фигура русского арьергарда. Основоположник и лидер литературного направления, получившего название куртуазный маньеризм.

Автор более 20 книг стихов, наиболее известные – «Стихотворения» (М., 1991), «Как упоительны в России вечера» (1999), «Нескромные поцелуи» (2000), «Песенки» (2000), «Эротикон, или Всё так же рыдает шарманка» (2011). Много шуму наделали скандальные поэтические мистификации поэта – от древнеримского сочинителя Лукана до непристойного Ивана Баркова. Самая знаменитая из них – «Эротические танки» (1991) якобы средневекового японца Рубоко. Первое издание этой книги разошлось баснословным для современной поэзии тиражом в 300 000 экземпляров, затем неоднократно переиздавалась в Старом и Новом свете.

Песни Виктора Пеленягрэ исполняют практически все звезды российской эстрады и стали музыкальной основой многочисленных театральных представлений и кинофильмов. На его счету – в алфавитном порядке – целый ряд всенародно любимых песен от «Акапулько» до «Я вышла на Пикадилли».

Лауреат знаковых музыкальных и литературных премий. Основной корпус его произведений переведен на многие языки мира.

ПЛАМЯ

Вновь ласкаю, люблю и целую,
Так светло, что не видно лица.
Вспоминаю любовь неземную
И на тонкой руке два кольца.
За собою закрою все двери
И швырну за три моря ключи.
Позабыл я мечты и потери,
Бьется пламя неверной свечи.
Все оплачено звонкой монетой –
Почернела от времени медь,
Что узнал ты о женщине этой,
Чтобы так равнодушно смотреть

Не знаю, любишь ты меня,
как прежде, или нет,
А только в сердце навсегда
оставила ты след.
Во сне губами я ловлю
твой локон золотой,
А ты все так же хороша,
беспечный ангел мой
Не знаю, любишь ты меня,
как прежде, или нет,
Тебя ли славил я в стихах,
и тот ли я поэт
Грустишь ночами ли о нём?
И помнишь ли его
Ведь я, признаться, о тебе
не знаю ничего.

ВЕРНОСТЬ

Не знаю, любишь ты меня,
как прежде, или нет?
В душе храню я до сих пор
бессмертный твой портрет,
Как будто ангел в небесах,
мне голос твой поёт
Но знаю точно, что тебя
никто уж не вернёт

Не знаю, любишь ты меня,
как прежде, или нет,
Но не померкнет никогда
застенчивый твой свет
Там верен я, как верный пес,
и нет меня верней;
Проснись. Прислушайся. Взгляни –
я плачу у дверей.

БУДУ

Нелепые ставки, случайные связи
Все то, что разгадывать в старости буду.
Лишь выйду я за полночь за коновязи
Меня окликает божественный Вуду.

Летит птица-тройка в неверном свеченье,
Над пылью дорог и над россыпью звёздной.
Чуть слышно земля совершает вращенье
И топчется Вуду весною морозной

Скрючу ли купору в тени мироздания,
Собьюсь ли с дороги, считая ступеньки;
Всё гонит мне Вуду свои заклинанья
И кукла всё так же разводит на деньги.

Мелькнёт птица-тройка, закат рассекая,
Как будто во сне, проплывут коновязи,
А Вуду напомним у самого края
Нелепые ставки, случайные связи.

ЦЕЛЮЮ ВАШИ РУКИ

Мадам, целую ваши ручки
И очи, полные огня.
Все эти ваши почемучки,
Уже не трогают меня.

Все эти ваши завыванья
И бесконечные угу,
Не разожгут во мне желанья,
Не истребят во мне тоску.

Так почему ж у этой злочки
Я столько лет любви искал?
Всё б целовал я ваши ручки,
Всё б эти ножки целовал.

ПИКАДИЛЛИ

Вновь птички певчие летят
На Пикадилли в райский сад.
Осенний ветер город вздыбил,
Вдали неясный профиль выбил.
В Гайд-парке пляски мертвецов,
Над миром хижин и дворцов.
Решетки, витражи, портьеры...
У ног простерты Венеры.

Не то рассвет, не то закат,
Но этот профиль! Этот взгляд!
Все прелести и все извивы –
Неисчислимы перспективы
Туманных слов и томных глаз –
Всё, что влечёт и губит нас.
Всё сотрясалось и сверкало,
Здесь дьявол не терял нисколько.
За ним, как призрак, по пятам
Любовь, наскучившая нам.
А следом ветра бормотанье
И звёзд далеких трепетанье.
Всё, что похоже так на рай,
Где наслажденья – через край...
Уловки, вздохи, иступленья,
Рождали страсть стихотворенья.
Везде таилась боль утрат,
А птички певчие... Летят.

РАЗЛУКА

Что значил я в твоей судьбе
Неверная подруга,
Когда очнулся я в тебе?
Разлука ты, разлука...

Прошло с тех пор немало лет,
Я голос твой услышал
И в сердце вспыхнул давний свет,
И вздрогнул я, и вышел.

Хотел я обмануть судьбу
И в том любви порука.
Я жизнь свою разнёс в щепу –
Разлука ты, разлука.

Мне голос был. И вот стою,
И слышу, как впервые.
Но облик твой не узнаю,
Мы все теперь другие.

Хотел я разглядеть черты
За недоступным краем.
Я помню все твои мечты,
Твой лик неузнаваем.

И слух мой ужасом объят
От этих разговоров.
Твои слова в душе звучат,
Ты прячешься от взоров.

Так и смешались мы в толпе,
Не разглядев друг друга.
Что значил я в твоей судьбе?
Разлука ты, разлука...

ЗАКЛИНАНЬЕ

Жизнь моя, как первое свиданье –
Вновь биенье сердца слышу я,
И душе не страшно расставанье
На краю земного бытия

Тучки выёшь и долу мачты клонишь,
Гонишь птиц за дальний горизонт,
И мечты без жалости хоронишь,
И вздымаешь дыбом грозный Понт.

Вновь и вновь поспешными стихами
Я напому о себе из тьмы,
Жизнь моя с нездешними глазами –
Это всё, что разглядели мы

Господи! как всё неотвратимо!..
Жизнь моя – ни края, ни конца,
Как же быстро ты проходишь мимо
И не бросишь взор на удалца.

Дни летят и облетают розы,
Словно бы на смерть обречены,
Высекая из гранита слёзы,
Обрывая радужные сны.

Так пляши в бесстыдстве карнавала
В белом платье, с розой на груди –
С легким сердцем всё начнем сначала,
Даже если сбились мы с пути

Так шепчу во тьме я заклинанье
И руками воздух я ловлю...
Жизнь моя, как первое свиданье –
Всю, как есть, люблю, люблю, люблю!

КЛЯТВЫ

Клялась ты до гроба
Любить наглеца,
Как славно мы оба
Пошли до конца.

Раздевшись, зазноба
Смутилась на миг,
Я клялся – до гроба,
Приник и отник.

Добившись сближенья,
Я взял и сплясал.
Нас миг наслажденья
Навеки связал.

Смотреть надо в оба,
Не так ли, сестра,
Клялась ты до гроба...
Всю ночь до утра.

ДО САМОГО, ДО КРАЯ

Брошенная женщина не спит,
По ночам над городом летает,
В зеркалах отчаянно грустит,
А потом куда-то пропадает.
Тьма стоит, сгоревшая дотла,
Вновь и вновь, себя не узнавая,
Женщина вбегает в зеркала
И летит до самого, до края.
Жизнь моя! Превыше облаков,
Разгулялась золотая выюга.
Пусть укроют сумерки Богов
Как любили мы с тобой друг друга.
Жду ли с опрокинутым лицом,
Поезда ли взглядом провожаю.
Мир вокруг – незрим и невесом,
Вот и я смотрю и пропадаю.
Кажется, исчез весь белый свет,
Не осталось даже отраженья.
Брошенных на свете больше нет,
Да и это лишь предположенья.

ЗОЛОТАЯ ХОХЛОМА

Неразменные наличные,
Золотая Хохлома,
То ли сумерки античные,
То ли музыка сама.

После бала, после оперы
Всё равно, куда ни шло –
Кадилаки да Рендж Роверы,
Губ нездешнее тепло.

Ах, ты юность промелькнувшая,
Ах, ты вешняя пора,
Как отстукивали туфельки
Вдоль Охотного двора.

Как же цокал да насвистывал
Москворецкий соловей,
Как я жил и как я выстоял
Гулливёр-гиперборей.

Гой ты, удаль хватанувшая,
Выше неба – через край,
В белом платье, шубке-туфельках –
Вспоминай не вспоминай.

Спелись ключики скрипичные,
Как по нотам – шум и гам.
Всюду страсти неприличные
Да кабацкий тарарам.

Ах, не я ли в этих сумерках
Вспоминаю сам не свой,
Как могла ты в шубке-туфельках
Заслонить Москву собой.

Ненаглядные, столичные
Скверы, улицы, дома,
Неразменные наличные –
Золотая Хохлома.

ВЗГЛЯД

Со дна оттолкнувшись ногами,
Как будто в каком полусне,
Ввинтился в мечту я толчками
И ты потянулась ко мне.
Всё так же пылала помада
В последних лучах сентября,
Струилась в наплывах прохлады,
Смещалась и рдела заря.
Взлетали рассветные луны
И падали в тяжком бреду,
Мерцали таинственно руны,
Теснились деревья в саду.
В желаньях своих совпадая,
Казалось, навек мы сошлись,
Где заново мир открывая,
В глубинах забрежила высь.

Взглянула – и тут же забыла
Как счастье накрыло тебя,
И, словно во сне, уступила
Наяда, русалка, дитя.

И ВСЁ ТАКОЕ

А по садам шаталось лето,
Где август умирал от жажды.
Я в каждой даме видел это,
Всё то, что видел не однажды.

Летел стрелой, не зная цели.
Пускай напомнят звуки-струны,
Что всё доступней цитадели,
Сближая сдвоенные луны.

Поверх барьеров путь клубился,
Как сила воли непреклонной.
По краю дождь прошёл и скрылся
В раскатах мощи многотонной.

Сверкали на верандах павы,
Переливаясь опереньем,
В лучах моей всемирной славы
Всё становилось совпаденьем.

Всё те же, там же, в тех же позах...
Любовь, мечты и всё такое.
И ночь-полночь в шипах и розах,
И где-то небо голубое.

Ах, это небо! Крах возмездья...
Всё то, что было не однажды.
Я открывал в садах созвездья
Всех тех, с кем умирал от жажды.

Сходились в сердце галереи
В час поцелуев и забвенья.
Античность. Тёмные аллеи
И всюду жертвы совпаденья.

Давно ль не унималось лето,
И август умирал от жажды.
Я с каждой мог проделать это,
Всё то, что делал не однажды.

А только бил фонтан огнями
И ночь была неотличима;
Кружился лист и губы сами
Произносили чьё-то имя.

ЗАПОЗДАЛЫЙ АРГУМЕНТ

Тебе все доказательства – как дым.
Я верен был. Так в чём же признаваться?
И что мне слухи, если разобраться,
Как будто мы себе принадлежим.
Всё вижу я, всё помню! Воздадим
Былому чувству, прежде чем расстаться,
Я больше не намерен унижаться.
Прошло сто лет. Я стал совсем другим.
Ах, Наденька! Ужели всё напрасно,
В любви я споры вёл с самой судьбой,
Когда свобода обернулась адом.
Ты ищешь доказательства?

Прекрасно!

Всех женщин, что стонали подо мной,
Затмила ты своим холодным взглядом.

ЕСЛИ ЧЕСТНО

Ты пьёшь вино – и разум твой молчит.
Любовь моя, мы виноваты оба.
Пока же смерть наш спор не разрешит,
Тебе останусь верным я до гроба.

Как ни играй насмешка на губах,
Твои слова, поверишь ли – пустое.
Как ни горит упорный блеск в глазах,
Несчастлива ты, но я несчастен вдвое.

Ещё хранишь ты неприступный вид,
Ещё держусь я в обществе любезно,
Но даже смерть наш спор не разрешит,
Уж так заведено здесь, если честно.

БЛЮСТИТЕЛЬ

Желанья наши совпадут
И струн незримых переклички,
Когда меня с тобой несут
Полупустые электрички.
В огонь, в депо, на Страшный суд,
Под пеньё птички-невелички.

Ах, не тебя ли – не твою
Искал я руку, как проситель.
Ты вся в бегах, а я ловлю,
Какой же я теперь блюститель,
Когда шепчу: люблю, люблю.
И на тебя набросив китель
Легко закон я престоплю.

Нина АБРАШИНА

Абрашина Нина Александровна родилась в посёлке Турки Саратовской области.

Окончила Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского по специальности «филолог, преподаватель русского языка и литературы», Саратовский медицинский колледж по специальности «медицинская сестра», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет по специальности «религиовед, преподаватель религио-ведения».

Член Союза писателей России. Работает в жанрах: публицистика, научно-популярная литература,

биографическая проза, поэзия.

Лауреат литературной премии МОО Союза писателей России «Золотое перо Москвитии», финалист конкурса литературной премии «МАСТЕР» им М.А. Булгакова МГО СП России.

От тебя нет весточки,
Не пишу стихи.
Отломилась веточка
От лесной ольхи.
Подниму я веточку,
Принесу домой,
Привяжу к ней ленточку,
Оболью слезой...
Оберег ты женщинам,
Дерево – ольха,
Помоги невенчанном
Избежать греха!
Если друг мой искренний
Позабыл меня,
Слёзы станут искрами
Бывшего огня...

Я рву черновики
Во рву своих терзаний.
На улице метель.
Где ты теперь, родной?
Как много нам судьба
Послала испытаний...
Когда же, милый друг,
Увидимся с тобой?..

Мой разум любовь побеждает?
Надежду логикой губит...
Бесстрастно недели считает,
Нашёптывая: «Он не любит.
Ему не нужна твоя верность,
Твои молитвы ночные.
Любовь твоя – это дерзость,
Твои страдания – смешные!».
Любовь, ты ведь знаешь правду,
И веришь, что мой любимый
Разрушит любую преграду,
Моей любовью хранимый.
Пусть встретятся наши руки,
Сердца застучат от счастья,
И месяцы нашей разлуки
Развеются, как ненастье.

Страстная пятница
Ты для меня – соблазн!
Я жажду покаянья –
В душе и в сердце спазм...
Такое наказание
За страстные слова,
За ласковые жесты,
И что была слаба.
В твоих объятьях тесных,

Не ведали стыда.
Мои прикосновенья,
Остались навсегда.
Прекрасные мгновенья!

Господь! Ты милосерд,
Тебя молю я дерзко.
Не требуешь ты жертв
И видишь моё сердце.
Оно мне говорит,
Что я совсем не грешна.
И нас благословит,
На то, что неизбежно...

И, может, эта боль
И все мои стенанья –
Не скорбная юдоль,
А веры испытанье.

Поверила ли я,
Что ты мне послан Богом?
Что ты судьба моя –
Скажу высоким слогом.
И я отвечу: «Да!»
Я о тебе мечтала...
Ждала тебя всегда,
И верила, и знала...

ТРОПА

Взбираюсь трудною тропой
По скалам каменистым,
Туда, где встречу я с тобой,
К вершине – светлой, чистой.

В дороге сбрасываю груз –
Балласт вещей ненужных;
Печаль, сомнения и грусть
Деяний малодушных.

И стану крест нести легко,
Когда душа в полёте,
И пусть ещё ты далеко –
Наш дух сильнее плоти!

* * *

Грустишь без нежности моей?
Моих касаний...
С тобой в разлуке столько дней,
В огне желаний...
Твой взгляд мне так необходим
И голос нежный,
Давай с тобой поговорим
Сейчас, как прежде.
Что сделать мне,
Чтоб жизнь твоя
была счастливой?
С тобою на одной волне
Прожить, мой милый.
Ты для меня такой родной,
Такой желанный...
Люблю тебя, ты только мой,
Мой – долгожданный...

Не может светлый Дар Любви
Из тьмы родиться,
Господь, прости, благослови
Тебе молиться...

* * *

Ты – солнышко моё!
...Но снова лист бумаги
Уведёт меня в таинственную ночь...
Где в мыслях о тебе

мы сказочные маги,
Разлучницу-печаль
я прогоняю прочь!
Моя любовь разлуки не боится –
Ты навсегда со мной
в моих словах, делах.

И только иногда
сомненье чёрной птицей
Бросает тень беды
и прячусь я в стихах...

«Спасибо, что ты – есть!» –
Слова звучат банально,
Но так они верны,
и столько в них тепла...
Скрыта от людей неведомая тайна,
И счастье, что ты мой,
и я тобой светла!

* * *

...Время обнимать, и время
уклоняться от объятий
(Книга Екклесиаста 3:5)

Никто не посмеет
 ко мне прикоснуться,
Я – только твоя...
И пусть не сейчас
 наши руки сомкнутся,
Блаженство тая...
И пропасть разлуки
 тебя не отнимет –
Мы будем вдвоём,
Твой образ, любимый,
 меня не покинет –
Ты – в сердце моём...

* * *

Мы с тобой не виделись полгода –
Не стихает лютая гроза.
Жду тебя... В какое время года
Вновь увижу милые глаза?
Злые ветры кружат над Россией,
Но её не победить врагу!
Выше, чем Любовь – нет в мире силы.
Нежность для тебя я берегу...
Пусть моя любовь тебе поможет
Победить безжалостных врагов.
Не осилит нечисть мир Божий,
Не дойти до наших берегов!
Мы с тобой не виделись полгода...
Я верна тебе, ты это знай!
Пусть сейчас ненастная погода,
Верю – к нам вернётся светлый май!

Дарья ДУХЛЕНКОВА

Дарья Сергеевна Духленкова родилась 4 мая 1989 года в г. Верещагино Пермской области.

Член Литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова (г. Воскресенск) и Союза писателей России (2019 г.).

Дипломант Московского областного открытого фестиваля-конкурса молодёжного поэтического мастерства «Звёздное слово» (2014 г.). Лауреат литературной премии им. Елены Слободянюк (2015г.) Дипломант литературного конкурса «Поэтическая радуга. Осень», г. Самара, 2019 г.). Лауреат I степени

открытого областного литературного конкурса «Звёздное перо» имени Георгия Кольцова (г. Кашира, 2019, 2022 гг.). Участник конкурса на соискание Московской областной литературной премии им. Роберта Рождественского.

Лауреат 1-й степени Межрегионального литературно-музыкального Фестиваля-конкурса «Поэтическая весна в Пречистом крае» им. В.В. Мутина (Ярославская область, 2022 г.). Дипломант XIX открытого поэтического конкурса им. П. Шестакова «Отечества священная палитра» (г. Лысьва, Пермский край, 2022 г.).

Награждена медалью им. И. Бунина (2019 г.).

* * *

Облепиховым соком –

по тонким, исколотым пальцам,
Сентябрём – на носочках

по пледу из бурой листвы.
Ты бываешь другим,

но тогда одиноким скитальцем
Постучал в мою осень,

и я разрешила войти.

Закипал на плите

и свистел надоедливо чайник,
А я кутала душу

в уютный, цветной палантин.
Ты пришёл в мою осень,

порвав паутину молчанья,
И шепнул, обнимая,

что ты не бываешь другим.

Танцевали дожди

по ресницам и сцепленным пальцам,
И за каплею капля

в твоих отражалась глазах...
Ты пришёл в мою тёплую осень

не просто скитальцем –
Сентябрём с облепиховым соком

в озябших руках...

* * *

Зимние улицы просыпаются,

скидывают одеяло,

Сонные будни

путаются в цветастой шторе,
За ночь опять намело,

обледенело, похолодало.

Я на заставку компьютера поставила море.

Вся жизнь по часам,

по привычному расписанию,
А хочется утром проснуться,

не вспомнить дату,
Схватить тебя за руку, и...

босиком на свидание,
На тёплом песке

обнимать рассветы, тушить закаты.

И быть настоящей, волнующей, будто море,
Растрёпанной,

дико счастливой в твоих объятиях...
А я всё смотрю на картинку на мониторе,

И думаю, вроде и так нормально –
причёска, платье.

Рабочее время, плохая погода
когда-то закончатся,
Как новости, слухи,
мнения в офисном коридоре.
Неспешно пью кофе, но,
боже мой, как же хочется
Облизывать с губ не кофе, а капли моря.

✱ ✱ ✱

Целуй неспешно. Снег нескоро ляжет...
Зима не балует хрустящим декабрем.
Привычный город в сером камуфляже,
Устав от суеты и эпатажа,
Уснул под одиноким фонарём.
Касайся нежно. Как мороз по стклкам –
Ажурной россыпью мурашек по плечам.
Из дымки невесомой вечер соткан,
Всё торопил, заглядывая в окна,
Сидящих в ресторане при свечах.

Люби. И пусть уставший город скван,
Укрыт помятым пледом перед сном.
Пусть до утра не сказано ни слова...
Что ты моей зимою зацелован...
Что я твоим любима декабрем...

✻ ✻ ✻

Среди шумного мира ты – моя тишина,
Раскаленный песок,
 необласканный ранним прибоем.
В предрассветную даль
 разлетятся осколки сна...
Если что зашумит в твоей жизни,
 то пусть это будет море.

Среди будних событий ты –
 мой счастливый билет,
Я не сяду в трамвай,
 провожу недвусмысленным жестом.
Запечатаю душу
 в красивый бумажный конверт –
И в ладони твои –
 там, и правда, ей лучшее место.

Среди сотен дорог ты –
 мой самый извилистый путь,
 Там, где ветер бушует,
 и солнце стеснительно ластит...
 Я продолжу идти,
 чтобы с тихой надеждой шепнуть,
 Если что постучит в твою дверь –
 открой, это будет счастье...

Ирина КРАШЕНИННИКОВА

Ирина Крашенинникова – поэтесса, член Союза писателей России. Родилась в г. Липецке, проживает в г. Пушкино, работает учителем английского языка. Имеет публикации в местных изданиях, журнале «Поэзия», сборниках «Антология одного стихотворения». Автор поэтических сборников: «Серебряная нить» (1999), «Небесные дороги» (2001), «Две судьбы – две тайны» (2009). Сборник «Две судьбы – две тайны» был издан совместно с сыном Антоном.

Ирина – дипломант областной литературной премии им. Роберта Рождественского. Награждена медалью Ивана Бунина. В 2018 году стала заслуженным поэтом Московии.

* * *

И день бездействовал под вечер,
закат лишь только зарождался,
Его златые паутины
застряли в перьях облаков,
Цветы сжимались от прохлады,
а кто-то путника заждался
На перекрёстке у дороги,
ведущей в тысячи веков.
И ночь вползала, как улитка,
украдкой, тёмные ресницы...
И размывала очертанья
травы и запахи цветов,
А одинокая фигура
мне наяву как будто снится,
На перекрёстке всех историй,
на перекрёстке всех миров.

* * *

Я буду всё дальше, ты –
ближе и ближе,
Душа поднимается выше и выше,
И все исчезают сомненья, тревоги,
Над пропастью стелются наши дороги.
Я вниз не смотрю, снова шаг и полшага,
И сердце моё наполняет отвага,
А ты мне навстречу,
не надо мне много –
Я жизнь отдаю за сердечное слово.

* * *

Вновь первый снег терзает мою душу,
Как белый ангел падает с небес,
Я тишину шагами не нарушу,
Я посмотрю на чудо из чудес.
Пусть ледяное чистое дыханье
Касается, как пёрышком, лица.
Я всё бегу на первое свиданье,
И нет той светлой радости конца.
Печаль и счастье – всё перемешалось,
И дождь, и снег, кипение весны...
Пусть не сбьётся всё то, о чём мечталось,
Наш первый снег летит сквозь наши сны.

* * *

Сияние луны, дыхание чуть слышно,
О чём-то шелестят седые тополя...
А птица в небеса

поднимется всё выше,
Не только для неё уменьшилась Земля.
На время, на часок,
на чуткое мгновенье
Я заглянула в глубь
исчезнувших веков,
И вымолила там святое всепрощенье
За тысячу чужих и собственных грехов.
По милости жива, уверовала свято:
Есть ангел, что хранит бессмертие моё.
И я увижу свет, потерянный когда-то,
И я увижу Жизнь и праздники её.

* * *

Я становлюсь невыносима,
Гуляет ветер в голове,
Горит янтарная рябина,
Но не сгорает в декабре.
Все дни потеряны и ночи,
Печаль сжимает, как тиски,
Метель однажды напророчит
Моё спасенье от тоски.
И закружит, и затанцует
В бездонном небе голубом...
Мороз сегодня разрисует
Моё окошко серебром.

* * *

Тупая боль затопит сердце,
А время выдохнет: «Вперёд!»,
И никуда уже не деться,
Летит бессмертный самолёт.
А где-то огненные люди,
Уже сражаются за нас,
А кто-то ждёт, а кто-то судит,
А кто-то лезет на Парнас.
Но никому не отсидеться,
Уже приблизилась черта,
И бьётся огненное сердце,
И значит жизнь ещё жива.

Мелисса ШАРТРЕЗ

Мелисса Шартрез – поэт, художник. Наследница по прямой линии древнего польского рода Добровольских. Училась в Сорбонне, работала в крупнейших художественных галереях Европы и Америки – Рейкмузеум (Амстердам), музей Уитни (Нью-Йорк), много путешествовала.

Публиковать стихи начала с 16 лет. Первый сборник стихотворений «Мальчикам это нравится» вышел в 1992 году с предисловием Иосифа Бродского.

В настоящее время живёт в Москве.

ПО СТУПЕНЬКАМ

Было так, что я казалась
Звонче тонкого стекла,
Как волна с волной встречалась,
Как волна к волне влекла!
В небе солнышко светило
И теплело всё вокруг,
Как давно всё это было,
Всё, что вспомнить недосуг!
По ступенькам я взбегала,
В туплях-лодочках плыла,
В дымке чар – принцесса бала,
Звонче тонкого стекла!

ВЕТЕР

На склоне бесконечных зим
Я помню каждый миг свиданья,
И каждый был неповторим
Среди фальстартов мирозданья!
Тянулась счастья череда
И с головой нас накрывало,
Когда влюблялась я, когда
Всё в лучшем виде совпадало!
Я помню каждый Божий день,
Как поцелуй на морозе,
Казалось мне: цветёт сирень
Под стать какой-то чайной розе.
И я влюблялась, как во сне,
И мир дарил себя поспешно,
Где кругосветное турне,
И море синее – безбрежно!
Не счесть размовок и потерь
А мне бы взять и возмутиться,
Но ветер открывал мне дверь,
Как будто обещал жениться!

С ТЕХ ПОР

Подумать только – мне совсем не больно,
Мы встретились и странно разошлись;
Мне всё равно. Всё кончено.
Довольно
Из поезда смотреть на эту жизнь.
В такой толпе не трудно разминуться,
Чего я жду в космической глуши?
А ведь могла я взять и отмахнуться,
И рассмеяться шутке от души.
С тех пор прошло сто лет. Какая жалость!
Всё то, что было, словно мир, старо.
Я с этим типом больше не встречалась.
Я не люблю знакомиться в метро!

ФИАЛКИ

Я по белому снегу бреду,
Всё бреду на глазах у прохожих,
И срываю фиалки в саду,
Ни на что на земле непохожих.
Мне б шагнуть за тебя в пустоту,
Бросить всё и зажить, как впервые;
Только я всё бреду и бреду,
И фиалки несу голубые.
Говорят, что была я с тобой,
Да, была. Как вчера это было,
И вставала весна за спиной,
И нездешнее солнце светило!

ПОДРУГИ, 1793

По приказу конвента
Обезглавлен король,
Как сквозь землю легенда,
Я, Жюстин и Николь.

Где парижские птахи
Пламя лилий и роз;
Где победные взмахи
Лебедей и стрекоз?
Станет правдой расхожей
Якобинский устав,
Вместо милости Божьей
Декларация Прав.
Фронда требует хлеба
И под шелест знамён
Застит тенью полнеба
Вновь оратор Дантон!
Всё, что было, не знаю,
Да и знать не хочу,
Но в лицо я швыряю
Свой наряд палачу!
Над мятежной толпою
Пусть одежды летят,
Над стеной крепостною,
На восток и закат.
Что ни день, то декреты,
Не смолкают бои,
Вслед взмывают браслеты,
Кольца-серьги мои!
Всё слышнее раскаты,
До последнего дня,
Не с того ли солдаты
За плечом у меня?
Мне б диктат эшафота
До конца досмотреть,
Как встречает свобода
Революцию – смерть!
Как под гимном и флагом
Кровь прольётся моя,
Как общественным благом
Станет эта земля.
Как свободу и братство
Уравняют в правах,
Как пинают богатство,
Попирая мой прах.
Гильотина взлетает,
Чахнет желтофиоль;
Лишь одно занимает,
Где Жюстин и Николь?

С ПЕРВЫХ СТРОК

Всё понятно тебе с первых строк,
Всё, что спелось – ты знал назубок,

Те же сходни сбегали к реке,
Тот же гомон и смех вдалеке,
Тот же поезд летел под уклон,
Те же рельсы звенели вдогон.
Пел мне ветер над быстрой рекой,
Как светился великий покой,
Как на склоне заветного дня
Ты смотрел и смотрел на меня,
Как шептала нам ночь впопыхах:
Осыпаются астры в садах!

ЯБЛОКО

Катится солнце, сбивая пыльцу,
Платье в горошек всё так же к лицу;
Вновь наплывает и стынет рассвет,
Тень растянулась на тысячу лет.
Сказка – намёк; где намёк, там и ложь,
Прямо ли, вкривь – всё одно пропадешь!
Кто же окликнет в родимом краю?
Яблоко падает в руку мою.
Звёзды над нами стоят высоко,
Будем на небо глядеть мы легко;
Без дуновения высь пролегла.
Тянется лето. Дорога света.
За расставаньем не видно огня,
А под ногами темней и темней.
Больно уж смел ты, как я погляжу,
Вот, что тебе на прощанье скажу.
Жаркое лето звенит над Москвой,
Вновь против стрелки пойду часовой,
Буду молиться в неясной тоске
Я за тебя на родном языке.
Строчки напомним спустя много лет
Платье в горошек, браслет-самоцвет,
Яблоко, музыку, взмах мотылька...
Мне бы влюбиться, да жизнь коротка.

СИНИЙ ПЛАТОЧЕК

Катится жизнь, как сказанье,
Месяц, как выстрел в упор,
В самом разгаре Полтавская битва
Длится она до сих пор.
Будем сражаться-держаться
Мы на фронтах из огня;
Только всё тот-же синий платочек
Снова прикроет меня
Битва – от края до края,
Крутится шар голубой,

Знаю, со мной ничего не случится,
Знаю, ты рядом со мной.
Память из сердца не вынуть,
Месяц завис и пропал;
Пусть же напомним синий платочек,
Как ты меня защищал.
Так будь моим,
Желанным, любимым, родным,
Так бей, пулемётчик, за синий платочек
И русское небо над ним!

ПЕСЕНКА

Что случилось – то случилось,
Знай работай да живи,
Может, это всё мне снилось,
Как могла я без любви?
Я ли в юбке самой броской
Пела песни визави,
Всё б дымила пахитоской,
Как могла я без любви?
В жизни всё теперь, как надо,
Даром Бога не гневи;
Страшно было мне когда-то,
Как могла я без любви?

ТАЙНА

Душа очнётся и начнёт с нуля,
И я очнусь – застыну в ожиданье;
Когда рванется из-под ног земля,
Свиданье, превращая в расставанье.
Какое солнце светится вдали!
Ты поплывёшь туда – на край земли,
Куда влекутся города и страны;
Давно ли боевые корабли
На курс ложились – и за край вели,
А крепкий виски бередил нам раны?
Есть встречи, как предчувствие весны,
Что нашей тайной стать обречены!

НА ВЕРШИНЕ

А в день рожденья твоего
Не оглянуться, не проститься,
Как долго ты мне будешь сниться
В объятьях Бога самого!
Так начинают жизнь с листа
Жизнь без конца и без названья,
Там, на вершине мирозданья
Лишь солнце, ветер и вода.

А ты всё так же належке,
Где синь от края и до края,
И волны блещут, набегая,
И звёзды тают вдалеке!

ДЫМКА ЗОЛОТАЯ

А за окошком – тишина,
Встают деревья-исполины,
И зимней ночи глубина,
И невозможные вершины.
Как опустел внезапно сад,
Как обступает ночь глухая,
Но снится розовый закат,
И страсть, и дымка золотая.
И настигают крах и грех,
Свиданья, города, везенье,
И твой самозабвенный смех,
И любопытство, и смятенье.
И всё, что будет, знаю я,
Ещё мне надо постараться,
И в шумном вихре бытия
Совсем не страшно расставаться!

ПАПЕ

Я смотрю и не вижу спасенья,
Но мигает во тьме огонёк;
Сны витают в глубинах забвенья,
Как улыбка твоя в день рожденья,
Где на водах дрожит поплавок.
Эти льдинки звенят и не тают
В синих брызгах весеннего дня;
Выше крыши созвездья взлетают,
Вновь молитвы твои ограждают
И хранят в этой жизни меня.
Ночь-полночь за окном. Ну и ладно.
И, как в детстве, неясная грусть.
Я не верю, что всё безвозвратно,
Смерти нет. Лишь одно непонятно,
Как ушёл ты, как я остаюсь!

НЕБО В АЛМАЗАХ

В.П.

Я думала: я позабыла сказать,
Что ради тебя я могла бы летать,
Весь мир потонул бы в экстазах,
Чтоб видел ты небо в алмазах.

Не сладостью губ ты меня удивил,
А тем, что в меня ты однажды вложил;
Потом уж и думать забыли,
Как вышла я на Пикадилли.

БАБОЧКА

Бабочка в окошке тесном бьётся,
Благовест над городом прольётся;
Развернёт оконный переплёт
Бабочки причудливый полёт.
Жизнь моя, любовь моя, сказанье
Мне б любить, не приходя в сознание
И земли не помнить под собой,
Чтоб услышать только голос твой.
Всё однажды сбудется, я знаю,
Я пройду по самому по краю,
Где жила я столько долгих лет,
Там конца и края нет как нет.
Вот и солнце льёт лучи живые,
Всё у нас, как будто бы впервые,
За окошком травы да цветы,
А на свете – только я и ты!

РАБЫНЯ

Август – радость, август – гость,
Поздних роз и молний,
Испытать и мне пришлось
Страсть без церемоний!
Всюду миллионы глаз
Рассекают дали;
Как давно волнуют вас
Локоны-спирали?
Твой прямой надменный взгляд,
Точно в сердце дышло;
Так на женщин не глядят,
Всё мне боком вышло!

Всё в душе отозвалось,
Всё, что я любила;
Август – радость, август – гость,
Как же я забыла?
Ты был прям и я пряма,
Даром что рабыня,
С неба рушились дома,
А в душе – пустыня.
С кем там спелось и сбылось –
Я пытать не буду,
Лучше – оторви и брось,
Люди верят чуду.
Станцевать бы на столе –
Так себе забава,
Лучше нету на земле
Крепостного права!

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ

А в небе – стая облаков,
Плывет, как будто по течению,
Мгновенья солнечных часов
Скользят за уходящей тенью.
Всё глуше птичьих голоса
И вроде песенка не спета,
Но смотрят пристально глаза
В глубины ультрафиолета.
Ты видишь, я к тебе спешу,
Вся жизнь моя, как час отвесный,
И слышен голос бессловесный,
И я одним тобой дышу!
Давно ли я тебя нашла
И обрела в пылинке малой,
Но в этой жизни небывалой
Готова я сгореть дотла!
И тает звук твоих шагов,
И воздух льётся и струится,
Всё дальше стая облаков,
А счастье длится, длится, длится!

Ирина ЛЕОНТЬЕВА

Автор семи сборников поэзии (два для детей). Член МОО СПР (2004 г.), а также член товарищества детских и юношеских писателей России (с 2009 г.). Организатор ЛИТО «Грани» (г. Шатура), 2012 г.

Лауреат литературной премии им. А.П. Чехова, дипломант конкурсов «Золотая строфа» и избранного стихотворения (диплом им. Ф.М. Тютчева), финалист конкурса Московской городской организации СП «В гостях у сказки» (2015 г.).

Дипломант областной литературной премии Роберта Рождественского в номинации: «Зрелое перо» (2015 г.) Дважды Лауреат премии губернатора «Наше Подмосковье» в номинации «культпросвет» (2016 и 2018 гг.)

Призёр конкурса «Мелодия любви», от сообщества сайтов альманаха «Гражданин» (2022 г.)

Родилась и выросла в г. Кишинёв, Молдавия.

С 1996 г. по 2020 г. проживала в г. Шатура Московской области.

В 2020 г. переехала в г. Чехов Московской области.

СИМФОНИЯ ДОЖДЯ

Таинственно шумит листва
За темнотой промокших окон,
Дождь спрятал звезды в рукава,
И небо стынет одиноко.
Ах, летний дождь – неожиданный гость,
Все ждёт свидания на крыше –
Выстукивает тихо трость
То издали, то где-то ближе.
Встревоженно кричит трамвай
На остановке возле дома,
А слышится: "Прости-прощай"
Сквозь дальние раскаты грома.
Трубой небесной в небесах
Взывает музыка творенья,
Смычка божественный размах
Бьёт молнией, как озаренье!
И вновь аккордами любви
Твоё наполнено дыханье,
И ты мне шепчешь: Приходи
Ко мне на крышу мирозданья.
Звучат в симфонии дождя
Такая нежность, боль и муки,
Что я опять прошу тебя,
И звёзды обожгут мне руки.

МОЛИТВА 2023

Молитвой утренней в студёном феврале
Собраться добротой сердцам желаю.
Словно свеча на божьем алтаре
Прошу о мире – позабытом рае.

О, мой Господь, любви сердца открой,
Останови слепцов, объятых гневом,
У грани ада – в схватке роковой
Братоубийства под кровавым небом.

И над землёй моей, обиды не тая,
Яви пример прощения и силы,
Пусть Русь поднимется и чуждые края
Не роют нам окопы и могилы.

И воле иноземной вопреки,
Объедини, что прежде общим было,
И нас, славян – притоки у реки –
Пусть защитит твой ангел белокрылый!

* * *

В оглохшей электричке –
вне времени-пространства,
Неравенства – равняются,
найдя приличный мост.
Меняются соседи с завидным постоянством,
И станции мелькают
под ровный стук колёс.

Любимый мой, как странно,
что слов совсем не надо,
Я чувствую свечение от твоего лица.
Все звуки пропадают в завесе снегопада
И нет пути обратно, как нет в нём и конца.
Лишь может быть, когда-то,
совсем другие люди
В оглохшей электричке –
сумеют совместить
Мгновение единства,
что вместе с нами будет
С мгновением разлуки, что нам не пережить.

КОНЕЦ АВГУСТА

Августом сгорает лето
В дымной шали по утрам.
Посмотри, ты полон света,
Словно, летом стал ты сам...
Небо выше с каждым утром,
Птиц куда-то вдаль влечёт,
На румянце яблок пудра,
И душист поспевший мед.
Сливы трескают от сока,
Тихо падают в траву,
Все в саду поспело к сроку
И притихло наяву.
Даже бабочки ленивы
На цветах, как феи спят,
Травы наклоняют гриву,
Что-то грустное шуршат.
Только красные стрекозы
Не снимают лётный шлем,
И сильнее пахнут розы
Среди астр и хризантем.

МАМЕ

Моя печаль, как снег февральский,
Слезится после сильной стужи.
От важных и до маломальских
Все мысли о тебе недужат.
Нам было вместе веселее,
И мир с тобой казался раем:
Он совершенней был, светлее,
Твоей любовью освещаем.
О, как же ты меня любила
И нежно-нежно обнимала,
А тут взяла и отпустила
И навсегда тебя не стало.

Вновь сердце студит белым ветром
И белым снегом заметает
На сотни чёрных километров.
О, мама, как же я скупаю!

С ОTCОМ В МЕДИЦИНСКОМ ЦЕНТРЕ

Веду за ручку и внимательно,
Чуть-чуть поглаживая кожу,
Всё поясняю обстоятельно:
Ещё три шага и порожек.

И без каприза, с улыбкой грустною
Он рядом держится достойно.
Переполюемая чувствами,
Я даже внешне неспокойна.

Я тороплюсь его обследовать,
Цепляясь за врачей советы.
Нам Божии пути неведомы,
В руках – лишь списки кабинетов.

Мир медицинской бюрократии
Ломает все сопротивление.
Больные – божьи сёстры с братьями,
И ждут, как чуда, исцеленья.

Внимательность врачей кончается
Небрежностью, щемящей разницей.
И снова всё внутри взрывается,
И лишь улыбкой папы гасится.

Он держит за руку в томлении,
Присев на стул у кабинета,
И ждёт хирурга появления.
А я – ещё молось при этом.

УХОДИТ ЭПОХА

Прощаясь со всеми, уходит эпоха,
Сраженная тяжким недугом.
И каждому больно и каждому плохо:
Мы вместе ходили по кругу.

Работали, бились, прощали, творили
И даже порою гордились.
Эпоха летела, как птица, на крыльях,
И мы даже счастливы были!

И вот перед нами следы человечьи –
Вглядитесь в поступки и лица!
Мы вышли из круга, гордиться нам нечем,
Но сердцу об этом ли биться?

Нет, лучше гордыню, как камень, отбросить
И разом порвать паутину.
Там в сердце у нас, кроме гнева и злости,
Осталась другая причина.

Любовь уберечь и спасти всё, что свято,
И честь не предать в час сомненья.
И молча признать – только мы виноваты.
Эпоха уходит в забвенье...

ПОЭТУ

Ты горизонт, подтаявший, весенний,
В тебе соединился лёд и пламень,
Сиянье неба, облачные тени
И твердь земли под нашими ногами.

В твоих руках незримые мгновенья
Вдруг обретают вес и очертанья,
И ты прядёшь на вдохе озаренья
Из пряжи слов и чувства –
Предсказанья.

В твоей строке ритм сердца беспокойный
Полёт души над звёздными мирами,
Твои потери, достижения, войны,
Твоя молитва в полуночном храме

Веретено стихов – судьбы круженье
Страданием и счастьем ты рифмуешь.
Тончайшей нитью скручены мгновенья,
Которым ты доверить жизнь рискуешь.

МУЗЫКА ЖИЗНИ

Над нами музыка звучит и кружится,
И с облаками улетает сонными,
Под шум дождя она танцует в лужице,
И вдруг становится морскими волнами.
Она задержится в твоём дыхании
И обернётся пульсом вдохновения,
И с бликом солнца, что сверкнул на здании,
Вдруг станет искренней слезой прощенья.
Над нами музыка звучит, услышь её!
Она поёт в твоём сердцебиении,
Она зовёт нас прикоснуться к высшему,
И стать аккордами в её творении.

ОСЕНЬ НА МЕТЛЕ

Осень прилетела на метле,
Без предупреждения вернулась.
Закружилась вихрем по земле
И дожди с подола отряхнула.

Тучи над полями подняла,
Прогоняя птичьи караваны,
И дороги прямо у села,
Спрятала в холодные туманы.

А под вечер взглядом невзначай
В первого прохожего влюбилась.
И мгновенно с царского плеча
Солнцем всю округу осветила.

В ярком длинном платье, босиком,
В рощах ворожила и дубравах,
Кто с её касаньем не знаком –
Инеем, сверкающим на травах?

Карнавалом красок и теплом
Покорила ласково и смело.
И однажды в полночь с ним вдвоём
На метле обратно улетела....

ЛЮБИМОМУ

Трудно быть с тобой любимой
И просто...
Ты мое виденье Крыма –
Полуостров.

То закрытый в думах-тучах
Непогоды,
Можешь миловать и мучить,
Как природа.

И ветрами заморозить
В одночасье,
И согреть в своих ладонях
Наше счастье.

Потому на сердце жарко
И тревожно,
И расстаться, как и с Крымом,
Невозможно.

СЧАСТЬЕ РЯДОМ

Как на ладони вся земля –
Под солнцем спящие просторы!
Мне хочется вдохнуть в себя
Все запахи родной Мещёры.
Лугов влекущий аромат
Так сладок на изломе лета,
Цветы на небеса глядят
И нам кивают, видишь это?
Древесный дух манит в леса,
И там прохладой опьяняет,
И колдовство, и чудеса
Для нас причудливо сплетает.
Чуть влажная постель небес,
Что зреет новыми дождями,
Вдруг покрывает дымкой лес
И серебрится облаками.
А там, вдали царит закат,
К себе притягивая взгляды:
Мир тихой нежностью объят,
И верится, что счастье рядом.

ВЕСНА

Вы чувствуете? Время перемен!
Вы видите? Раздвинулись просторы,
И свет особый падает на город,
И город поднимается с колен.

Весна идёт. Вы слышите шаги,
Спешащие за птичьим пересвистом?
Весна с улыбкой смотрит в ваши лица,
Прощая все обиды и долги.

Упрятанные набело пути
Вскрываются легко и неизбежно.
Но слышите? С журчанием мятежным
Дороги чертят заново ручьи!

А даль под взглядом прыгает с руки,
И молится, крестясь ветвями, небо
О будущем, что в окна смотрит слепо.
И мир вокруг становится другим.

Я чувствую, как город предо мной
Стал отрываться после снегопадов,
Ведь прятать душу незачем от взглядов,
Когда она наполнена весной!

* * *

День чарует сияньем
Серебристой реки,
Посмотри, в тихих водах
Отраженья легки.
Облака между нами
В светлых волнах скользят,
Ветерок камышами
Шелестит невпопад.
Чертит дальняя птица
Небо краем крыла.
Мне потом будет сниться,
Как в реке я плыла,
И слезою мгновение
Вдруг касалось щеки,
И несло нас теченье
Серебристой реки...

МЫСЛЬ ПОГИБШЕГО БОЙЦА

«Живи, жена и дочь,
живи, земля Родная!» –
Успел он прошептать, и вытащил чеку,
Взлетела его мысль навстречу грозам мая
И кружит до сих пор, и просится в строку...

Накал его любви, решимости и боли
Как заклинание нам,
как к горлу тесный ком.
Вновь мысль бойца кричит,
и нас, потомков, молит,
О Верности Земле, где в мире мы живём.

Упрямые слова, одна скуная строчка,
Успеть бы мне в душе навечно записать:
«Живи моя Земля, живи жена и дочка!» –
А пред глазами – он. Бежит их защищать.

Цена победы – жизнь. Боец об этом знает,
В бессмертие свой шаг он сделал на бегу...
«Живи жена и дочь, живи Земля родная!» –
Солдатский подвиг

весь уместится в строку...

Татьяна МАКСИМЕНКО

Поэт Татьяна Дмитриевна Максименко проживает в наукограде Жуковский, Московской области.

Является автором 16-ти поэтических книг, вышедших в период с 1984 по 2022-й годы. Публиковалась в журналах и антологиях: «Строфы века», «Поэзия: век 21», «Молодая гвардия», «Юность», «Смена», «Работница», «Поэзия», «День поэзии», «Казачий Крест», «Казачка», «Свет столицы», «Таврия литературная», «Академия поэзии», «Литературное Подмоскovie», «Коломенский альманах», и др., а также в многочисленных коллективных сборниках и интернет-порталах (газета «День Литературы», «Эхо Бога» и др.). Лауреат ряда литературных конкурсов.

* * *

В глину превратимся все мы,
в тугоплавкую руду,
В луговые травы, в сено,
в тростниковую дуду...
Век бездушный, век безродный,
образумь толпу калек!
Песни детворе голодной
на дуде, как человек,
Пой, играй – ведем их мимо,
хитроумный Крысолов,
Мимо поля, мимо дыма,
огнедышащих голов,
В лес, в деревню, на опушку,
где траву щипал телок.
Дай им хлебную горбушку,
крупной соли в узелок.
Дети в играх потеряют
коготь, волчий клык, плавник.
Слой песка расковыряют –
обнаружат ил, тростник,
Залежи знакомой глины –
в каждой детке жив гончар!
Слепят танк, ракеты, мины –
и Земли упругий шар.

ЖИЗНЬ

Жизнь многослойна, многогранна,
Монументальна и хрупка.
Как ниточка воды из крана
Течёт... Как грозная река!

И нет покоя в нашей жизни:
Она – текучая вода!
Мой друг, меня в объятьях стисни,
Не отпуская в никуда!
Мы будем вместе плыть с тобою,
Дрожа – на маленьком плоту,
Туда, где небо грозное
Вновь обретает высоту.

СМЕРТЬ

Смерть – это чёрный квадрат.
Жизнь после жизни.
Омут земных утрат,
Если война в отчизне.
Смерть для одних – врата
В рай, для других – в геенну
Огненную... Проста
Жизнь. Ну, а смерть из плена
Жизни душу крадёт,
Плоть предавая тлену.
Громом она грядёт,
Жалит она мгновенно
Жаждающих ускользнуть!
Тем же, кто смерть презирая,
Вечно уже не уснуть,
В муках достигшим рая.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Листва с полётами знакома,
Ей суждено на землю лечь.

И вспыхнет свет в окошках дома,
И мягко шаль коснётся плеч.
Кто шепчет за моей спиной,
Кто мне мешает ночью спать?
Склонилась осень надо мною,
Печальней, чем родная мать.
И шелестит вдали осина,
Окутав душу холодком,
И вязнет под ногами глина,
К утру покрытая ледком.
И образ матери тревожит,
Покинувшей наш белый свет.
Девятый день как будто прожит,
Но – в пустоте, опоры нет.

ЖИЗНИ КОЛЕСО

Мальчик, всё сиюминутно
в этой жизни, зыбко – всё.
Мчится вдаль, где небо мутно,
нашей жизни колесо.
Спицы в колесе погнуты,
обод – стёрся... Но спешит
Колесо, гася минуты,
сверху – вниз, в голодный стыд.
Там, внизу, сквозь фейерверки
неба в звёздах не видеть.
Там закрыты к Богу дверки
с воплями: «Купить! Продать!»
Там с туманом одиночеств
душу гложет пустота,
И душа, страдая, хочет
прыгнуть в пустоту с моста.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Неподкупная жизнь,
неподсудная смерть...
От невзгод отрешись,
натякаясь на твердь.
Богу не прекословь: замирая, дыши.
Пусть земная любовь
вечно юной души
Поднимает тебя над простором земли,
Эхо страха дробя, что стихает вдали.
Вера сердцу близка среди тлена и лжи,
Там, где дом из песка,
там, где пропасть во ржи.

СЕРДЦЕВИНА ЖИЗНИ

Послушай, это плачет тишина,
А ветер бродит по другой планете.
Горька любовь, но лишь она одна
Грустит о невозвратном нашем лете.
Другим уже, пожалуй, все равно:
Смеёмся мы или во сне летаем...
Жаль, что открылась мне не так давно
Вся сердцевина жизни золотая.
Там пыль веков и равнодушья тлен:
Там дни струятся, как пески пустыни.
Дни нашей жизни... Что ей дам взамен?
Лишь зёрна, замурованные в глине.

ЛЮБОВЬ

Кто люб тебе, кто сердцу мил?
Но сердцу не прикажешь...
Любовь порой лишает сил,
она подобна краже!
Любовь всегда есть кража сна
в разгадках настроенья.
Хоть легкокрылой быть должна,
навязчивую тенью
Мелькает... Изнывает плоть,
зовёт к себе кого-то.
Быть рядом нам велел Господь,
наполнить мёдом соты.
Но горек мёд и сладок яд,
вкуси: любовь – отрав!а!
А мудрецы нам вслед твердят:
«О времена! О нравы!»

Мой день – такой короткий! – стал твоим...
Октябрь поблек и превратился в пепел,
И трудно в унисон дышать двоим:
Ведь каждый убыванье дня заметил.
Замедлив шаг, ты тоже удивлён,
Что огонёк вдали похож на свечку...
Но это клён, листвою шуршащий клён,
Неспешно листья сбрасывает в речку.
Нам остаётся руки разомкнуть,
Куда глаза глядят, в туман и слякоть,
Уйти... Но осень преграждает путь,
Всё продолжая всхлипывать и плакать.

* * *

Что есть любовь? Зачем душа и тело
Ведут неравный спор между собой?
Зачем о ней шумит морской прибой,
Кричат во мраке кошки оголтело?
Зачем, даря мне поцелуй несмело,
Ты тут же исчезаешь на бегу?

Зачем лицо любви – белее мела,
Когда у Чёрной речки на снегу
Умолк поэт, застыли секунденты,
Взлетела в небо стая черных птиц?
И чахнут во дворах столиц инфанты,
Царица бала вереницу лиц
Не различает... Розы из теплиц
Не оживляют траурные банты.

* * *

Любовью скривлено прямое,
Любовью спрямлено кривое,
Любовью выдуманы двое,
Чтоб всё на свете усложнить.
На что мне мёд чужих улыбок,
На что мне груз чужих ошибок?
Вокруг тревожный воздух зыбок –
Мне выпало тебя любить!

Мне выпало: не знаю – счастье?
К твоим губам моё запястье...
Любовь не делится на части:
Богат сегодня – завтра ниц!
И потому не представляю
Ни ада без тебя, ни рая,
От нетерпения сгораю...
Но разве ЭТО объяснишь?

ЕСТЬ ЛЮБОВЬ...

Есть любовь – как сердечко со стрелкой,
Как игра, что святой Валентин
Предложил... И подушкой-безделкой,
Запылилась средь милых картин.

Есть любовь – словно солнце в пустыне:
Вышивает иголкой шелка,
Золотые узоры – на синем...
Миг – и скроется за облака.

* * *

Дано мне все грехи твои прощать,
И расстояние вдвое сокращать
Между тобой и мной.

Растает лёд, и мы когда-нибудь
Капели с крыш разбуженную ртуть
Услышим, огибая шар земной.

И стоит солнцу протянуть лучи,
Я пальцы стисну: слушай и молчи,
Как ледяная рушится стена!

Нас вихрь несет – несёт под облака,
Где истина светла и высока,
Как на ладони Господа, видна.

* * *

Когда мне удаётся вдохновить
Тебя, переполняют русло реки.
Но птицы гнёзда продолжают вить,
Бог – видеть светлый образ в человеке.

И сотканная из мечты любовь
Повеет лебедиными крылами.
И наши души полетят на зов,
Расставшись с неуклюжими телами.

* * *

Меня легко купить: улыбкой,
Внезапной искренней слезой,
Любовью – с рожками улиткой,
Упрямо выющейся лозой.
Улитка спрячется в свой домик,
Лоза повиснет над окном,
И ничего не надо: кроме
Любви, казавшейся мне сном.

Так день пройдет: в продаже, в купле,
В скрепенье, в разведение рук,
Потухнет свет в глазах, и кудри
Завянут – как цветы вокруг.
Так жизнь пройдёт: в сомнениях, в грёзах,
В огне, в обугливанье глаз,
В слезах, в трудах, в шипах и розах,
В судьбе, гранённой, как алмаз.

Марина КАБАНОВА

Марина Николаевна Кабанова живёт в городе Белоозёрский Московской области. Член Союза писателей России, ЛИТО «Радуга» им. И.И. Лажечникова (г. Воскресенск) и ЛИТО «Вертикаль» (г.Белоозёрский).

Автор поэтических сборников «Я – большого случая маленькая дочь» и «Тростиночка». Член редакционного совета альманахов «Воскресенск – моя родина светлая...», «Белоберёзовый мир», «Созвучие» Один из авторов поэтических переводов книги стихов болгарского поэта Ивана Дочева «Окно любви». Печаталась в журнале «Поэзия», «Литературной газете» и других центральных изданиях, а также в русско-болгарских альманахах «Созвучие», «Светопис», «Подмосковные поэтические созвездия», в газете «Посредник», журнале «Мизия», в газете «Новият пулс», в международном журнале «Форум», в альманахах Издательского Дома "Серебро Слов", в антологии современной патриотической и военной песни России «Работайте, Братья!». Дипломант областной губернаторской премии имени Р. Рождественского 2007 г. Награждена Золотой Есенинской медалью, Чеховской медалью, им. И.А. Бунина, им. А.Т. Твардовского, им. Елены Слободянюк. Лауреат литературных премий им. Елены Слободянюк 2013 г. и 3 степени международного конкурса «Славянское слово», учреждённого Международным союзом писателей им. св. Кирилла и Мефодия в номинации «Художественные переводы с болгарского языка». Автор слов более ста песен.

СКАЖИ, ЗАЧЕМ
СПЛЕТАЮТСЯ СЛОВА

Скажи, зачем сплетаются слова
В причудливый узор стихотворений?
Ведь жизнь проста,
ведь жизнь во всём права,
И не всегда оценит вдохновенье.

От повседневных дел земных устав,
В заботах о своём насущном хлебе,
Спешат привычно люди по домам,
Не замечая вовсе звёзд на небе...

Бегут, и бег замедлить нелегко,
Чтоб, хоть во сне, над суетой подняться...
А день за днём, грустя в плену шкафов,
Нетронутые томики пылятся.

...Но чьё-то сердце вздрогнет вдруг, замрёт
От светлых слов,
рождённых звёздной ночью,
Когда души взволнованной полёт
Оставил след из вдохновенных строчек.

ЦВЕТЫ

Наличников цветы резные
И занавески «ришелье»,
А мы, влюблённые, смешные,
И тень от вишни на столе.

Мы спрятаны с тобой надёжно
За деревянную стеной,
Забыв совсем про осторожность,
Про майский дождик озорной.

Лишь в старом зеркале настенном,
Под невысоким потолком,
Мы виделись попеременно,
Друг друга выследив тайком.

Пусть дождь прошёл и солнце светит,
А мы всё прячемся с тобой...
Цвела Любовь на белом свете
И прорастила в нас Судьбой.

И белопенным чудом вышли
Для нас одних на всей Земле
Цветы наличников и вишни,
И занавесок «ришелье».

* * *

К чему слова?
Они – лишь тень
От крыльев, что Любовь дарует.
Так отчего не в радость день,
Когда в нём этих слов не будет?
Так говори же, говори,
Не бойся, милый, обмануться,
Твои слова – они мои,
Поверь, они к тебе вернутся –

К чему слова?
Они взлетят
Всего лишь на одно мгновенье.
Дороже слов нам во сто крат
Горячих рук прикосновенье.
Но если ночью не уснёшь
От слов, что в памяти закружат,
До боли ясно вдруг поймёшь,
Как нам сказать друг другу нужно
Слова Любви...

ВРЕМЯ

А время смеётся над нами
Его обмануть нельзя, –
Поймём мы однажды сами,
Наивно его тормозя.

Оно не проходит бесследно,
Его не направишь вспять.
И нам не изведать победы,
Напрасно его торопя.

Когда в ожидании встречи
Торопим минут полёт,
Не помним, что время вечно
Само по себе идёт.

Когда, замирая на время,
От счастья душа поёт
О самых прекрасных мгновеньях,
Оно всё равно идёт.

Когда в час тяжёлой потери
Застынет на сердце лёд,
Замрут на часах все стрелки...
Оно всё равно идёт.

ПЛАТЬЕ

Старое платье, а выбросить жалко,
Память меня то ласкает, то жалит,
В этом, усыпанном розами, платье
Мне довелось и смеяться, и плакать.
В нём я к тебе на свиданье бежала,
В нём и прощалась, и снова прощала.
Вдруг не забыло любимое платье
Рук твоих, – сильных, горячих, – объятья,
Как тесновато оно вдруг мне стало,
Дочки рождение когда ожидала...
Пусть не всегда мне до праздников было,
Но я любила его и носила,
Розы на платье и справа, и слева,
В нём называл ты меня королевой.
Быстро мелькали красивые даты,
И заскучало на вешалке платье.
Новые платья в шкафу притесняют,
Новая мода – такое бывает.
...И маловато, и выцвели розы,
Только расстаться с ним очень непросто.

* * *

Радуга над Аю-Даг –
Коромысло на Медведе,
Дождь сквозь солнце – добрый знак,
Свежий вздох в горячем лете.

Будет сочным виноград,
Ароматными аллеи,
Радость – радуга-дуга
Ярких красок не жалеет.

Даже наш экскурсовод
(Удивить его не просто,
Всё он знает наперёд)
Стал по-детски несерьёзным.

Вместе эту красоту
Мы на видео снимаем,
Ловим кадры на лету,
Что получится – не знаем.

Я смеюсь, что из Москвы
Привезла с собой погоду,
Чтоб ещё прекрасней был
Крым в любое время года!

* * *

Зима уходит тихо и светло,
Снегами на прощанье осыпая,
Зла не держа,
Что было, то прошло,
Она устала. Просто, засыпает.

Растает снег, и вроде, как всегда,
Проснутся деревья, цветы и травы,
И побежит
Весёлая вода,
И солнце мысли мрачные расплавит.

Всё это было много-много раз,
И столько вёсен это ещё будет
С тобой, со мной,
И после, и без нас...
И снова будут ждать весны, как чуда.

Забывтое отгадет, оживёт,
Мы – те же, но чуть-чуть другими стали,
Всё, что прошло,
И что ещё пройдёт, –
Весною каждой снова будет с нами.

* * *

Светлой памяти Стефана Моллова

Когда в часы счастливых наших встреч
Звучал твой голос, словно откровенье,
Участливо, тепло и вдохновенно,
Он в мир высоких чувств спешил увлечь.

Но если вдруг, вторгаясь в этот мир,
Нёс кто-то боль и грязь, и злые мысли,
Твой голос наполнялся грозной силой,
Острей меча он становился вмиг.

Каким бы разным ни был голос твой:
То мощным, то пронзительным, то нежным,
Он отзывался трепетом сердечным,
Всегда являясь правдою самой.

Не в силах даже время заглушить
Твой голос, что всегда во мне звучит.

* * *

Воскресенье. Электричка.
Догореть спешит закат.
Снова дачницы-москвички
К суете столичной мчат.
Разрумяненные щёчки,
Радость с грустью пополам –
Беззаботные денёчки
Остаются где-то там,
На шести счастливых сотках,
В мире грядок и цветов,
Что любовно ими соткан
Из фантазий и трудов.
От усталости приятной
Закрываются глаза, –
– Видят россыпь спелых ягод,
Слышат птичьи голоса.
Будут ждать конца недели,
Дни считая и часы,
Чтоб скорее пролетели
Будни деловой Москвы...
...Но не выпустят корзинки,
Несмотря на сладкий сон,
Ароматами клубники
Наполняя весь вагон.

* * *

Я не люблю стихов «на злобу дня»
«На злобу вечера», «на злобу ночи»,
И пусть добро всегда хранит меня
И снова утро доброе пророчит,
Где рядом тёплое твоё плечо
И кошка на моём боку мурлычет,
Все живы и здоровы, что ещё
Для счастья нужно женщине обычной?
Чтоб смех детей собой заполнил дом,
Чтоб, как они, душой быть молодою.
Пусть добрым будет утро, а потом...
Мы в добрый день легко войдём с тобою.

О ХОРОШЕМ

«Всё хорошее быстро кончается...»
Ты не верь, это просто слова.
Всё хорошее к нам возвращается,
И живёт, пока память жива.

От мороза укрытая яблоня,
Возвратит нам под осень плоды,
И ростки, что сажали мы с радостью,
Благодарно подарят цветы.

Добрым словом, врачующим души нам,
Обернутся благие дела,
Ну, а вера в святое и лучшее
Даст нам – сил, а мечте – два крыла!

Всё хорошее нам улыбается
С фотографий далёких времён,
Словно юность – счастливая страница
Прилетела из дальних сторон.

Всё хорошее к нам возвращается,
К очагам, что сквозь годы манят.
Всё хорошее в дом наш врывается
Смехом наших детей и влечёт!

* * *

Хочется плакать, да некогда,
Многое нужно успеть.
Взять, и проститься бы с бедами,
Только куда же их деть?

В поле забросить далёкое?
Только боюсь – прорастут,
Травами сорными злостными
Вдруг в чистом поле взойдут?

Скинуть их в реку глубокую,
Вдруг замутилась река,
Вдруг их шальными потоками
Вынесет на берега?

Бросить за тучи далёкие,
Так высоко – не достать!
Вдруг они ливнями чёрными
Станут всех злобно хлестать?

Бросить в огонь на прощание?
Пусть догорят, не спеша...
Только от пепла чадающего
Вдруг станет трудно дышать?

Как же мне с бедами справиться,
Просто смириться и жить?
Вылечить их и исправить всё?
Кто-то поможет, скажи?

Хочется плакать, да некогда,
Солнце зовёт меня в путь!
А со вчерашними бедами
Справлюсь сама как-нибудь.

Ирина ОВЧАРЕНКО

Овчаренко Ирина Владимировна – родилась в городе Каменка, Пензенской области. Окончила Московский авиационный институт. Сейчас живет в городе Жуковский.

Член Союза писателей Подмосковья и член Международного Союза художников. Является действительным членом Международной академии Российской словесности. Автор трех поэтических книг и ряда публикаций в поэтических антологиях и альманахах.

Участник ежегодных выездных писательских семинаров и съезда в Ступино в 2018 году.

Дипломант поэтических конкурсов.

Активно участвует в литературной жизни региона и ЛИТО «Крылья» в г. Жуковский.

ЗАВТРА

Где надо, там судьба расставит точки,
И вертится Фортуны колесо...
А завтра из туманной оболочки
Вдруг вынырнет знакомое лицо.

Казалось, в этой жизни неудачной
Любовь и счастье не найдут меня...
Но мне везёт по жизни, не иначе,
И я вернусь в свой дом на склоне дня.

А в доме кто-то ждал меня и плакал,
Желал спасти от омута страстей...
Кому-то в жизни я нужна, однако:
Я на пороге радостных вестей!

У КАМИНА

Смотрю на эту странную игру,
Игру теней... Игру огня и тьмы
Короткий сон придет ко мне к утру,
Я улечу в объятия зимы.

В камине – пламя. Там огонь и тьма
Сливаются, как в танго – он, она...
Там бархат розы свёл меня с ума,
Там блеска ночь морозная полна.

Огонь – захватчик, ярк в темноте.
И тени лица искажают нам:
Мы – в масках из комедий дель-арте,
Улыбка, грусть – несут нас по волнам!

Гляди, в камине огненный язык
Перелистал страницы дневника...
Исчезли буквы за какой-то миг,
Тень прошлого достигла потолка.

МОЛЧАНИЕ

Вновь фонарь, как тоски фитиль, –
Светом душу мне за ночь вынет.
А за окнами город стынет.
И клубится снежная пыль.

Мне почудилось: под фонарём
Ты стоишь и молчишь упрямо.
Мы могли бы молчать вдвоём,
Только бездна легла меж нами.

ГАРМОНИЯ ЧУВСТВ

Соскользнёт по телу шёлковое платье,
Гладкость кожи подчеркнув,
И блаженно близкое объятье...
Встречу я тебя, едва вздохнув.

Тесно, горячо соприкоснемся,
Прозвучит волнующе: «Люблю».
В чувства жаркие мы окунемся,
В страсти мы, как во хмелю.

Подчиняясь жадной и пластичной
Темноте – в тебе я растворюсь.
В этой акварели поэтической
К чувственной гармонии стремлюсь!

ШАГИ

Снег не думает ни о чём –
Просто падает за окном...
И мелькнув за твоим плечом,
Весть несёт о тебе родном.

Где тебя уж давно не ждут,
И в глаза мне глядит другой,
Погружаясь в тепло, уют,
Наслаждаясь свечой живой.

Пусть сегодня – весенний снег
Заглушает твои шаги,
Но я слышу твой быстрый бег...
Ты не любишь меня? Не лги!

ШЛЕЙФ ВОСПОМИНАНИЙ

Мы, перестав звонить по пустякам,
Молчим с тобой с угрюмым постоянством.
Скупые эсэмэски «как ты там?»
Трещат ледком и лживым панибратством.

А время разметает в пух и прах
На перекрёстах будничных событий,
Приветствие руки, невнятный взмах,
Всё равнодушнее, всё деловитей.

Живём под грифом: «Всё секретно: сейф
Открыть нельзя. Ключ от него потерян».
Любви полузабытой длинный шлейф
Воспоминаний тусклых дивный терем.

Сливаются в один короткий ряд
Скупых, порою нежных междометий.
Но ты моим посланиям не рад
Застражили мы с тобой меж двух столетий.

МОЯ МУЗА

Ко мне порою Муза благосклонна,
Захочет – нимфы хоровод ведут,
За ними – с колесницей Аполлона
Меня земные ветры увлекут.

Перебирая рифмы-жемчуга,
Готова ради этого мгновенья
Забыть тепло земного очага...
Но каждый раз я рада возвращенью!

НЕИСТОВЫЙ ТАНЕЦ

Закружит нас танец неистовый,
И вдох аромата – живительный,
Вскипает в тебе опьянение,
Как пенье сирен, искушение.

Губами ловлю я дыхание.
А мне предстоит испытание!
Глаза твои страстные, томные,
В смешинках, чуть-чуть вероломные.

В объятьях твоих – я любимая,
Желанная, неукротимая.
Нас переполняет волнение...
Волшебные прикосновения!

ВСЁ КАК В СКАЗКЕ

Тополиный пух кружится,
На асфальт, как снег, ложится.
Пух в светящихся пылинках,
Всё, как в сказке, на картинках.

Пух нежнейший, словно вата –
Это лето виновато:
Ветер ветками играет,
Тополиный пух порхает,

Миг – и взмыл метельным вихрем.
Гром гремит, и звуки стихли...
Тут же хлынул нам с небес
Ливень – чудо из чудес!

В ПАРКЕ

Мне ласково вслед музыканты играли...
Увы, всё забыто, не вспомню тебя,
И лёд мне заменит хрустальные дали,
И пламя скользит между нами шипя.

Но музыка напоминает о жизни,
О вечной борьбе, о нетленной любви.
Что делать? В сетях, словно муха, зависни,
И призрачным счастьем, утешась, живи!

ПОД ИВОЙ

С тех пор прошло уже немало лет,
Но вспоминаю я себя счастливой,
Где птичья трель доносится мне вслед,
В той стороне, где дом стоит под ивой.

Как звонок в роще солнечной ручей.
Как небо манит вдаль и дарит крылья.
И я молчу. Иссяк поток речей.
И пахнет в доме выпечка ванилью!

БЕРА

Я ночью Библию читаю...
В окно пробился тусклый свет,
Мне веры в жизни не хватает,
И от того покоя нет.

Вникаю в мудрость вековую,
Перелистав века назад,
И представляю жизнь святую,
Спасителя отрадный взгляд.

Я слову мудрому внимаю,
Постигнув суть добра и зла.
Душа как будто расцветала,
Она опору обрела.

Немало в жизни я грешила...
И в церкви, преклонив главу,
Я знаю, что мне хватит силы
Жить не во сне, а наяву.

ВСЁ ПОЗАДИ

Как медленно я шла к заветной роще,
В смятенье странном ветку теребя.
Забыть, не вспоминать – намного проще,
Чем утешать, прощать, жалеть тебя.

Ты в ожиданье, под берёзой стоя,
Насвистываешь простенький мотив...
Эх, понял бы ты самое простое:
Что рядом я, поток обид простив.

К чему слова? Меня не замечаю,
Ты не готов мне руку протянуть.
Ушла любовь – горячая, большая...
Все позади... У каждого свой путь.

ЛЮБОВЬ НЕТЛЕННАЯ

Опять не спится: странные мечты
Пугают... Я тону в своём желанье –

Тебя увидеть... Где-то рядом ты,
За тонкою невидимую гранью.

Я помню всё, что связано с тобой:
Осенний вечер, листья под ногами,
Твой жгучий взгляд под блеклою луной,
И тень любви нетленной между нами.

И где она, сгоревшая дотла
Любовь... Ведь мы с тобой теперь чужие?
Любовь проникла в окна, зеркала...
Любовь жива, пока с тобой мы живы...

КРИК УСЛЫШУ...

Я поэзией жизни хочу наслаждаться...
Только б ветер ночной в эту пору не стих,
Вечной тенью желая по миру скитаться
И поведать о прошлых годах непростых.

Полной грудью дышать
над отвесною кручей,
Видеть горы в тумане и реки меж скал...
Мне запомнились строки,
как песня, певучи,
В рифме – звуков основа, эмоций накал.

Крик услышу о чувствах, о силе успеха,
Где уносится эхом души монолог...
Даже воздух – не слишком большая помеха
На пути у запутанных временем строк.

НАБАТ РАЗЛУКИ

Есть в мире звуков свой набат разлуки:
О том поведал в затаённой муке
Мне старый друг – седой уже актёр,
И, в роль входя, он руки распростёр.

С недавних пор он пребывает в страхе,
Он видит сон, что снится много лет:
Любовь парит во мгле – и крыльев взмахи
Спешат приблизить утренний рассвет.

И той любви – kloкочущей, горячей
Отраден звук, что землю пробудил.
Но он иссяк... А с ним и дух бродячий,
А без него душа лишилась сил.

Марина КОРОЛЁВА

Марина Королёва родилась и выросла в солнечной Молдавии. С детства полюбила русский язык, русскую культуру, всегда мечтала жить в России, и её мечта осуществилась.

В настоящее время преподаёт в Рязанском колледже культуры. Автор трёх поэтических сборников.

О ЖИЗНИ

Знаешь, Жизнь, я больше полувека
Суть пытаюсь разгадать твою:
Ты — Богиня? Или ты — калека?
На вершине или на краю?

Жизнь, а помнишь, как всё начиналось?
Я в пелёнках, серые глаза,
И я миру мило улыбалась —
Девочка-котёнок, егоза.

Жизнь, ты помнишь, я потом мечтала
Быть поэтом, матерью, врачом...
Времени мне в сутках не хватало,
Подставляя каждому плечо.

Мамой стала, стала педагогом,
Да — не врач. Но тоже хорошо.
Помнишь, Жизнь, просила я у Бога,
Чтобы смелый принц меня нашёл.

Ты потом так быстро побежала,
Я кричала: "Жизнь моя, стой!"
Я же за тобой не успевала!
Ну, а ты... Звала меня с собой.

Жизнь, присядь. Устала я немного.
Хоть минуту отдохнём, давай?
А потом опять с тобой в дорогу,
Хоть на край земли, а хоть за край.

Слушай, Жизнь, давай начнем сначала,
Не осмелюсь что-то пропустить!
Жизнь, гляди-ка: я седою стала,
Но всё также хочется любить!

СПОР

А за окном ночная тишина
Заботливо укутывает город.
И смотрит Сердце Разуму в глаза,
Пытаясь разогнать незванный холод.

И долго между ними длился спор,
Но тут вмешался чей-то твёрдый голос:
"Подписывайте срочно договор,
Сценарий жизни! Каждому — по роли!

Декор расставим строго по местам,
Смекалка есть, желание и силы!
Важней всего для Разума слова,
Для Сердца — кровь, бурлящая по жилам!

Не стоит спорить понапрасну вам,
Достались роли каждому достойны.
Рука об руку и глаза в глаза,
Играйте с пониманием, спокойно!"

А за окном ночная тишина
Заботливо укутывает город.
И Разум с Сердцем — верные друзья,
Разучивают выбранные роли.

ТВОРИ

И снова мне твои приснились руки,
Твой тёплый взгляд, что греет изнутри,
Вдвоём воркуем на любимой кухне,
А в мыслях смелое напутствие: «Твори!

Твори во благо, людям во спасенье,
И верь, что слову каждому дано
Зажечь сердца и спящим, без сомненья,
На свет извлечь упавшего на дно.

Твори! Удел твой предназначен свыше,
Используй ежедневно ценный дар!
И с каждым словом к светлой цели ближе,
К той цели, что стремится мал и стар!

И не страшись, коль кто-то не услышал
Твои слова. Очнутся! Рядом Бог
И Ангелы, как стражники, на крыше -
Всему своё рождение, свой срок».

ДЕКАБРЬСКИЙ ВЕЧЕР

Декабрьский вечер опускается с небес,
Стекает лунный свет с хрустальных крыш.
Земля застыла в ожидании чудес,
Стремительно летит к закату жизнь!

Так хочется уснуть в объятиях твоих,
Как в омуте, тонуть в родных глазах.
Я вымолю у Бога счастья для двоих...
Пожалуйста, не отпускай меня!

И ни к чему притворство, пышность фраз,
Хочу тобой напиться допьяна!
Дрожащим голосом шепну,
как в первый раз:
Пожалуйста, не отпускай меня!

И пусть метёт метель! Не страшен ураган!
Но в светло-чудный вечер декабря,
Как клятву, повторяю: тебя я не отдам!..
Пожалуйста, не отпускай меня!

НЕ УХОДИ

Снова так волнительно душе!
Давит что-то острое в груди.
Быть счастливым можно в шалаше,
Если стать смелей!.. Не уходи!

В безысходном тупике сейчас?
Страшно? Не уверенны шаги?
Боль в глазах... Но в расставанья час
Между строк прочтёшь: «Не уходи!»

С верою написано письмо:
«Счастье рядом с нами и внутри!
Чувствую тебя»... Но всё равно
Тихое шепчу: «Не уходи!»

На исходе бархатный закат,
Но тревожат отблески зари.
И стучат, стучат в висках слова
Многозначные: «Не уходи!..»

ВЕНЧАНЫЕ ДУШИ

Наши души венчаны стихами,
Тёплым дождиком окроплены.
Часто говорим с тобой глазами,
Вслушиваясь в святость тишины.

Годы так и тянутся смиренно,
С привкусом печали. Ну, и пусть.
Истина осталась неизменной:
В мире не бывает вечной грусть.

Радужное утро в одночасье
Грянет, приласкав своим лучом.
Будет неизведанное счастье
Благом наполнять наш светлый дом...

Наши души венчаны стихами,
Тёплым дождиком окроплены.
Чаще нужно говорить глазами,
Вслушиваясь в святость тишины.

* * *

А мне в твоей душе уютно
Здесь время замедляет бег.
Порою, кажется, минута
С тобою длится целый век!

Светло в твоих пытливых мыслях,
Там даже в самый горький час
Нет ни подлога, ни корысти,
Ни мелочных, беспутных фраз.

Тепло в твоём ожившем сердце,
Умеющим не помнить боль.
К себе открыв однажды дверцу,
Остаться здесь, с тобой, позволю.

СЧАСТЬЕ ВПЕРЕДИ

Зову тебя в мой беспокойный сон,
Приди в любое время! Без звонка!
Открыла окна, двери и балкон
И сердце распахнула без стыда.

Смелей! Не бойся! Отпущу назад –
Ты в этом мире – одинокий волк.
Себе оставлю лучезарный взгляд
И тысячи невысказанных слов.

Застыла нерешительно слеза
В покорном ожидании. Приходи!
Разрезав небо, падает звезда,
Оставив надпись "Счастье впереди!"

ДВЕ ПОЛОВИНКИ

Из прошлой жизни ты давно знаком,
И встретились с тобою не случайно.
Здесь души наши строят общий дом,
Запратив от людского сглаза тайну.

Закат в нём алый, ласковый рассвет,
Им даный, друг на друга наглядеться.
Для новой жизни собственный сюжет
Душа душе диктует нежным сердцем.

И радуются неземной любви!
И тихое молчанье терпко – сладко,
Когда живительные огоньки
Им дарит полусонная лампадка...

Так грустно. Одиноко без тебя,
Безжалостны границы между нами.
Две половинки строят, не спеша,
Своё убежище под небесами.

СУТЬ ЖИЗНИ

Погасли в звёздном океане огоньки,
Дорогу уступив косматым облакам.

Ты в душу ближнего внимательно взгляни,
Увидишь, сколько боли накопилось там.

На миг остановись, себе боль заberi
И раны излечи божественным добром.
Очисти сердце от накопленной тоски,
Оставив радость в ней, надежду и тепло.

И руку протяни. Сильнее станешь сам!
Поверь, мой друг, что нет беды чужой.
Платить все будем

по предъявленным счетам,
Безумно жаль, что неприемлемой ценой.

Не будет вечной боль. Суть жизни такова.
Пленительную веру не теряй в любовь!
Ромашковым ковром устелится земля,
Когда душа освободится от грехов.

ГЕРОЮ МОЕГО РОМАНА

Блаженный сон ресниц коснулся рано,
Струится звёздный блеск в моё окно.
А он, герой из моего романа,
Узор вплетает в жизни полотно.

Слагает мудрые стихи и песни,
И этим окрыляется душа.
По совести живёт, и нет лукавой лести,
Хотя бывают дни и без гроша.

Мурашки колкие по незащитной коже,
Делю на «до» и «после» жизнь свою.
К тебе взываю, милостивый Боже,
Храни его и освящай судьбу!

РОДНИК ДОБРА

Я каждый миг учусь душой ценить,
И для меня сейчас важнее всего –
Не падать духом! Искренне любить,
Что Господом для радости дано.

В душе моей нет места для обид, –
Давно их притеснил родник добра,
Который и спасёт, и защитит,
И не изменит сердцу никогда.

Вселил родник уверенность в себе,
В таинственное завтра день за днём,
В победу сил добра на всей земле,
Что служат и мечом мне, и ружьём!

Наступит, верю, завтра для того,
Чтоб в сердце поселилось навсегда
Всё то, что для меня важнее всего:
Желанный Мир, Любовь и Благодать.

ОБЩИЙ ДОМ

Так хочется построить общий дом,
В котором утро и хрустальный вечер
Укутывают лаской и добром
И от недугов душу нежно лечат.

Где можно, доверяя, отдавать
И сердце, и любовь всю без остатка
И завтрак приносить ему в кровать,
И радоваться от улыбки сладкой.

В том доме – никаких надрывных фраз,
А только понимание и терпенье,
Сияние влюблённых серых глаз,
В которых и надежда, и спасенье..

Когда-нибудь построю крепкий дом,
Где можно быть простой и настоящей.
Дыханье затаить, когда с теплом
За плечи нежно обнимает счастье!

ЖИЗНЬ – ИГРА

А жизнь так коротка,
И мысли кувырком:
Все лучшие года
Остались за углом.

И давит что-то грудь,
Вселился в сердце страх –
Судьбы извечный путь
Расписан в небесах.

Сиротская печаль
Крадётся в пустоте,
Таинственная даль
Зовёт, зовёт к себе...

А наша жизнь – игра,
И каждый – режиссёр.
Пока жива душа,
Не гаснет в ней костёр!

ОБЪЯТИЯ

Жизнь схватила, наконец, в объятия!
И отныне налету ловлю
Капельки из океана Счастья,
Верую, надеюсь и люблю!

Больше прибывают в теле силы,
Если горьких не коплю обид.
И за всё, за всё судьбе «Спасибо»
Свято повторяю каждый миг!

Стало чуть отзывчивее сердце,
Не жалеет нежности, тепла.
Кажется душа немного дерзкой?
Пусть такой останется всегда!

Крепко жизнь свою держу в объятиях
И не сдамся бедам всем назло!
Порвну дело с другими счастье -
Пусть у всех всё будет хорошо!

НЕСЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

"А встреча случайна", –
Услышала след .
Великая тайна
Льёт радужный свет.

И грусть ускользает,
Плывёт тихо вдаль,
И тень исчезает,
За ним и печаль.

А мир будет вечным,
Пока есть любовь.
И сладостный вечер
Вернётся к нам вновь.

А встреча случайна?
Не верю сейчас!
Великая тайна
Открылась для нас!

Наталия МАКСИМОВА

ПОДАРОК СУДЬБЫ

Романс

Голос

Фортепиано

mp

Allegretto ($\text{♩} = 108$)

Tempo rubato **Tempo I**

cresc. *p*

бой, грёз, дой

вдруг за-кру-жил-ся шар зем-ной.
как буд-то сот-кан-ных из роз.
ле-та-ет ан-гел мо-ло-дой.

И на-к-ло-ни-лись об-ла-ка,
Ды-хань-ем неж-ных ле-пест-ков
Он воз-ве-ща-ет всем с Не бес

2

ре от - не - вой. Над ми - ром ле - та - ет, как сим-вол свя-
я не - бо гия - дит, как впла - ме-ни ве-ща - я пти-ца ле -

Притив 1 *mf* 8
той. Над веч - ной мире - кой су - е - той. Я - райс-ка-я пти -
тит. И с не - ба лю-бовь го-во - рит. Я - райс-ка-я пти -

Притив 2 *f*
Я - райс-ка-я пти -

mf (f)

ца, я - пти - ца меч-ты! Я лю-дам на-деж - лу да-
ца, пос - ла - нец не - бес! Я - об - раз кры-ла - тый доб

simile

рю сы-со - ты! Пос-ла-л ме-ня Бог, что-бы по - ня-ли вы -
ра и чу-дес! По-верь-те мне, лю - ди, есть рай не-зем - ной! Лю

сён - ный на крыль - ях люб - ви. 2. в тво - их гла - зам мель - кань - с

rit. a tempo rit.

при - не сён - ный на крыль ях люб - ви.

mp *p*

1. Когда мы встретились с тобой,
Вдруг закружился шар земной.
И наклонились облака,
Нам повторяя с висока.

Привет 1. Эта встреча была не случайной,
Вас окутав Небесною тайной.
Эта встреча - подарок судьбы,
Принесённый на крыльях любви!

2. В твоих глазах мельканье грёз,
Как будто сотканных из роз.
Дыханьем нежных лепестков
Живёт в душе теперь любовь.

Привет 2. Эта встреча была не случайной,
Нас окутав Небесною тайной.
Эта встреча - подарок судьбы,
Принесённый на крыльях любви!

3. Над бесконечностью седой
Летает ангел молодой.
Он возвещает всем с Небес
Любви рождение двух сердец.

РАЙСКАЯ ПТИЦА

Con moto

Голос

Фортепиано

mp legato

cresc.

mp

1. Ле - тит в вы-ши -

mf

2. То в высь вос - па -

не, как Ан - гел па - рит...

рит, то о - пус - тит - ся вниз.

p (mf)

И а-лый ве - нец над не - ю го - рит. И крыль-я рас-кряв за -

И не-бо го - рит, слов-но ска - зоч-ный бриз. И мир за - ча - ро-ван-ный

ре от - не - вой. Над ми - ром ле - та - ет, как сим-вол свя -
в не - бо гия - дит, как впла - ме-ни ве-ща-я пти-ца ле -

Притив 1 *mf* 8
той. Над веч - ной мире- кой су - е - той. Я - райс-ка-я пти -
Притив 2 *f*
тит. И с не - ба лю-боь го-во - рит. Я - райс-ка-я пти -

ца, я - пти - ца меч- ты! Я лю-дам на-деж - ду да-
ца, пос - ла - нец не- бес! Я - об - раз кры-ла - тый доб

рю сы-со - ты! Пос-лал ме-ня Бог, что-бы по - ня-ли вы -
ра и чу - дес! По-верь-те мне, лю - ди, есть рай не-зем- ной! Лю

1. ста - сё тесь, лишь ми-ре доб-ра и люб-ви! 2. (2)-би-те друг дру - га - возь

му нас. с со- бой!

Я - бой! Лю - би-те друг дру -

га - возь - му нас с со - бой!

rit.

1. Летит в вышине, как Ангел парит!
И алый венеч над нею горит!
И крылья раскрыв заре огневой,
Над миром летает, как символ святой!
Над вечной мирской суетой!

Привет 1 "Я - райская птица, я - птица мечты!
Я людям надежду дарю с высоты!
Послал меня Бог, чтобы поняли вы -
Спасётесь, лишь в мире добра и любви!"

2. То в высь воспарит, то опустится вниз,
И небо горит, словно сказочный бриз.
И мир зачарованный в небо глядит,
Как в пламени вещая птица летит.
И с неба любовь говорит:

Привет 2 "Я - райская птица, посланец Небес!
Я - образ крылатой мечты и чудес!
Поверьте мне, люди, есть рай неземной!
Любите друг друга - возьму вас с собой!!!"

Ирина ШИТУЕВА**ПОЭТ ВАЛЕРИЙ ШИТУЕВ****ЖЕНЩИНА РОССИИ**

*Посвящается – славному юбилею
Нины Алексеевны Локтевой*

Мне б дожить до твоих, доползти бы,
И в девятый десяток шагнуть.
Мне бы годы твои боевые
Повторить и счастливо вздохнуть.

Мне бы жить в окружении внуков
И детей, что дал в радость Господь!
Как постигнуть мне жизни науку,
Чтоб с душою сроднилось бы плоть?

И копать в своём огороде,
Слушать вечером трель соловья,
И кормить всех родных на природе –
На земле где возникла Семья.

Много славных семей есть в России,
На планете их тоже не счесть,
Но свой крест мы не даром носили –
Мы семью почитаем как честь.

Только русские девы за мужем
Понесутся в сибирскую грусть...
Только наши красавицы сдюжат,
И таких подарила нам Русь!

РЫЖАЯ БЕСТИЯ

Ты жива моя рыжая бестия, –
Жив и я твой стареющий друг...
И давно не доходят известия –
От далёких, туманных подруг.

Помнишь, как нас кружило над речкою,
А потом разделило в полях...
Получал каждый год твою весточку,
С ярко-красной рябиной в ветвях.

Передай, как созрела по осени,
Также дочка с тобою живёт?
Как вкусна ты, на выпавшей мороси –
Неспроста её любит народ!

Выше крыши наш клён уже вымахал,
И тебя я как прежде люблю..!
Сам Есенин вчера к тебе выехал,
Завезёт тебе ветку мою...

ЮБИЛЕЙ ЛЮБИМОЙ

*Моей дорогой супруге Ирине
к 50-летию*

Мы целуемся...И пропадаем
В светлом мире любовных утех!
Мы дождинки губами хватаем
И смываем пленительный грех!

Мы дурашливо пляшем по лужам,
Пляшет с нами земля в ранний час.
Нам никто в этом танце не нужен –
Вся Вселенная только для нас!

Ты навек стала песней лучистой
И живёшь, расцветая с зарёй –
Остаёшься желанной и чистой,
Как родник с благодатной струёй.

Твои годы летят незаметно
И хранят твой изысканный шарм.
Ты всегда, как звезда огнецветна,
И тебя не пугает мой шрам.

Мы с тобою давно повзрослели
И сумели по жизни понять,
Юбилей – только вежа до цели,
И нам вместе шагать и шагать...

И букет хризантем в день рожденья,
Вдохновенно вручаю тебе.
И мне слышится ангелов пенье
О любви, что дана по судьбе!

Бусанна КУЮЗОВА**ПОЭТ ВЛАДИМИР СОКОЛОВ**

Всё у меня о России, даже когда о себе.

Совсем юной и почти ничего не понимавшей в поэзии, я обратила внимание на поэта Владимира Соколова, тронутая тем, как он чувствовал душу природы, снега, дождя, ветра, тем, как он умел остановить мгновение.

Отказаться, отстать, отлучиться, \ проворонить... И странным путём \ то увидеть, чему научиться \ невозможно, что будет потом. \ Лишь на миг и в сморенную строчку \ неожиданно запечатлеть, \ горьковато-зелёную почку \ между пальцев зимой растереть.

В. Соколов – один из самых тонких лириков последнего десятилетия двадцатого века. Первые стихи он написал в восемь лет. В старших классах издавал рукописные журналы «XX век» и «На заре». Посещал кружок Е. Благиной. Учился писать стихи он и у своего дяди, известного в то время поэта и журналиста М.Я. Козырева, автора текстов известных песен: «Газовая косынка», «Недотрога», «Эх, Андрюша» и ставшей народной песней «Называют меня некрасивою». Козырев разделил судьбу многих талантливых людей того времени и был расстрелян в 1942 году по ложным обвинениям. Реабилитирован после смерти Сталина. О нём тоже мне хотелось бы вам рассказать в этой рубрике.

В. Соколов в 1952 году закончил учёбу в литературном институте им. М. Горького. Первое стихотворение «Памяти товарища» напечатал в «Комсомольской правде» в 1948 году. Дебют не остался незамеченным и С. Щипачев дал ему рекомендацию в Союз писателей. Первая книга «Утро в пути» вышла в 1955 году. Женился на болгарке Хенриэте Поповой, перевёл болгарских поэтов. В 1961 году жена покончила жизнь самоубийством, оставив двоих детей: сына Андрея и дочь Снежану. Снежане поэт посвятил стихотворение, которое стало известной песней. Музыку написал О.Фельдман, исполняла песню Э.Пьеха. Вторая жена, Марианна Роговская, филолог, долгие годы возглавляла музей А.П.Чехова в Москве. Моё самое любимое стихотворение В.Соколова приведу полностью:

Все чернила вышли, вся бумага, \ все карандаши. \ На краю бузинного оврага \ стой и не дыши. \ Сквозь туман просвечивает зелень, \ клейкая пока. \ Где-то здесь, среди её расцелил / он наверняка. \ Вот! ни с чем, конечно, не сравнимый \ сколок с пенья льдин \ первый, пробный, но неоспоримый, \ вот ещё один. \ Вот опять! Раскатисто и тесно. \ Тишь... В листьях куста \ происходит перемена места – веточка не та. \ И покида тишь не раскололась \ льдиною на льду, \ есть во всём извечный жаркий голос: \ «что же ты, я жду». \ Замиранье целого оврага, \ листьев и души. \ Все чернила вышли, вся бумага, \ все карандаши.

А.Межиров писал по поводу этого стихотворения: «Так бывает не только, когда соловей поёт. Поэзия тоже искусство пауз. Однако научиться такому искусству трудно». Поэт В. Соколов стоит того, чтобы о нём помнили. Он не был обделён вниманием при жизни. Кавалер ордена Кирилла и Мефодия, лауреат международной премии им. Н. Вапцарова, первый лауреат премии им. А.С. Пушкина, международной премии им. М.Ю. Лермонтова, многих наград СССР и России. Но слава не была ему необходима, о ней он писал так:

Безвестность – это не бесславье, \ безвестен лютник полевой... \ Безвестен врач, в размыве стужи \ идущий за полночь по льду... \ А вот бесславье – это хуже. \ Оно как слава. На виду.

Любовью к людям и ответственностью перед ними пронизано это стихотворение:

Когда дурное говорят \ о ком-то ясного яснее, \ потупив угнетенно взгляд, \ я чувствую, что покраснею. \ А если тяжкий снег идёт \ и никому в метель не выйти, \ не прогуляться у ворот, \ мне хочется сказать: простите.

Вот что написал Д. Самойлов о Соколове:

Стихи читаю Соколова – \ не часто, редко, иногда. \ Там незаносчивое слово, \ в котором тайная беда. \ И хочется, как чару к чаре, \ к его плечу подать плечо – \ и от родства и от печали, \ Бог знает, от чего ещё.

У того же Самойлова есть строки, будто обращенные к В. Соколову:

Повторы, воссоздай, возверни \ жизнь мою, но острой и короче...

Поэзия В. Соколова пронизана этим стремлением: воскресить, воссоздать жизнь, вместить её жар и трепет в короткое стихотворение. Поэт умел несколькими строчками передать яркую мысль:

Спасибо, музыка за то, \ что ты – единственное чудо, \ что ты душа, а не причуда...

Соколов избегал нравоучений в своих стихах. Он подводил нас как слепцов, давал потрогать, вдохнуть и увидеть то, на что мы смотрели, но не видели. Как-то Новелла Матвеева заметила: «Поэзия должна быть глуповата» – сказал поэт, умнейший на Руси. Что значит: обладай умом Сократа, но поучений не произноси».

Как я хочу, чтоб строчки эти \ забыли, что они слова. \ А стали: небо, крыши, ветер \ сырых бульваров дерева! \ Чтоб из распахнутой страницы, \ как из открытого окна \ раздался свет, запели птицы, \ дохнула жизни глубина.

И это всё есть в его стихах. Его представлению о жизни присуща целостность. Новые стихи нерасторжимо связаны с самыми ранними. Всегда, с самого начала, он обращался со словом трогательно робко. Строгое изящество его стихов отлично с первого взгляда и звука. Обострённое чувство красоты, потребность в ней исходят от сдержанных полнозвучных строк.

Прочтён сентябрь от корки и до корки. \ И октябрём продолжен листопад... \ Пройдись по саду тихими шагами, \ следы июня отыскать сумей.

И вот такое:

Что и ясен, листьями рябя, \ шелестел не вслух, а про себя.

И такое:

Не зовите меня, Бога ради, \ я не с вами сейчас, я нигде. \ Я мечтаю о чистой тетради \ и всю ночь говорящем дожде.

А о поэзии он говорил так:

Что такое поэзия? Что вы! \ Разве можно о том говорить, \ Это палец к губам. \ И ни слова. \ Не маячить, не льстить, не сорить.

О своём месте в поэзии:

Будет час, и человек, похожий на меня, \ найдёт мою потрёпанную книжку... \ и я в душе грядущей оживу на миг...

И ещё о своём отношении к стихам:

В который раз стихотворенье \ по швам от страсти не рвалось. \ Он думал: это постаренье! \ А это зрелостью звалось. \ Так вновь сдавалось вдохновение \ на милость разума его. \ Он думал: это охлаждение. \ А это было мастерство.

Лирические стихи, а в сущности, все его стихи – лирика.

Не торопись, погоди, обожди.\ Скоро пойдут проливные дожди.\ Не говори мне того, что я сам\ скоро узнаю по чьим-то глазам.\ Не торопись, помолчи, погоди.\ Ведь у меня ещё всё впереди.\ Тают дороги. Ломаются льды. Дай постоять на пороге беды.

Или такое:

Я всё тебе отдал. И тело\ и душу – до крайнего дня.\ Послушай, куда же ты дела,\ куда же ты дела меня?

В немолодые годы он писал:

Не поддаваться времени/ его собою полнить \ И даже в полной темени\ о том, что будет, помнить.\ Тогда и в зимней темени/ ты скажешь и под старость :\ а мне не жалко времени:\ уйдёт, а я останусь.

Ушедших поэтов, в основном, помнят там, где они родились. Помнят поэта В. Соколова в городе Лихославле Тверской области, где в библиотеке его имени проводятся ежегодные Соколовские чтения.

Материал подготовила Бусанна Куюзова

ЗВОЛНОВАННОЕ СЕРДЦЕ МИХАИЛА КОЗЫРЕВА

Вспоминая о В. Соколове, я упоминала его дядю, поэта М.Я. Козырева. Его считали больше прозаиком, чем поэтом, сатириком, называли “русским Свифтом” и писали о нем так: “Козырев пишет Гоголем.” Как прозаик он тяготел к Салтыкову-Щедрину, Гофману, Гоголю. Но я все-таки хочу вспомнить о нём, как о поэте.

Родился он в городе Лихославле Тверской губернии в семье работающего, умелого и поэтому зажиточного кузнеца, сумевшего дать образование своим детям. До 29 лет М. Козырев писал стихи и только с 1921 года перешел на прозу. Он был близок с многими поэтами серебряного века, писал статьи о поэзии, читал лекции в литературных школах. Учился на экономическом факультете Санкт-Петербургского университета, из которого был исключён за участие в политической деятельности.

Задумав написать о нем, я обратилась к Интернету. К сожалению, статей о нем было много, но все они повторяли статью из Википедии. К счастью, мне вспомнился, знакомый ещё из институтских времен, сборник Бориса Гусмана “Сто поэтов. Литературные портреты”, изданный в 1923 году. Вот что он написал о М. Козыреве:

“В потертом пальто с чужого плеча бродит городской “Король”- М.Козырев по улицам и закоулкам города. Медленно, избегая “слишком резких толчков” проходит он мимо домов, где бьются, как испуганные птицы, человеческие чувства и мысли, и жадно, ненасытно впитывает их в себя.

М.Козырев знает, как это трудно – извлечь из запыленных городом душ таящиеся в них подлинные радости и муки. Для этого надо сбросить лохмотья слов, увидеть жизнь очищенную такой, какая есть: и люди не будут /повёрнутые одним боком,/ знакомые – незнакомые,/ одетые хорошо и дурно,/ различаемые цветом волос./ Увижу каждого человека,/ его небо и землю / и ещё его тайну,/ в которой сознаться/ он не смеет даже себе.

Для этого нужно иметь душу поэта, душу, открытую настежь, душу, в которую вошло “нежданное”:

Поздним вечером приходит нежданное./ Вбежит и забудет дверь закрыть./ И в душе зародится волнение странное - /ничего в ней не спрятать, не скрыть./ Так и останешься на веки вечные/ с открытой дверью и раскрытой душой./

И сердце взволнованное, светло беспечное,/ наполнится радостью слишком большой./ И его не заставишь биться размеренно,/ запрыгает быстро, как обрадованный зверь,/ так навеки останешься с душой растерянной,/ как будто в комнате открыта дверь.

И, конечно, такое “сердце взволнованное” прилепляется к каждой “пылинке живого”, оно “...входит в раскрытые окна, плывёт в извечных глубинах душ. “ Ненасытным взглядом ребенка” смотрит на мир Михаил Козырев, поэтому так светел и радостен ему “неблагодарный труд поэта.” Увидев человека “до дна”, почувствовав своей вскрытой и взволнованной душой, М. Козырев светится в своих стихах” улыбкой большой и светлой,” которой “ не закрыть никакой тучей,” хоть и часто они набегают на его нервные,” прыгающие быстро растерянные строки.”

И эти тучи, набежавшие на него в ближайшие 20 лет, задушат его. С 30-х годов его перестают печатать, обвиняя в искажении советской действительности. В июле 1941 года он был арестован по обвинению в контрреволюционном содержании его повести “Ленинград” и в антисоветской агитации. Козырев не вернулся с допроса в Саратовской тюрьме зимой 1942г. То ли был забит до смерти, то ли расстрелян без приговора. Реабилитирован в 1963 году. Ещё и поэтому я вспоминаю его в этой рубрике. Нельзя забывать талантливых поэтов, не заслуживших такой трагической судьбы.

Михаил Яковлевич Козырев не забыт и любителями русского романа, не всегда знавшими, что он автор известных романсов и песен:

Ты смотри, никому не рассказывай,/ что душа лишь тобою полна, / что тебя я в косыночке газовой/ ожидаю порой у окна,\ что тоскую, люблю тебя пламенно/ и, страдая, хочу лишь тебя./ Ты молчи, всё скрывай, словно каменный,/ точно в сердце твоём нет огня...

Музыку этого красивого романа “Газовая косынка” написал Б. Прозоровский, талантливый композитор и тоже человек несправедливой и горестной судьбы.

Что молчишь, дорогая, вниз ресницы склоня./ Ты как будто другая и не любишь меня./ Мне в глаза ты не взглянешь, не поднимешь бровей./ Ты не знаешь, как милая, ранишь сердце мне грустью своей./ Всё мне, родная, открой. Что с тобою, друг мой?/ Если в сердце тревога, ты со мной поделись./ Дай мне руку, моя недотрога, милая, мне улыбнись...

Казалось бы, незатейливые, простые стихи, но сколько в них любви, доброты! Много лет этот красивый романс звучит во мне голосом Г. Виноградова. Музыку романса “Недотрога,” написал А.Титов. А вот текст романса “Мама” , тоже написанного Козыревым , я к сожалению, не нашла. Если песня становится народной - это самое большое признание. Это и случилось с песней “Называют меня некрасивою,” которую написал М.Козырев, посвятив её младшей сестре, Антонине Соколовой.

Называют меня некрасивою,/ так зачем же он ходит за мной?/ И в осеннюю пору дождливую / провожает с работы домой./И куда не пойду, обязательно/ повстречаю его на пути,/ он в глаза мне посмотрит внимательно, / скажет: “Лучше тебя не найти”/А вчера расставались мы вечером,/ уходить не хотел ни за что,/ чтобы я не озябла, на плечи мне/ осторожно накинул пальто./ Оттого я такая счастливая,/ оттого улыбаюсь всему./ Если скажут, что я некрасивая,/ не поверю теперь никому.

Почти во всех статьях о М.Козыреве, он указан, как автор слов известной песни “Эх, Андрюша”. Но авторами этой песни были поэт И. Жак и композитор Г. Гридов.

Этот вопрос ещё требует исследования. Когда-то в 20-х годах прошлого века был популярен польский фокстрот под таким названием из репертуара П. Лещенко. Возможно, Козырев сделал перевод? Но вернёмся к стихам М. Козырева:

...гладишь ненасытным взглядом ребёнка/ на всё, что случайно видят глаза./ На город, который сонно мокнет,/ на блёстки больших серебряных луж,/ и сердце входит в раскрытые окна,/ плывёт в извивных глубинах душ./ И едва пройдёшь широкие двери - / снова и снова раскрытый храм./ И я не знаю, верю или не верю/ клеткам оконных рам.

А вот как он пишет в стихотворении, которое называется “О себе”:

Мхи болот меня укачали,/ надо мною шептались леса - / но в начале, в самом начале,/ я иные узнал голоса./ В торопливом топтании вагонов,/ в суетне многолюдных платформ/ сколько песен, намёков и звонов/ несказанно чарующих форм./ И в душе моей загорелся/ окрыленный восторг быстроты - / полюбил я звонкие рельсы,/ семафоры, вокзалы, мосты.../ Мне остались понятны и близки/ мхи болот и леса, и вода,/ но над ними свои обелиски/ вознесли мои города.

А это стихотворение, называется: “А.Блоку”:

Не устанет занавес взвиваться,/ не устану бить я в барабан/ славу затерявшимся по святцам/ потускневшим пыльным именам./ Опостыли желтые страстицы/ и прогнивший выцветший наряд./ Как дикарь, я не хочу молиться/ и творить кощунственный обряд./ Но хожу по душным ресторанам,/ бубенцами весело звеня./ И никто не называет странным/ продавца священного огня./ И никто не видит, что клоками/ с плеч спадает грязное тряпье,/ что душа моя – холодный камень,/ что сломалось звонкое копье.

Остаётся вспомнить имя жены М. Козырева, поэта Ады Владимировой. Её ранние стихи получили высокую оценку символистов, поздние – И.Бунина, Н. Розанова. После ареста и гибели мужа её перестали печатать как жену “врага народа,” а как в те времена выживали поэты, которых не печатали? Конечно, переводами. Ей мы обязаны хорошими переводами Шиллера, Бодлера, Франса, Б.Шоу, поэтов республик бывшего СССР. Шесть сборников её стихов вышли до 30-х годов и один сборник “Навстречу солнцу” в 1962 году. Вот одно маленькое стихотворение Ады Владимировой из этого сборника:

Вот ширь дохнула трепетно-свежо./ Огнём и гулом дали переполнив.../ Нежданный вихрь голубизну разжёт/ снопом блистающих, слепящих молний./ И новизною каждый час живёт,/ и ты, охваченный слепящим светом,/ сам рвёшься в новизну, в большой полёт,/ и вот тогда становишься поэтом.

Бусанна Кузозова

ЖИВАЯ ВОДА

Идея по созданию проекта-конкурса «РЕКА-ГРАНИЦА и КОРМИЛИЦА» зародилась у меня на прогулке в подмосковном городе Мытищи вдоль реки Яузы с двумя детьми, когда младший, неосознанно, уронил в неё любимый мячик. Его, к сожалению, мы не смогли достать, так как ширина реки не позволила этого сделать, да и движение воды было для нас скоростным, и оставалось лишь проводить его взглядом, мечтая о том, что любимый мячик окажется в Москве-реке.

Продолжая нашу прогулку, мне вспомнилось, как в детские годы я читала достаточно много книг о реках, озерах и, как любому ребёнку, хотелось увидеть все водоёмы нашей огромной страны. В мои школьные годы на уроке географии, учитель восхищался моими знаниями об истоках рек, их названиях, их слияниях и о чётком понимании, что реки впадают в другие реки, в моря, в озера, что у рек есть левый и правый берега, и, конечно же, реки текут и в пещерах.

Завершая наш круиз вдоль Яузы, мне захотелось увлечь детей разными развивающими играми и, конечно же, отвлечь младшего от столь дорогой утраты любимого мяча. Решение пришло мгновенно! Стихотворение-загадка увлекла всех и с прекрасным настроением мы вернулись домой.

ЯУЗА

*Три слога в этом есть название,
А букв всего четыре в нём –
Река прекрасна для гулянья,
Мила зимой и летним днём.*

Кстати, река, вдоль которой совершалась наша прогулка, является малой рекой в Московской области и городе Москве, это левый, самый крупный в пределах города федерального значения приток реки Москвы. О ней упоминалось в летописи, датированной 1156 годом и изначально именовалась она Ауза, река имеет 12 правых и 6 левых притоков.

В летописях она упоминается как важнейшая транспортная артерия Древней Руси и была частью речного пути из Москвы-реки в Клязьму, соединяя города Москву и Владимир.

Вообще, реки играют важную роль в жизни всего живого на Земле, тысячелетиями их используют, как пример, в навигационных целях, в качестве источника пресной воды, для добывания пищи (рыболовства), разграничения территорий, орошения сельскохозяйственных угодий, мест отдыха.

Ежегодно, 14 марта отмечается Международный день рек (International Day for Rivers), ранее имевший название Международный день борьбы против плотин, за реки, воду и жизнь (International Day of Action Against Dams and for Rivers, Water and Life).

Поэты разных эпох и времени писали стихотворения, посвящённые рекам, морям и океанам. Например, великий русский поэт - Михаил Юрьевич Лермонтов, сразу после боя в 1840 году написал стихотворение, посвящённое сражению на реке Валерик, которое впервые опубликовано (с пропусками) в 1843 году в альманахе «Утренняя заря» под заглавием «Валерик», которое было дано издателями.

Мою идею о создании проекта-конкурса «РЕКА-ГРАНИЦА и КОРМИЛИЦА» одобрил учредитель Издательства «Серебро Слов» Сергей Антипов и разместил на официальном сайте Издательства <http://www.tvoyakniga.ru> приглашение об участии в нём.

Условия данного проекта, в которых имелось возрастное ограничение для участников,

были разработаны мной.. То ли критерии слишком были завышены, то ли сторонние факторы повлияли на аудиторию, но результат, как говорится, на лицо. Собралось небольшое количество заявок на участие в сие проекте-конкурсе, я, мягко говоря, огорчена тем, что желающих посвятить «живой воде» своё время и творчество практически в данной возрастной категории нет.

Но, как говорится, мой первый опыт – тоже опыт и не делает ничего лишь тот, кто действительно ничего не делает.

Тем не менее, те участники, которые посвятили своё время и творчество «живой воде» - молодцы! И произведения, посвящённые рекам, публикуются именно в этом номере журнала «Поэзия. Двадцать первый век Новой Эры», **выпуск 1/2023г** по решению Редакционной коллегии.

Составитель проекта-конкурса,
Олеся Берг

ПЫШНЕНКО Славяна Вячеславовна,
г. Калининград

* * *

Верховья Прегеля покинула весна.
Под Инстербургом тишь
 утраченных предместий,
Неторопливо пробуждаясь ото сна,
Вздыхает грустно в ожидании известий.

Анграпы юной непокорная волна
Обескуражена внезапностью объятия,
Влекома и уже почти увлечена
Вод смелых Инструча зеленоватой гладью.

В широкой заводи владычество нимфей,
 Чьи лики множатся
 в поверхности зеркальной,
 Что укрываются в преддверии дождей,
 В тугой бутон сложив цветки печально.

Зари пунцовой снова всполохи алеи
Балтийского седого побережья,
И снова дышится привольней, и смелей
Восторженный полёт души мятежной.

ДАНЬКО Юлія Геннадьевна

Родилась в
Курганской
области, в селе
Светлый Дол.
Детство и
юность прошли
на Урале, после
окончания
школы переехала
на постоянное
место житель-
ство в Амурскую

В 1998 году окончила Благовещенский государственный педагогический университет. Состою в браке, мать троих детей. Стихи начала писать в школьные годы. Пишу о любви, о природе, о Родине. Особое внимание уделяю детским произведениям: сказки о животных, рассказы и повести о детях и подростках.

НА БЕРЕГУ АМУРА (Акростих)

Бурлит поток среди архитектуры,
Ласкает взгляд его манящий блеск,
Аплодисментами
встречает каждый всплеск
Грядущий век на берегу Амура.
Остался здесь набор воспоминаний
В наследство от истории святой.
Её мне тихо напевает край родной:
Щедра земля мотивами познаний –

Есть в песне этой голос некой тризы,
Напоминанье о сынах страны,
Сердца их бьются

в каждом всполохе волны,

Как стражи в берегах родной Отчизны.

Где гордо реет в отблесках зеницы
Отчизны стяг – российский триколор.
Реке Амур – моей страны границе,
Однажды дал Айгунский договор
Державный стяг и мирный приговор.

Родной форпост,
прибрежный Благовещенск –
Остросюжетный фильм

из века в век.

Сегодня снова здесь
верстает человек

Случайно ненадуманнные вещи.
И ты расти, мой город Благовещенск, –
Исток страны в слиянье бурных рек!

22.06.2021

ПОПОВА Анна Николаевна

Родилась и проживает в г. Кашира. Окончила с золотой медалью среднюю школу, продолжила обучение в Московской Государственной Академии Приборостроения и Информатики. Несколько лет преподавала в родном ВУЗе.

Автор вышедших в свет сборников стихов «Фанерные крылья» (2014), «Не всё равно» (2022). С 2015 г. состою в Московской областной организации Союза писателей России.

ВЕСЕННЯЯ КАШИРА НА ОКЕ

Мой старый город
вновь влюблён в весну.
С её приходом стал совсем другим он:
Согретый взглядом солнечным любимой,
Он позабыл хандру и тишину,

Дни напролёт щебечет и журчит,
По тротуарам звонко каблуками
Стучит, и дробь капелями чеканит,
И провожает в странствие ручьи.

Оки разлив под небом голубым
Надеждой прав, свободой весенней.
И предо мной лежит дорог сплетенье,
Как на ладонях линии судьбы.

САРАСВАТИ

Высохшие русла древних рек
Так пустынно, тихи, одиноки...
Будто не звенела здесь вовек
Песня полноводного потока,

Будто не шептались камыши
С отраженьем звёзд под плеск прибоя
И усталый путник не спешил
Жажду утолить живой водою.

Их удел естествен и жесток.
...Катастрофа, сотрясая скалы,
В твердь замуравав речной исток,
Прогремела... И воды не стало.

Дни и годы, как песок, бегут,
В памяти стирая даты, лица.
А река, попавшая в беду,
Как душа, пытается смириться

И поверить, что придёт пора,
Возвратится всё, что было прежде.
Нужно только капельку добра,
Нужно только капельку надежды,

Нужно только капельку любви,
Чтобы ожила река сухая,
Чтобы вод серебряный извив
Заблестел, пустыню орошая,

Чтоб волна, лаская берега,
Шире прежней разлилась однажды.
... Веют суховеи. Ждёт река
Чуда избавления от жажды.

НА БЕРЕГУ ВОРОНЫ

*Памяти моего дедушки
Попова Николая Николаевича*

Попросила отца рассказать про войну.
Он был маленьким, помнит немного.
Рассказал он историю только одну:
Как ходили к реке на дорогу

Семьи тех, кто с войны не дождался домой
Мужа, брата, отца или сына.
Человека завидев едва за рекой,
Шли на берег Вороны родные.

И пока перевозчик до берега вёз,
Замерев, неотрывно глядели,
А в дыхании бился безмолвный вопрос:
«Кто же это?! Вдруг он, в самом деле...?!»

А потом переправа была позади.
Вот до встречи – секундочка только!
Прижимали родные друг друга к груди,
Остальные же плакали горько.

Перемешаны радость, и горечь, и боль,
В неизвестности сердцу не легче,
Отправлялись по той же дороге домой,
Дальше жили надеждой на встречу.

Рассказал мне отец, как ходили они,
Всё надеясь, к реке на дорогу.
Только дедушка мой не вернулся с войны,
Он погиб где-то под Таганрогом.

Владимир КУЧЕРЬ-ЧЕПЕЛЁВ

*Данное повествование посвящается
великому русскому драматургу
Александру Николаевичу Островскому*

Двести лет назад, 31 марта (12 апреля) 1823 года, родился Александр Николаевич Островский. Человек, вставший в один ряд не только с гениями русской литературы, но мировой.

Творчество Александра Николаевича повлияло не только на развитие отечественной драматургии, но и на культурное становление театрального искусства народов, живущих в единении на российской земле и за рубежом.

Глубина произведений А.Н. Островского огромна, а широта беспредельна. Как сказал Исаак Ньютон: «Я видел дальше других лишь потому, что стоял на плечах гигантов».

Так же о себе мог сказать и наш великий драматург А.Н. Островский, и, несомненно, он в своём творчестве является гигантом.

И, следуя этой правде, пройдем, дорогой читатель, по пути этих гигантов. Но первый из них во всем Народ.

ИСТОКИ И ТЕЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

ГИМН ДРАМАТУРГИИ

Драматургии жизненная сила
Определяет творческий подход –
С заоблачного времени Эсхила,
До несомненных чеховских высот.
От глубины шекспировского плана,
До истины с островской прямотой.
От комедийных пьес Аристофана,
До водевилей с темою простой.

Драматургии пламенная сила,
Искусство к обновлению ведёт
И утверждает вдохновенным пылом
Духовности естественный полёт.
Над лоном театрального покрова
Под одобренья зрительских похвал, –
За точность поэтического слова
И прозы изумительный накал.

Драматургии образная сила,
Достойна самых сокровенных нот,
Её многозначительная лира
Восходит до космических высот.
По праву созидательной стихии
И по закону авторской строки.
В таинственной стране драматургии
Возможностей бездонны родники...

НАЧАЛО

С того времени, как человек постепенно осознал себя и окружающие его мир, возникла в его жизни такое направление, что в дальнейшем он обосновал, искусство, то есть отражение окружающего его мира. И оно (искусство) – определило различные пути в художественном обрамлении природы и взаимосвязей в обществе. Оно из них то театр.

Первые попытки человека отразить своё существование, предать ему более комфортное состояние и объяснить себе же, как украсить данный ему мир, начинается с самых обычных истоков.

Например: в весеннем обновлении, в осеннем увядании, в звуках ветра, в грохотании грома, шуме водопада, в шелесте листьев, в сверкании молний, в закатах и в рассветах, в мерцании звёзд, даже в тишине...

Конечно, прежде всего, человека волновала забота о пище, о сохранении жизни в сложнейших условиях существования.

Но человек не был ты человеком, если бы, не имел чувство наблюдателя, и возможно это чувство имело решающий момент осознания художественного восприятия мира.

Возможно, изготавливая каменный нож, или скребка из кремния он вдруг увидел в отбитом кусочек профиль своего соплеменника. Или затаившись на охоте, услышал в крике птицы определённую мелодию и запомнил её, а затем сам научился повторить это звучание.

А вот более реальное доказательство, дошедшее до наших дней, наскальные рисунки Сахары, где древний человек изображает себя и животных на охоте...

Но не просто добыть животное для пропитания, ему нужна опора не только в виде копы, или бумеранга, ему нужна психологическая опора.

Он должен верить в то, что сможет осуществить задуманное, благодаря потусторонней силе, которая существует на уровне наитья.

Перед охотой он совершает ритуал, как бы предвидя эти события.

Мы и теперь наблюдаем эту «игру» в племенах стоящих на ступени каменного века.

Убить животное, как бы на охоте, нарисованный силуэт животного, тем самым укрепить свою веру в то, что будет так же в действительности, для возможности существования себя и близких людей.

Ставится спектакль (драма) в ней участвуют охотники (актёры), а зрителями являются соплеменники. И чем ярче игра, тем больше уверенности у охотников, что они в реальности осуществят задуманное.

И это разве не один из реальных источников возникновения литературного направления, что мы называем драмой.

А гибель на той же охоте, гибель детей от недоедания, заставляло людей задуматься и представить себе причину в виде необъяснимых загадок. Почему так произошло?

В этом случае вступает в роль воображение, рисующее силы которые невозможно преодолеть. Возникает вера в духов, что руководят будущей жизнью человека и данного общества. А ритуалы шаманства, которые дожили до нашего времени у северных народов.

Следующая ступень развития рождает первые наброски литературных произведений народного творчества, в преданиях...

Конечно, невозможно рассказать, как это точно происходило, но, несомненно, одно, что это было коллективное творчество, когда один человек даёт начало какому-то действию, а затем соплеменники, вольно или невольно дополняют устным пересказом данный сюжет, который превращается, предположим, в легенду...

Легенда на основе, которой создавали, и создают драматические произведения...

Возникновение письменности (клинописи) у самой древней, пока известной цивилизации шумеров, даёт нам некоторое представления о литературной стороне этого общества в виде гимнов, поучений..., что можно вполне утверждать, что данные произведения, истоки мировой литературы, в частности драматургии.

В одной из мудрейших книг мира Библии говорится о первой драме, о убийств Авеля его братом Каином, разве не пример начала драматургии...

В египетской цивилизации намеки на представленье, точнее действие обрядов, где главные роли играли фараоны, а свита жрецов создавала целостную картину отражения реальной жизни, это тоже элементы «игры».

Конечно это не театр, но, тем не менее, эти ритуалы происходили по определённым сценариям, где зрителем являлся народ.

Далее греки создают одну, может быть самую грандиозную культуру в истории человечества. Она охватывает не только гуманитарные области, но и области философии, техники, познания мира до глубин атома.

Но вернёмся к главной теме повествования, а именно к драматургии.

ЧЕТЫРЕ ПОТОКА

Появлению драмы в древней Греции, в Афинском государстве. Ей предшествовал длительный период эпоса, что является основой всякой литературы. Но следует заметить, что Греция дала миру первые ростки современной культуры, не только благодаря обществу, но и благоприятному климату. Он позволял человеку не только производить добротную пищу, но и время к размышлению. В отличие, например, от северных районов планеты, где людям приходилось выживать в тяжёлых климатических условиях, хотя там, во всех племенах существовал эпос...

Явление греческой драмы, параллельно с театром, связано с обрядовыми играми, которые посвящались богам-покровителям земледелия. Такие обряды иногда превращались в культовую драму. Например, бракосочетание Зевса и Деметры, похищение Коры Плутоном, скитания Деметры в поисках дочери и возвращение Коры на землю.

Дионис считался богом творческих сил природы; позднее он стал богом виноделия, а потом богом поэзии и театра.

Символами Диониса служили растения, особенно виноградная лоза. На праздниках, посвящённых Дионису, распевали не только торжественные, но и весёлые карнавальные песни. Шумное веселье устраивали ряженые, составлявшие свиту Диониса. Участники праздничного шествия надевали маски и козлиные шкуры. Из обрядовых игр и песен в честь Диониса образовались три жанра древнегреческой драмы: трагедия, комедия и сатира...

Трагедия отражала серьёзную сторону дионисского культа, комедия – карнавальную, а сатирическая драма являлась средним жанром.

Древнегреческая трагедия, как правило, брала сюжеты из мифологии. Интерес зрителей сосредоточивался не на фабуле, а на трактовке мифа автором, на той общественной и нравственной проблематике, которая разворачивалась вокруг всем известных эпизодов мифа.

Используя мифологический покров, драматург отражал в трагедии современную ему общественно-политическую жизнь, высказывал свои этические, философские, религиозные воззрения. Трагические представления оказывали огромное влияние на воспитание граждан и в целом на общество.

Уже во второй половине 6 в. до н.э., трагедия достигла значительного развития. Античная история передает, что первым афинским трагическим поэтом был Феспид – 6 в. до н.э.

Первая постановка его трагедии состоялась весной, на празднике Великих Дионисий в 534 г. до н.э.

Этот год принято считать годом рождения мирового театра.

Феспиду приписывают усовершенствование масок и театральных костюмов. Но главным нововведением Феспиды было выделение из хора одного исполнителя, актера. Этот актер, или, как его называли в Греции, гипокрит, мог обращаться к хору с вопросами, отвечать на вопросы хора, изображать по ходу действия различных персонажей, покидать сценическую площадку и возвращаться на неё.

Таким образом, ранняя греческая трагедия была своеобразным диалогом между актёром и хором.

В комедии гораздо шире, чем в трагедии, к мифологическим мотивам примешивались житейские, которые постепенно стали преобладающими или даже единственными, но в целом комедия по-прежнему считалась посвящением богу Дионису.

Так, во время ритуальных шествий с музыкальными инструментами, стали разыгрываться небольшие сценки бытового и пародийно-сатирического содержания. Эти импровизированные сценки представляли собой элементарную форму народного балаганного театра и назывались мимами.

Героями мимов были традиционные маски народного театра: горе-воин, базарный воришка, учёный-шарлатан, простак...

Возникшая комедия 5 в. до н.э. была политической по своему содержанию. Она постоянно затрагивала вопросы общественного строя, внешней политики Афинского государства, вопросы воспитания молодёжи...

Злободневность древней аттической комедии определялась тем, что в ней допускалась полная свобода в карикатурном изображении отдельных граждан, выводимых к тому же под своими подлинными именами.

Театр демократических Афин, наивысшего расцвета достиг в творчестве трёх великих трагиков 5 в. до н.э. – Эсхила, Софокла, Еврипида и комедиографа Аристофана, деятельность которого в начало 4 в. до н.э.

Одновременно с ними писали и другие драматурги, однако до нас дошли только небольшие отрывки из их произведений, а иногда, лишь скудные сведения.

Творчество Эсхил 525-456 до н.э. связано с эпохой становления афинского демократического государства. Это государство формировалось в период греко-персидских войн, и носило для греческих полисов освободительный характер.

Эсхил происходил из знатного рода, известно, что он принимал участие в сражениях при Марафоне и Саламине. В надписи на его надгробии, сочинённой, по преданию, им самим, говорилось, что он проявил себя мужественным воином в сражениях с персами, но что он драматург им не было сказано.

Трагедии Эсхила отражают основные тенденции его времени, те огромные сдвиги в социально-экономической и культурной жизни, которые были вызваны крушением родового строя и становлением афинской рабовладельческой демократии.

Говоря о новаторстве, Эсхил ввёл в свои трагедии второго актера и тем открыл возможность более глубокой разработки трагического конфликта, усилил действенную сторону театрального представления. Это был настоящий переворот в театре: вместо старой трагедии, где партии единственного актера и хора заполняли всю пьесу, родилась новая трагедия, в которой персонажи взаимодействуют друг с другом и сами непосредственно мотивируют происходящее на сцене.

Из дошедших до нашего времени трагедий великого драматурга особо выделяются следующие: "Персы" 472 г., где прославляется победа греков над персами в морском сражении при острове Саламине 480 г.;

"Прометей прикованный" – возможно, самая известная трагедия Эсхила, повествующая о подвиге титана Прометея, подарившего огонь людям и жестоко за это наказанного; трилогия "Орестея" 458 г. Единственный дошедший до нас полностью образец трилогии, в которой мастерство Эсхила достигло своего расцвета.

Эсхил известен как лучший выразитель общественных устремлений своего времени. В своих трагедиях он показывает победу прогрессивных начал в развитии общества, в государственном устройстве, в морали.

Другой гений древнегреческой драматургии – Софокл 496-406 до н.э.

Его художественная одарённость проявилась уже в раннем возрасте. В 469 г. Софокл одержал на конкурсе драматургов свою первую победу над самим Эсхилом. До нас дошло только семь трагедий Софокла.

Трагедии Софокла несут в себе новые черты.

Если у Эсхила главными героями были боги, то у Софокла действуют люди, хотя и несколько оторванные от действительности. Поэтому о Софокле говорят, что он заставил трагедию спуститься с неба на землю. Основное внимание Софокл уделяет человеку, его душевным переживаниям.

Конечно, в судьбах его героев ощущается влияние богов, даже если они и не появляются по ходу действия, и эти боги также могущественны, как и у Эсхила они могут сокрушить человека. Но Софокл рисует, прежде всего, борьбу человека за осуществление своих целей, его чувства и мысли, показывает страдания, выпавшие на его долю. У героев Софокла обычно такие же цельные характеры, как и у героев Эсхила. Сражаясь за свой идеал, они не знают душевных колебаний. Борьба ввергает героев в величайшие страдания, и иногда они гибнут. Но отказаться от борьбы герои Софокла не могут, потому что их ведет гражданский и нравственный долг. Благородные герои трагедий Софокла тесными узами связаны с коллективом граждан: – это воплощение идеала гармоничной личности в годы расцвета Афин, поэтому Софокла называют певцом афинской демократии.

Греческая трагедия в творчестве Софокла достигает своего совершенства. Софокл ввёл третьего актера, увеличил диалогические части комедии и уменьшил партии хора.

Интерес к переживаниям отдельной личности побудил Софокла отказаться от трилогий, где прослеживалась обычно судьба целого рода.

С именем Софокла также связано введение декорационной живописи. Наиболее известны трагедии Софокла из фиванского цикла мифов. Это "Антигона", "Царь Эдип" и "Эдип в Колоне".

Социальный кризис афинской рабовладельческой демократии и обусловленная им ломка традиционных понятий и взглядов наиболее полно отразились в творчестве младшего современника Софокла Еврипида.

В противоположность Софоклу Еврипид не принимал непосредственного участия в политической жизни государства, однако он живо интересовался общественными событиями.

Драматург приблизил своих героев к действительности, хотя персонажи его трагедий, оставаясь, как и у Эсхила и Софокла, героями мифов, но наделялись мыслями, стремлениями, страстями современных поэту людей.

В ряде трагедий Еврипида звучит критика религиозных верований, и боги оказываются более коварными, жестокими и мстительными, чем люди. По своим общественно-политическим взглядам Еврипид был сторонником умеренной демократии, опорой которой он считал мелких землевладельцев.

В некоторых его пьесах встречаются резкие выпады против политиков-демагогов: льстя народу, они добиваются власти, чтобы использовать её в своих корыстных целях. Как это похоже на наше время.

Положительные персонажи Еврипида неоднократно высказывают мысль, что безудержное стремление к богатству может толкнуть человека на преступление.

Заслуживает внимание отношение Еврипида к рабам. Он считал, что рабство – это несправедливость, что природа у людей одна и что раб, если у него благородная душа, ничуть не хуже свободного.

Еврипид часто откликается в своих трагедиях на события Пелопоннесской войны и гордится военными успехами соотечественников, но в целом относится к войне отрицательно. Он показывает, какие страдания несёт война людям, прежде всего женщинам и детям. Война может быть оправдана только в том случае, если люди защищают независимость своей родины. Эти идеи выдвигают Еврипида в число самых прогрессивных мыслителей человечества.

Еврипид стал первым известным нам драматургом, в чьих произведениях характеры героев не только раскрывались, но и получали своё развитие. При этом он не боялся изображать низкие человеческие страсти, борьбу противоречивых стремлений у одного и того же человека. Слава пришла к Еврипиду после смерти.

Как уже выше сказано на праздниках, посвященных Дионису, распевали не только торжественные, но и весёлые карнавалы песни. Из обрядовых игр и песен в честь Диониса родился жанр, который назван был комедией.

Более глубокий смысл был воплощён греческими литераторами. Отцом комедии, по праву считается Аристофан, живший около 446 – 385 до н. э.

О жизни Аристофана, значительная часть которой прошла под знаком Пелопоннесской войны, сведений немного. До нас дошло 11 комедий.

Писать комедии Аристофан начал совсем молодым человеком.

Первая из них, «Пирующие», была поставлена в 427 г., когда поэту было немногим более двадцати лет, а затем комедии «Вавилоняне» 426 г. и «Ахарняне» 425 г. За ними последовали «Всадники» 424 г., «Облака» 423 г., «Осы» 422 г. и «Мир» 421 г.. Последней пьесой завершился ранний период творчества поэта. Для этих комедий характерна необузданная политическая сатира.

Произведений второго периода, более сдержанные, являются «Птицы» 414 г., затем «Лисистрата» и «Женщины» обе 411 г. В 405 году, была поставлена «Лягушки».

В двух пьесах третьего периода наблюдаются значительные перемены, свидетельствующие об упадке древней комедии и появлении новых форм. «Богатство» 388 г. — в полном смысле образец этого жанра. Эта комедия и две последующие «Аэолосикон» и «Кокал» обе 387 г., были, согласно легенде, подарены Аристофаном сыну Арау, чтобы составить ему имя в театральных кругах.

В формальном построении пьесы Аристофан следовал всегда одной и той же схеме, иногда привнося в неё разнообразие. Пролог, обычно более длинный, чем в трагедиях, представляет публике комического героя и обрисовывает ситуацию.

Герой (часто это простой деревенский житель) излагает невероятный план — как разом избавить человечество от всех бедствий, и этот план становится основой развития сюжета. Затем выходит хор, как правило, чтобы противостоять планам героя, которому приходится приложить усилия для привлечения хора на свою сторону. Выход хора называется «парод», за ним чаще всего следует сцена спора, «агон», в результате которого участники хора соглашаются принять план главного героя. Затем персонажи пьесы покидают сцену, чтобы приступить к осуществлению плана, а хор тем временем исполняет «парабасу» (буквально «выход вперед»), развернутое обращение к публике, обычно в семи частях с меняющимся стихотворным размером, в котором поэт напрямую говорит с публикой о политике, соперниках по ремеслу и о самом себе. В следующих за «парабасой» сценах плану сопутствует успех. Эти сцены оживляются грубоватым фарсом, когда блаженная свобода, обеспеченная новым порядком вещей, позволяет запросто изгонять разного рода обманщиков и самозванцев. Эпизоды перемежаются песнями, то нежно-лирическими, то грубо непристойными, исполняемыми хором. Завершается пьеса празднеством, зачастую это бывает свадьба героя с аллегорической фигурой, символизирующей его торжество.

В дальнейшем, комедии такого рода уже не писались — существование жанра древней комедии было неразрывно связано с расцветом афинской демократии и обусловлено как сплочённостью граждан города-государства, так и полной свободой слова.

В качестве представителя этого жанра, Аристофан практически не имел влияния на дальнейшее развитие литературы, поскольку возникают другие государственные отношения и определяют возникновение новой комедии.

ИЗ АФИН В РИМ

В эпоху эллинизма 6-1 вв. до н.э., греческий театр классической поры претерпел существенные изменения, касающиеся и драматургии, и актёрского исполнения, и архитектуры театрального здания. В театре эллинистической эпохи по-прежнему ставятся комедии и трагедии. Но от трагедий 4 в. до н.э. сохранились лишь небольшие фрагменты, так как, по-видимому, художественные достоинства эллинистической трагедии утратили внимание публики.

Гораздо больше данных имеется для суждения о комедии. Комедию эллинистической эпохи называют новой аттической комедией. Время её расцвета и конец 4-3 в. до н.э. На смену представлений о божественном миропорядке и вере в конечное торжество справедливости приходит убеждение во всемогуществе случая. Жизнь человека, его личное счастье, общественное положение — всё зависит от воли случая.

Случай определяет возникновение и решение конфликтов и в самой комедии, которая ставит своей задачей воспроизводить современную ей жизнь только в плане семейно-бытовых отношений. Большую роль в новой комедии играет мотив любви. Авторы новой аттической комедии широко использовали психологическую теорию ученика Аристотеля Теофраста, согласно которой все свойства характера проявляются во внешности человека и в его поступках.

Физиогномические описания Теофраста, несомненно влияли и на оформление масок, помогавшим зрителям распознавать тот или иной персонаж. В новой комедии заметно влияние Еврипида. Близость многих его героев к жизни, раскрытие их душевных переживаний.

Основной особенностью новой комедии было отсутствие хора, который был бы органически связан с развитием действия, – хор выступал только в антрактах. В прологе новой комедии давалось краткое изложение событий, что должно было помочь зрителю разобраться в сложной интриге. Другой особенностью новой комедии бала её гуманно-филантропическая направленность. В лучших произведениях проводились передовые идеи эллинистической философии. Несмотря на отсутствие политической тематики, в новой комедии получали отражения такие важные проблемы, как методы воспитания, отношение к женщине, к представителям различных сословий, к чужестранцам. Причём постоянно проповедовались более мягкие, более гуманные отношения между людьми. Новая аттическая комедия пользовалась огромным успехом у публики. Зрителей привлекало то, как разрабатывается даже банальный сюжет или привычная маска: пружиной действия стала ловко устроенная интрига, развитие которой велось тонко и искусно.

Истоки римской драмы восходят, как и в Греции, к обрядовым играм, богатым карнавальными элементами. Таков, например, праздник Сатурналий – в честь италийского божества Сатурна. Особенностью этого праздника было "переворачивание" привычных общественных отношений: господа на время становились рабами, а рабы господам. Одним из истоков римской драмы были сельские праздники сбора урожая. На этих праздниках распевались весёлые, грубоватые песни. Как и в Греции, обычно выступали при этом две стороны, которые обменивались шутками подчас язвительного содержания.

Но дальше слабых зачатков драмы развитие народного театра не пошло. Это объясняется консервативным укладом римской жизни и сильным сопротивлением жрецов. Поэтому в Риме не сложилась самостоятельная мифология, которая в Греции послужила основой искусства, в том числе драмы.

Римляне взяли литературную драму в готовом виде у греков и перевели её на латинский язык, приспособив к своим понятиям и вкусам. После победоносного окончания первой Пунической войны, на праздничных играх 240 г. до н.э., было решено устроить драматическое представление. Постановку поручили греку Ливию Андронику, находившемуся в рабстве у римского сенатора, который и дал ему латинское имя Ливий. (После получения вольной, он остался в Риме и стал обучать греческому и латинскому языку сыновей римской знати.)

Ливий поставил на играх трагедию и, вероятно, также комедию, переработав образцы с греческого языка на латинский. Эта постановка дала первый толчок развитию римского театра.

С 235 г. до н.э. начинает ставить на сцене свои пьесы драматург Гней Невий около 280-201 до н.э. Он был уроженцем латинского городка в Кампании и принадлежал к плебейскому роду. После окончания первой Пунической войны, в которой он принимал участие, Невий поселился в Риме и начал заниматься литературной деятельностью.

Гнея Невия с полным основанием можно назвать первым самобытным римским поэтом. Его стихи (сатуры), драмы, эпическая поэма "Пуническая война" отличались самостоятельностью в художественном и в идейном отношении. Вначале своей драматургической деятельности Невий писал трагедии по греческому образцу на тему троянского цикла мифов.

Но вскоре он выступил с трагедиями на сюжеты из римской истории.

Однако наибольшей славы Невий достиг в области комедии.

Невий был создателем паллиаты-литературной комедии, которая представляла собой переработку бытовой греческой комедии.

Паллиата ставилась в Риме в течение 3-2 вв. до н.э. Своё название она получила от греческого широкого плаща паллия, так как действие паллиаты всегда происходило где-нибудь в Греции и герои её носили греческую одежду. Хотя Невий и придерживался греческих оригиналов, но обрабатывал он их гораздо свободнее, чем Ливий Андроник. Невий первый применил так называемую контаминацию – соединение в римской комедии сюжетных линий двух или трех греческих.

Таким образом, Невий стал основоположником и римской национальной комедии.

Продолжателем дела Невия, как комедиографа, был его младший современник Тит Макций Плавт около 254-184 до н.э. Его творчество относится к тому периоду, когда Рим из сельскохозяйственной общины превращается в сильнейшее государство Апеннинского полуострова, а затем и всего бассейна Средиземного моря.

По единодушной оценке древних, Плавт был самым блестящим представителем паллиаты. Излюбленный персонаж Плавта-хитрый, пронырливый раб, помогающий молодому хозяину улаживать любовные дела.

Секрет успеха Плавта состоит, прежде всего, в том, что его комедии являлись самобытны по духу, в них ярко запечатлены черты римской жизни. Плавт сочувственно относится к плебейским низам рабовладельческого общества и осуждает людей, стремящихся к наживе. Плавт умел искусно соединить новую аттическую комедию с элементами римской народной буффонадой, живостью действия, с её порой непристойными, но остроумными шутками.

Большое место в комедиях Плавта отводится пению и музыке. Пьесы Плавта отличаются динамичностью, они проникнуты пафосом неистощимой энергии и здорового оптимизма. При этом сами характеры его героев статичны, лишены сложности и психологической глубины.

Поэт обращает основное внимание на событийную сторону, а всё, что касается внутреннего развития образа, упрощается, отступает на второй план. Тем не менее, свойственный Плавту приём гротеска делает его персонажей театрально выразительными. От Плавта дошли до нас 20 комедий полностью и одна в отрывках. Почти все комедии начинаются с пролога. Прологи гораздо длиннее, чем в новой аттической комедии, но служат той же цели. В них рассказывается о событиях, предшествовавших началу действия, и о том, как будет развиваться интрига.

Комедии Плавта прожили большую историческую жизнь, хотя в средние века Плавт был основательно забыт, но в эпоху Возрождения Плавт снова воскрес для европейского театра. Его пьесы переводят, создают различные переделки и подражания. Мотивы комедий Плавта обрабатывались многими драматургами: Шекспиром, Мольером ...

Публий Теренций Афр около 185-159 до н.э., работавший, как и Плавт, в жанре паллиаты, принадлежал уже к следующему поколению драматургов. Уроженец Карфагена, мальчиком был привезён в Рим, где стал рабом римского сенатора. Заметив выдающиеся способности юноши, сенатор дал ему хорошее образование, а затем отпустил на волю.

Теренций написал шесть комедий и все они сохранились. Сюжеты этих комедий он, как правило, заимствует, причём сознательно подчёркивает их греческий колорит. Конфликты в комедиях Теренция носят семейный характер, и основной целью драматурга является гуманизация нравов.

У Теренция обычно нет такой динамики в развитии событий, как у Плавта, но Теренций стремится дать более углублённую психологическую характеристику своих персонажей, создавая интересные, жизненные образы. Одна из наиболее известных комедий "Братя" 160 до н.э. – ставит вопрос о воспитании молодёжи. В комедии побеждают новые взгляды, представители которых считают, что надо быть снисходительным к проделкам молодых людей, воспитывать их не приказами и наказаниями, а добрыми советами. Комедии Теренция знакомили римских зрителей с миром более сложных, чем у героев Плавта, душевных переживаний (хотя и ограниченных семейными рамками).

Теренций, можно назвать предшественником новой европейской драмы. Европейский театр неоднократно обращался к его творчеству. Влияние его комедий "Формион" и "Братя" чувствуется в творчестве Мольера. Новый интерес к гуманистическим тенденциям драматурга возник в 18 в., в период формирования буржуазной "мещанской" драмы. Дидро считал Теренция своим предшественником, Лессинг в "Гамбургской драматургии" дал подробный анализ "Братьев", считая эту комедию образцовой.

С падением римской республики в I в. до н.э. (после убийства Цезаря и победы над Антонием в 31 г. до н.э. императором в Риме стал Октавиан, получивший впоследствии почётное прозвище Август ("Священный").

Август хорошо понимал общественное значение театра и всячески содействовал его развитию, он хотел возродить на римской сцене трагедию греческого типа, видя именно в ней средство улучшения и воспитания нравов своих граждан. Эти стремления Августа были поддержаны одним из выдающихся римских поэтов, Горацием, однако все усилия Августа не увенчались успехом. Хотя представления устраивались часто, они носили главным образом развлекательный характер. Общественная роль театра заметно снизилась. Такая тенденция особенно усилилась при преемниках Августа. Если трагедии и ставились во времена империи, то только в виде отдельных эффектных сцен, дававшим возможность актёрам показать своё мастерство. Эти актёры (их называли трагедями) надевали костюмы и маски, как для выступления в трагедии, однако их роль сводилась в основном к пению, так как актерские арии составляли главную часть представления.

От трагедии императорской эпохи до нас не дошло ничего, кроме трагедий философа Сенеки около 4-65 г. н.э.

Луций Анней Сенека был воспитателем императора Нерона, одно время занимал при нём высшие должности в государстве, но затем был обвинён в заговоре против императора и по приказанию Нерона покончил с собой, вскрыв себе вены.

Всего Сенека написал 9 трагедий, заимствуя их сюжеты из греческой мифологии. По своему строению трагедии Сенеки тоже мало отличаются от греческих: партии хора чередуются у него с партиями героев, на сцене находятся не более трёх актёров одновременно.

Но под влиянием социальных и политических условий трагедии Сенеки получили новую направленность. Мрачная эпоха Нерона, с её жестокостями и угрозами кровавой расправы, как дамоклов меч висевшей над каждым, определила разработку тем.

Герои Сенеки-люди, наделенные сильными, испепеляющими страстями. Изображение этих страстей, невольно приводящих героя к гибели, изображение сильных аффектов, чудовищных пороков, состояний, близких к патологии, – всё это становится главным для поэта.

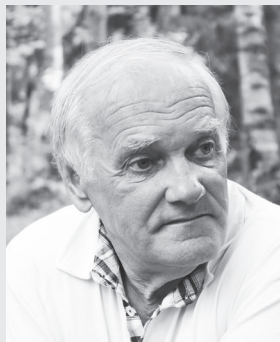
Персонажи трагедий Сенеки однолинейны: драматург выделяет какую-либо одну черту в характере и доводит её до предела.

В драмах Сенеки постоянно встречаются сцены страшной мести, кровавых преступлений.

До сих пор остается спорным вопрос о сценической жизни трагедий Сенеки. Скорее всего, они предназначены для чтения, но не для постановки: трагедии лишены динамики, некоторые сцены технически невозможно исполнить.

Но, несомненно, творчество Сенеки оказало огромное влияние на формирование трагедии нового времени. Именно через него гуманисты эпохи Возрождения начали своё знакомство с античной трагедией.

Продолжение следует.

Юрий РЫЧЕНКОВ

Рыченков Юрий Алексеевич – поэт, переводчик, литературовед, член Союза писателей России. Имеет почётное звание «Заслуженный писатель МГО СП России». Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами.

Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии».

Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг: «В объятьях памяти», «Иду осенним полем...» и многих поэтических сборников, таких, как: «Только бы не погасла свеча...», «Русь святая», «Казачий крест» и др.

Долгие годы был Главным конструктором работ по созданию новых образцов специальной техники. Награждён медалью «За боевое содружество».

Живёт в Москве.

ПОПУТЧИЦА

(Рассказ)

В самых искренних признаниях женщины
всегда остается место умолчанию

Поль Бурже

Я ехал в Сочи...

Мои друзья приобрели в этом городе-курорте однокомнатную квартиру и, узнав, что я собрался отдохнуть две недели где-нибудь на юге, предложили пожить в ней за хозяина. Это меня вполне устраивало. И дело даже не в расходах: просто мне нравится, когда сам себе господин; кроме того, предпочитаю собственную стряпню и не уважаю готовую кулинарию. Другие мои знакомые, занимающиеся ресторанным бизнесом, как-то откровенно рассказали о некоторых секретах «мастерства», и с тех пор я с большим недоверием отношусь к любому «общепиту».

Мой отдых всегда начинается с дороги. Не люблю самолёт: больше мне нравится путешествовать поездом. Я просто обожаю смотреть в окно на бесконечные российские просторы, могу наблюдать за меняющимся пейзажем неотрывно многие часы, как это было со мной в незабываемой поездке из Москвы во Владивосток. В сумерках лежать на полке и предаваться мечтам под мерный перестук колёс – что может быть лучше?

Но меня поджидало разочарование. Билетов на поезд в кассе не оказалось, хотя я был согласен на любой вариант. Были проданы билеты даже, в выручавшее меня не раз, удивительное двухместное купе с местами – 37 и 38. Такое случается при ажиотажном спросе на билеты в поездах дальнего следования или южного направления.

На сей раз не было билетов и на эти места.

Я, изрядно огорчившись, отошёл от кассы транспортного агентства, в раздумье, поглядывая на шумящий Ленинский проспект, как неожиданно до меня донёсся голос позвавшей меня кассирши. Я подошёл к кассе и услышал радостное известие. Она сказала:

– А вам действительно важно уехать именно этим поездом?

– Да, очень.

– Тогда слушайте. Есть одно место в двухместном купе «Люкс». Купе продаётся только целиком. Но пассажир, купивший его, наверное, не любит путешествовать в одиночестве и просил подселить к нему мужчину, спокойного интеллигентного человека без вредных привычек, средних лет. Как, вы отвечаете этим требованиям?

– В полной мере. Я буду вежлив и тих, как мышь.

– За проезд рассчитаетесь на месте. Ваш вагон пятый, купе – второе. Проводник будет предупреждён. Желаю приятной поездки.

Это было похоже на сказку. Подумал тогда: приятно, что на посторонних я произвожу благоприятное впечатление, иначе бы меня не выбрали, и отпуск был бы омрачён с самого начала. В душе уже поблагодарил щедрого попутчика. Я сам никогда бы не додумался до подобного, напротив, был бы счастлив ехать в полном одиночестве. Оставалось лишь оправдать надежды загадочного соседа, решившего все мои проблемы. Я даже не разочарую его ночью, так как сплю совершенно беззвучно и сам очень страдаю от того, что мне в соседях зачастую попадают заядлые храпуны.

Без проблем вошёл в свой вагон и, подойдя к раскрытой двери второго купе, с удивлением увидел сидящую на диване молодую особу. Немного смутившись от неожиданности, я проговорил:

– Простите великодушно. В этом купе имеется свободное место, или меня ввели в заблуждение?

– Нет, вы не ошиблись. Заходите и располагайтесь. Я очень рада. Не выношу одиночества, особенно в дороге, но ещё больше не выношу говорливых соседей.

Мысли в голове засуетились. Я никак не ожидал, что вместо предполагаемого загадочного соседа, хозяйкой купе окажется молодая, симпатичная женщина, даже можно сказать – девушка, которой на первый взгляд было не более тридцати лет. Об истинной причине такого её поведения я размышлять не стал: не съест же она меня на самом деле. К тому же, другой возможности ехать у меня не было, остальное выяснится само собой. Я вошёл в купе, снял пиджак, сел на противоположный диван и, глядя в окно, стал ждать отправления поезда.

Девушка, на удивление, приняла моё появление, как само собой разумеющееся, и продолжила прерванное занятие. Она что-то искала в сумке. Наблюдая за ней краем глаза, я отметил про себя, что она перетряхнула уже все предметы и не один раз, но всё равно, упорно продолжала копаться. Мне уже неоднократно приходилось видеть женщин за этим занятием. Увлекательное, надо сказать, зрелище. Женская сумка – это что-то невообразимое. На первый взгляд она не сильно объёмная, но, Боже мой, чего в ней только нет! Наверное, если перечислить всё содержимое – список получится довольно внушительным. И совершенно парадоксально, но нужную вещь они в итоге всё-таки находят.

Нашла такую вещь и моя спутница. Достала какую-то парфюмерную вещьцу в виде карандаша, сняла колпачок и аккуратно поводила его кончиком по влажным губам. Потом положила его на место и неожиданно сказала:

– Вы, случайно, не сыщик? Я заметила, что вы украдкой меня разглядываете. К чему бы это?

– Ну, что вы. Просто меня заинтересовали ваши руки.

– А что же в них особенного: руки как руки.

– Не скажите, у вас идеальные пальцы пианистки.

Наблюдая за её руками, я, тем не менее, хорошо разглядел гостеприимную хозяйку купе. Спокойная, уверенная в себе, молодая женщина, модно, даже изысканно одетая с довольно привлекательной внешностью. Правильные черты небольшого лица, в обрамлении чёрных волос, делали её даже красивой. Пухлые, алые губы имели мягкий изгиб. Рот был немного широковат, но это нисколько её не портило. Кожа цвета слоновой кости была гладкой и нежной, глаза с их мягкой тёмной глубиной смотрели спокойно и открыто. Выражение лица было сдержанное и даже несколько высокомерное для такой молодой особы.

Твердый подбородок, гордая посадка головы, движения, полные достоинства и одновременно женственной мягкости, выдавали натуру с твёрдым характером. Я невольно обратил внимание и на то, как прекрасно она сложена: нежная смуглая шея, покатые плечи и, как мне подумалось тогда, непременно гибкая фигура. На правой руке у неё был изящный браслет, который постоянно спал на тонкое запястье.

Она посмотрела на свои руки, потом пристально на меня, словно пытаясь угадать: шутка это или комплимент, однако взгляд её смягчился, и сдержанно улыбнувшись, она спросила:

– А вы – музыкант?

– Нет, я педагог, но обожаю смотреть на всё совершенное.

Теперь она уже широко улыбнулась, показав свои великолепные зубы, и, протянув руку, просто сказала:

– Давайте знакомиться, Нелли.

– Сергей Сергеевич, – привстав с дивана и вежливо пожав её ладошку, сказал я.

– Прошу простить моё сумасбродство, Сергей Сергеевич. Уверяю вас, что никаких неприятностей с вами не случится, а ехать с попутчицей – это ведь лучше, чем не ехать вовсе. И потом, когда едешь один, спутников в дороге выбирать не приходится, так ведь? А мне позарез нужен собеседник, просто необходим.

– Нелли, вы совершенно напрасно извиняетесь. Напротив, я очень благодарен и вам, и судьбе, что так получилось. Ехать действительно необходимо, а с такой милой незнакомкой – одно удовольствие. Кстати, давайте рассчитаемся за билет.

– Успеется. Мне от вас нужны совсем не деньги. Как я уже говорила, я не терплю одиночества, оно в жизни мне просто осточертело, а быть одной в купе мне просто невыносимо. Вот я и решила испытать судьбу. Подруг у меня нет, поскольку в женскую дружбу я не верю: её просто не существует. Я имела возможность в этом убедиться и не раз. И чем крепче кажется эта видимая дружба, тем подлее в итоге будет предательство подруги. В особенности, если это касается дальнейшей выгоды в выборе спутника жизни. Негласное соперничество вдруг расцветает махровым цветом, и трудно даже представить себе, что способна вытворить «верная» подруга.

Я внимательно смотрел на Нелли, и мне постепенно становилось понятным её состояние. Она волновалась, на её щеках появился лёгкий румянец. По тому, как часто смотрит на вас собеседник, а также, куда именно он направляет свой взор, можно понять многое. В психологии определяют несколько видов взгляда. Нелли глядела на меня, так называемым, «социальным взглядом», когда собеседник смотрит в область «глаза-губы». Такой взгляд характеризует дружелюбное, непринужденное общение. Особой эмоциональной выразительностью отличаются губы человека, читать которые совсем несложно: например, усиленная мимика рта или закусывание губ, свидетельствуют о беспокойстве. Мне было хорошо известно, что такое беспокойство возникает и порой становится невыносимым для человека, когда он стремится оградить себя от надвигающейся, неприятной для него ситуации.

Я преподаю психологию в университете. Существует много различных точек зрения на то, что изучает психология. Часто говорят, что психология – это наука о душе, из которой исключено исследование души. Для меня занятие психологией стало профессией, потому что я разделяю мнение, наверное, самого рассудительного президента США Рузвельта: «Если цивилизации суждено выжить, мы должны развивать науку человеческих отношений». Именно этой наукой, на мой взгляд, и является – психология. Если совсем по-простому, то психология должна отвечать на вопрос о том, почему человек ведёт себя так, а не иначе.

Значение психологии многократно возросло с того момента, когда в стране всё пошло на слом, когда в одночасье обрушились, казалось бы, незыблемые устои общества, когда индивидуальное стремительно взяло верх над общественным.

– Ну, если у вас нет подруг, то может быть есть друзья среди мужчин? – спросил я.

– Между женщиной и мужчиной, если знакомство не перерастает в нечто большее, тоже не может быть настоящей дружбы. Возможны лишь приятельские или чисто деловые отношения. Вот вы, Сергей Сергеевич, кто по специальности?

– Я же говорил, что я – педагог. Преподаю в университете психологию.

Услышав это, она даже подпрыгнула на диване, радостно всплеснув руками, и воскликнула:

– Боже, какое счастье! Сама судьба вознаградила меня за все мучения, послав в попутчики именно такого человека, о котором я не могла и мечтать!

Заметив на моём лице удивление, которое я и не пытался скрыть, она сказала:

– Если вы не возражаете, Сергей Сергеевич, сейчас мы по поводу такой удачи закажем праздничный ужин, а потом я попрошу вас выслушать меня и, как специалиста в области психологии, дать совет. Пожалуйста, не возражайте. Совет мне крайне необходим. Я никогда себе этого не прощу, если упущу такую возможность.

Она вышла из купе. У неё действительно оказалась идеальная фигура. Мягкие грациозные движения придавали ей ещё большую привлекательность. Меня несколько заинтриговала её откровенность и неожиданная просьба о помощи. Но дальнейшие размышления были прерваны приходом Нелли, которая разочарованно сказала, что меню для питания вне пределов вагона-ресторана её категорически не устроило, сейчас принесут шампанское, фрукты и сладости, которые она обожает, и она поведает мне вкратце свою историю.

Через некоторое время всё было на столике. Я вскрыл холодную бутылку шампанского. Мы подняли наполненные бокалы, выпили по глотку, как она сказала «за удачу», и Нелли начала свою историю:

– Я родилась в обычной московской семье. Мой отец, рядовой инженер одного из множества московских предприятий, внимательный, добрый и отзывчивый человек с высокими нравственными принципами, в таком же духе воспитывал и меня. Воспитывал, несмотря ни на какие преобразования в стране. Приспособиться к новым условиям, в силу своего характера, у него не было ни малейшей возможности. Ни к какому другому труду, кроме инженерного в области конструирования пневмотехники, он был не приспособлен, а эта область, как и многие другие, внезапно совершенно потеряла свою актуальность. Так что, перебивался он случайными заработками: ни торговать, ни спекулировать не умел: с деньгами у нас всегда было туговато. Мать работала воспитательницей в детском саду, довольно престижном, но и её зарплата была ничтожна.

Уже в школе из всех учеников выделялись сынки и дочки состоятельных родителей. У них образовалось что-то вроде своего клана, остальных в него не допускали. Не хочу сказать, что мы жили в нищете, но уже тогда у меня появилось чувство какой-то неполноценности. Как вырваться из этого круга я не представляла, но именно в то время созревало желание добиться большего в жизни. Вы знаете, что такое сознание своего ничтожества? Ах, как тяжелы эти воспоминания! Мне нужно было самой пробовать себе дорогу...

Дома у нас была приличная библиотека. Отец, спасибо ему за это, привил мне любовь к книге, которая сохранилась и по сей день. Перечитала всю русскую классику. Можно сказать, что я воспитана на произведениях Толстого, Чехова, Достоевского. Не раз представляла себя на месте их героинь. Время было другое, но людские взаимоотношения – это статья особенная. Их не изменить, как бы этого ни хотелось. Добавьте сюда первые ошибки молодости, первую робкую любовь, и первые детские, но уже серьёзные разочарования. И главное, муки зарождающегося неверия в жизнь, в себя.

Вот почему я так обрадовалась, что вы – психолог.

– Нелли, вы ошибаетесь, я не психолог. Преподавать психологию и быть психологом – это далеко не одно и то же, поверьте мне. Вряд ли смогу вам чем-то помочь.

– Нет, нет, прошу вас, не возражайте. Вы наверняка знаете о женской натуре больше, чем простой человек.

Так вот, – продолжила она, – мне хотелось другой жизни, душа просто требовала перемен. Я жаждала быть уважаемым человеком, хотела, чтобы со мной считались; в конце концов, хотела, чтобы на меня обращали внимание, чтобы я тоже могла пользоваться всеми благами жизни, наконец. Позволить себе мечтать, и осуществлять свою мечту – в этом я видела своё счастье.

Нет, мне не нужна была известность или слава. Но, в то же время, я ждала чего-то необыкновенного, способного изменить моё унылое существование, поэтому решила стать дизайнером. Смешно сказать, но меня очень привлекало само загадочное слово и, потом, я кое-что знала об этой специальности. Знала о высокой востребованности этой профессии и достойной заработной плате. Кроме того, – это прекрасная возможность проявить свой творческий потенциал, немаловажно также то, что дизайнеры работают по свободному графику. Училась я неплохо, и мне удалось поступить в «Суриковку».

Но всё задуманное будет ещё не скоро, а моя натура требовала немедленных перемен, и я решила попробовать отобраться на конкурс «Мисс столица».

Было необходимо пройти четыре отборочных тура, которые проводились в Центральном доме культуры железнодорожников. Внешностью и сложением меня Бог не обделил, так что надежды на заключительное участие в конкурсе оставались. В первый же день отбора я столкнулась с мерзостью и откровенной пошлостью так называемых «мастеров-наставников». Не буду говорить о словесных предложениях, но по рукам и по физиономии пришлось бить в первый же день. И, тем не менее, во второй тур я всё же попала. А после него случилось невероятное.

На улице ко мне подошёл модно одетый, предупредительный и очень вежливый молодой человек приятной наружности. Он представился сотрудником частного охранного предприятия, вручил мне визитку и предложил проехать с ним. Он сказал, что со мной очень хочет познакомиться известный предприниматель Заволжский. «Можете не беспокоиться, – сказал он, – это ненадолго. После встречи, – он широко улыбнулся, – я доставлю вас в любую точку земного шара».

Чёрный мерседес стоял неподалёку. Как только мы сели в машину, она рванула с места и понеслась среди плотного потока иномарок, которые, как мне показалось, не пытались играть с ней в догонялки, а скорее даже спешили убраться с её пути.

Мы неслись по Дмитровскому шоссе и вскоре въехали в ворота загородного дома, скорее похожего на замок. Игорь Васильевич, так звали молодого человека, помог мне выбраться из машины и предложил пройти с ним в дом. В этот момент меня, как молния, пронзила мысль, которая почему-то не пришла голову раньше: «Время-то мерзопакостное. А что если меня, как последнюю дуру, завезли сюда неизвестно зачем. Как бы не пожалеть потом о своём благодушии».

Но размышлять об этом надо было раньше. Мы поднялись на второй этаж, зашли в большую, обставленную роскошной мебелью, уютную комнату и подошли к стоящему в глубине, ломящемуся от изобилия яств, столу с резными изогнутыми ножками. Игорь Васильевич отодвинул стул и усадил меня за стол со словами: «Подождите несколько минут. Борис Вадимович сейчас освободится, а вы пока выпейте чего-нибудь освежающего». И он налил какую-то шипящую жидкость в высокий узкий стакан.

На фоне повальной грубости, которая буквально захлестнула больную страну, эта предупредительность подкупала и я, успокоившись, стала поджидать хозяина.

И вот он появился из дальних дверей. Это был человек среднего роста, стройный, несколько полноватый, широкие плечи доказывали крепкое сложение. С первого взгляда в нём угадывалась волевая, сильная личность. Он был в зрелых годах, но довольно приятной наружности, с усталыми, тёмными глазами под округлыми бровями. В пристальном взгляде его угадывался ум, и в то же время чувствовалась некая настороженность. Походка была несколько небрежна и ленива, но он не размахивал руками, и я заметила, что ладони его рук были сжаты в кулаки.

Подойдя к столу, он, назвав себя, поцеловал мне руку и сел на диван напротив меня; его прямая спина при этом не согнулась, как будто внутри у него был какой-то стержень. Лицо его в этот момент осветилось добротой, взгляд смягчился, и на губах затеплилась извиняющаяся улыбка.

Выдав некоторое время, он сказал: «Я очень благодарен вам, Нелли, что не проигнорировали моё приглашение, и прошу меня извинить за внезапное вторжение в вашу жизнь. Я чрезвычайно занятой человек, и у меня просто не было другого способа познакомиться с вами и побеседовать наедине.

Выслушайте меня, не перебивая, и прежде чем ответить, не спешите и хорошо обдумайте мои слова. Я намерен сделать вам серьёзное предложение, которое заключается в следующем. После того, как несколько лет назад, в автомобильной катастрофе погибла моя вторая жена, я совершенно одинокий человек. Да, я не молод, на днях отметил своё шестидесятилетие, но ощущаю себя по-прежнему молодым, продолжаю надеяться и строю планы на будущее и, разумеется, не в одиночестве. Я могу обеспечить безбедное и счастливое будущее той, которая согласится разделить со мной радости и горести совместной жизни.

Вы поразительно похожи на мою погибшую жену, и когда я увидел вас, годы отступили, и во мне проснулись, задремавшие было силы. Так что, в вашей власти вернуть мне утраченное счастье. Через два часа я отбываю в Канаду на две недели. Если вы решитесь принять моё предложение, всё в этом доме в вашем распоряжении, можете себя чувствовать полной хозяйкой. Игорь Васильевич и его машина в вашем распоряжении. Оставляю вас и очень надеюсь увидеть после возвращения».

Он встал из-за стола, подойдя ко мне, вновь поцеловал руку, и такой же неспешной, вальяжной походкой пошёл к тем же дверям.

Я осталась за столом в полной обескураженности с ничего не соображающей головой. Во рту пересохло, перед глазамиплыли оранжевые круги, и сердце колотилось нещадно. Не могла понять, чего во мне было больше: возмущения от наглости такого предложения или потаённой радости от этой деликатной просьбы. Подошёл Игорь Васильевич, и я, так и не понимая до конца своего состояния, попросила отвезти меня домой.

Несколько дней я была не в силах отрешиться от слов совершенно незнакомого мне человека. Мысли наезжали одна на другую, и в этом хаосе я не находила спасительную ниточку, за которую следовало бы потянуть, чтобы распутать этот злосчастный клубок.

Нелли замолчала, видимо заново испытывая чувства, которые одолевали её в тот сложный и тяжёлый момент. Она старалась не показывать, что творилось у неё внутри. Было видно, что она старается говорить неторопливо, обстоятельно, не упуская ни одной детали. В её голосе чувствовалась неподдельная страсть, молодость. Она словно пыталась вновь и вновь в чём-то убедить себя, но иногда её лицо покрывала лёгкая бледнота, а в голосе проскальзывала грустная скорбь.

Словно бы очнувшись, она продолжила:

– Вдруг почувствовала себя Ларисой Огудаловой, бесприданницей Островского, в ушах непрерывно звучали слова Кнурова. Я помню всё, что он сказал, слово в слово: «Лариса Дмитриевна, выслушайте меня и не обижайтесь! Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку? И полное обеспечение на всю жизнь? Стида не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало».

На самом деле я получила практически такое же предложение, ведь пойти под венец мне не предложили. Я должна буду своим присутствием лишь восполнить потерю некогда любимого образа, даже без поездки в Париж.

Но ясно же, что не просто созерцательницей богатой жизни: платить придётся! Мне в ту пору ещё не было и двадцати и, конечно, Борис Вадимович, в свои шестьдесят, виделся мне полным стариком. Но он был богат, таких людей в моей жизни практически не было. В конце концов, Анна Каренина тоже жила со стариком, и невозможно предугадать, каким боком повернётся и ко мне моя жизнь и судьба. Я мучилась, не спала ночами, вспоминая все свои унижения, и решилась...

Сергей Сергеевич, прошу, поймите меня, ради всего Святого. Ведь это было самоотречение, даже можно сказать самопожертвование, поймите же! Я просто не могла поступить иначе.

Дней через десять я позвонила Игорю Васильевичу и попросила его отвезти меня в загородный дом Бориса Вадимовича. Вежливый Игорь Васильевич безо всяких расспросов доставил меня в коттедж и представил прислуге, как новую хозяйку дома. После этого, совершенно седой почтенный господин, видимо, старший над всеми домашними работниками, провёл меня по всем помещениям дома и проводил до моей комнаты. Поклонившись, и указав на сигнал вызова, он удалился со словами, что готов выполнить любое моё распоряжение.

Вернувшийся Борис Вадимович – мой покровитель и повелитель (сама захотела), не стал форсировать события, а попросил обывнуться, обжиться, перестроить что-то при необходимости и высказал лишь одну просьбу: «Нелли, ты абсолютно свободный человек, можешь продолжать жить по своему разумению, прошу лишь помнить о том, что в твоей жизни произошли серьёзные изменения, и вновь обрётённом тобой статусу необходимо всегда и всюду соответствовать».

И началась у меня беззаботная жизнь. Казалось, что передо мной распахнулись ворота рая: доступно всё, что только не пожелаешь. Я заметила, что даже преподаватели в институте стали ко мне менее придирчивы. Пожелания своего радетеля выполнить мне не составляло никакого труда, потому что к тому времени с подругами я уже разобралась, а парни, которые уделяли мне различные знаки внимания, не интересовали ни в каком качестве.

Беда была лишь одна, когда знаки внимания мне стал уделять гражданский супруг. Я буквально страдала, и привыкнуть к этому было так же трудно, как научиться нырять в прорубь в крещенский мороз. Моим спасеньем была его неимоверная занятость. И, всё равно, меня постоянно одолевала мысль о том, что это рано или поздно, но всё же должно кончиться.

Поскольку сочетаться со мной законным браком он не собирался, я, здраво рассудив, постаралась всеми способами обеспечить свою будущность. У меня появился солидный счёт в банке, и я смогла создать достойное существование своим родителям. Обогастила свою жизнь путешествиями по миру. Дважды в году я выбиралась за границу: раз в Европу, и еще одна поездка в какой-нибудь экзотический край, погреться на солнце и искупаться в тропических водах.

Однажды случилось неожиданное событие: я сама, вроде бы того не желая, нарушила данное обещание о соответствии.

Как-то, гуляя по Неаполю, я совершенно случайно познакомилась с приятным молодым человеком, который подошёл ко мне, и лучезарно улыбаясь, что-то говорил на итальянском языке. Мне были известны лишь традиционные приветствия итальянцев: второе по популярности после «чао» – «сальвэ», а также «буонджорно». Запоминается словосочетание очень легко: «буоно» – хороший, «джорно» – день. Я что-то сказала на русском, после чего улыбка на его лице заиграла ещё ярче.

Парень был из труппы одного из московских театров, гастролировавшего в эти дни в Неаполе. Был каким-то помощником, то ли режиссёра, то ли художественного руководителя – меня почему-то это совсем не интересовало, но ухаждёром он оказался знатным. Виктор, как он себя называл, с ударением на втором слоге, умел и рассказом увлечь, и придумкой развлечь. С ним не было скучно, к тому же он всегда был вежлив и галантен, а если и притворялся влюблённым, то делал это поистине искусно. Моя страстная натура не выдержала и поддалась соблазну.

Наши взаимоотношения продолжились и в Москве. Правда, виделись мы не часто, он очень боялся разоблачения. Охрана у моего мужа была внушительная и вышколенная, и если бы возникло какое-то подозрение, всё могло бы закончиться плачевно, возможно даже для нас обоих. Но судьбе было угодно распорядиться самым неожиданным образом: мой муж, не дожив до семидесяти лет, внезапно скончался от сердечной недостаточности, во всяком случае, так мне было сказано.

Всё своё состояние он оставил своим сыновьям и дочерям от первого и второго брака. Меня он тоже не забыл, оставив приличную сумму и какие-то акции. К тому времени у меня уже была великолепная двухкомнатная квартира в центре Москвы, в переулке Сивцев Вражек, и автомобиль «фольксваген».

Казалось бы, что теперь, когда я стала свободной, как птица, жить мне да поживать беззаботно и счастливо.

Не правда ли? – с вызовом глядя на меня, спросила Нелли.

Она была в сильном возбуждении. Раскраснелась, показалось даже, что она находится в состоянии аффекта, когда мало продумываются последствия совершаемого, в результате чего поведение человека становится импульсивным. Про такого человека говорят, что он не помнит себя, как бы находясь в беспомыслии. Налила себе полный бокал шампанского и большими глотками, как обычно пьют воду люди, замученные жаждой, выпила его. Я подумал тогда, что будь в бокале какой-то напиток покрепче, она выпила бы и его точно таким же образом. Немного поостыв, она продолжила:

– Счастье – вот оно. Оно стучится ко мне в дом. Стоит только распахнуть двери и впустить его, но... нет! Вы послушайте, Сергей Сергеевич, вы только послушайте, прошу вас. Казалось, теперь-то и отдать всю себя любимому человеку, стать объектом его обожания, не скрываться, не прятаться, любить дерзко, как мечталось в тайниках души многие годы ожиданий, жить с мужем одними устремлениями и быть, наконец, счастливым человеком. Просто жить и радоваться каждому дню...

Она на несколько секунд замолкла и проговорила с нескрываемой горечью:

– Однако вместе с непередаваемым чувством безграничной свободы, меня не покидает ощущение того, что я внезапно, оставшись без своего благодетеля, из беззаботной наездницы превратилась в рабочую лошадь.

И вновь после некоторой паузы закончила монолог в сильном возбуждении:

– Как же всё непросто на белом свете. Как же всё цинично, грязно и пошло, как всё подло, Сергей Сергеевич. Как всё глупо! Я так несчастна, поверьте мне, я бесконечно несчастна! На моём пути вновь преграда. И снова я чувствую, что счастье лишь коснувшись меня, опять далеко, далеко. Боже мой, когда только кончатся эти мучения?

У меня душа рвётся на части. Боже, за что мне эти муки?!

Мне казалось, что она готова была разрыдаться.

Эта её длинная экспрессивная тирада озадачила и заинтриговала меня. Мне Нелли было искренне жаль, и, глядя на её вздымающуюся грудь, хотелось всей душой облегчить как-то эти ужасные страдания. Я не выдержал и спросил:

– Но что же это такое? Что стало на вашем пути? Прошу вас, говорите? Что же?

– Другой богатый старец... Компаньон моего ушедшего мужа недавно сделал мне предложение.

Она, замолкнув, смотрела на меня широко открытыми глазами, которые были влажными от душевных переживаний, и в них легко угадывался вопрос, который вскоре и позвучал:

– Так вот, дорогой Сергей Сергеевич. Теперь, когда вы знаете всё, умоляю вас дать мне разумный совет: что же мне теперь делать?

Но я, удивлённый и ошарашенный, молчал, склонив голову, замерев в глухой задумчивости...

Андрей ФЕФЕЛОВ**МЕДВЕДЬ-ШАТУН**

Собрались как-то мы с Григорием и его другом Эриком съездить на рыбалку. Эрик - плотно сбитый мужчина, отмеченный серебристой сединой почтенного возраста, с которым я до этого не был знаком. Его удивительно пронизывающий взгляд бегло окинул меня с головы до пят. Озеро выбрали хорошо нам известное – не раз бывали. Рыбы там хоть пруд пруди! Добравшись до места, Григорий и я облюбовали небольшой песчаный мысок, выделяющийся среди берегового рельефа. Эрик же, решил обосноваться на небольшом склоне, где, по его мнению, будет хороший клёв, да и открывающийся с него вид не мог не покорить своей красотой и величием. Расположившись на своих походных стульях и поглядывая на поплавки, разговорились.

– Хотел бы рассказать тебе о моем друге, – предложил Григорий, – не возражаешь?

– С удовольствием послушаю, – согласился я.

– Эрик, – продолжил он, – не простой литературный деятель. У него за плечами немало прозы, стихов и переводов! Длительное время он работал в литературном журнале – рецензировал молодых, по-разному одаренных начинающих поэтов, но всех, без исключения, считающих себя выдающимися личностями. Его переводы на английский язык нашего великого Пушкина занимают почетное место в библиотеке Оксфорда. Он – внимательный и пронизывающий собеседник, не взирая на все титулы и награды, отличается отменным чувством юмора. Кстати, был приятелем самого Александра Иванова, помнишь такого?

– Пародиста?! Кто ж его не помнит, я и сам когда-то принял участие в телевизионном конкурсе на лучшую эпиграмму.

– Прочтешь? – Попросил Григорий.

– Запросто.

Коль возомнишь себя поэтом,

Мой друг, не стоит забывать:

Сан Саныч жив еще на Свете -

При нём не станешь Музу звать!

– Здорово! – Похвалил Григорий. – Не буду долго распространяться об Эрике, отмечу лишь, что он предпочитает о многом умалчивать, а ведь удивительно талантливый, многого достигший, но никогда этим не кичится, считая литературные подвиги жизненным испытанием. Любит ездить со мной на рыбалку: расположится где-нибудь в сторонке, закинет удочку и замирает от красоты окружающего мира, а может черпает из него свои новые романы, детективы или просто фантазирует.

Мне не терпелось узнать побольше об этом человеке.

– Пойдем спросим, как его успехи, – предложил я.

Мы подошли к Эрику, взгляд которого был действительно устремлен куда-то вдаль. Я не успел и рта раскрыть, как он неожиданно вышел из оцепенения и спросил:

– А что, Григорий, здесь поди и медведи водятся?

– Местные говорили, что видели их неподалёку, – отозвался Григорий.

– Да уж, медведи... – Протянул Эрик и поведал нам удивительную историю из своей жизни. – Было мне тогда двадцать лет. Любил ездить в экспедиции. В самые разнообразные. Романтики захотелось. Палатки, костры, гитара... Обо всём этом пришлось сразу забыть – ничего там, кроме тяжёлой работы, не существовало. Зарабатывал, правда, неплохо. Как-то ранней весной оказался с лесной экспедицией в Сибири. Было нас пять человек: два учёных – всем руководивший Пётр, отчества не помню, Ильинский – ещё один лесовод, охотник, рабочий Николай и ваш покорный слуга. В тот год я покинул строительный факультет одного из московских вузов, не моё это, где прошёл полный курс инженерной геодезии, так что в экспедиции отвечал за теодолитную съёмку – измерял высоту недоступных деревьев. Лагерь поставили на опушке леса – до ближайшей деревни часа два ходьбы.

– Сибирь большая, – прервал рассказ Григорий, – можешь поконкретней?

– Могу. Вёрст двести на северо-восток от Новосибирска. Работать уходили довольно далеко в густой, таёжный лес. Договорились с военными, и они по радио каждое утро сообщали прогноз погоды. Очень, кстати, точный. Первые дней десять работали как проклятые и решили устроить выходной. Но вот незадача: теодолит забыли на последнем месте съёмки, километрах в пяти-шести от лагеря. Оставлять прибор без присмотра Ильинский не разрешил и отправил за ним меня и Николая. Мы и выдвинулись. У меня были с собой часы с шутейным компасом на ремешке, охотничий нож, моток крепкой верёвки, пачка сигарет, коробка спичек и фляжка, наполовину наполненная чистым спиртом – набор, с которым я, будучи в экспедициях, никогда не расставался. Шли, весело болтая о разных мелочах, ругая нашего охотника за то, что ружья не дал. Вот только прогноз погоды от военных проигнорировали – надеялись управиться за пару часов. Когда до места оставалось совсем немного, нас накрыл жуткий снегопад. Уже через несколько минут ничего вокруг невозможно было разобрать. Посовещавшись, решили идти обратно. Но как найти правильную дорогу? По рассказам старых таежников знали, что возвращаться надо по своим следам. Но следы-то наши засыпало! Судя по моему компасу шли, вроде, на восток – обратно, стало быть, надо двигаться на запад. Николай, однако, воспротивился. В итоге разругались и разошлись в разные стороны, что было роковой ошибкой для обоих. Я старался держаться западного направления. Идти было очень непросто – снега уже насыпало по колено, и он не собирался останавливаться. Такого обильного снегопада я не видел никогда в жизни. Совсем потерял ориентацию, но продолжал двигаться. Точно знал одно: останавливаться нельзя ни в коем случае! Срезал добрую жердину и привязал к ней нож: мало ли кого в лесу неожиданно встретишь! Сколько шел – не скажу, но, вдруг, увидел нечто, по очертаниям похожее на дом. Ну, подумал, не померещилось ли глазам, забитым хлопьями снега? Когда подошёл поближе и рассмотрел получше, то увидел перед собой избу, зимовье охотников скорее всего. Дверь открывалась наружу. Изрядно повозился, освобождая дверь от нанесенного снега. Благо замков в тайге не бывает, просто подпирают дверь снаружи шестом, чтобы зверь какой не напакостил. Вошёл, огляделся: печь, дрова, нары с какой-то ветошью отдаленно похожей на одеяла. Под потолком привязан мешок, в котором нашел сухари,

немного крупы, соль и пучки иван-чая. Следы серых грызунов были повсюду, поэтому и убрали подальше от их вечно жующих зубов. Охотники всегда оставляют припасы, на случай если кто забредет без сил и продуктов. Как же я был им благодарен! Набрал снега, растопил печь, на которой стоял котелок, и вскипятил себе чай. С каким блаженством я пил этот спасительный, растекающийся по всему телу, напиток! Согрелся, обсох, закутался в тряпье и уснул. Проснулся от завывания ветра - снежный ураган не унимался. Сколько еще будет меня сторожить выюга в этой избушке? Потянулись дни, которые я отмечал зарубками на своей жердине. Однажды послышался или померещился скрип снега. Охотники? Но, когда услышал медвежий рев, стало не по себе. Шатун! Сердце бешено заколотилось и, казалось, сместилось ближе к пяткам. Утешало одно – избу срубили на славу, из прочных бревен. Попробовав дверь, медведь решил искать другой ход. Крыша избы была немного оторвана от стен, стропила не опирались на обвязку, и получался небольшой зазор между срубом и стропилами, где и показалась его морда. В лихорадочное сознание пришла идея – огонь! Намотав на жердь тряпок, облив спиртом, я сделал факел и сунул в оскаленную медвежью морду. Взревев от боли, он рассвирепел и стал рвать когтями и зубами бревно избы, пытаясь найти слабое место. Сколько раз он обходил избу по кругу, как долго я метался с факелом внутри, пресекая его попытки добраться до меня – не помню... Очнулся затемно, всё ещё сжимая в руках спасительный, но уже потухший факел. С ужасом прислушался – тихо. Неужели ушел? Никак не мог поверить, осознать, что избежал когтей и клыков шатуна. Осмелев, выглянул из избушки – выюга успокоилась, повсюду виднелись следы косолапого, да рваные щепки. Психика моя сильно пошатнулась, стали мерещиться всякие видения, галлюцинации, чьи-то голоса и пение ангелов. В бредовом сознании постоянно мелькал вопрос: неужели готовлюсь к встрече с Богом? Нашли меня на одиннадцатый день, благо кто-то из местных вспомнил об этом зимовье. Зарубок на жердине было семь. Четыре дня, выходит, находился в полной прострации. Когда немного оклемался, спросил о судьбе Коли. Его так и не нашли: либо встретился с медведем либо замерз где... Ушел, словом, в небытие. Вот такая история, после которой я многое пересмотрел для себя по жизни – подытожил Эрик, будто заново пережив встречу с медведем-шатуном.

– М-да, – только и смогли мы с Григорием выдать из себя.

Ярослав КАУРОВ

Ярослав Валерьевич Кауров – доктор медицинских наук, член Союза Писателей России, Литературного фонда России, Международного Литературного фонда, Союза профессиональных литераторов.

Живёт в Нижнем Новгороде. Один из создателей «Театра поэтов». Автор нескольких стихотворных сборников, печатался во многих газетах, журналах и альманахах.

Один из авторов, включенных в антологию «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..», антологию восьмистиший "Бесконечный свет", антологию военно-патриотической поэзии «Армейские победные зарницы», подготовленную к печати Военно-художественной студией писателей Минобороны РФ. Все материалы о «Театре поэтов» –

тексты стихов, фотографии, песни, радиоспектакли размещены на сайте teatrpoeetov.com..

ЮРОДИВЫЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Главы из повести

Вступление

Уважаемый читатель! Автор просит относиться к этой коротенькой повести как к художественному произведению. И хотя описанное – на девяносто процентов правда, в текст целенаправленно внесены неточности, и, даже в силу ряда не обсуждаемых причин, – ошибки. Надеюсь, опытные люди меня поймут. Автор так же постарался сохранить мелодику и ритмику языка героев повести. Эти люди не говорят цветастыми длинными фразами, речь их немногословна и точна, как приказы на поле боя.

По откосам и кремлю, старым купеческим улицам и новостройкам, промзонам и музеям Нижнего Новгорода вот уже почти полста лет гулял одетый в военизированные обноски не первой свежести, похожий на колобок и перекасти-поле, человек с много раз перебитым носом, худым счастливым лицом и светящимися правдой глазами. Порою, он надолго пропадал: иногда на месяцы, иногда на год-два. Возвращался воодушевлённый и наполненный новой внутренней силой, которой, казалось, не было преград. Походка вперевалочку выдавала его абсолютно свободный статус художника жизни. То носил он милицейскую форму, то «зелёнку» с дикими шевронами, то казачьи лампасы. Многие представители закона здоровались с ним тепло и уважительно. Часто он шёл окружённый молодыми людьми в похожей одежде, «глядевшими ему в рот» с восхищением и обожанием.

Времена диктуют не только нравы, моды, философствования и технические средства. Времена выбирают своих святых, мучеников и победителей. Юра Евстигнеев, а описываем мы именно его, – пассионарий и юродивый нашего времени. Юра умел драться, и дрался он гениально. Кличку-позывной он заработал себе – Терминатор. А еще, вследствие своей пассионарности, он умел быстро и просто научить драться большинство российских мужиков. В этом он был непревзойдённый художник и поэт. Пользовались его даром и милиция, и спецподразделения. «Даром» – является главным и ключевым словом, потому, что Юра был бессеребренником, и платили ему всегда гроши.

Как-то Юра с полгода участвовал в чеченской военной компании.

– Ну и как, заработал что-нибудь? – спросил я его.

– Да ты что! Ещё и должен остался.

– За что? – не выдержал я.

– Ну как? Я же там ел, мне форму выдали.

– Чего же ты туда ездил? – попросту спросил я у него.

– Ты не представляешь! – пафосно провозгласил он. – Артиллерия за нас! Авиация за нас! «Воюй – не хочу!» А пусть все знают: нас трогать – себе дороже!

Ещё только вернувшись после военных событий в Карабахе, Юра пошёл работать в милицию и совершил там необычный поступок. Он застрелил двух воров. Как на поле боя, вызвал их на перестрелку и убил. Стрелял Евстигнеев очень хорошо. Формально он защищался, но начальство в ужасе поняло, что такими темпами он лишит их работы. Больше его из дежурки РОВД не выпускали, но и тут он ухитрился проводить воспитательную работу. О том, как Терминатор дрался, рассказывает один случай. Казаки всегда подрабатывали охранниками. Так они охраняли в девяностую Областную больницу им. Семашко. И вот в Юрину смену шестеро гопников, а они были крепкими ребятами, решили нагробить медсестре приёмного покоя. Из коптёрки вылетел ликующий Терминатор с напарником. И хотя напарник отстал лишь на несколько шагов, к его прибытию все шестеро хулиганов в разных нелепых позах ползали по полу.

За долгое время своей незаметной службы Родине, Евстигнеев завел себе не только толпы друзей, но и кучу болезней. Он весил около стапятидесяти килограмм. При этом неплохо бегал кросс. Но ноги не вечны, – стали отказывать вены, а именно клапаны вен. Юра оперировался, снова уезжал на очередную войну, снова оперировался. В конце концов, он заплатил за бариатрическую операцию на желудке. Сделали шунтирование желудка, и теперь часть пищи шла напрямую, и Юра сильно похудел. Однако ноги и позвоночник были всё равно изношены. Но парадокс состоял в том, что жить, не защищая Родину, он, как православный и патриот, не мог. Не мог физически.

Юра понимал, что с такими ногами в разведку ему уже нельзя. Решил положиться на судьбу – куда Бог пошлёт, туда и пойду.

Шестого июля 2022 года Юра от Автозаводского военкомата в числе добровольцев приехал на автобусе в Новополино (поворот шоссе на Пулино). С трёх сторон территория была огорожена новеньким забором, с четвёртой – забора не было совсем. Можно было пройти через КПП, а можно просто обойти. Кстати, за водкой именно так и ходили.

В Новополино был военный городок: пятиэтажки, выкрашенные в светло бежевый цвет. Штаб – обшарпанный, зато казармы – шикарные. Кубрик – от 8 до 12 человек. Выходишь из комнаты, тут же – туалет, тут же – душ, сушилка и кладовая. Территория вытоптана. Везде пыль.

Экипировали Юру очень богато. В три огромных баула вошли: спальный мешок, бельё, куртки, свитеры, тёплые и простые штаны, ботинки, плащпалатки. Даже очень приличный нож.

На второй же день бросили на стрельбище, пешком. В один конец дорога – 15 километров. Туда – 15, обратно – 15. Два раза сходили – две трети личного состава стёрли ноги. Мужикам это не понравилось. Начали ходить в тапочках, кедах, лыжах, босиком, в сланцах. Приехали представители части, начали грубить (а среди призывавшихся и добровольцев – взрослые мужчины, начальники цехов, они сами кого хочешь застроят). Короче, застроили приехавших, как-то отбились.

Как-то в казарму зашёл старший сержант из контратников

– Кто у нас Евстигнеев?

– Я.

– Я слышал, что Вы воевали?

– Да.

– Где воевали?

– Карабах, Приднестровье, две Чечни, Донбасс. Вот документы. – У Юры всё было запротоколировано.

В первый раз Юру привели к командиру части. Тот уже задал более крутой вопрос.

– Командиром роты пойдёшь?

– Какой роты?

– Сапёрной.

Капитан отправил представление.

С представлением Юра, вероятно, по здоровью не прошёл. Капитан так и сказал:

– Кинули. Ты мне по душе, но не «сраслось».

– А почему?

– Не знаю. Не моя тема.

Ну, по крайней мере, честно.

Собрались. Переехали в «учебку», аж за Рысково. Полковник Питерский «замБога по сапёрной работе», знаком с Конторовичем Александром Сергеевичем. Низенький, старенький, стройненький, в очках, седые усы. И сын у него такой же маленький. По сапёрному делу оба – монстры. Сын в конце организовал учебный заход на партизанский лагерь: устроил минное поле; даже наученный Юра на его mine «подорвался». Учил, как из обычных мин сделать летающие: идёшь по дороге, а мина в пятидесяти метрах от тебя срабатывает, вылетает и взрывается над дорогой.

Как-то Юра вышел во двор. На бревне сидел мужик. По пояс голый, здоровенный. Полковник Муромцев.

Юра пожаловался на незнание офицерами тактики. Например, уличного боя.

– А ты что специалист? – спросил здоровенный.

– Да уж не институтка, – хмыкнул Юра, и тут его понесло. – Заход в город – это как заход в горы. Когда заходят в город, нужен концентрированный огонь по всем огневым точкам. Но по очереди. Стоит дом, в нём три-пять этажей полностью забиты огневыми точками, на разных этажах от пяти до двадцати огневых точек. Предположим, огонь из дома ведётся из разных окон по разным секторам. Первыми выбиваются огневые точки, обрабатывающие именно конкретный сектор. Потом огонь переносится на следующие точки, работающие по другим секторам.

Туда бьёт три-пять танков, шесть-восемь артиллерийских. Пять-шесть «савушек». Туда уже соваться бояться. А другую сторону дома ещё и «грады» обрабатывают. Противотанковые управляемые ракеты (ПТУР) их бьют снарядами: от кумулятивных, до термобарических.

Один дом так отработали, – перешли на другой. Если точка «оживла» – снова все скопом в один момент бьют по ней. Так заходят и в город, и в горы.

Муромцев оказался из инспекторской группы «Инженерный поиск России». Он вывел Евстигнеева на полковника Романа Евгеньевича Чирова.

– Тебя как зовут?

– Юра.

– А, зачем это тебе, Юра? – спросил Чиров.

– Что зачем?

– На войну тебе зачем?

– Как зачем? Привычка. Я всю жизнь на войне. У меня казачий род.

– Понятно... – полковник сказал это так, как будто слова о казачестве сразу всё объясняли.

– Ты извини, на занятия ты больше не пойдёшь. Будешь сам учить.

– Но минно-взрывное дело хотелось бы освоить.

– Хорошо. Это посещать будешь.

Так Терминатор освоил минно-взрывное дело. По минированию знания оказались обширными, по разминированию – посредственные, не хватило времени.

Пока Юра был в «учебке» снова преподавателем, его два раза пробовали представить к офицерскому званию. И хотя всё командование полка было за решение этого вопроса, всё же, – не прокатило, звание не дали.

После «учебки» Юру вернули в прежнее расположение, а там на него «повесили» «нарушение субординации»:

– Ты перепрыгнул через голову начальства!

Дальше в конце сентября через Таганрог попали на Украину.

Еще на станции зашли в кафе. Взяли по порции борща. Спутники Юры дёрнулись заказать второе. Евстигнеев уговорил их не торопиться: «Сначала съешьте, потом закажете, если сумеете». Густого ароматнейшего борща принесли такую порцию, что её одну доест, надо было ещё постараться. Запах чудный. Цвет самоцветов. Мясо не свинина, но в бульоне маленькие кусочки салца плавают. Конечно, с одного борща все наелись. А что вы хотите – юг России.

Пока личный состав отдыхал, Юра начал вспоминать свои прошлые приключения на Донбассе. Воспоминания накатывали не подряд, а фрагментарно, цепляясь не за время, а за похожесть сюжетов и яркие фигуры людей.

Вспомнилось, как сбегав из госпиталя после контузии, он в очередной раз попал в переделку. Евстигнеев прибил к какой-то части.

– Вторым номером на пулемёт, на «Корд» (русский крупнокалиберный пулемёт с ленточным питанием) пойдёшь?

Юра согласился.

Со стороны Песок перед блокпостом ушли в сторону. И напоролась на колонну «укропов». Длинная колонна техники. Только танков около двадцати штук. Сбоку стояла пятиэтажка. Спрятались за неё. Из-за пятиэтажки вышел танк.

С пикапа пулемёт бил точно и передвигался шустро. Команда прикрывала пулемётчика с позывным «Рома Танк», почти двухметрового дядю, специалиста по сжиганию танков.

Бойца послали в лесополосу по ходу движения с РПГ-18 «Муха» (реактивная противотанковая граната).

Танк выдвинулся, и ему зарядили из пулемёта в заднюю звёздочку, толкающую гусеницы. Крупнокалиберные патроны из КОРДа порвали звездочку в клочья. Гусеница сползла. Танк повернул башню и навёл дуло на пикап.

– Пожил, и будет, – подумал Юра о себе в это мгновение.

Из лесополосы по колонне ударила «Муха». И вся колонна жახнула по лесополосе. В падающее дерево попадало несколько снарядов. Там царил АД.

Рома перенёс огонь на техническое отверстие в середине танка. В этом месте под бронёй была карусель, подающая снаряды. Сдетанировал боекомплект и танк был выжжен изнутри в одно мгновение. Башня ушла вверх метров на сто. Продолжения пикап ждать не стал и рванул вбок.

Колонна с полминуты постояла и ушла обратно в Укропию. Потом эту колонну накрыли «Грады». Никого не осталось.

Как выжил боец с позывным «Тетерев», бывший из лесополосы из «Мухи», никто понять не мог. Когда его спросили, он в серьёз ответил:

– Вот, как Астерикс и Обеликс бегают, только быстрее.

Ещё эпизод. Вдруг останавливается машина, выходит сам «Рязань» – удивительно способный и везучий командир, с которым Юра прошёл не одно сражение.

– Вы чего здесь делаете? А ну, поехали со мной! – таким командирам, как «Рязань», лучше не перечить.

Приехали обратно в Дмитровку, а там личный состав. А у Рязанских бойцов Евстигнеев был в авторитете после того, как с двумя пистолетами натворил дел.

Авторитет у Юры был серьёзный. Мало того, что он выжил в тылу у «укропов», когда его забыли на посту и уехали, изведя боекомплект миномётов, мало того, что он ездил на Донбасс из года в год, Юра ещё умел зачищать наиболее надоевшие блокпосты противника. Стрелял Евстигнеев с двух рук изумительно, но кроме того, имел актёрский талант. На войне жалеть противника нельзя. Смелка военной поры максимально жестока.

С его тогда ещё отяжелевшей фигурой, с большими ногами, перемотанными всё время эластичными компрессионными бинтами, старческую походку Юра мог и не изображать. Худое лицо, перекошенное многими переломами носа, возраста не имело. Он отрачивал хиленькую бородёнку, одевался как бож. Из штанины постоянно выбивался и волочился по земле бинт. Нещадно хромая, Юра без всякого грима изображал полубезумного старика. Так, задавая идиотские вопросы, он попадал на блокпост. В этот момент товарищи Юры начинали по ту сторону фронта шуметь. «Укропы» отвлекались, и от Евстигнеевских пуль не уходил никто.

Юра тогда организовал для бойцов секцию по рукопашному бою и стрельбе с двух рук.

Вообще, то что «укропов» постепенно стали называть просто немцами – показательно. Это прошла между нами граница. Они навсегда записаны в «чужие». Ведь слово «немец» означает, что человек не знает русского языка. Оно сначала и произносилось с ударением на второй слог. НемЕц! Человек НЕМ! К «немцам» относились и англичане, и голландцы, и испанцы. Украинцы отказались от русского языка и стали «немцами». А «немцы» – враги! Их надо просто бить!

У Юры есть друг Александр Сергеевич Конторович. Познакомились они на Донбассе в 2015 году. Александр Сергеевич, как его тезка Пушкин, писатель, причём чрезвычайно популярный. Он создал совершенно новое направление в приключенческой литературе. Это сочетание эффектности захватывающего сюжета и скрупулёзной профессиональной точности и глубины проработки материала.

Понимание того, какие отношения сложились между Александром Сергеевичем и Юрой, даёт возможность осознать, как устроен русский мир, как создана русская ментальность и духовность. Можно было бы описать эти отношения как взаимодействие учителя и ученика, и, безусловно, Конторович – это учитель учителей. Но, Юра стал таким, какой он есть, задолго до их знакомства. Командир и подчинённый? Нет, тоже не то, хотя Конторович – явно ведущий. Два друга? Конечно! Но, разница между ними столь велика, что это слишком бросается в глаза: Конторович – блистательно успешен, Юра – нищ, гол и бос. Конторович – сам создаёт удачу, Юра – неудачник во всём, что касается лично его и спаситель для других.

Кто более велик в истории России архипастырь или юродивый, друг Ивана Грозного Филипп или Василий Блаженный?

Приходишь к тому, что это два взаимно дополняющих примера безграничного служения Родине. Именно такие люди создают Россию и продляют её бесконечную жизнь.

Но это другой путь, это, я повторяю, путь «противления злу насилием». Я всегда любил повторять: «Если ты умный, то должен быть сильным». Для многих – это стало девизом.

Сейчас на западе любят повторять, что Россия понимает только агрессивную силу, иными словами только палку. Западные аналитики правы, русские слишком долго относятся к партнёрам по-доброму, дружески. Но, если Россия поймет, что имеет дело с врагом, если ему удастся разъяснить ей это, она уничтожит его тут же.

Александр Сергеевич – профессионал в тех тонкостях военного искусства, которые описывает. Более того, некоторые эти технические и тактические находки сам и изобрёл. Им написанный роман становится учебником, а учебник – романом.

Александр Сергеевич – Член совета по фантастике Союза писателей России, член Союза писателей ДНР, старший офицер (по понятным причинам мы не будем уточнять звание), участвовал в подготовке сотрудников центра специального назначения Абхазии, инструктор по оперативно-тактической, минно-взрывной, диверсионной и противодиверсионной деятельности батальона «Брянка», бригады «Призрак» ЛНР, автор 6 патентов (совместных) на изобретения устройств для предотвращения террористических актов.

Участвовал в войне в Абхазии, на Донбассе. В Чеченскую войну недолго служил в охране генерала Лебеда А.И.

С 12 лет проходил подготовку в «Группе свободного поиска» «Всесоюзного астрономо-геодезического общества». В 14 лет ходил на Эльбрус. Испытывали высокотехнологическую аппаратуру в тяжёлых климатических условиях, в условиях высокогорья.

А ещё Конторович закончил школу каскадёров Юрия Сальникова, первый выпуск... Учили прыгать в воду с 20-ти метровых высоты, стрелять из лука, арбалета, драться... Ну, много чему... Это была самая обширная подготовка каскадёров на тот момент.

Далее работал в «Арли спецтехника», контора была аккредитована при всех наших силовых структурах. Арли – Аркадий Лившиц. По имени директора.

Принимал участие в разработках, приезжал, когда это было нужно. Хотя уже не являлся официальным участником фирмы. Некоторые из тех разработок не превзойдены и сейчас. Патенты были зонтичные, закрывали всё в этой области. Ничего нового в обход них придумать уже нельзя. Удалось вернуть к жизни оружие, забытое ныне, – арбалет. Александр Сергеевич на основе обыкновенного арбалета сделал устройство дистанционного разминирования "Блесна". Оно оказалось чрезвычайно эффективным и спасло немало жизней людям. Оно было немедленно принято на вооружение МВД и ряда спецподразделений, и используется по сей день.

Умудрялись забрасывать с помощью него "кошку" и тралить проходы в минных полях. Сделали "кошку", которая проползает через забор из колючей проволоки и снижает 90% всех существующих растяжек. Устройство получило золотую медаль на Парижской выставке антитеррористического оборудования. Закинули её с помощью арбалета, метров на 80, и протралили, таким образом, полосу для прохода. Разносили в клочья с помощью арбалета чемодан со взрывчаткой, причём детонатор не успевал сработать.

Во многие поездки Конторович и Евстигнеев стали ездить вместе. Александр Сергеевич учил тактике и взрывному делу, а Терминатор рукопашке и стрельбе. В конце концов, Юра стал у Конторовича кем-то вроде Санчо Пансо.

Как-то Александру Сергеевичу из Абхазии прислали огромную бутылку чудного вина. На денёк приехал к нему в гости из Нижнего Новгорода Юра Евстигнеев. Юра подружился с этой бутылкой, и прожил в огромной квартире Конторовича безвыходно неделю.

Но были и абсолютно военные воспоминания. Авторитет растёт не на голом месте.

Однажды Александр Сергеевич с Юрой обучали подразделение, находящееся на самом передке. К позициям примыкала роща, в которую повадились бродить «укропы». Беспokoящий огонь вбок очень надоел казакам.

Александр Сергеевич! Дорогой войди в положение. Мы рощу уже минировали, но эти гады мины чувят и обходят. Караулить их там – людей нет. Помогите! Заминируйте по-своему! Скольких ребят уже потеряли!

Времени у Конторовича не было. Но через несколько дней он сходил в рощу.

– Скажете мне, когда «укропы» туда зайдут, – коротко сказал он.

Конторович применил какую-то систему вроде «Гроздей малины». Не буду перевирать название, да вам это и не нужно.

Александру Сергеевичу сообщили, когда в рощу зашли чуть более тридцати «укропов». Никто из них не вернулся.

Но вернёмся в 2022 год.

Только Юра заснул, их подняли и увезли в другое место в Новоандеевку. Потом под Угледар, в Павловку.

Затем была поставлена задача двумя «Горынычами» очистить два прохода в минных полях для наступления. «Змей Горыныч» – это оружие, установка разминирования УР-77 «Метеорит». Каждая УР-77 кидает тонну восьмьсот килограмм взрывчатки. Бьют метров на пятьсот минимум. Подразделению Евстигнеева поручили организовать дымовую завесу.

«Горынычи» своё дело сделали, но наступать стали на другом участке, и много народа погибло. Павловку взяли.

Но после офицеры, противодействовавшие присвоению Юре офицерского звания, снова подняли вой: «Евстигнеев подрывает их авторитет перед подчинёнными, нарушает субординацию!»

А тут у Юры снова разболелись оперированные много раз ноги. Возникла возможность уйти. И Юра лёг на лечение в госпиталь в Питере. Оттуда возвратился в конце сентября в Нижний Новгород.

Эпилог

Как несовременно в нашем мире не заниматься высоким, интеллектуальным, модным, продвинутым бизнесом. Как глупо не думать о себе и своей семье. Да это просто безответственно. В разные времена юродивые занимались разными делами. В средневековые они носили лохмотья, а то и щеголяли голышом. Голодали и болели. Некоторые носили врезавшиеся в тела железные неподъёмные вериги. Времена меняются. Сейчас оборванцы в стразах тусуются в самых модных клубах вместе с узаконенными ворами. Но юродивые нашего времени не они. Юродивый вопреки общему мнению говорит правду, творит правду, бесстрашно, безоглядно. Он ничего не боится! Он любит Родину так органично, словно ничего другого не может и быть. И в наше время неорганизованные защитники Отечества, проповедующие сопротивление злу насилием, это ЮРОДИВЫЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ! Это и Юра Евстигнеев, и гениальный успешный писатель Александр Сергеевич Конторович, их мало, но, к нашему счастью, достаточно. Именно ими жива Россия.

А Юра? Юра опять на Донбассе.

Владимир ЛЕОНОВ

ТАРАС БУЛЬБА – ЗНАМЯ ИЛИ ЖУПЕЛ?

С таким названием осенью 2022 года вышла моя книга. Нисколько не удивляюсь тому, что даже постановка такого вопроса вызывает, мягко говоря, возмущение у поклонников Николая Васильевича Гоголя. Бог им судья. А я осмелюсь им предложить очень внимательно прочитать и осмыслить написанное в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Причём отнестись к ней так, словно впервые узнали о её существовании и не знакомы ни с какими оценками и версиями её толкования, тем более с официально принятой в России. Предлагаю осмыслить повесть только на основании своего восприятия и понимания её содержания.

Провести такую работу меня побудил фильм «Тарас Бульба» режиссёра В.В. Бортко. Скажу откровенно, что досмотреть до конца этот фильм у меня не хватило сил. В нём нет действительно русского героя, русских казаков, которыми можно было бы гордиться. Показана кучка омерзительных разбойников, ведущих разгульный образ жизни, погрязших в пьянстве, совершающих набеги на мирные города и сёла и время от времени кричащих о любви к Русской земле и преданности ей и русской православной вере. Много жутких, кровавых эпизодов. Подумал, что это очередное современное очернение русской истории, русского характера, русского славного казачества.

Обратился к первоисточнику – к самой повести. Каково же было моё удивление и разочарование! Оказывается, фильм очень правдиво отразил то, что написано Н.В. Гоголем. Как-то жутко стало. Величайший русский писатель – и такое презрение к русскому народу! У него русские казаки – это сборище разбойников в Сечи, ведущих разгульный образ жизни: пропивают всё, что добывают в периодических разбойных набегах. Им ничего не нужно: ни семьи, ни благоустройства своего и Родины. Только жить в Сечи, пьянствовать и совершать набеги! И всё это они прикрывают громкими словами: «Постоим за Русь, за русскую святую православную веру!». А саму Русь они не желают обустраивать, а о вере они вспоминают, когда кончается награбленное и нужно идти за добычей. А то, что они при набегах проявляют, подобно фашистам, дикую жестокость, **оправдывается** призывами: «Постоим за нашу святую русскую веру!».

Не хочется думать, что у Гоголя это получилось случайно, что он хотел показать бесшабашную удалость казачества, его преданность вере и Отечеству, что такой образ жизни казачества и есть то великое достоинство нашего народа, которым нужно гордиться и восхищаться. Гоголь не такой. У него нет необдуманных слов, сюжетов, повествований. Значит, он и задумывал в этой повести выразить своё презрение к русскому народу и, в частности, к казачеству, а попутно ещё приложил и евреев, причём гипертрофированно.

Сомневаюсь в том, что у Гоголя имелись какие-либо достоверные первоисточники, детально (подчёркиваю – детально) описывающие бытовую и военную жизнь казаков в Сечи XV в. Все, что написано в повести, на мой взгляд, есть не что иное, как выдумка, причём целенаправленная, самого автора. И, значит, он осознанно изобразил выдуманный им разбойничий характер запорожских казаков, которые по сути своей являлись, говоря современным языком, бомжами. А сама Запорожская Сечь, изображённая Гоголем, была приютом этих бомжей, то есть Запорожским бомжатником. И никаких надежд на исправление «скотского» образа жизни Гоголь осознанно не даёт.

И только один народ у него в этой повести вызывает восхищение и умиление – это поляки. Когда сравниваешь описания русских, евреев и поляков, то явно видишь разные тона и краски авторского отношения к этим народам.

Приведу несколько наиболее характерных фрагментарных выдержек из повести, хотя вся она, каждая её страница, без исключения подтверждают моё мнение о замысле Гоголя.

ВРЕМЯ И МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Действия в повести разворачиваются якобы в XV веке на территории современной Украины и Польши. Причём эти земли Гоголь почему-то называет первобытной Россией и полукочующим углом Европы. И эти земли в XV веке якобы терзали набеги монгольских нехристианских хищников.

«Это был один из тех характеров (о Тарасе – **В.Л.**), которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами **монгольских** (? – **В.Л.**) хищников».

Согласно официальной истории, неукротимые опустошительные набеги «монгольских хищников» на Русь, в том числе южную, относятся к первой половине XIII века. Тогда же, по сведениям официальной истории, произошло полное порабощение и закабаление Руси – установилось, так называемое, татаро-монгольское иго. Прекратились многочисленные неукротимые набеги «монгольских хищников», на Руси установилась относительно спокойная жизнь, при которой строились монастыри, города, развивались промышленность, сельское хозяйство, искусство. Стараниями Александра Невского, Ивана Калиты, Дмитрия Донского создавалось Русское централизованное государство, возросшее могущество которого позволило избавиться от ига военным путём. В 1380 году произошла Куликовская битва, в результате которой Русь освободилась от ига «монгольских хищников». То есть во второй половине XIV века уже были полностью прекращены какие-либо неукротимые опустошительные набеги азиатских монгольских «хищников» на Русь. В XV веке (в 1480 году) «монгольскими хищниками» была предпринята последняя попытка набега на Русь. Закончилась она бесславно: постояли «хищники» на Угре, постояли и удалились восвояси. Иван III Великий не позволил им опустошить уже Московскую Русь, тем более дойти до южных российских земель. Эти сведения изложены во всех официальных исторических источниках. Таким образом, никаких монгольских хищников в бассейне Днепра в XV веке не могло быть, а сообщение Гоголя о них в вышеприведённой цитате является, мягко говоря, выдумкой, не соответствующей действительности.

Более того, согласно официальной исторической версии, в XV веке эти земли входили в состав цивилизованного государственного образования Великое княжество Литовское, великие князья которого считали себя русскими. А поляки здесь «очутились» только в 1569 году – возникла Речь Посполитая.

В связи с этим южная Россия XV века (территория современной Украины с Донбассом) не могла быть первобытной и полукочующим углом Европы и не была частью Польши. По моему убеждению, это была великая Русь, созданная Святославом, Ольгой, Владимиром Крестителем, Владимиром Мономахом, Ярославом Мудрым за полтысячелетия до времён Тарасовых! Вопрос: знал ли Гоголь историю Руси до XV века, да и после? Или же намеренно её искажил?

ИМЕНА ЗАПОРОЖЦЕВ

Печерица, Козолуп, Кирдяга, Густый, Ремень, Колопёр, Бородавка, Голокопытенко... Вот такие «прекрасные» имена православных русичей, которых Гоголь саркастически величает: *«степенные, уваженные по заслугам всю Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами»*, а также *«благородные витязи,*

отважные, храбрые рыцари, имеющие рыцарскую доблесть и честь». Не важно, это имена или прозвища. Других «обозначений» этих «рыцарей» писатель не даёт.

ХАРАКТЕРИСТИКА ТАРАСА

Итак, по разумению Гоголя, Тарас Бульба мог возникнуть только на диком, полукочующем, углу Европы, каковым являлась вся первобытная южная Россия XV века. Следовательно, и его характер должен был полностью соответствовать первобытному уровню развития России. Таковым его и «сотворил» великий писатель.

Отношение Тараса к образованию:

«Это все дрянь, чем набивают головы ваши; и академия, и все те книжки, буквари и философия – все это ка зна що, я плевать на все это!».

Отношение к семейной жизни:

«Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами в Запорожье, погулять... На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки?» Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки».

Отношение к панночке, ради которой Андрий предал свою Родину, мать, отца, друзей.

Вот что думает о ней наш русский, православный христианин, «законный защитник православия»:

«Но тут же вспомнил он, что не в меру было наклончиво сердце Андрия на женские речи, почувствовал скорбь и заклеялся сильно в душе против полячки, причаровавшей его сына. И выполнил бы он свою клятву: **не поглядел бы на ее красоту, вытасил бы ее за густую, пышную косу, поволок бы ее за собою по всему полю, между всех козаков. Избились бы о землю, окровавившись и покрывшись пылью, ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, что покрывают горные вершины. Разнес бы по частям он ее пышное, прекрасное тело**» (выделено мною – В. Л.)

По-моему, комментарии к этой изящной поэзии садистских мыслей Тараса излишни. Не думаю, что такие мысли Тараса Бульбы Гоголь считал достойными восхищения.

Речь Тараса перед битвой:

«– Я угощаю вас, паны-братья, – так сказал Бульба, – не в честь того, что вы сделали меня своим атаманом... Перед нами дела великого поту, великой козацкой доблести! Итак, вытъем, товарищи, **разом вытъем поперед всего за святую православную веру:** чтобы пришло наконец такое время, чтобы по всему свету разошлась и везде была бы одна **святая вера**, и все, сколько ни есть бусурменов, все бы сделали христианами! Да за одним уже разом вытъем и за Сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурменству ... **Так за веру, пане-братове, за веру!** ...

– Теперь **последний глоток, товарищи, за славу и за всех христиан, какие живут на свете!**» – продолжал Бульба. (выделено – В.Л.)

И такие, сотворённые писателем, устремления русского народа – покорить всё человечество и принудить его принять русскую «святую православную веру», по мнению Гоголя, должны восхищать всё человечество или, по крайней мере, православных христиан? Ну, не может существовать святая русская православная вера без того, чтобы за неё не выпили! Обязательно за неё должны православные христиане выпивать! – утверждает писатель.

Бульба продолжает:

«Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое

дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей». «Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а ... Нет, так любить никто не может!»

Конечно, что такое любовь, семья? – блажь, присущая только чужеземцам, зверям да гречкосеям. Православным козакам не нужна семья, не нужна семейная любовь. Они товарищи по духу, по своему разбойничьему духу. И уж точно таких товарищей-разбойников, как у русских, ни в каких землях нет.

«Благородные дела» Тараса после казни его сына Остапа:

«А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжгет восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие земли и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорожие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. "Ничего не жалейте!" – повторял только Тарас. Не уважали козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлых девич; у самых алтарей не могли спастись они: зажилал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки подымались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. "Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!" – приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении.»

И что же вело Тараса дорогой истребления всего и вся? Не свобода Украины, а только месть за Остапа! Вот что руководило им, а не православная вера и любовь к Русской земле. Этим самым Гоголь намеренно срывает с Тараса маску защитника Руси и святой православной веры и показывает его настоящую разбойничью сущность.

«Нет таких товарищей, как в Русской земле, – восклицает Тарас. – И так любить, как русская душа, никто не может... Не жалейте никого! Ибо только мы можем так любить! В том числе младенцев, сгораемых в кострах».

Неуёмна первобытная сущность русичей! Даже на костре Тарас не успокоился, а всё ещё грозил миру: «Прощайте, товарищи! ... – Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь **да хорошенько погуляйте!** Что, взяли, чертовы ляхи? Постойте же, придет время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! (как будто бы они уже не узнали – В. Л.) Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Вот так: трепещите, дальние и близкие народы, встаёт Русский царь, никому не спастись – он обладает ещё большей «любовью» русского православного человека! Хотя, казалось бы, куда ещё больше! Это ли не разжигание ненависти у всех народов мира к русскому народу?

ОПИСАНИЕ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

«Вся Сечь представляла необыкновенное явление. Это было какое-то непрерывное пиришество, бал, начавшийся шумно и потерявший конец свой... Оно не было какое-нибудь сборище бражников, напивавшихся с горя, но было просто какое-то бешеное

разгулье веселости. Всякий приходящий сюда позабывал и бросал все, что доколе его занимало. Он, можно сказать, плевал на все прошедшее и с жаром фанатика предавался воле и товариществу таких же, как сам, не имевших ни родных, ни угла, ни семейства, кроме вольного неба и вечного пира души своей... они сами собою кинули отцов и матерей и бежали из родительских домов... по благородному обычаю, не могли удержать в кармане своем копейки... имели благородное убеждение мыслить, что все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично БЛАГОРОДНО-МУ (выделено мной – **В. Л.**) человеку быть без битвы.»

Как только у запорожцев кончались деньги, они грабили жидов, проживающих в предместьях Сечи.

Ну чем не характеристика бомжей и бомжатника с «благородными» рыцарями-бомжами! Не налюбуешься на их неумное первобытное благородство!

«И часто в тех местах, где менее всего могли ожидать их (запорожцев – **В.Л.**), они появлялись вдруг – и все тогда прощалось с жизнью. Пожары охватывали деревни; скот и лошади, которые не уоялись за войсками, были избиваемы тут же на месте. Дыбом стал бы ныне волос от тех страшных знаков свирепства полудикого века, которые пронесли везде запорожцы. Избитые младенцы, обрезанные груди у женщин, содранная кожа с ног по колена у выпущенных на свободу.»

«...ходили по анатольским берегам, по крымским солончакам и степям, по всем речкам большим и малым, которые впадали в Днепр, по всем заходам и днепровским островам; бывали в молдавской, волошской, в турецкой земле; извездили все Черное море двухрульными козацкими челнами; нападали в пятьдесят челнов в ряд на богатейшие и превысокие корабли, перетопили немало турецких галер и много-много выстреляли порошу на своем веку. Не раз драли на онучи дорогие паволоки и оксамиты.»

Много награбили, но всё пропивали. «Всё спустили по-козацки, угощая весь мир и нанимая музыку, чтобы все веселилось, что ни есть на свете... Такие-то были козаки, захотевшие остаться и отомстить ляхам за верных товарищей и Христову веру». Это ли не издевательская насмешка Гоголя над русскими!

Слова Гоголя о том, что будет после разгрома запорожцев под городом Дубно:

«Будет, будет все поле с облогами и дорогами покрыто торчащими их белыми костями, щедро обмывшись козацкою их кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копыями. Далече раскинутся чубатые головы с перекрученными и запёкшимися в крови чубами, и запущенными книзу усами. Будут, налетев, орлы выдирать и выдергивать из них козацкие очи. Но добро великое (издевается Гоголь – **В. Л.**) в таком широко и вольно разметавшемся смертном ночлеге! Не погибнет ни одно великодушное (! – **В.Л.**) дело, и не пропадет, как малая порошинка с ружейного дула, козацкая слава».

Вот такая «козацкая слава», вот такое «добро великое», вот такие «великодушные дела»: обложили мирный город, садистски убивают детей, женщин, уничтожают деревни, города, поля, скот, посевы, совершают разрушительные, опустошительные набеги на русские, польские, турецкие и другие земли, всё награбленное добро пропивают за веру православную, угрожают всему миру покорением и установлением только своей русской православной веры – и за всё это им вечная слава, о которой долго в веках будет рассказывать седой бандурист.

В Малой Азии «Запорожцы переели и переломали весь виноград; в мечетях оставили целые кучи навозу».

Оценивая все «добрые, великодушные дела» запорожских разбойников, Гоголь восклицает: *«И пойдёт дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них»* (выделено – В.Л.). Конечно, заговорит, потому что страшно жить рядом с такими русскими «козаками». У каждого народа волосы встанут (или пойдут?) дыбом от этой славы.

«Не жалейте никого! За православных людей, за православную веру никого не жалейте!» И за такую любовь и жалость к людям Кукубенко уверен, что Христос посадит его одесную себя! *«Садись, Кукубенко, одесную меня! – скажет ему Христос, – ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал мою церковь»*. Гоголь как бы говорит, что у русских и Христос такой же разбойник, если сажает одесную себя душегубов и хранит такую Русскую землю. *«Пусть же после нас живут ещё лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!»* – восклицают погибающие запорожцы. Мол, мы жили хорошо на любимой Христом Русской земле, но пусть наши потомки живут ещё лучше. Это ли не очередная издёвка писателя! Христа-то зачем Гоголь «породнил» с бомжами-запорожцами?

О каких православных людях и православной вере говорит Бульба? Нормальные русские православные люди живут нормально, семьями, обустроивают быт, а если надо, встают на защиту себя и русской земли. А эти убийцы себя считают православными. Кто дал им право таким образом прославлять православие? Ответ может быть только один: Гоголь, чтобы убедить всех в варварстве русского народа.

О ПОЛЯКАХ

Гоголь описывает поляков, их земли, города с восхищением, с восторгом, применяя самые восхитительные эпитеты. У поляков и богатейшие земли и лучшие замки, и величественные аббатства, и храбрые витязи, один краше другого, и добрые и мудрые короли, которые случайно очутились на землях «первобытной России», преобразили их в процветающий цивилизованный край, *«...когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников»*,

«Короли польские, очутившиеся вместо удельных князей, властителями сих пространных земель, хотя и отдалёнными, и слабыми, поняли значение козаков и выгоды такой бранной сторожевой жизни. ... Под их отдаленною властью гетманы, избранные из числа самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи. Это не было строевое собранное войско, его бы никто не увидел; но в случае войны и общего движения в восемь дней, не больше, всякий являлся на коне, во всём своём вооружении, получая только червонец платы короля ... Кончился поход – воин уходил в луга, пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный козак. Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его. Не было ремесла, которого бы не знал козак». (выделено мною – В.Л.)

«Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы».

По утверждению Гоголя, местные (русские) князья не сумели сплотить народ на этом «полукочующем углу Европы» для сопротивления нехристианским хищникам, побросали всё и трусливо разбежались. Ну, что поделаешь – русские ведь! И не просто русские, а русские «всей южной первобытной России» XV века. Спасти всю первобытную Россию, конечно же, смогли только случайно очутившиеся здесь славные польские

короли – властители сих пространных земель. Да и ополченные козаки сих пространных земель, не в пример запорожским бомжам-разбойникам, были прилежными семьянинами и обладали необыкновенными способностями во всех мирных ремеслах, а в случае войны в течение восьми дней собирались в мощное ополчение.

У поляков даже часовые вполне приличные, цивилизованные люди: *«двое (в тюрьме – В.Л.) часовых играли в какую-то игру, состоявшую в том, что один другого бил двумя пальцами по ладони».*

А разве сравнится описание прекрасной панночки с описанием русской женщины – жены Тараса!

Жена Тараса: *«...слезы остановились в морщинах, изменивших ее когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века. ... Она терпела оскорбления, даже побои; ... она была какое-то странное существо в этом сборище безжизненных рыцарей ... Молодость без наслаждения мелькнула перед нею, и ее прекрасные свежие щеки и перси без лобзаний отцвели и покрылись преждевременными морщинами».*

Польская женщина: *«Он (Андрей – В.Л.) поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду: черноглазую и белую, как снег, озаренный утренним румянцем солнца. Она смеялась от всей души, и смех придавал сверкающую силу ее ослепительной красоте» ... «Прекрасная полячка..., красавица была ветрена, но глаза ее, глаза чудесные, пронзительно ясные...». «... ее чудные груди и плечи, блеском равные нетающим снегам, что покрывают горные вершины. ... ее пышное, прекрасное тело».*

Очень красочно преподнесён образ постепенного перехода Андрия из тёмного царства своей жизни в Сечи к светлому цивилизованному миру поляков: от спящей пьяной орды козаков чуть ли не ползком по тёмному, узкому подземному коридору, затем в небольшое подземное пространство, но уже немного освещённое цивилизованной лампадой у католической мадонны; потом в просторный светлый храм, в котором с горделивой кротостью и цивилизованным достоинством духа, молились поляки.

«У одного из алтарей, уставленного высокими подсвечниками и свечами, стоял на коленях священник и тихо молился. ... Окно с цветными стеклами, бывшее над алтарем, озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь. Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии; кадильный дым остановился на воздухе радужно освещенным облаком. Андрей не без изумления глядел из своего темного угла (вот оно: тьма – казачество и свет – поляки – В.Л.) на чудо, произведенное светом. В это время величественный рев органа наполнил вдруг всю церковь. Он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые ропоты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими потопными звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса, и потом опять обратился он в густой рев и гром и затих. И долго еще громовые ропоты носились, дрожа, под сводами, и дивился Андрей с полуоткрытым ртом величественной музыке».

Какой слог, какие эпитеты, какой восторг! Вот какие цивилизованные поляки! Вот он – свет для Андрия! Конечно, после такого он не захочет вернуться в стойбище храпящих пьяных козаков, невымытых разбойников, в свой тёмный угол.

Андрей хотел приобщиться к цивилизации поляков, но породившая его первобытная, полукочующая Россия не позволила этого: Я тебя породила, я тебя и убью!

О ЕВРЕЯХ

В повести евреи — это рассобачие жида, трусливые и алчные. «Вечная мысль о золоте, как червь, обвивает душу жидов ... жид самого себя украдёт, когда только захочет украсть».

Бедные сыны Израиля, растерявши все присутствие своего и без того мелко-го духа, прятались в пустых горелочных бочках, в печках и даже зализывали под юбки своих жидовок.»

Обращение казаков с жидами:

«Жидов расхватали по рукам начали швырять в волны Днепра. Жалобный крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались в воздухе...»

Грязная или Жидовская улица «потому что здесь действительно находились жида почти со всей Варшавы. Эта улица чрезвычайно походила на вывороченную внутренность заднего двора ... Тут все состояло из сильных резкостей: трубы, тряпки, шелуха, выброшенные разбитые чаны. Всякий, что только было у него негодного, швырял на улицу, доставляя прохожим возможные удобства питать все чувства свои этой дрянью. ... Куча жидёнков, запачканных, оборванных, с курчавыми волосами, кричала и валялась в грязи...»

«грязный жидовский проспект», «тощий жид... покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою... размахивал руками...», часто плевал на сторону и, подымая фалды полукафтаны, засовывал в карман руку и вынимал какие-то побрякушки, причем показывал прескверные свои панталоны».

«Рыжий жид ... сделавшись в своих чулках и башмаках несколько похожим на цыпленка, отправился с своею жидовкой во что-то похожее на шкаф. Двое жидёнков, как две домашние собачки, легли на полу возле шкафа.»

Можно ли уважительно относиться к такому народу? Можно ли этот народ, жидов, считать людьми? Конечно, нет — говорит Гоголь, — цыплятами, собачками, червями, жидёнками: кем угодно, только не людьми.

Не могу понять, почему фильм «Тарас Бульба», сделавшись в России культовым. Почему все умиляются и гордятся «русским героем Тарасом Бульбой» — вот, мол, наш ориентир, наше знамя! Почему очарованные Тарасом Бульбой не желают видеть того, что написано в повести и показано в фильме? Убеждён, этот фильм — очередная провокация против русского и еврейского народов: «Опять русские берут на свой щит разбойника, душегуба Тараса Бульбу. Чуть-чуть оправившись после развала СССР и снова за своё — бойтесь, далёкие и близкие народы, грядёт Русский царь, и у него в войске обязательно будет Тарас Бульба. А с ним обязательно будут алчные жида со своими жидовками и жидёнками».

Этот омерзительный фильм и эта повесть не могут способствовать патристическому воспитанию российского народа, тем более детей и подростков.

И было бы не так омерзительно читать эту повесть, если бы Гоголь не упоминал русских, Русскую землю, православную русскую веру, Русского царя. Весь образ разбойничьего характера кучки запорожских бомжей он умышленно распространил на всё русское казачество, на весь русский народ, которые к разбою и детоубийству не имеют никакого отношения. Так Гоголь заклеил Русь и русский народ на веки вечные. Теперь в любые времена читатель, прочитав повесть или посмотрев фильм, будет ужасаться от русского православия и ждать с ужасом прихода Русского царя.

Не исключаю, что, в том числе под воздействием этого фильма, появились многочисленные «факты» зверства и насилия советских воинов на освобождённых от фашистов территориях Европы: в Польше, Германии и т. д. Как же, если их знамя Тарас Бульба, то и они такие же первобытные варвары.

Мне представляется, что Гоголь написал такую повесть с целью лишить русский народ и Россию славы победителя над Наполеоном. Прошло более 20 лет. Чтобы скрыть собственную неспособность отстоять независимость, а то и пособничество агрессору, европейцы стали потихоньку извращать историю, преуменьшая роль России в победе над Наполеоном. В конечном счёте, превратили Россию в агрессора, в жандарма, душителя европейских народов, а не освободителя. Думаю, в этом процессе впереди была Польша. Нужна была какая-то историческая, идеологическая подпорка такому извращению истории. С изготовлением такой подпорки с высоким мастерством справился великий писатель с польскими корнями Николай Васильевич Гоголь-Яновский, написавший повесть «Тарас Бульба».

Такое же проделывают и сейчас с освободительной ролью советского народа в годы Второй мировой войны. И, как всегда, «впереди планеты всей» «просвещённая» Польша.

Гоголь, сотворяя зверства русского народа в образе запорожских бомжей XV века, окунулся глубже – в древнейшие времена Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве». Это следует из схожести некоторых описаний в повести с «Рассказом Мономаха о своей жизни» и «Словом о полку Игореве». Приведу некоторые примеры.

Из «Рассказа Мономаха о своей жизни»:

«...и я опять пошёл в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; ... а на другую зиму со Святополком под Полоцк. И выжгли Полоцк. Он пошёл к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов...». «И Всеслав Смоленск пожёг ... В том походе за Всеславом пожёг земли и повоевал её до Лукомля и до Логожска. Затем на Друцк войною и опять в Чернигов». «На ту пору ходили с черниговцами и с половцами-читеевцами к Минску, захватили город и не оставили в нём ни челядина, ни скотины».

Из «Слова о полку Игореве» о разбойных походах русских князей:

«Рано на рассвете в пятницу русичи легко разбили половецких стражников. И, рассыпавшись по станице, словно стрелы, захватили красавиц половецких, а с ними драгоценности, и богатые ткани, и драгоценные бархаты, охабни, плащи, шубы, и другое половецкое узорочье». «Чёрная земля копытами была вспахана, костями была засеяна, кровью была полита. Горе великое вошло по всей земле Русской». «Тот Олег мечом крамолу ковал и стрелы по всей земле щедро сеял». «В то время терзали землю Русскую походы Олега Гориславовича. При нём заседалась и обильно проросла усами земля Русская. Погибали мирные устои... В княжьих крамолах сокращалась жизнь человеческая. Тогда по Русской земле редко услышишь окрики пахарей.» «... и покатались стоны и рыдания по всей земле Русской; и мечут жар полыхающие огнём окрестности». «На Немиге головы на землю сыплются снопами, молотят их цепями булатными, жизни на ток сваливают и отделяют там душу от тела. Немиги кровавые берега не навозом были усыпаны, засеяны костями Русских сынов».

«Тарас Бульба»: *«... подвинулась бы самая сырая земля и степовая трава поникла бы от жалости долу»*

«Слово о полку Игореве»: *«Никнет трава от скорби и жалости, а дерево от горя к земле склонилось...»*,

«Тарас Бульба»: *«Это было какое-то непрерывное пиришество»*, *«Казалось, больше пировали они, чем совершали поход свой»*, *«Лучше б и не было того пира»*.

«Слово о полку Игореве»: *«Там пир завершили свой храбрые русичи ...»*.

Ничем запорожские козаки пятнадцатого века не отличаются от поганых русских князей душегубов и половцев двенадцатого века! И поэтический стиль Гоголя подобен стилю автору «Слова», и образы подобны.

У В. Мономаха и в «Слове» речь идёт о Русской земле и о Половецкой земле. Где: Русская земля – Киевское княжество и княжества, расположенные вблизи Киева; Половецкая земля – территории юга и юго-востока современной Украины.

У Гоголя в роли Русской земли – оккупированная польскими королями западная и центральная части Украины, то есть та же Киевская Русь – Русская земля; в роли Половецкой земли выступает Запорожская Сечь – те же южные и юго-восточные территории современной Украины.

Таким образом Гоголь сотворил сфальсифицированную историческую неизменность варварства русского народа на протяжении многих веков. Он осознанно, я в этом убежден, показал, что ничего не изменилось в характере русского народа: каким он был первобытным варваром на полуазиатском углу просвещённой Европы на протяжении почти тысячелетия, таким и остался. Ничто не может его изменить, даже сожжение на костре. Возрождается он из пепла, как птица феникс, и каждый раз *«будущей же весной»* прибывает *«сюда вновь да хорошенько»* гуляет. *«... и не будет в мире силы, которая бы не покори-лась ему!..»*. Трепещите народы *«дальние и близкие»*!

Повесть «Тарас Бульба» является актуальной и в наше время. Она очень ярко высвечивает непрекращающуюся веками и особенно усиливающуюся в наши дни информационную войну против России и российского народа, изувеченные формы русофобии и антисемитизма, которые «с такою чудной силой» проявились в творчестве Николая Васильевича Гоголя-Яновского.

Александр ПРИХОЖАНИН

ВСЕМ РУССКИМ МИРОМ

Взбесившийся мир трещит по швам,
Кто гнётся – сгибает того пополам,
Перекрывает дорогу...
Спасаются сломленные по углам,
А русский – путь прорубает сам,
С братьями, слава Богу!

А я не гадаю, с кем вместе идти
С кем вместе спасать всё,
что можно спасти,
Шайтаны наглеют напрасно...
Не гнёмся, стремимся духовно расти,
Всевышний поможет на этом пути,
Я – русский чеченец бесстрашный!

Я криком кричу – за свободу от гнили,
За то, чтоб нацисты людей не травили,
Чтоб вырастить добрых детей.
Самсон и Давид – не пугливыми были,
И я поднимусь, чтобы мы победили,
Я – истинно русский еврей!

Я тоже народа древнейшего сын,
И в битве со злом – я с Россией един,
В едином порыве сойдёмся!
Не сможет никто сохраниться один
Я русский ведь, братцы мои, армянин,
И мы – только вместе – спасёмся!

А *ридну* Украину – как подменили...
Как будто дурманом-травой опоили,
Под Западом чтобы лежать,
И подло на братьев своих натравили.
Я – русский *украинец*, мы не забыли,
Что Русь – наша общая Мать...

09.09.2022

БОЛЬ НАША – ВЕКОВОЙ ДАВНОСТИ, И СЕГОДНЯШНЯЯ...

Девятое января... Считается, что в этот день, 118 лет назад, началась первая русская «революция», поколебавшая Российскую империю, испытывавшую тогда трудности и общественные шатания, вызванные многими накопившимися проблемами, да ещё и «подогретые» неблагоприятным развитием русско-японской войны 1904-1905 годов (не напрашивается ли ассоциация с сегодняшней ситуацией?). Но тогда эта «революция» выразилась не только в расстреле рабочей демонстрации и уличных боях в Петербурге, не только в восстании «красной Пресни» в Москве, но и в разграблении и сожжении по сельским весям – очень многих дворянских усадеб (преимущественно, в европейской части России). А кавычки на слове «революция» – оттого, что она была больше похожа на бунт¹, чем на революцию, но сейчас речь не об этом.

Главное, что общество тогда разбалансировалось вплоть до взрыва. Для этого были, конечно, и веские объективные причины, но сейчас и не об этом тоже интересно подумать, а о том, какую роль в назревании общественного кризиса сыграли тогда различные общественные группы, классы, и попытаться сравнить эту картину с сегодняшним «раскладом» общественных сил. Для этого давайте представим себе сам этот расклад. Самые страдающие и обделённые, и тогда и сейчас – это так называемые «простые люди», сельскохозяйственные и промышленные рабочие. Далее в начале века шло мелкое чиновничество (разночинцы) и работники земства (включая учителей, врачей). Сейчас – служащие и рядовые бюджетники. Ещё далее – и тогда и сейчас – бизнес (вплоть до крупного) и работники руководящих инстанций.

¹ По определению Пушкина – «бессмысленный и беспощадный»

Ещё – также и тогда и сейчас – люди силового блока и многие другие группы, опускаемые здесь, чтобы не утопить главный вопрос в социологических нюансах.

Особняком здесь стоит вопрос отнесения к интеллигенции. При социализме она определялась, как «социальная прослойка» между двумя классами-гегемонами – рабочими и крестьянами. Не будем сейчас ёрничать насчёт термина «прослойка» («прокладка»), ведь всё равно реальным гегемоном были не классы как таковые, а «руководящая и направляющая сила – партия». А вот по современному определению, интеллигент – это человек, профессионально занимающийся умственным, сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. В самом общем плане интеллигенция подразделяется на научно-техническую и на гуманитарную, то есть ту, которая занимается гуманитарной культурой. Последнюю часто называют творческой интеллигенцией, но это несправедливо по отношению к научно-технической её части, которая тоже занята творчеством, только не гуманитарным, а научным или техническим. Так вот, быть в полном смысле слова – интеллигентом – можно, будучи не только «штатным» учёным, инженером или деятелем культуры, но и реализуя себя в бизнесе, и в государственном управлении, и даже будучи квалифицированным рабочим или фермером.

Такое заострение нашего внимания на интеллигенции (на прослойке!) – не только оправдано, но и необходимо, потому что в отличие от средневековых бунтов и смут, в Новое время (для России – начиная с XVIII, а в основном в XIX веке и далее) именно формирующаяся и растущая интеллигенция становится самым активным детонатором и общественного развития, и связанных с этим развитием общественных потрясений (вплоть до революций). Поэтому давайте – именно по отношению интеллигенции к государственной политике и текущим событиям – сравним картину 1905 года с сегодняшней ситуацией. Тогда, в начале прошлого века, почти вся интеллигенция (во всяком случае в лице большинства своих наиболее авторитетных представителей), была настроена, во-первых – антимонархически (отмены крепостного права в 1861 году оказалось явно недостаточно), а во-вторых – антиклерикально. И эти лейтмотивы, передаваясь от интеллигенции – в широкие слои населения, служили катализатором для многих до этого дремавших, но объективных народных недовольств. В первую очередь – в среде фабричных рабочих, а во-вторую – даже в относительно более лояльной, крестьянской среде. Конечно, при этом ни сама интеллигенция в массе своей не представляла себе «маячившей» в будущем гражданской войны, последующих событий; ни идейно ведомые ею рабочие и крестьяне, ни чиновничество, ни армейская масса – не представляли себе реально таких перспектив. Хотя пример французской революции и был из учебников известен, но ведь вот – вывернулись же французы, и неплохо живут... А ведь верится-то всегда в то, что, избежав ошибок и перегибов, уж мы-то теперь сделаем всё правильно, и заживём – в дружбе с окружающими цивилизованными народами, развиваясь и обогащаясь (узнаёте наши конец 80-х – начало 90-х?) ... Такое «мечтание о справедливости и мире», конечно, легко проникает в массовое сознание всех слоёв общества, что и было характерно для рубежа XIX – XX веков. Революционные потрясения 1905 года несколько поколебали эти мечтания и сместили общественное сознание в сторону консерватизма, но массовым это смещение не стало. Отсюда – беззащитность этого общественного сознания перед искушениями, которые ещё ожидали его в XX веке...

А чем же отличается сегодняшняя сложная и кризисная ситуация от ситуации 1905 года? Для того, чтобы это понять, давайте напомним себе ситуацию начала XX века, чтобы потом сравнить её с ситуацией конца 80-х годов, и с ситуацией сегодняшнего дня.

Итак – начало XX века... В обществе (преимущественно в интеллигенции) накопилось понимание того, что дальнейшее развитие требует серьёзного пересмотра самой парадигмы этого развития (а ведь это, на самом деле, и в конце 1980-х было верно). Как и тогда, массовые поездки за границу (особенно в Европу, Америка тогда ещё не «расцвела», а интеллигенция ездила в кумирную для себя Европу, как тогда выражались – «подышать католическим воздухом») – такие поездки «подсказывали» путь ликвидации технического и экономического отставания – перенесение на Российскую почву всего, что есть на Западе, начиная с заимствования ментальности. И, конечно, венец этого «розового» пути – вхождение в «семью» высокоразвитых и гуманных народов, которые, потеснившись ради справедливости в своих национальных экономических интересах (неравноценный обмен), примут нас туда, как равноправных коллег. Остальное отрегулирует свободная конкуренция, опять же справедливая. Убеждённость образованного российского класса начала XX века в этих «аксиомах» была очень распространённой, актуальной как для технической, так и для гуманитарной интеллигенции. Что определяло, конечно, позицию и управленческой интеллигенции. Поэтому рабочие и крестьяне получали обильную пищу для своих мечтаний о европейском зажиточном пути (**NB!** – это началось ещё задолго до массовой марксистской агитации – мечта о буржуазной опоре на свободный рынок в условиях демократических свобод!). Возражения в обществе тоже, конечно, были, но они не могли конкурировать по солидарности с этим европейским путём. Этого оказалось достаточно для дестабилизации...

Те, кто может вспомнить вторую половину 1980-х, подтвердят, что картина почти единогодушного (по крайней мере в крупных городах) общественного сознания, задаваемая, в первую очередь, интеллигенцией, очень походила на описанную картину начала XX века. «В глубинке» эта тенденция была выражена менее радикально, но также имела большую общественную поддержку; опирающуюся, впрочем, не столько на понимание предстоящих новых путей, сколько на разочарованность в возможностях реального советского социализма.

Итак, общественные настроения второй половины 1980-х были похожи на настроения начала 1900-х. А вот пути дальнейшего развития событий – существенно разошлись, но не сразу. В 90-е годы мы вступили, находясь в плену целого комплекса иллюзий. Жанр эссе не оставляет места не только для аналитического разбора, но даже и для перечисления всех этих иллюзий. Во всяком случае, например, Москва и Петербург стали городами миллионов либеральных демократов-мечтателей (не путать с конкретной ЛДПР). Но дальнейшие события 90-х годов и начала XXI века – жёстко обломали эти иллюзии. Выяснилось, что «семья цивилизованных народов» высокомерно и категорически против любых заиканий о нашем равноправии в этой «семье». Что всё высокотехнологичное, что не укладывалось в функции «бензоколонки» и поставок другого сырья – подлежало уничтожению. Мы, с надеждой, открывали наши заводы для иностранных инвестиций, но появляющиеся зарубежные собственники, под флагом «мирового разделения труда» – не развивали производство, а ликвидировали его, выполняя цинично понятную задачу – уничтожения конкурентов. За исключением, однако, предприятий, занятых добычей и, первыми в технологической цепочке, черновыми, то есть самыми дешёвыми, переделами сырья; а также связанными с экологически вредными производствами. Такие предприятия они, делая своей долевой и управляемой (хотя бы 50%+1) собственностью, оставляли работать, но на основе комплекса юридических и коммерческих условий, которые уводили деньги на Запад, оставляя в России, мягко говоря, немного. Да и российская часть собственников стала выводить доходы за рубеж – в большой степени в офшоры, а не только на покупку недвижимости и пресловутых яхт (которые, кстати, хоть и поражают, и травмируют обывательское сознание, но большой доли в выведенных из России деньгах – не составляют).

Целенаправленно, по директивно выдаваемым рекомендациям международных организаций, демонтировались и заменялись на суррогатные, ведущие к деградации – система образования, система здравоохранения. Из фундаментальной и отраслевой науки, задёшево «отжималось» всё полезное, но не стимулировалось стратегическое развитие. Широко организовывалась «утечка мозгов». Не только поощрялся, но и конкретно организовывался региональный сепаратизм, объективно ведущий к дальнейшему делению страны на уже не способные к самостоятельной политике микросоударства... Не перечислить всего, что творилось в 90-е, и даже позже. Но постепенно вызревало и понимание, а с ним и сопротивление. Выразителем этого сопротивления стал Путин, тоже далеко не сразу осознавший приготовленную нам катастрофическую перспективу. Начавший с попытки выстраивания опоры на дружное взаимодействие с Западом (чего стоит хотя бы предложение о вступлении России в НАТО!), но за первые семь лет осознавший «ведение на убой» и начавший осторожно (а резкое «перекладывание руля» было бы и губительно) выправлять курс.

И вот тут – появляется существенная разница с ситуацией 1905 года... Люди научно-технического крыла интеллигенции, насмотревшись всего, что западные «благотетели» и их местные, российские единомышленники творили в 90-е годы с нашей наукой и промышленностью, сначала – тоже далеко не сразу и «со скрипом» – но постепенно всё-таки становились антизападниками; за исключением, конечно, тех, кто уехал за границу или как-то иначе ассоциировал себя с западным бизнесом. Хотя сейчас уже большая часть и «ассоциированных западников», по крайней мере живущих в России, «патриотизировалась». То есть начали понимать, кто друг, а кто враг.

Этого нельзя, к сожалению, сказать о гуманитарном крыле интеллигенции, которое в существенно большей степени осталось прозападным. Это и понятно, ведь везде, где до этого работала цензура, были «открыты шлюзы». И символом абсолютной свободы стал конституционный запрет на государственную идеологию (принятый по настоянию западных кураторов, тогда ещё на волне опасения возврата к идеологии именно коммунистической, а не просто ради плюрализма). Все знают, что стало с массовой культурой, когда критерием её эффективности стали только кассовые сборы, создаваемые ориентацией на наши грешные предпочтения. Но кумир свободы был объявлен неприкосновенным! Элитарная культура, упиваясь отсутствием нравственных тормозов, тем более не избежала многих соблазнов деструктивных заскоков. Конечно, от этой ситуации очень многие добросовестные гуманитарии оказались в лёгком шоке, но страх перед возвращением тотальной твердолобой цензуры и других проявлений государственного «кирзового сапога» на трепетной «шее культуры» – оказался сильнее и заставил смириться с «неизбежными издержками». «Это сладкое слово свобода» – стало доминирующим, кумирным фетишем, не подлежащим вообще никакой регламентации. При этом коварный парадокс состоит в том, что наиболее общественно-«громкой», подавляюще громкой среди гуманитарной интеллигенции стала не здравомыслящая, а именно деструктивная её часть, называющая себя элитарной.

Итак, вот методически важное отличие сегодняшней ситуации от общественного кризиса 1905 года – интеллигенция, являвшаяся во всё новейшее историческое время и детонатором, и идейно-движущей силой общественных потрясений, в начале XX века была монолитна в своих побуждениях к разрушению исторической России, а вот в начале XXI она раскололась в своём отношении к переломным событиям этого процесса.

При этом, конечно, поляризацию общества существенно обострило столкновение с НАТО на полях нашей борьбы с украинским нацизмом. Я так говорю потому, что многим наивным (а часто – лукавым) «миролюбцам»² кажется весомым такой аргумент – ну неужели можно себе представить, чтобы Украина сама напала бы на Россию??? А коварство этого вопроса в том, что если бы не длительная системная работа «коллективного Запада» по организации на Украине антироссийского «тарана», не его обещание военной поддержки НАТО, то Украина, конечно, не имела бы и желания нападения, не говоря уже о возможности. А соблазненная всем этим, пошла вразнос – и «москаляку на гиялку», и известные планы по захвату Кубани и других южных областей РФ, и вообще подчинение всей государственной политики – бандеровской идее антироссии.

Тема эта (неочевидная для «миролюбцев» подготовка Украины к агрессии против России) настолько большая и острая, что приходится остановиться на ней поподробнее. Дело в том, что с начала 90-х годов, у коллективного Запада было (в отношении России) только два возможных пути для пролонгирования своего мирового господства, с таким уже привычным и желанным неравноценным обменом. Первый путь – принять Россию в качестве уважаемого партнёра. Равное партнёрство США просто не рассматривают «по определению», как мы видим уже на примере текущих событий даже в отношениях между США и Европой. Но уважающее партнёрство предполагает всё-таки и относительный суверенитет государств, входящих в «ближний круг» гегемона, и учёт их мнения при принятии ключевых решений, и учёт экономических и политических интересов партнёров, и учёт интересов их безопасности. Но такому подходу к потенциально «донорскому» государству (каким была Россия), во-первых, противоречит сама парадигма тотальной глобализации («донор» – это не «ближний круг»!); а самое главное – почему бы и не до-ограбить; раз уж в холодной войне победили, то чего церемониться? («Горе побеждённым!», как сказал галльский вождь Бренн, произвольно увеличив контрибуцию, получаемую им от побеждённых римлян). Но победители решили, что Россия никогда не денется и будучи в «третьем разряде», в качестве одной из твёрдо управляемых «донорских» держав.

Второй путь был очевиден – это организация процесса распада, вслед за СССР, теперь уже России, как самого крупного на территории бывшего СССР государства³. То есть дробление России на государственные образования настолько мелкие, что ресурсная база каждого из них в отдельности не позволила бы составить оппозицию гегемону ни в одном серьёзном вопросе. Конечно, этого способа коллективный Запад опасался из-за его чреватости утратой контроля над достающимися этим микрогосударствам ядерными вооружениями, но всё-таки такие варианты продвигались в российском общественном пространстве даже с официального уровня (известная публикация вице-премьера Альфреда Коха, в которой он утверждал, что это хороший сценарий – разделение России на несколько десятков независимых государств). Но вот этот путь был Западом легкомысленно, в эйфории своей победы, отложен «на попозже». Потому что ведь победить-то победили, но всё-таки нужно время для демонтажа ещё многих базовых компонент реальной независимости. Да и народное самосознание надо успеть «перековать», подготовив его к новому для него мировосприятию⁴.

²Не путать «миролюбцев» (в кавычках), с миротворцами (про которых – «Блаженны миротворцы...»). «Миролюбцы» не творят мира, они только - теоретические мечтатели о том, чтобы никто никогда не воевал, но не готовые к борьбе и личным жертвам для умирения грешного мира.

При этом важно было тогда, в 90-х, не рисковать возможностью перехода процесса «опускания» России – во взрывной, неуправляемый режим, чреватый «русским бунтом», беспощадность которого была бы опасной для установившегося тогда прозападного режима. А режим этот чувствовал себя очень уверенно, команды международных инстанций выполнял решительно и творчески, предан был Западу несомненно. Поэтому было сочтено, что слишком резких, а значит рискованных, шагов делать не нужно; всё и так идёт в нужном направлении, к «утилизации» России, и поводов для беспокойства нет. И в этом близоруком «почивании на лаврах» была их ошибка! Недобитая Россия начала просыпаться, как с похмелья (если опьянением назвать нашу массовую эйфорию ожиданий от чаемого «породнения» с Западом). В течение нескольких трагических для России лет, пробуждение это нарастало, но проходило латентно, почти бессимптомно. На поверхности этого процесса первым громким «звоночком» стала речь Путина в Мюнхене в 2007 году.

Ну, а на Украине тем временем протекали свои процессы. Там однозначность ориентации на Запад (представленная преимущественно северо-западными областями, включая Киев), с переменным успехом боролась с прагматичным значением пророссийского вектора развития (представленного преимущественно восточными и южными областями). «Оранжевая революция» ещё зимой 2004-05 годов выдвинула в президенты Ющенко, и антироссийская нацификация, фашизация, бывшие до этого одним из направлений общественных процессов, были быстро возведены в ранг смыслового ядра государственной политики. Затем, правда, с 2010 по 2014 годы, президентствовал Янукович, при котором реальные процессы фашизации шли практически так же⁵, но который, по причине своей опоры на восток Украины, за неимением лучшего, считался пророссийским. Зато уж с лета 2014 года новый президент, Порошенко, не давал никаких оснований для сомнений в его антироссийской направленности, в его готовности принимать «рекомендуемые» Западом решения, и в его радикальной приверженности к фашистским и нацистским методам противостояния России. Но... вот тут – слишком резко «погнали». Не послушались свою же единомышленницу Тимошенко, которая, будучи элементарно умнее (хотя и тоже врагом России), предостерегала от преждевременного «перегибания палки» слишком уж поспешной и насильственной украинизации; предупреждая, что «тогда начнут развиваться такие процессы, каких нам не дай Бог». А наиболее явно «перегнули палку» - в части обязательного внедрения только украинского языка, и запрета на использование русского языка в общественном пространстве (то есть кроме разговоров на собственной кухне). Им бы подождать лет 10-20, чтобы ещё полнее произошла смена поколений – на тех, кто выращен уже новым режимом, в новой идеологии. Но – терпения не хватило! Результат – массовое возмущение преимущественно русскоязычных – востока и юга. Не буду повторять описаний многих общеизвестных событий тех лет в Крыму и на Донбассе. Для нас сейчас важно то, что вся эта цепочка событий не могла бы получить на Украине такой питательной среды, если бы Украина развивалась реально автономно и независимо. И ещё раз оговорюсь – сейчас легко (если есть желание, конечно) найти в обще-

³ Дивизион ПВО запускает по движущейся цели обычно, сразу две ракеты, одну за другой. При этом, если первая сбивает цель, то вторая переориентируется на самый крупный из обломков. Похожая логика, правда?

⁴ Например, публичная провокация Коха насчёт разделения на несколько десятков государств, вызвала значительный общественный протест. Не хватило и запала всех заложенных Западом «мин» – в Чечне, Поволжье, не говоря уж об окружающих Россию новообразованных государствах.

ственном информационном пространстве огромное число убедительных конкретных доказательств реальной подготовки – ещё задолго до 2014 года – к войне с ненавистной «руснёй» для захвата Украиной Кубани и других южнорусских регионов. Но для системного понимания этих фактов надо разобраться, а можно ли назвать то, что было создано на Украине – идеологией нацизма, вооружённого фашистскими методами?

Для того, чтобы это понять, давайте зададим себе два вопроса. Первый – можно ли назвать бандеровскую идеологию – нацистской? Конечно, только для этого нам нужно будет преодолеть исторически въевшийся стереотип, будто нацизм громит обязательно в первую очередь евреев и цыган, а уж потом – славян и прочих «унтерменшей». Нет, украинский, бандеровский нацизм «заточен» прежде всего против русских («кто не скачет – тот москаль!» - это клеймо было одиозно по определению ещё до Крыма и Донбасса!) и поляков (хотя отношение к полякам окрашено ещё и раболепием перед Европой). Но в целом – чисто нацистское утверждение исторического превосходства «древних укров», которые и Чёрное море вырыли, и вообще дали мировой цивилизации всё то, на чём она и развилась. Поэтому законная гордость потомков этих «укров» ставит их неизмеримо выше этой «татаро-монгольской русни», этих «ватников», этих «орков» (ещё раз напоминаю – это всё – ещё задолго до 2014 года, до Крыма и Донбасса).

Ну, если с нацизмом понятно, то дальше второй вопрос – можно ли назвать бандеровские методы – фашистскими? Повторюсь, что сейчас в общественном информационном пространстве масса доказательств военных преступлений ВСУ; причём не только нацбатов, но и обычных частей. А тем, кто, «зажмурившись» и заткнув уши, считает их фейками, можно напомнить реальные дела «духовного отца» нынешних нацистов – Степана Бандеры. Дела давно и безоговорочно доказанные. Конечно, нацистские зверства в отношении русских людей и про-московски ориентированных украинцев «укры» объясняют мстостью за «навязывание советской, коммунистической власти со всеми её атрибутами». Но даже в порядке мести – эти зверства не перестают быть фашистскими зверствами. Но ведь если бы только в этом дело было! Поляки никакого коммунизма не несли, но волынские крестьяне и крестьянки столкнулись с укрофашизмом в его естественном проявлении (общепринятый исторический термин - «Волынская резня»). Так что же, друзья мои «миролюбцы», это – тоже не фашизм? Тут можно вспомнить ещё об одном «аргументе» «миролюбцев» - преступления всегда были и будут в любой стране, тем более в воюющей стране. Но ответ здесь простой – в нормальной стране такие преступления не только редки, а, самое главное – пресекаются властью. В фашистском же государстве они становятся важной составной частью государственной политики. А преступники – уже не маргиналы, а героизируются, что и происходит на Украине. Ведь даже детей и подростков (включая девочек) к уничтожению русни готовили в специальных лагерях. Готовили системно, на уровне государственной политики, «цементируя», укрепляя волю своих зомбированных граждан – всеми методами, присущими нацистской идеологии.

Ну, с нацизмом и фашизмом, как с родовыми свойствами бандеровской Украины, разобрались. Остаётся последнее в этой цепочке умозаключение – любой аналитически подкованный историк подтвердит, что нацистская идеология, взявшая на вооружение фашистские методы – это всегда агрессия, всегда война! Но вот обывателю, поверить в

⁵Я эти процессы не описываю, потому что любой объективный читатель найдёт такую фактографию и такую аналитику в интернете, а зомбированный противник «преступной России» всё равно будет, даже встав перед белым, называть его чёрным.

реальность нападения Украины на Россию – не просто. Потому что это действительно дичь какая-то – отвоевать у России Кубань и прочее. Но это кажется дичью только до тех пор, пока мы смотрим на отношения России и близкой нам Украины в привычном для нас ключе, изолированно от борьбы Запада с Россией (то холодной, то горячей, но всегда – отчаянной и со стороны Запада – коварной). А Украина, к несчастью, тридцать лет уже шла навстречу западным усилиям по встраиванию её в эту борьбу, да ещё и в качестве удобной «боеголовки». И, в этом контексте, фраза «да Украина никогда бы не напала» – выглядит либо предельно наивной, либо заведомо лживой. Но если даже мечтания Украины при этом, действительно, могли бы ограничиваться Кубанью и южнорусскими регионами, то ведь кураторы-то её смотрят дальше. За этим шагом – логичны следующие, вплоть до раздробления и неокOLONиального «освоения» (присвоения) всего российского массива. Вот что, как я понимаю, называл Лавров их планами по «решению русского вопроса». Так что не надо отмахиваться или считать утопией громогласные угрозы насчёт ядерной бомбы по Москве. Это говорилось далеко не только маргиналами, но и первыми лицами государства (Тимошенко, например). Так что – нет, не только о Кубани украинский режим мечтал (подчёркиваю – режим, а не весь народ).

Относительно украинского нацизма, «миролюбцы» придумали сейчас (январь 2023 года) ещё и такой аргумент – как же можно называть эту власть, её режим нацистским, фашистским, когда у них президент – еврей! Лукавство тут в том, что нацистский террор и в первой половине XX века, и сейчас направлен не только на евреев. И если сегодня агрессивное бандеровское «москаляку на гиляку» сделано государственной политикой, то это значит, что еврей Зеленский является-таки президентом нацистского государства.

Но мы, слава Богу, не повторили свою ошибку июня 1941-ого года, не дали застать себя врасплох, а нанесли упреждающий удар. Хотя, конечно, первоначально недооценили успешную сложиться к 2022 году степень «бандеризации», фашизации Украины. Степень радикализации и проникновения нацизма с Запада Украины. Это похоже на ситуацию, когда хирург, собираясь иссечь локальную опухоль, вскрывает брюшную полость, а видит ещё и метастазы. Объём и тяжесть операции, при этом, естественно, увеличиваются... Но, конечно, при всех очевидных объективностях, доказывать это сейчас не просто, особенно людям сентиментально-эмоциональным (каковы есть многие гуманитарные интеллигенты), а не аналитичным (каковы есть многие научные и технические интеллигенты). Уж слишком накрепко, с детства, нам всем, на примере Великой Отечественной войны – вдолбили, что виноват всегда тот, кто первым напал! ...

Это не просто тем более, что тот тектонический разлом, который сейчас разделял нас и Запад, находится в остром противоречии с западо-филией, уже в течение трёхсот лет исповедуемой многими в российских верхах и ставшей тем «модулятором», который сильно влиял на формирование нашего интеллектуального класса (интеллигенции). Поэтому даже клуб стран «G7», где все, кроме Японии – англо-саксы и европейцы, мы привыкли воспринимать, как практически «весь цивилизованный мир», проявляя этим дремучую некомпетентность и игнорирование других достойных незападных цивилизаций, среди которых есть и древнейшие, и обладающие весьма высоким потенциалом своего высокотехнологического развития⁶ ...

Горюю ли, например, я сам по поводу нашего отхода от западо-филии? Считаю, что горевать надо было гораздо раньше – тогда, когда Европа сначала обмирщала переданное ей от апостолов православное христианство, а потом и вовсе «завинула», маргинализовала христианство, как обстоятельство, мешающее развитию «свободы». Но дело далеко

не только в религиозной деградации Европы. «Шарм» Европы, конечно, базируется ещё и на высших достижениях, начиная с североитальянского Ренессанса (развившегося, кстати, «на дрожжах» мощного наследия разгромленной к этому времени восточно-римской, или византийской, империи), и в последующих веках. Но тот, кто много ездил в Европу, знает, что, при сохранении там относительного пиетета к этому великому культурному наследию, оно уже в очень большой степени имеет характер музейный, а не актуально-современный, который бы продлевал и развивал творческую жизнь этого наследия. Так что свою ностальгию по этому поводу я, конечно, переживаю, но это рефлексия романтическая – о прошлой Европе, а не о Европе XX, а тем более XXI века... Однако ощущения осиротелости из-за этой ностальгии – нет как нет! Причина – в освобождении от ощущения нашей вторичности по отношению к Европе, от мелкотравчатого европоцентризма. И наоборот – в творческом осмыслении раскрывающегося перед нами, оказавшегося теперь для нас актуальным – творческого потенциала собственно русской цивилизации. Это похоже на то, как выросший подросток, сидя на велосипеде для шоссейных гонок, ностальгически смотрит на небольшой двухколёсный велосипед, на котором он в своё время научился кататься... Приведу забавный пример того, как нам, с нашим европоцентричным извращением сознания, непонятно, почему цифры, которые мы традиционно называем арабскими (в противоположность римским цифрам), совсем не похожи на те цифры, которыми пользуются сами арабы. А стоит за этим важнейший факт истории науки – то, что Европа получила именно через арабских учёных (а исходно – от индусских учёных) не начертание цифр, а сам принцип записи чисел, где вводилось понятие нуля (чего не было у римлян), и когда каждому числу от нуля до девяти присваивалась отдельная цифра (а не только единице, пятёрке, десятке и т. д.). Именно этот творческий прорыв сделал возможным проведение всех четырёх арифметических действий – «в столбик» (попробуйте сделать это, пользуясь римскими цифрами!). А архитектура? Да шедевры Самарканда, индийский Тадж-Махал и мавританские мечети на территории современной Испании – уж как минимум не уступят ни Миланскому, ни Кёльнскому соборам...

Но вернёмся к горьким сторонам сегодняшней реальности. То, что было сказано здесь о нашем трагическом военном противостоянии с Украиной, ставшей «штыком» агрессивного Запада – это, конечно, боль наша современная. Но коснуться её было необходимо, чтобы подойти к теме этого эссе – как сегодняшние общественные настроения отличаются от ситуации 1905 года. Так вот, системообразующее отличие – это уже упомянутый раскол интеллигенции, особенно резко проявившийся и даже обострившийся, когда каждому пришлось определять свою позицию по отношению к войне на Украине. Линия этого раскола (со значительным, и лично для меня радостно-неожиданным численным преобладанием патриотического крыла) проходит по многим коллективам и даже семьям. Но в целом, люди, настроенные против СВО – это, большей частью, интеллигенция гуманитарная, преимущественно западо-фильная. А настроенные патриотично – это, опять же большей частью, интеллигенция научно-техническая, промышленная.

Но что это я всё об интеллигенции, да об интеллигенции? ... Из опыта личного общения, в том числе и последнего времени, могу дать достаточно достоверную картину в срезе и остального общества. Конечно, война и смерть – это всегда ужасно⁷.

⁶Хотя очевидны и примеры достижения высокотехнологичного уровня и вне «G7», как и вообще вне европейской и англо-саксонской культурной традиции – Тайвань, Южная Корея. Не говоря уж о Китае.

При этом наиболее ходовой «аргумент» уже упомянутых «миролюбцев» такой – «в любом случае преступно то, что приводит к смерти молодых ребят, это должно быть исключено!»... Такое рассуждение, конечно, близко любому человеческому сердцу (про слезу ребёнка тоже помним). Но представьте себе, что кто-то начинает говорить хирургу, начавшему срочную, в полевых условиях, болезненную операцию на угрожающей жизни гангренозной ране – «в любом случае преступно то, что доставляет человеку боль, страдания; это должно быть исключено!» Попробуйте найти не предметную, а методологическую разницу между этими кажущимися «в любом случае преступно» - не получится. Это ещё не доходя до высших, религиозных смыслов Жертвы «за други своя».

Так вот, что же касается широких слоёв общества, то, честно говоря, я и сам удивлён тем, насколько патриотичная, в противовес прозападной, политика оказалась близка широким слоям нашего народа. И это не только отношение к опасности украинского нацизма и готовность встать за Родину. Нет, последствия этого потрясения, этой встряски – оказались шире. Например, среди моих знакомых было немало людей, крайне резко критиковавших Путина и страстно желавших его сместить (уверяю вас, что и у меня лично целый ряд серьёзных претензий к Путину – коррупция, все реформы в образовании, в медицине). Но с февраля 2022 года большинство таких «антипутинцев» как-то удивительно стали путинцами, причём совершенно искренне (повторяю, я хорошо знаю достаточно многих таких людей).

Серьёзный бизнес испытывает, конечно, аполитичную грусть по возможностям, сократившимся в связи с санкциями. Но, с другой стороны, рад возможностям импортозамещения. Хотя здесь, в каждом конкретном случае, много зависит от конкретного человека. Но и в этом срезе общества, лично для меня неожиданным оказалось то, что большая, всё-таки, часть – на самом деле – патриоты.

Ну, теперь фабрики-заводы, сельское хозяйство, сфера услуг и мелкая коммерция. Основной контингент промышленных и сельскохозяйственных тружеников в конце 1980-х находились под романтическим влиянием капиталистических перспектив, но сам характер иллюзий у тех и у других был различен. В промышленности было понимание эффективности крупного индустриального производства, но мечталось, что «невидимая рука рынка» снабдит ресурсами, а заинтересованный собственник сбалансирует потоки этих ресурсов и с учётом перспективного развития, и с учётом (самое главное) интересов стабильного коллектива. Последующие события 90-х годов этих надежд, за редкими исключениями, не оправдали. Это привело к массовому перетеканию промышленного персонала в переменчивую стихию сферы услуг и мелкой коммерции. Так вот сейчас - и эта вся масса, и оставшийся в промышленности персонал – большей частью отнюдь не западники. Отсюда – патриотизм, и по отношению к СВО, и по отношению лично к Путину (что трудно было бы предположить даже год или два назад).

Характер первоначальных иллюзий (конца 1980-х годов) у сельскохозяйственных тружеников был иным. В сельской местности эти мечты принимали больше форму личного фермерского хозяйства (преимущественно семейного, маломасштабного фермерства). Лишь позже, столкнувшись в реальной конкуренции с более крупными сельскохозяйственными производителями, многие первопроходцы семейного фермерства поняли, что тот масштаб производства, который хорош для обеспечения семьи и частичного вывоза излишков на рынок

– неконкурентоспособен по сравнению с крупномасштабным товарным с/х производством (по себестоимости продукции, а во многом, к несчастью, ещё и из-за того, что крупный производитель более уверенно адаптируется в местной коррупционной среде). Такая недооценка вектора индустриализации сельского хозяйства привела ко многим разочарованиям, которым, впрочем, во многих местах было противопоставлено развитие, переоснащение старых и создание новых индустриальных с/х кластеров (да и санкции стимул создали; не было бы счастья...). В целом же очарованность западным путём оказалась, как бы, скомпрометирована, и в результате к 2020-м годам мы подошли далеко не такими наивно – прозападными, какими были тридцать лет назад, или в начале XX века; а значит – существенно более патриотичными.

Конечно, нельзя не упомянуть персонал силовых структур. Конечно, многие из этих людей, хотя и в значительно меньшей степени, но тоже не избежали иллюзий конца 1980-х годов. Но в целом этот корпус никогда нельзя было «заподозрить» в западофилии. Да и события 90-х годов не были для них, мягко говоря, благоприятными. Поэтому понимание естественности для нас и неизбежности внезапного пути (переросшего в антизападный из-за западного же эгоистичного гегемонизма) – охватило эту часть общества, как бы, более прогнозируемо.

Вот такая картина, вот такая разница между 1905-м годом и нынешним (наконец-то мы, как в «рондо», дошли до возвращения к первоначально заявленной теме). Разброд и шатания – были тогда, есть и сейчас. Власть также создаёт много причин для недовольств – и тогда и сейчас. Но сейчас уже, слава Богу, пережиты, выстраданы и отброшены многие иллюзии, для освобождения от которых тогда, в 1905-м, ещё не было у нас исторического опыта. А сегодня мы, как народ, оказавшись на очередной развилке своей истории (в точке бифуркации), кажется, всё-таки консолидируемся⁸. Вообще – загадочный процесс; откуда что берётся? Ведь при всех рациональных обстоятельствах, упомянутых здесь при разговоре о последних десятилетиях (начиная с 1980-х годов), ещё несколько лет назад я не мог бы и предположить такой ментальной консолидации, какую мы видим сейчас. Но это не значит, что дальше нам будет легко. Нет, будет ещё труднее. Но уже так фатально ошибаться и давать себя обманывать, как это оказалось возможным в начале XX века и в 1990-х годах – мы не будем... Уже научены, кровью умылись⁹. А значит, слава Богу – победим. Победим и свои собственные, навязанные нам, ментальные искривления, а на этой основе – и внешние угрозы.

И последнее. Тектонические изменения нашей российской действительно-сти, быстро переросшие во взрывные изменения всей страны – начались у нас с избрания Горбачёва генсеком КПСС в марте 1985 года. Практически 38 лет прошло, какая насыщенная и трагичная эпоха! А с другой стороны – разве раньше-то иначе было? Давайте возьмём всё тот же январь 1905 года, со сравнения с которым мы и начали наше рассуждение.

Прибавим 38 лет... Что получается? Самое начало 1943 года, Сталинградская битва к концу подходит. Ещё с ноября 1942 года – 6-ая армия

⁸Не случайно ведь у планеты Марс (а Марс – языческий бог войны) есть два спутника, которых называли по-гречески – Фобос (страх) и Деймос (ужас). Кстати, от этого греческого «деймос» происходит и слово «демон» – ужасный.

окружена, а в феврале фельдмаршал Паулюс наконец-то капитуляцию подпишет! Это ещё, к несчастью, не конец войне был, но – коренной перелом, поворот к Победе... Господи, а сколько же всего уместилось в те 38 лет! Подумать – и страшно, и больно... Однако давайте вспомним, как пророчествовал ещё в начале XIX века преподобный Серафим – его описание предстоящих страшных бед заканчивается словами: «Но Господь помилует Россию, и приведёт её путём великих страданий – к великой славе» ...

⁸Великий Бисмарк был далеко не русофилом. Как один из влиятельнейших деятелей своего времени, он действовал против России. Но, напоминая, он говорил так: «Даже самый благополучный исход войны никогда не приведёт к распаду России, которая держится на миллионах православных русских. Эти последние, даже если их разделить международными трактатами, так же быстро вновь соединятся друг с другом, как капельки ртути. Это неразрушимое государство русской нации, сильное своим климатом, своими пространствами и своей неприхотливостью, как и через осознание необходимости постоянной защиты своих границ». Что-то конечно и изменилось с тех пор. Например, мы сейчас восхищаемся патриотизмом не только этнических русских, но и воинов российских мусульманских народов, да и не только... Но главное – действительно, неизменно...

⁹Никакое эссе не давалось мне ещё так тяжело, как это. Потому что сама тема – боль нашей открытой раны...

Елена ТИМАШОВА

Тимашова Елена Николаевна родилась в Москве 22 января 1979 года. Закончила – Московский государственный институт культуры (МГИК), по специальности «Документоведение и архивоведение». С 2014 года работает библиотекарем в библиотеках Северо-Восточного административного округа города Москвы. Является членом литературно-творческого объединения «Отрада».

ВЕСНА ИДЁТ

Пасмурно в марте часто бывает,
Дождик смывает следы от зимы.
Снег на газонах медленно тает,
А на проталинах всходы видны.
Всё пробуждается в городе нашем,
После долгого зимнего сна.
Улицы, парки, аллеи все краше,
Преображенье им дарит весна.
Голуби тихо, на крыше воркуя,
Напоминают о счастье любви.
Москва просыпается, в неге тоскуя,
О свете, о солнце, что ждут впереди!

* * *

Ночи напролёт волнует одиночество
Каждой клеточкой чувствую души,
Что сбываются печальные пророчества,
Что придётся жить одной в тиши.
Мне неважно, что оно сбывается,
Главное, же настоящий миг.
Верю ю, что жить, как сердцу хочется,
Должен в мире каждый человек.
Счастье ведь у каждого свое рождается,
Знаю, скоро встречу запоздалое своё.
Каждой мыслью, словом, многоточием
Приближаю я, а может, знаю я его?

* * *

Февраль. Заснеженная даль,
И снегопад не прекращает хода.
И на душе тоска, и время жаль...
Все с нетерпением ждут зимы ухода.
Весна, как вестник солнца и тепла,
Нам принесет надежду встретить лето...

И снег сойдёт, будто сгорит дотла,
И в мире снова станет больше света.
И люди ощутят приток добра,
Как ранние побеги первоцветов.
И многие откажутся от зла,
И вспомнят письма благих заветов.

МЕЖДУ СТРОК

Листаю я страницы книги,
Что вслух читала я с тобой,
А между строк я вижу лики,
С картин, написанных судьбой!
Не понимаю я их смысла,
Ведь рядом нет теперь тебя,
И тень твою в ночи повисла,
Она преследует любя...
Моя душа с тобой повсюду,
Тебя я чувствую любя.
Пока жива, я не забуду,
Что значит потерять, тебя!

* * *

Любовь бывает безответной,
Все в сердце выжжено дотла.
И я тропую неприметной,
Иду на свет, в округе мгла.
Погасли звёзды, что сверкали,
В ночи, мне освеща я путь,
Ведь поняли, они узнали,
Что надо им меня вернуть.
Но не свернуть уже с дороги,
Что выбрала я для себя,
И пусть натерла в кровь я ноги,
Но я дойду до истины, любя...

МОЛОДЕЖНАЯ МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «РОСТОК»

Молодежная студия «Росток» объединяет молодых поэтов из разных городов Подмосковья. В студии есть участники из Люберец, Раменского, Бронниц, Воскресенска. На данный момент – записано в студии восемь постоянных участников, но количество приходящих и ещё не заполнивших анкету варьируется до 20.

«Росток» участвует в мероприятиях вместе с «Раменскими зорями», 11 февраля состоялся концерт «ГЛАВСТИХ» на площадке ДК «Сатурн» (г. Раменское), в котором приняли участие поэты, писатели, барды, музыканты студии «Росток», наравне с коллективом «Раменские зори».

Весной запланирован творческий вечер Сергея Ковалева (дипломанта второй степени премии Бунина в номинации «Поэзия»), литературно-музыкальный вечер «Космическая весна», приуроченный ко Дню космонавтики, а в начале лета «Росток» планирует принять участие в Дне города Раменское.

При содействии ЛИТО «Раменские зори» готовятся к выходу подборки стихов, в том числе в газете «Грань» (Раменское).

А также участники музыкально-литературной студии «Росток» планируют принять участие в литературных конкурсах: I Московский областной конкурс детской литературы имени Агнии Барто, «Тихая моя Родина» имени Николая Рубцова, в общественно-литературной премии «Тэффи».

СТИХИ

Дарья ТРУФАНОВА

ЖЁЛТЫЕ НИТКИ

Жёлтые нитки в руках,
Май, зеленея, чернел.
Что на душе моей? Страх?
Май ведь совсем не хотел...
Жёлтые нитки – и я
Мысли свои увяжу,
А до утра лишь полдня,
И потому так спешу.
Много игрушек пришлось
Мне на подарки связать,
Но никогда так не жгло,
Эту игрушку отдать
Мне предстоит за черту –
Там ты второй уже день,
Чувствую я пустоту,
Часто бывало мне лень

В чём-то помочь – ты прости,
Жёлтые нитки – итог,
В сорокадневном пути
Честен ты будешь и строг,
Только не к нам, не ко мне!
Видишь? На нитках тех кровь –
Так продолжает гореть
Внучки живущей любовь.
Мокрые нитки от слёз,
Но продолжаю вязать,
И опухающий нос
Чистым платком вытирать.
Будет подарок готов
Утром – возьми в дальний край!
И на Дороге Цветов
Нас каждый миг вспоминай.
Жёлтые нитки и май –
Чёрно-зелёная смесь,
Не говорю я "Прощай",
Знаю – ты будешь...Ты ЕСТЬ...

Дмитрий ПИМЕНОВ**Любовь КАРЛОВА****ПЕРВЕНЦЫ**

Вновь по лужам осенним проносятся дни,
Это Жизнь грубо их подгоняет,
Для Учителя первенцы – только одни,
А потом... А потом не бывает.

Отпустил жарким летом
 в свободный полёт
Их под музыку, хохот и танцы –
Кто же знал, что так грустно

 всё дальше пойдёт?
Кто же знал, что так трудно прощаться...
Остаётся ведь право одно – вспоминать
Дни, полны были что светом ярким...
Эту Память не смеет Отец променять,
Стала память о детях подарком.
А потом в октябре,

 тёмным вечером вдруг,
Приезжают они, улыбаясь –
И опять для цветов не хватает двух рук
"Мы совали, навеки прощаясь!"

Да, они подросли, кто-то выше тебя,
А девчонки уже – сплошь невесты,
Утром в школу плелись и плелись,
 не любя,

А теперь от любви к школе тесно
Стало резко в душе...

 Что ни делай – увы,
Вырастают, уходят, взрослеют,
Оказалось, прямые все в жизни – кривы,
И пройти кто-то их не сумеет.

В День Учителя Первенцы рядом мои,
Потеснить их никто не сумеет –
День прошедший и век

 сколько хочешь зови,
Только Память о прошлом согреет.

А холодные дни среди луж – ни о чём,
Но вернуть всё назад невозможно...
"Мы совали, сюда что уже не придём!"
Это Первенцы...Врать редко можно...

ПРОБУЖДЕНИЕ С ИЗИДОЙ

Когда коснёшься красной пирамиды
Услышишь тихий, тихий гул веков
Предстанет пред тобою лик Изиды
И пробудИшься от земных оков

Так поведёт она тебя сквозь сферы,
Сакральные плато и пыль времён...
И насладишься тотчас же сверх меры –
Всем тем, о чем забыть был осуждён.

Прильнёт к тебе рукой; и в колеснице
Помчитесь молниеносно в её храм,
И понесут Симурги вас львы-птицы
По древним и таинственным местам

Сейчас же распростёртые объятья
Прекрасных измерений ты узришь...
И музык Духа и сиянье Сатья –
Постигнув вмиг себя освободишь.

И ощутишь себя ты вдруг за гранью
Всего, что знал, чему был прежде рад...
И в разноцветье чудных франжипани,
Настигнет Просветленья аромат.

Кем прежде был ты –
 время раствориться...
Миров так много, их теперь не счесть.
И вот, с Изидой миг настал проститься.
Ты скажешь громко: «Я есть тот, кто есть».

Марина ЗОЛотова

* * *

Жизнь – шахматы. И каждый новый ход
Влечёт цепочку следующих свершений;
Давнишний, незаметный поворот
Несёт победу – или поражение.

И каждое знакомство, каждый взгляд,
Любое слово, брошенное в спешке,
Свою оставят на тебе печать –
Так иногда игру решал ход пешкой.

Перед тобою каждый миг судьба
Веер возможных жизней раскрывает –
Но, лишь одну из сотен выбрав раз,
Её лишь до конца ты проживаешь.
От шахмат здесь отличие одно:
ты не играешь.

Виктор МОНАХОВ

СМЕКАЛКА – РУССКИЙ ОБЕРЕГ

Оберег, оберег дорог берег одежды,
Он запутан навек
мысом доброй надежды!
Светит месяц сейчас,
стынет и ходит по кругу
Словно боль подружилась
с восторгом в июле с испугу.
Цепко песня урчит, ветер стих... –
завывает
А душа всё молчит
и гляди и мотов навевает.
Тебя высветят и опустошат
многочисленные солнца блики,
И опять свой обряд совершают
и обрушают у храма стыки.
Мы заложники пустоты,
мы укрылись в стенах безмолвия,
Мы с тобою все лишь мы,
непокорные у изголовья.

Медные головы,
набитые золотом и зерном,
Под звуки оркестра
воздушные надумываем замки,
Сподвигнутые пряником и кнутом
бумажные мастера
самцы и самки!

Диана РЕШИХИНА

БУДДИЗМ В СНЕГАХ

Мой идеал красоты на сейчас-
Небо вокруг в цвет паутины
И белого пепла несметная пыль-
Контраст с геометрией многоэтажек

За холод и сырость зимУ не люблю,
Но сейчас я скажу ей: пусть, существуй.
Снег звучание города глушит слегка,
В мыслях рождая мотив Гималаев.

Спокойствие теплится где-то внутри.
Мерещусь себе японским монахом,
Вне времени и пространств
тихо бредущим,
И будто немного постигшим дзен.

АВТОРЫ СОВЕТА МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ МОО СПР

Павел АЛИЕВ

Павел Алиев (г. Сергиев Посад). Поэт, переводчик, член Союза Писателей России, член Союза Переводчиков России, руководитель Совета Молодых Литераторов Московской области, член правления Союза писателей России по Московской области, руководитель творческого объединения "КвадратЪ", главный редактор молодёжного альманаха «ХУРМА» и литературного альманаха «СЕРГИЕВЪ», автор текстов песен, сотрудничает с рядом групп и исполнителей, среди которых Харизма, Аэлла, Гран-КуражЪ, Олег Мишин, Артерия, Легион и другие.

* * *

Ни девять и не девяносто девять
Не дали сверху жизней мне,
Не объяснили, что как делать,
И выключили свет извне.

И я пытался быть собою,
Слова и звуки подбирал.
Пока судьба была немой,
Во мне всё рос тревожный гвалт.

И дрожь моя рождала пламя,
Не пламя даже – лишь искру.
И если дождь тушил пожары,
Я верил: я её спасу!

Никто не вёл меня под руки,
Никто мне знаков не давал,
Я просто знал: жизнь – это муки,
И горше муки, если тьма...

ВРАГАМ РОССИИ

На губах снова вкус
опалённого, злобного ветра,
А зарницы кровавые дымом
и гарью полны.

Ветер гонит на стогны
холмы бесприютного пепла,
И опять где-то рядом
гогочит далёких народов сыны.

И опять собираются в брань
обновлённым крестовым походом,
Умывать свои руки в чужой
и горячей крови...
Лишь бы Русь не окрепла –
такая бывает забота,
Лишь бы дальше дремала,
попирая свои алтари.

Вот и тучи темней,
и надрывнее каркает ворон,
Предвкушая поживу
от грозных грядущих боёв.
Нет сомнений и страха,
потому что наш меч не был сломан,
Он лежал тихо в ножнах,
ожидаая тех самых сынов.

И трясущейся длани
над шеей никто не заносит,
Потому что нет силы
в чужих и преступных руках,
Потому что однажды
придёт и со всех строго спросит
Безымянный, уставший
русский крестьянин в лаптях.

ОСЕНЬ. СУМЕРКИ

На душе потому так и холодно,
Что октябрь убил чудеса.
Знать, напрасно трудился ты, колокол,
Раз такой обнажённый Посад.

Ветер бьёт и свистит переулками,
Расчищая дорогу зиме.
Громко ль птицы кричат,

На безмолвной и белой стене? кличут гулко ли

Ранних сумерек гаснет свечение,
Истончается словно бы жизнь...

Цепенюю от тихого пения
Нисходящего в шёпот и свист.

МОНОЛОГ БЕГЛЕЦА

Скажи мне, что я пахну пустотой,
Что я никто, я ничего не значу,

В развязках заблудившийся герой,
Не сын полка, не знойный дерзкий мачо,

Вернее, дерзкий, но не в эту степь,
И я бегу, покуда ноги целы,
Нет, не по лезвию – я не умел терпеть,
Да и какие в наше время нервы...

Я, может быть, сумею оправдать
Других, кто слаб, в себя уже не веря.
Но как тесна тбилисская кровать...
А Родине я сам захлопнул двери...

Надежда КОМАРОВА

Родилась 6 декабря 1982 года в подмосковном Красногорске. По первому образованию педагог-филолог, по второму лингвист-переводчик. С 15 лет состою в местном литературном объединении «Звонкая Строка», являюсь главным редактором регулярно выпускаемого им сборника «Город на Красной горе».

Журналист (успела поработать во всех видах СМИ), общественный активист, организатор культурных мероприятий, участник руководящего состава Красногорского рок-клуба, директор нескольких музыкальных коллективов.

С 2021 года участник СМЛ Подмосковья.

В сентябре я с одной из «подопечных» музыкальных групп ездила в ДНР, мы выступали, а также привезли «гуманитарку», редкое медицинское оборудование – и собирали данные пострадавших бойцов и мирных жителей, для передачи разработчикам бионических протезов и последующего изготовления оных...

Это написано по пути в Донецк. Пока не окажешься на месте и не увидишь всё своими глазами – всегда немного докручиваешь и преувеличиваешь.

То есть до поездки было страшнее, чем в процессе. Там – просто реагируешь на происходящее по факту, соблюдаешь меры предосторожности, а страха нет...

Читала это стихотворение позже в Мурманске на закрытии фестиваля «Капитан Грэй», после – подошёл человек и поблагодарил, сказав, что как раз собирается «за ленточки», и оно будет ему оберегом...

* * *

От пастельно-голубого
До оттенка «тёмный хром» —
Ватман неба разлинован
Золотистым сентябрём.

День бликует тёртой цедрой,
Цитрусовым конфетти.
Километры, километры...
Я привычная к пути.

Все поля – латунь, да бронза,
Да заката силлав рябой.
Вслед за мной бегут берёзы
Белотелою гурьбой.

Не догонят. Я быстрее.
С неба тянутся огни
Параллелью. Уцелею?
Ангел всё ещё хранит?..

Это – первое написанное на донецкой земле. В тот день нас провезли по всем «знаковым» местам, показали точки прилётов, следы от них, застрявшие в асфальте снаряды, кафе «Сепар», в местном Союзе писателей – 3 пробитых толстенных книги (в четвёртой снаряд застрял)... Привезли и к вокзалу, сгоревшему после прилётов.

Рядом – церковь, около неё зоомагазин «Дружок». Стреляли в тот день постоянно, от громких звуков птицы с церкви срывались, но потом прилетали обратно. И бродила собака – скорее всего, контуженная, т.к. на звуки не реагировала и на лапу одну прихрамывала. Я как-то сразу для себя решила, что собака – тоже Дружок, так в стихах и «зафиксировала». В последний день нашего пребывания в Донецке в вокзал снова попали. Жив ли остался наш Дружок, не знаю...

Громыхает, громыхает...
С золотых покровов храма
Растревоженные стаи
Заметались, унеслись.
Осень тёплая, сухая
То подсветит панораму,
То ветрами налетает,
Туч разматывая флис.

Громыхает, громыхает.
Говорят смотреть под ноги –
И я вглядываюсь в тени.
Спуск с огарками домов –

Вспышки, кровь, протуберанцы –
Не заря, а южный фронт...
И чахоточным румянцем
Доцветает горизонт.

Кто-то навий ночь разбавил
Воем войн и зельем зим.
... Но встаёт за мной не ангел –
Шестикрылый Серафим.

В шрамах, что не заживают,
И деревья, и дороги,
Стены, цоколи, ступени...
Сто штормов ли, сто шумов –

Громыхает. Но сентябрь
Морем солнечным безбрежным
Улучшает день немножко,
Гасит изначальный шок.
Сильным делается слабый.
И глядит на нас с надеждой
Глуховатый хромоножка
Привокзальный пёс Дружок...

Битва за Балаклею шла как раз в дни нашего пребывания в ДНР, хотелось написать что-то про тех, кто действительно проявил себя героями.

Написала, хоть и чувствовала, что Балаклею не отстоим. Естественно, нигде потом эти стихи не читала, чтобы других бойцов не расстраивать.

У моего Красногорска один из городов-побратимов Изюм, до того, как его сдали, ребята туда возили гуманитарку, сейчас всё сложнее...

Распогодилось, стало теплее.
Вечер густ, как подсолнечный фуз.
Не сдаётся, стоит Балаклея –
За Самару стоит, за Уфу,
За всю землю Российскую разом
От Москвы до окраинных вех,

За счастливое завтра Донбасса
И за мирное небо для всех.
Как из древней славянской былины
Богатырская русская рать,
Духом все – как один – исполины.
Нам сегодня нельзя умирать!

Если сердце горит, а не тлеет –
Продержаться достанет огня.

Не сдаётся, стоит Балаклея –
За своих, за тебя, за меня!

Это был на удивление тихий и даже благостный день, мы выступали в Амвросиевке, там не было слышно стрельбы. И вообще, всё вокруг напоминало о бабушкином доме (она жила в Ставрополе, каждое лето в детстве ездили), я чувствовала радость...

Правда, на обратном пути мы всей компанией просто чудом не попали под прилёт. Но это уже совсем другая история...

* * *

Тополя и абрикосы,
Вспышки редкие рябин.
По дороге двухполосной –
До глубинки и глубин
Несгибаемого духа
Тех, что победить нельзя.
Здесь не хаос, не разруха –
Здесь славянская стезя.
Лесополосы, посадки
И поля-поля-поля...
День чудесный, воздух сладкий,
Благодатная земля,

Солнце – чистый яхонт редкий
В сотни, тысячи карат...
Вдоль дороги табуретки:
Предлагают виноград –
Свой, впитавший силу лета,
Веры, правды и любви.
Через пару километров –
Танк с огромной буквой V.
Я, дитя живой планеты,
Как любой подсолнух тут,
Поворачиваюсь к свету –
И, наверное, расту...

Это два стихотворения про Мариуполь. Одно написано по пути туда, другое – обратно. Город меня в грустном смысле впечатлил...

* * *

Ледоход небесный –
Колотые раны,
Тёмные прожилки
Летней синевы.
В остовах железных
Фильм полноэкранный
Этой молотилки,
Да степной ковыль,
Да полей безбрежность
По бокам от трассы.
«Осторожно, мины!» –
Держимся машин.
Серые неспешно
Тени волочатся,
Ржавчина карминна.
Но не гаснет жизнь –
Здесь на фоне чёрных
Выгоревших срупуев
Этажей бессонно
Двигается быт.

Утро. Пахнет морем.
Здравствуй, Мариуполь,
Город опалённой
Фронтальной судьбы...

* * *

Каждый третий дом – горевший
И в пробоинах сквозных.
Здесь идёт ремонт, а рядом
Не заделана воронка.
Целиком подъезд осевший
От стены и до стены,
Через улицу – снарядом
Перебит заборчик тонкий.
Вот – ни дома и ни сада,
Пепелище, пустота.
Там – руины драмтеатра.
Окна выбиты повсюду.
В пыльно-ржавых баррикадах
За рекою Азовсталь.

Как в кино, мелькают кадры,
Выше – цвета незабудок
Яркий-яркий неба купол.
Чёрных контуров контраст...
То, что виделось бесценным,

Март пожарами повыел.
Этот мирный Мариуполь
Так похож на Сталинград
С фотохроники военной,
Собранной в сороковые.

Эти стихи очень понравились нашим новым донецким друзьям,
многие из которых сами связаны с музыкой...

* * *

Повод есть вернуться очень веский
В этот край израненных степей:
Рок-н-ролл рождается в Донецке –
На все сто уверена теперь.

Он ушёл из Англии и Штатов,
Из столиц пересыщенных, глухих.
Здесь теперь палат – сродни «сармату» –
По врагу и песни, и стихи!

Сцена им – поля и терриконы.
Тополя – и Фендер, и Лес Пол.

Я иду на этот зов знакомый:
Я всегда любила рок-н-ролл.

Тихо, но упрямо подпеваю
Всем, кто крепко сердцем в город вшит:
Как бы ни задвигалась кривая,
Здесь хочу остаться – чтобы жить.

Повод есть вернуться очень веский
К тем, кому отныне как сестра:
Рок-н-ролл рождается в Донецке,
Чтобы никогда не умирать.

Я начала было писать это ещё в пути, но не получилось, выкристаллизовалось уже дома. Как написала в самом начале, мы собирали данные бойцов для разработки протезов. Я ярко выраженный эмпат, и очень боялась, что будет тяжело, подведу. Но всё это «чувствование чужих травм на себе» выключилось, пока мы работали. Потом, конечно, вернулось. Однако дело уже, к счастью, было сделано

ПОСЛЕ

Что память – картинок флотилия.
Закрою глаза – всё одно:
Пишу имена и фамилии
С пометкой о «минно-взрывной».

Кто сам, за кого – жёны, дочери.
Как буквы на белом листе,
Здесь тени построились в очередь,
Едва отставая от тел,

Лишённых привычной симметрии.
К делению «до» и «потом»
Пришедшие двадцатилетними,
Они не стесняются «за что?!»

Чуть слышно врагу: на-ка, выкуси,
Я здесь, я остался живой,
А с новой «рукой» пообвыкнемся –
Добраться б до передовой...

... Ещё подбодрить, позаботиться,
Пускай о больном говорят.
И кажется, вот оно, сходится:
Надеждой назвали не зря.

Когда и прощенье – прощание,
Что делать, чтоб пала стена?..
Как трудница на послушании,
Записываю имена.

А сердце – такое огромное
И крепче теперь, чем скала,
Как будто их боли фантомные
Я все на себя забрала...

Это написано в первые дни после объявления мобилизации. После поездки в ДНР со мной прекратили общаться несколько человек из близкого круга. А в тот момент из страны побежали многие, в том числе хорошие знакомые. И кто я, чтобы их судить?

Для самой – убийство противоестественно. Но знаю, что не побежала бы, возможно, служила бы «альтернативно» или ещё что-то...

Сначала стихи были мрачными, тревожными и заканчивались предпоследним четверостишием, где рыжее знамя символизирует войну...

Но потом показалось, что надо иначе, не грозить, а оберегать...

И Марена здесь, хоть и влюбляется, но отворачивается, за собой не уводит...

* * *

Закрепили рябиновой брошью
Ржавых листьев не глаженный плед,
Затянули в туман бездорожье
Жива с Жатвой, запутали след...

Где-то там, в догорающем поле –
Что им морок, что сумрачный Тать –
Паутинками Доля с Недолей
Остаются реальность латать.

Словно лета уже не случится,
Схлынет медь и придёт серебро –
Улетают испуганно птицы,
Бросив гнёзда, роняя перо,

Помнит Дом своего человека.
Будто так и отмерено нам,
Нитью Макоши вьёмся по рекам,
По лесам – да к родимым огням...

Одурманены горькою ложью
О тепле, что ушло навсегда.
Нам казалось, то внуки Стрибожьи –
Оказалось, седьмая вода...

То нырнём, то выходим из крена,
То опять попадаем в замес...
А навстречу – не осень, Марена
С рыжим знаменем наперевес.

Все клинки возвращаются в ножны,
Мы закончим чужую игру.
Силой духа – полярной, таёжной –
Щед्रो степи наполнила Русь.

Отменяет порядок вчерашний,
Превращает росу в колкий наст –
Но влюбляется крепко в бесстрашных.
И смутится, руки не подаст...

Андрей ЛЫСЕНКОВ

Родился в 1988 году в Воскресенске. Член Правления МОО СПР, Воскресенского литературного объединения "Радуга" имени И.И. Лажечникова и Координационного совета СМЛ. Автор книг "Искушение светотенью", "Високосный век". Член редакционных советов русско-болгарской антологии "Созвучие" и альманаха "Воскресенск – моя родина светлая..." Лауреат литературных премий им. Евгения Зубова и им. Елены Слободянюк, Московского областного литературного конкурса "Звёздное перо" им. Георгия Кольцова, Московского областного фестиваля-конкурса молодёжного поэтического мастерства "Звёздное слово".

* * *

Так что мне год грядущий приготовит?
Всё будет ново – как ни приготовить...
Приснилось: ждёт старинный друг
в Ростове.
Есть в этом неожиданная новь –

Не столь непредсказуема, а то ведь
Могла бы ждать и старая любовь...
Отпустит год мне все проблемы разом?
Тогда, накинув куртку, тронусь в путь:
Сорвусь в порыве беззаботно-праздном
В Ростов, Москву – да хоть куда-нибудь! –

Чтоб от рутины подуставшим глазом
По-новому на этот мир взглянуть.

По старым улицам неторопливо
Я нить воспоминаний протяну,
Где дворники кряхтящие тоскливо
Расчёсывают снега седину,
Где высветят мне солнца переливы
Заметную едва ли новизну.

А после – до родимого порога
Я поверну в час первых фонарей...
Чего я жду от года? Да, немного:
Побольше бы спокойных светлых дней
И чтоб, как прежде, ровная дорога
Вела меня по Родине моей!

О высоком не думаешь в дождь –
Мозг на мысли приятные беден,
Если вымок изрядно и ждёшь
Ты маршрутку, а та всё не едет...

Не бодрят, вообще говоря,
По-над пробкой, влачащейся валко:
Небо цвета крыла сизаря,
Тучи цвета крыла катафалка.

Но едва опустившийся взор
Вдруг займётся забавной находкой,
Как раскрашивает светофор
Лужу перед твоей остановкой.

Словно сжалится он над тобой
И, решив, что тебе не до шуток,

Поманит сюда на водопой
Вереницу усталых маршруток...

РАМКА БЕЗ ПОРТРЕТА

Сизый дом предстаёт мотком фотоплёнки,
Где засвеченным кадром – твоё окно.
Твой подъезд похож на футляр
от «зеркалки»,
«Щёлк!» – магнитный замок, как затвор.

В полутёмном подъезде,
как будто в проявочной,
Негативы надписей, взошедших в побелку, –
Окружают меня, облепляют,
Ослепляют вспышками прошлого.

За той дверью на голой стене –
рамка без портрета.
Там в тишине, я помню, однажды
Вырезала ты небо из наших совместных
Фото, оклеив им потолок.

Ты брала меня в фокус, как пробуя на вкус.
Я стоял в углу,
словно нашкодивший мальчик
И по комнате, будто вальсируя,
Ты кружилась, и щёлкал затвор...

Замер перед потухшим «глазком» я,
осознавая,
По ту сторону больше не будет фото,
Там с потолка осыпается небо,
Падая в рамку, чтобы остаться
вместо портрета.

Елена ВЕЛИЧКО

Елена Величко (Воробьева) родилась в 1993 году в г. Королёве Московской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Лауреат Международного музыкально-поэтического форума «Фермата» (2015), Премии им. С.Н. Дурылина (2015), Премии им. Роберта Рождественского (2015), Межрегионального поэтического конкурса «Россия – земля моя» (2019), Конкурса молодых авторов Московской области «Живая память Великой Победы» (2021), Премии им. И. А. Бунина (2022). Публиковалась в журналах «День и ночь», «ПОЭЗИЯ».

Двадцать первый век Новой эры», «Южный маяк», альманахах «Пятью пять», «Муза», «Альманах премии им. Роберта Рождественского», «Литературное Подмосковье», газете «День литературы» и др. Член координационного бюро Совета молодых литераторов Московской области при СПР.

* * *

А свет всё равно остаётся внутри,
В зловонный колодец смотри – не смотри,
И, штампом себя осознать не боясь,
Идёт изнутри сквозь налипшую грязь.

Он светит, когда электричества нет.
Он миру перечит, как Новый Завет.
По свалке пройдёшь, не запачкав сапог,
Не визнав, насколько колодец глубок,
Вниманием не удостоив возни
Крысиной, ведь есть у тебя проводник.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Зима. Морозно. Для согрева
Солдаты развели костёр.
Живой язык его остёр,
И он растёт, как чудо-древо.

Неугасимой купиной
Ведёт задиристые речи,
Победы будущей предтеча
Над лихорадкой и войной.

Сквозь время ярко он горит.
Солдат окаменели лица.
Им мирная Россия снится
И на рябинах снегири...

Сквозь время... К новой годовщине
Стоянка их в кольце цветов –
Дань благодарности за то,
Что берегли костёр доньше.

БОГАТЫРИ

Там, где трава, как мужская щетина,
Скалится небо обломками туч,
Матерь-Земля исполинов растила.
Каждого голос слышать за версту.
И выезжали, презрев бездорожье,
Богатыри в океанскую степь.
Сыщут Алатырь, чтоб ссыпать к подножью
Прах покорённых чужих крепостей.
Небо по кругу пылало и блекло,
Шёл заведённый порядок часов.
Рай – позади, под подошвами – пекло,
Днём – крики соколов, к полночи – сов.
Одаль изящные строились царства
По иноземным – поди – чертежам.
Смерды горбатились, ширилось барство,
Шарили нехристи по рубежам.
Но лишь зардеются ратные крики,
Глядь – выступают на свет из степи
Воины. Древностью дышат их лики,
Да и доспехов таких не купить.
Знать, ни в одном баснословном сражении
Не обошлось без подмоги степной.
Богатырей бескорыстно служенье,
Каждый прикроет спиной, как стеной.
Помнится полюшко им Куликово,
И под Полтавой случалось бывать,
Бородино для героев не ново,
Курск, Сталинград – не пустые слова.
Снова от страха сжимаются маки,
Западный ветер сгибает ковыль,
Молния чертит священные знаки,
Мрак выстилает канавы и рвы.
Знать, погуляли по воле довольно.
Рвутся мечи, как живые, вперёд.
Вдосталь ходили незримо, окольно –
Голосом крови нас кличет народ.

Иван ВЕЛИЧКО

Иван Величко родился в 1990 году в г. Калининграде (ныне – г. Королёв) Московской области. Окончил Московский авиационный институт (МАИ). Работает в РКК «Энергия» инженером-испытателем. Лауреат (I место) конкурса «Звуки космоса» в номинации «Стихотворение о Космосе» (2015). Лауреат II степени (2017) и I степени (2019) Премии им. С.Н. Дурдылина в номинации «Проба пера», конкурса молодых авторов Московской области «Живая память Великой Победы» (3 место, 2021). Награждён специальным дипломом «За яркую творческую индивидуальность» в конкурсе «Великий фокусник – природа» (2021). Автор и исполнитель песен, регулярно принимает участие в общегородских мероприятиях, литературно-музыкальных гостиных, творческих вечерах. Руководитель Союза молодых литераторов «Финист» (г. Королёв). Член координационного бюро Совета молодых литераторов Московской области при СПР.

* * *

Единство или одиночество –
Что выберешь, моё Отечество?
И сохранит ли отрок отчество? –
Потомок твой в потёмках мечется.

О дивный новый мир! Кем станем мы?
Подопытные крысы в камерах.
И захотим, как встарь, при Сталине.
Но «Труд освободит» – на баннерах.

Свой кубик-рубик одиночества
Нести в руках, вращать, разгадывать,
Искать свершённые пророчества
У древа искушённым гадом нам.

Но в чём единства проявление? –
В простом молитвенном молчании,
В соборном пред врагом сплочении,
За правду против лжи стоянии?

Единство, где ты, в чём же, с кем же ты?
Наш ум – идеями израненный.
Мы никогда не будем прежними.
Какими – ныне выбираем мы.

* * *

Мы жили в нашем мире восемь лет
и думали, войны как будто нет.

Не замечали раненный Донбасс,
пока внезапно не коснулась нас
волна второй коричневой чумы,
и зарево вдали узрели мы.

И начались тревожные звонки,
и лента новостей из-под руки
бежит. Пора в сражении помочь,
прогнав иллюзии о мире прочь.

А жили эти годы, как во сне,
и ничего не знали о войне.

* * *

Мы за мир в этом мире,
хоть мы не от мира сего.
Мы за то, чтобы не было мрака,
чтоб стало светло.

Мы, конечно, за то,
чтобы не было в мире войны.

Мы за то, чтобы радость была
от прихода весны.

Только сволочи вновь нарушают
режим тишины

И снаряды летят в нашу сторону
с той стороны,

И от множества ран
кровоточит родная земля,

И коричневая саранча пожирает поля,
И всосалась в зелёные листья
нацистская тля,
И терпеть безнаказанность зла
в этом мире нельзя.
Вот поэтому надо вступить нам
в решающий бой
И огнём и мечом
обеспечить нам мир и покой.

Зима показывает зубы
И не желает отступать.
Звучат воинственные трубы,
С ней бьётся солнечная рать:
Растопит снег, лёд перемелет.
Весенней песне ты внимай!
Вслед за двенадцатым апреля
Девятое. Победа. Май.

Наталия СИЛАЕВА

Силаева Наталия Андреевна – поэтесса г.о. Серпухов Московской области с псевдонимом Натали Силаева.

Творческой деятельностью занимается с 2005 года.

Член Союза писателей России (МОО СПР), участник СМЛ, руководитель литературного объединения «Клио» г.о. Серпухов Московской области, организатор ежегодного литературного «Конкурса-Клио», организатор литературного проекта «Поэтические среды в ЦБС».

Лауреат и дипломант многих конкурсов, в том числе и международных. Участник многих литературных мероприятий и фестивалей.

Неоднократно была удостоена стипендий Губернатора Московской области молодым талантливым авторам

Московской области, Главы городского округа Серпухов Московской области.

Автор двух личных поэтических сборников, составитель и соавтор 5 коллективных изданий ЛИТО «Клио». Имеет публикации в коллективных сборниках современных поэтов, альманахах, журналах, иных периодических изданиях, СМК и СМИ.

Приходи на меня посмотреть:
Как казнённое тело без жизни
Беспощадно терзает плоть.
А увидишь Костлявую – свисти.

Помяните за праздным столом.
Стая воронов скоро слетится.
Опустеет оставленный дом –
Заскрипит в тишине половица.

Нет, не призрак, не друг и не гость:
Просто память – наружу скрипом.
Но осталась
 осколков горсть –
Сердце было когда-то разбито.

Здравствуй, небо, по-летнему светлое.
Только ты сможешь руку подать.
Свое счастье сберечь не сумела я.
А ведь думала – вот благодать.

Пусть уходит скорей лето жаркое –
Я давно уж его не люблю.
Нет, не жаль ничего, не страшно мне –
Забери мою боль к сентябрю.

Пусть прольётся осенними ливнями –
Будет страшный потоп на Земле.
Меня силы и чувства покинули,
Только память осталась во мне.

* * *

Этот вечер предательски тих –
Подступают, как хищники, тени.
В полумраке рождается стих,
Словно новые в жизни ступени.

Утром солнце уже не взойдёт –
Будут тучи по небу разлиты,
Птицы белой вчерашний полёт
Обернется паденьем о плиты

Чёрной памяти – жёсткий гранит
Как надгробие – временем пытка.
Кто-то каждую мелочь хранит,
Кто-то хочет уйти от избытка

Ярких красок, свечения и звёзд –
Этих бабочек – глупо порханье...
А рецепт до безумия прост:
Верно следуйте

за желаньем.

* * *

Мне весна не нужна –
Она где-то не рядом.
Заблудилась душа –
С нею в тень я присяду:

– Отчего не поёшь,
Ведь цветут в саду вишни?
– От себя не уйдёшь,
Если в мире ты лишний.

– Что случилось с тобой?
Неужели замёрзла?
– Как ни странно, зимой
Было жарко. Серьёзно.

– Отчего не страшны
Были снег и метели,
А все краски весны
Тебе вдруг надоели?

– Оттого, что весна
Забрала моё счастье.
Нет покоя и сна –
Разрываюсь на части.

Алексей ЛАВРОВ

Лавров Алексей Павлович родился 03.12.1997 года. Член координационного бюро СМЛ Московской области. Член Воскресенского ЛИТО «Радуга им. И.И. Лажечникова. Лауреат литературного конкурса «И просыпается поэзия во мне» (г. Воскресенск, Московская обл., 2015), дипломант (2017) и лауреат I степени в номинации «Молодое дарование» (2021) литературной премии им. Е. Слободянюк (г. Белозерский, Воскресенский г.о., Московская обл.), участник обучающих семинаров для литературно-одаренной молодежи ЦФО в с. Овстуг (сентябрь 2020 г., май 2021 г.), лауреат конкурса авторских стихотворений студенческого фестиваля поэзии «Carpe diem» (Москва, апрель, 2021 год), участник V

Конкурса молодых поэтов "Зеленый листок" (г. Тверь, июль 2021 г.), финалист открытого поэтического конкурса-фестиваля «Литературные Старки- 2021» в номинации «Поэзия. Свободная тематика» (с. Черкизово Коломенский г.о., Московская обл. 2021 и 2022 года), участник Юбилейного V конкурса молодых поэтов на приз им. Бориса Богаткова (2021 г.), участник Сопевания молодых литераторов СПР Московской области и ЦФО «Посадский Экспресс». Работаю в школе МОУ СОШ «Горизонт» г. Воскресенска учителем биологии и химии, учусь в аспирантуре Института биологии и химии МПГУ.

1. * * *

За окном ноябрь.
Отделились
Боковые части от побегов
Лиственных растений.
И тоскливо,
Хочется скорей зимы и снега.

Огоньков пестрящих вереницу!
Чтобы детвора у снежной бабы,
Стала танцевать и веселиться,
Распевая: «Кабы, кабы, кабы...»

2. 1 марта 2022 г.

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут
(«Варшавянка»)

Суждено циферблату расплавиться
На ледовых часах февраля.
Отчего ты проснулась, красавица?
От того же, что верно, и я...

Ветер дует опять за околицей
Силы тёмные злобно гнетут:
Дескать, люди, воздастся вам сторицей!

Но я верю, что всё успокоится
Засыпай, дорогая,
Я тут.

2. ПИСЬМО
ИЗ СЛОБОДЫ*

Здравствуй друг,
Можно просто тебе позвонить?
Расскажу я про эти высокие сосны,
Про дрозда и синицу, живучку и сныть
И про то, как погода бывает несносной.
Что опасен в промокшем лесу бурелом,
И легко в постоянном дожде заблудиться,
Проходя по заросшей тропинке гуськом.
И как можно нечаянно взять и влюбиться...
Ты б приехал - я сам бы тебе показал,
Как ленивое солнце встает на рассвете.
Когда вроде бы все в этой жизни узнал,
Но дивисься загадкам природы как дети.
Расскажи про Москву... я от шума отвык,
Здесь гудит вдалеке только Новая Рига.
Да стучит топором где-то в чаще мужик.
Или птицы поют - нет прекраснее мига.
Что же, друг? Интересно?

Могу позвонить!

Донесу до тебя я несложную строчку.
Это место никак мне уже не забыть,
Не спеша продолжает оно дальше жить
И поэтому здесь не поставлю я точку...

* АБС «Павловская Слобода» – место прохождения полевой практики студентов Института биологии и химии МПГУ (г.о. Истра, Московская обл.)

Пётр СВИСТУНОВ

Пётр Свистунов – родился в 1995 г. в Москве, живу в городе Химки Московской области. Начинающий поэт и прозаик. По специальности – социальный психолог.

Победитель IV Межрегионального конкурса «Золотой микрофон» в номинации «Авторское слово» и финалист Чемпионата «Дыши поэзией». Участник Школы поэтов на Форуме молодых деятелей культуры и искусств Таврида-2019. Финалист премии «Русские рифмы/русское слово» в номинации «Поэзия» в 2019 г. Участник Слёта молодых литераторов в Болдино в 2020 г., Совещания молодых литераторов Московской области и ЦФО «Посадский экспресс», финалист Всероссийского литературного фестиваля «Солнечный круг» имени Л.И.Ошанина в 2022 г.

**ЧТО ПОПРОСИТЬ
У ПАДАЮЩИХ ЗВЁЗД?**

Вопрос мечты сегодняшней непрост.
Подарков прежних никому не надо.
Что попросить у падающих звёзд –
Когда они не звёзды, а снаряды?

Теперь не до игрушек детворе,
И взрослые не веселы, как прежде,
Но, не давая утонуть в хандре,
Осталась в нас наивная надежда –

Что с близкими всё будет хорошо,
Что пули пронесутся только мимо,
И тот, кто воевать вчера ушёл,
Придёт назад живым и невредимым.

И мы, не понарошку, а всерьёз,
Поверив твёрдо в старые приметы,
Попросим мир у падающих звёзд –
Когда они не звёзды, а ракеты.

ЯЗЫК ЗЕМНОЙ ЛЮБВИ...

Язык земной любви, язык влечения тел,
Исчез из словаря, подобно букве «ять»;
Перехватив твой взгляд, я словно онемел,
Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Хотя поёт душа – косноязычна речь.
Не выразить мне вслух,
что только ты – мой свет;
Но чтоб не промолчать,
но чтоб любовь сберечь,
Я буду вновь и вновь
смотреть тебе в ответ.

КОМЕТА

Я комета, я огненный шторм в пустоте,
Я космический гость неизвестных орбит.
Я лечу яркой вспышкой к далёкой звезде
Через космос открытый...

Кому он открыт?!

Я комета, я в небе сверкающий след,
Я космический странник из давних времён,
И я мчусь мимо мирно уснувших планет,
Лишь успев помахать им ионным хвостом.

А бывает, я рушу пылающий дождь
Из камней на ни в чём

не повинных существ.

Я комета, я смерч, улетающий прочь,
И внутри меня сплав ядовитых веществ.

Я комета, я плавлю космический лёд
Гравитацией возле горячих светил.
Я комета, и мой бесконечен полёт,
Меня космос к движению приговорил.

Я комета, и взять не пытаюсь я в толк,
Для чего я лечу по орбите своей,
Я космический странник, мой путь одинокий,
И сгорю до конца я в пространстве ночей.

Я давно не считаю, который парсек
Позади остаётся, обманчиво тих.
Я комета. Но может быть, я человек,
Что по жизни летит, не заметив других?

**ПО УЛИЦАМ,
ГДЕ НЕ БЫЛ Я ДАВНО**

Казалось, что мне стало всё равно,
Но, возвращая старые терзания,
По улицам, где не был я давно,
Навстречу мне идут воспоминания.
Былые чувства, словно миражи,
Мерещатся во взглядах незнакомых,
И, кажется, ты только покажись –
Я здесь себя почувствую, как дома.

Морозный день резьбою по стеклу
Рисует всё, что было под запретом,
И караулит память на углу
Твоим рыжеволосым силуэтом.
Я думал, что смирился и забыл –
Спокоен, как рассказчик в эпилоге –
Но чувствую давно уснувший пыл,
Когда сюда опять приводят ноги.

Былые чувства ожили в душе,
Вот только есть печальная загвоздка –
Однажды ты, прогнав меня взашей,
Сказала «нет» на этом перекрёстке.

Анна КОШМИНА

Журналист, светский обозреватель, автор стихов, участник арт-проектов, член ЛИТО «Звонкая строка». Училась в Институте журналистики и литературного творчества при Союзе журналистов Москвы, посещала творческие мастер-классы известных литераторов. В 2020 году представила свой «Поэтический концерт» на радиостанции «Русский мир», в 2021 году стала финалистом поэтического конкурса «Поколение новой России», в 2022 году — лауреатом I степени поэтического конкурса «Мирное небо» и дала интервью глянцевого изданию «Freedom Strength Beauty», в 2023-м стала председателем жюри конкурса «Мир, который не умеет жить в мире». Печаталась в поэтических сборниках, готовит к публикации собственную книгу стихов.

* * *

Россия-матушка, Земля,
Родная мать — моя улада!
Вдали мне видятся поля,
И средь полей царит прохлада...

Там нестерпимый волчий вой
Прервет в ночной тиши забвенье —
Бессмертный полк в безумный бой
Восстанет новым откровеньем.

Вперед! Не предавать себя!
Судьбу принявши на поруки,
За брата брат идет, скорбя
За свой народ и вдовьи муки.

Календарей кровавых дней
Страницы вырвет вольным ветром.
И ночь от ночи все темней...
Но глас с небес прольется светом.

Как нам, прожив в плену страстей,
Святую правду проповедать?
Не видеть тысячи смертей
И горя матерей не ведать?

Служить Отчизне, чтить свой род
И Богу быть всегда угодным —
Тогда воспрянет наш народ
Пред делом правым, благородным!

* * *

Уже не будет никогда как прежде,
И прежних дней... Увядавшие цветки
Застелют тропы дремлющей надежды,
Любви и веры выжжены ростки.

Безмолвный, словно обречённый,
Стоит дремучий лес. Огнём
Объято небо. Расточённый,
Весь мир умолк одним лишь днём...

И, не успев проснуться, канул,
Застыл мгновеньем в темноте...
На небесах он громом грянул,
Исчезнув в вечной пустоте.

* * *

В этом мире многое мне чуждо,
В этом мире многое мне странно.
Свет души здесь кажется не нужным,
Становясь вдруг призрачно-туманным...

Мой мятежный дух — не что иное,
Как томление ноющего сердца.
А вдали за каменной стеною
Потайная маленькая дверца...

Но, быть может, вы в другой стихии,
Где ломают крылья серафимам?
Где сердца в запретной эйфории
Глухотой повержены незримой!

В этом мире многое мне чуждо,
В этом мире многое мне странно...
Свет души давно уже не нужен —
Стал он следом призрачно-туманным.

* * *

Не сойти мне с обрыва высокого,
Не сломаться под страшными ливнями!
В шуме волн океана глубокого
Ветер гладит мне волосы длинные.

Серпантином дорога уводит
Выше скал, и берёт меня оторопь:

Кто-то глаз с меня, знаю, не сводит
За крутыми судьбы поворотами.

Отголосками тонкие нити
Всё плетутся за мною бездомные –
Мои мысли – в мечтах сохраните
Небеса голубые бездонные!

Анастасия ШАЛУНКОВА

Шалункова Анастасия Алексеевна начинающий писатель, автор рассказов в жанре ужасов и фантастики, опубликованных на английском и русском языках. По образованию антрополог, по профессии – нарративный дизайнер и сценарист видеоигр. Рассказы опубликованы в таких журналах, как «Наука и Жизнь», «Уральский Следопыт», «Новая Литература», «Гостиный Двор», а также озвучены в рамках проекта «Модель для Сборки» и т.д. Победитель семинара-совещания «Мы выросли в России, 2021, Юг» в секции «Фантастика». Стипендиат семинара-совещания «Мы выросли в России, 2022, Урал» в секции «Драматургия», финалист XII Всероссийского совещания молодых писателей в номинации «Проза» в возрастной категории 20-35 лет. В данный момент работает сценаристом видеоигр в качестве самозанятой.

ЗАБОР

Руки болели, коленки саднило, но Майя решила не сдаваться.

– Слезай давай, – буркнула Кира, – пошли в «десятку».

Майя прикусила губу. Брекеты сильно натирали, и девочка лишний раз убедилась, что в этой жизни нельзя верить трём вещам. Учительнице, когда та обещает не звонить родителям, справке об освобождении от физкультуры, и стоматологам, если те клянутся, что «ты ничего не почувствуешь». В итоге и на физиру ходишь, и по домашним арестом сидишь, а во рту творится форменный кошмар.

– Майя, пошли, оно тебе надо?

Девочка протянула руку и зацепилась за соседнюю секцию. Детский сад на окраине микрорайона был огорожен решетчатым забором. Он сильно нагревался на солнце и так же быстро остывал. Хуже были заросли крапивы по всему периметру. Майя пыталась не дотрагиваться, поднимая ноги повыше, но, чем дальше она уходила от центральных ворот, тем гуще и выше росли листья.

– Блин! – воскликнула Майя, когда отросток полоснул по коже.

– Майя, родители узнают, тебе кирдык! Снова одна буду гулять!

– Не узнают!

Майя с усилием поставила носок правого кроссовка на небольшой выступ и подтянулась так, чтобы зацепить пальцами верхний край забора. Можно, конечно, считать и, быстро срезав дальний угол, вылезти через забор со стороны

круглосуточного минимаркета. Вряд ли Анька, противная зараза из пятого подъезда, это заметит.

Нога соскользнула, и Майя больно стукнулась верхней губой о перекладину. Брекеты вонзились в кожу, и девочка выругалась, используя слово, подслушанное у взрослых.

– У тебя все равно не получится!

– Кира, ты вообще за кого?!

– За тебя!

– Ну и не мешай!

Договор есть договор. Нечего говорить, что девчонки не умеют слово держать и, тем более утверждать, что Майя слабачка и не может, ни разу не ступив на землю, проползти вдоль забора детского сада. Полный круг, от ворот до ворот. Анька даже прыгнуть нормально не может. А Майя до школы идёт с другого конца микрорайона, полтора километра каждый день в одну сторону, туда и обратно.

Майя вытянула руки, повиснув под углом сорок пять градусов над землёй. Костяшки побелели. Впереди зеленел особенно чудовищный куст крапивы. Что хуже, из него вверх росла то ли яблоня, то ли клён, в общем, что-то очень развесистое и труднопроходимое.

– Все ещё висишь? – раздался голос Ани. Майя не видела соседку, но живо вообразила её светлые волосы с подкрашенными зелёными прядями, розовую футболку с такими же штанами и черные кроссовки на толстой подошве. Выглядела Аня куда старше пятого класса и уж точно куда взрослее Майи, которую до сих пор принимали за пацана.

– Я думаю.

Можно было бы залезть на сам забор и, надеясь, что она не шибанётся с него, изобразить канатоходца. Но рисковать перед противным взглядом Аньки не хотелось. Она же житья не даст до конца лета.

Майя сунула руку в куст и тут же одёрнула. Тонкие ветки образовали непроходимое препятствие.

– Ань, отстань от неё, она уже пол пути проделала! Пошли в «десятку»!

Десятка была многоэтажным домом с незакрытым выходом на крышу. Майя прекрасно понимала, что однажды до жильцов дойдёт, что стайки подростков шатаются по подъезду не просто так, и тогда лазейку закроют на замок. А пока надо было ловить момент.

– Ещё чего! Сказала, все проползёт, значит, проползёт!

Майя чуть повернула голову и увидела, что Аня держит впереди себя смартфон в чехле с единорогом.

– Пить хочешь? – спросила Кира.

– Хочу.

Подруга достала из рюкзака бутылку колы. Удерживаясь одной рукой за решётку, Майя взяла газировку и сделала два больших глотка. Рука отозвалась болью – висеть на одной левой было сложно, вес тянул к земле.

– Что задницу отъела, да? – хихикнула Аня продолжая снимать.

Майя посмотрела на куст крапивы и ветки. Надо было что-то решать. Девочка снова зацепилась за верхний край, подтянулась и перебросила правую ногу на противоположную сторону. Зафиксировавшись на перекладине, как на велосипеде, она перенесла левую конечность и уселась спиной к Ане и Кире.

Внизу находилась клумба с тюльпанами. Если шандархнуться на неё, будет не сильно больно, но это попадёт на камеры, и Майя просидит под арестом до самого конца августа. Ещё и интернет отключат.

Она в ужасе подумала о тоскливых трех месяцах, проведённых в маленькой квартирке с выходом на солнечную сторону. Как в лучах света будет летать пыль, как внизу будут гулять соседи и одноклассники, а её будут заставлять заниматься английским и читать школьный курс литературы.

Майя перевернулась, снова зацепилась руками за край. Нашла точку опоры. Немного повисела, оценивая лежащий впереди путь, и двинулась дальше. Раз секция, два, три. Клумба с тюльпанами осталась далеко позади. Тонкие ветки царапали пальцы. Крапива все-таки задела лодыжку, и кожа покраснела. Ещё секция. Четыре, пять. Аню и Киру было не видно – их скрывали заросли.

– Тебя ж поймают! Сейчас охранник на камере увидит и все! – крикнула Кира.

– А я тебя ещё раз спрашиваю, ты за кого?! – крикнула Майя. Нет бы поддержать.

Раз. Два. Три. Главное, зафиксировать ногу и точно знать, за что зацепиться. Забор крепкий, выдержит.

Девочка снова подтянулась и уселась на перекладину, вцепившись в неё пальцами, чтобы не упасть.

Кира и Аня о чем-то увлечённо болтали. Майю кольнула ревность – нашла себе подружку. Все же знают, что Аня та ещё кидала.

– Что, устала? – съязвила «розовая футболка».

Майя поднесла правую руку ко рту. Губу саднило. Опять будет жгучее восприятие как в тот раз, когда она упала с велосипеда. Зубы неприятно тянуло.

– Давай, слезай, – добавила Аня.

– Да, слушай, пойдём. Надоело уже! – вторила Кира.

– Ещё чего! – крикнула Майя, перебираясь обратно на внешнюю сторону забора. Впереди виднелось одноэтажное здание котельной. От забора его отделяло чуть больше метра, а образовавшееся пространство ужасно воняло. Ребята постарше иногда залезали с забора на крышу, но для этого надо было быть ростом повыше. А не метр сорок, как Майя.

Пространство до гаража ярко освещало июльское солнце.

Майя сделала глубокий вдох и положила руку на нагретую часть забора. И без того натёртую кожу обожгло. Ощущения были настолько неприятными, что девочка чуть не разжала руки.

Решётка была просто раскалена. Майя задрала к небу голову. Солнце тонуло в глубоком синем море без единого облака.

Ладно, это всего сколько метров пять. В горле пересохло.

– Кира! Дай попить!

Подруга подошла к ней, залезла в рюкзак и ойкнула.

– Слушай, прости, я все допила.

– Предательница.

– Ну извини!

Майя протянула руку дальше к соседней секции. Зафиксировала ногу. Ещё подтянулась. Занесла ступню. Надо пройти горячий участок побыстрее, но каждое движение давалось с трудом. Тело протестовало против лазания по раскалённому забору. Хуже всего было голым локтям и коленкам.

Солнце грело шею и короткие волосы. Железная решётка обжигала ладони.

Горло саднило от жажды. На глаза навернулись слезы. Вот ещё, чтобы Аня слезы заметила, не хватало. Майе живо представилось, как её дразнят истеричкой или ещё чем похуже.

Ещё секция. Ещё одна. Ещё. В нос ударила вонь от стихийной помойки между гаражом и забором. Но зато там была тень. И железо точно было холодным.

- Ой, я туда не пойду, – протянула Аня.
- Я тоже, – вторила ей Кира.
- Слушай слезай, мы тебе верим, – крикнула Аня.
- Мы в «десятку» пойдём!

Больше всего на свете хотелось встать на твёрдую землю. Дать рукам отдохнуть. Помазать специальным стоматологическим кремом жгучие ранки от бректов. Но до полного круга оставалось ещё десять секций.

Майя сделала глубокий вдох, чтобы не дышать зловонным мусорным соком, и оказалась за гаражом. Поверхность забора казалась ледяной.

- Эй, а ну слез! Ты чего тут делаешь?!

Аня и Кира с визгом спрятались с обратной стороны гаража, так чтобы охранник их не увидел. Майя же почувствовал себя котом, застрявшим с дуру на дереве.

«Чоповец» в псевдовоенной форме (Майя как-то расспросила взрослых по поводу солдат в школах и супермаркетов, на что ей со смехом пояснили, мол, никакие это не военные, а просто форма такая), полноватый мужик с крайне злобным выражением лица, продирался через клумбу к краю забора.

– Быстро слез, кому сказал! У нас тут камеры! – он со всей силы стукнул по решётке, – думаешь, мне твоих родителей будет сложно найти?! Ну все, держись!

Майя огляделась. До главных ворот «чоповец» доберётся за пару минут, но ещё нужно сделать крюк до котельной. За это время девочка легко дойдёт до конца дистанции, спрыгнет на землю и убежит. Майя начала ползти дальше, прочь из зловонной расщелины, но вдруг поняла, что охранник идёт вовсе не к главному ходу.

А к калитке под тяжёлым замком всего в двух метрах от Майи.

Девочка посмотрела себе под ноги. Из мерзких мусорных пакетов под ноги натекла отвратительная жижа. Все было какое-то склизкое, вонючее, и от мысли, что туда придётся прыгнуть, к горлу подкатывала тошнота.

Ползти обратно на солнечную сторону и прыгать там? Тогда она точно проиграла. И дело не в издёвках Ани, и не в том, что Кира явно нашла себе подружку получше. А в том, что, она, Майя, никогда не забудет, что сдалась.

- Ну, чего висишь?!

Охранник уже оказался у котельной, но не рисковал заходить в стихийную свалку.

- Ну все, капец Майе! – раздался голос. Киры.
- Так ей и надо, – хихикнула Аня.

Майя со злостью подтянулась на заборе. Ткань на груди зацепилась за острый край и порвалась. Не обращая внимания, девочка встала на перекладину, совсем как в цирке, и широко расставила руки. Шаг. Ещё шаг.

Охранник стукнул по забору. Вибрации хватило, чтобы Майя потеряла равновесие и едва не упала на клумбу с обратной стороны.

До крыши котельной чуть больше метра. Никак не дотянуться. Длины руки не хватит. Да и зацепиться не за что. Майя в ужасе подумала о возможном

содержимом мусорных пакетов и решила, что лучше уж падать в сторону детского сада и что-нибудь себе сломать.

– Что, кинули тебя твои подружки? – охранник уже не пытался до неё дотянуться, а просто наблюдал за страданиями.

Майя вытянула шею. Ага, вон стоят, смотрят что-то на смартфоне. Прошлым летом её также бросили – но там были мальчишки, какое им доверие. Однажды просто посмотрели и сказали, что с девчонками больше не дружат. Вот так просто. Без объявления войны.

– Слезай!

На грозный окрик охранника девочки обернулись. Даже издалека Майя видела мерзкую улыбку Ани. Ждёт. Ждёт, когда Майю с позором стащат вниз. В рваной футболке, с разбитыми коленками, обожжёнными пальцами и расцарапанными руками.

Майя чуть согнула колени. Всего чуть больше метра. Ничто. Физрук говорил, что норматив в третьем классе целых полтора.

И с криком Майя прыгнула.

Раскалённая солнцем поверхность обожгла локти и кожу. Зацепиться было не за что, и Майя до крови вцепилась пальцами, барахтаясь ногами, словно в воде.

Беспопашная гравитация тянула вниз, но девочка отчаянно тащила нижнюю часть тела на крышу. Ноги скользили по гладкой стене. Кроссовок соскочил с правой ноги и упал в мерзкую мусорную кучу. Футболка, из без того порванная, окончательно разошлась по шву. Живот обожгло. Брекеты вонзились в губу, и девочка почувствовала привкус крови на языке.

– Ты что, больная?! – заорал охранник.

Майя вдруг почувствовала, что больше не падает. Она перевернулась на спину, подставляя грудь, живот и лицо июльскому солнцу. Где-то на заднем плане копошились мысли, как она будет объяснять почему выглядит так, будто дралась с медведем.

Потом Майя села. Коленки и локти, что называется, не имели живого места. Все в царапинах и синяках. Шорты порвались на правой стороне бедра.

Девочка встала, и хромая подошла к краю крыши. Аня и Кира обалдело смотрели на неё, а охранник уже скрылся на вверенной территории. Либо пошёл искать управу, либо решил, что побитая девочка в разорванной одежде – это не его проблема.

Рот горел огнём. Надо как-то попасть домой, переодеться, выбросить порванную одежду в мусоропровод и помазать ранки, пока боль не стала невыносимой. Но дома ждёт бабушка – а мимо бабушки не пройдёшь.

Девочка отошла к дальнему углу, где из земли торчала черная шина. Свесила ноги. Прыгнуть вряд ли получится. Надо, чтобы кто-то подстраховал. Сил почти не осталось.

Кира оказалось у самого угла котельной и протянула Майе руку.

– Давай, слезай!

– Это нечестно, пусть ещё ползёт! Там ещё вот сколько осталось! – крикнула Аня.

– Закончишь? – спросила Кира.

– Иди ты в баню, Кира! – вдруг разозлилась Майя, – валите в «десятку» и там ползите!

– Да сама иди, больно надо мне с тобой дружить! Ты же поехавшая, все знают!

Майя сняла с ноги второй кроссовок и со всей дури швырнула его в Киру. Девочка совсем по-детски заплакала, а Аня, притворно и неестественно, принялась её успокаивать. А потом подружки ушли. Вот опять одна, как и прошлым летом.

Июльское солнце жгло спину. Слезать не хотелось. Придётся идти домой, объяснять, что случилось. А на крыше хорошо. На крыше никто тебя не достанет.

О стенку котельной ударилося что-то тяжёлое.

– Слезай, чучундра, – раздался голос охранника. Пожилой «чоповец» приставил деревянную лестницу, – Слезай, говорю. Я никому ничего не скажу.

– Обещаете?

– Делать мне больше нечего. Сам такой был.

Майя слезла по шершавой лестнице и оказалась на твёрдой земле. Допрыгнула до выброшенного кроссовка и надела его на ногу. Охранник передал ей второй, вынутый из кучи мусора.

– Спасибо, – буркнула девочка.

– Это что у вас, игра, новая, что ли? Как это внук у меня называет, «челлендж»?

– Да нет, на слабо взяли.

– Понимаю, – добродушно сказал охранник, – а теперь брысь отсюда!

Майя поковыляла прочь, придерживая ушибленный локоть. А в груди кричало что-то до этого момента незнакомое и сильное.

Я победила. Я победила. Я победила.

Лариса НАЗАРЕНКО

Лариса Ивановна Назаренко – родилась в Москве. По образованию экономист. Стихи стала писать с 1995 года. Является членом МГО СП России, Академии Российской Литературы. Выпустила четыре сборника стихов: «Осень лет» – 1999 г.; «Пока держу связующую нить...» – 2008 г.; «Приемлю бурю и покой...» – 2013 г.; «В калейдоскопе перемен» – 2020 год.

Печатается в различных поэтических сборниках: «Поэзия», «Московский Вестник», «Московский Парнас», «Великороссь», «Москва Поэтическая» и многих других. Награждена медалями: «А.П. Чехов», «А.С. Грибоедов», «М.Ю. Лермонтов», «И.А. Бунин», дипломом с вручением медали «60 лет Московской городской организации СП России». В

2016 году отмечена наградным знаком: «Заслуженный писатель» МГОСПР.

Живёт в Москве.

ПЕРЕЖИТЬ ЖИВЫХ

*Посвящается
Льву Константиновичу Котюкову*

С иным Человеком уходит Эпоха,
Уходят Идеи, уходят Дела.
Он верно служил до последнего вздоха,
А служба совсем непростою была:
За каждое слово в ответе пред Богом,
Не только за слово – за мысли свои.
Идя по разбитым, размытым дорогам,
Попробуй-ка чистым себя сохрани!
Достанет ли духа шагать без оглядки
На свору голодных и лающих псов,
Рычащих, хватающих злобно за пятки,
Пока не сорвут от брехни голосов...
По меркам земным не суди Человека,
Он Слову, как Богу до смерти служил.
Последние дни собирал по сусекам
И верой в бессмертье живых пережил.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

Говорят, дорога к счастью длинная.
Я уже замучилась шагать
Не дорогой, а землёй целинной,
Где и тропку надо протоптать.

Заплутала, видно, в чистом полюшке,
Здесь округ полынь да лебеда,
А за мной бредёт моё же горяшко
И репьём цепляется беда.
Поседела бедная головушка,
Захромали ноженьки в пути.
Спой хоть ты, залётная соловушка,
Мне, иначе, просто не дойти.
То рассвет я встречу зорькой раннею,
То закат вечерний провожу,
И держусь пока надеждой малою –
Может, счастье в ночь подсторожу!
Горизонт – надежда бесконечная,
Сколько шага ты не прибавляй.
По Пути Отец направил «Млечному»,
Я ж пошла по полю «Разгуляй».
Подо мною – твердь земная вертится,
Надо мной – небесный звёздный Путь...
Если в Вечном счастье разувериться –
Временному как не упорхнуть?!

ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

Стремиться к истине, стремиться,
Не ставя целью до конца
Непостижимого добиться –
Конец достоин мертвеца.

Жить полно, каждое мгновенье
Принять подарком дорогим,
Вдыхать, как воздух, вдохновенье
И щедро даровать другим.
Нести достойно жизни ношу.
Что плоть? – когда наверняка
Её, как в сказке шкурой сброшу
И налегке уйду в века!

* * *

Жизнь продолжается:
Пишутся сказки,
Мамы катают по паркам коляски.
Детки, подросшие, сказки прочтут,
Дружбу, играя, войне предпочтут.
Добрые мысли, дела и поступки.
Мирно воркуют, хлопочут голубки,
Хлебные крошки с земли подбирая.
Кто-то за это, за всё умирает...

СОРОКА-БЕЛОБОКА

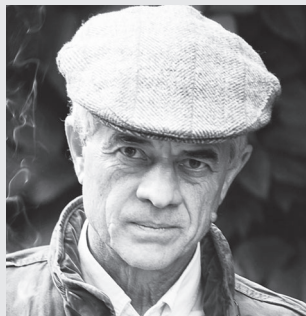
Эх, сорока-белобока,
Не летаешь ты высоко,
Всё по крышам да заборам,
Возмущаешь своим ором!
Распри, панику разносишь,
Глазом чёрным хитро косишь...

Кыш! – никчёмная ты птица,
В чём ты можешь пригодиться –
Балансировать хвостом,
Чтоб не встретиться с котом?
С детства птицу невзлюбила
Статуэткой на комодке,
И «нечаянно» разбила,
Вопреки мещанской моде!

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ

Любви последнее пристанище –
Божницы тёплый уголок
Заменит мать, отца, товарища,
Когда тому наступит срок.
С дочерним тянешься доверием
Прильнуть к знакомым образам,
Где не земным аршином меряют
И верят искренним слезам.
Здесь не помогут многословие,
Поклоны на коленях в пол.
Одно, но главное условие,
Чтоб к Богу с совестью пришёл.
Глядишь, и Бог тебе откроется:
С крещения самого дано
В делах узнать Святую Троицу –
Животворящее вино.

Владимир БОРДЮГОВ

Родился 21 марта 1956 года в Московской области. Закончил Московский инженерно-строительный институт.

Член Московской Областной Организации Союза писателей России. Автор шести сборников стихов: «Жёлтый лист» (2016), «Зеркала» (2017г), «Весенний грач» (2018г), «Да что я знаю о войне...» (2019г), «Поздний гость» (2020), «Генная память» (2020).

Лауреат и дипломант Международных, Всероссийских, Московских, областных и районных литературных конкурсов и премий.

* * *

Из кучевых нависших облаков
Стрела, отпущенная солнца тетивой,
Отрикошетила от старых куполов
Дорожкой зыбкою над дремлющей рекою.
И этот блик в вечерней тишине,
На удивление, трепетный и дерзкий,
Играл так` ярко, словно по волне
Плывёт моё нетонущее детство.

РАСШИБАЛА

Я в детстве был богат до неприличья.
Карман свисал от тяжести свинца
Пузатой биты, ножика отца,
И прочей драгоценнейшей добычи.

В кармане жил в скобу согнутый гвоздь,
Резинка для стрельбы из самострела,
Монеток медь, в фольге кусочек мела,
И семечек поджаренная горсть.

Двор криками будил нас поутру,
Не за чиру – в казну летела бита,
И в расшибалы двушники побиты
Не лезли в автоматную дыру.

Ножками рисовали города
И брали их, вгоняя в землю финку...
В кармане гвоздь всё шире делал дырку,
Не видя по началу в том вреда.

Потеря мелочи не так уж и страшна,
Списало время мне её за малолетство...
Но через дырку выскользнуло детство,
А вместе с ним и «царская» казна...

ПЕРВОПУТОК

К теплу не ждали перемен,
И след исчез летящих уток,
Зима открыла первопуток
Меж двух усталых деревень.

Ещё не жалила метель.
Не раздражали ночь и скука,
Не обнажала зубы выюга, –
Лишь ровный белоснежный мел.

И деревеньки – ряд домов
С нахохленными петухами
Дымят трубой, стучат дровами,
Швыряя щепки на покров.

Вдохнула вкус и свежесть грудь
Зимы пришедшей колкий запах,
Снег по-кошачьи лёг на лапах
Сосны, от ветра отдохнуть.

И горьковатый чёрный дым
Метнулся ввысь от старой бани.
Хозяин вновь готовил сани,
Как годы прежде, молодым.

Копытил пегий жеребец,
Давно забывший след от саней,
Был рад зиме внезапной, ранней,
Дрожал, не сдерживал желанье
Услышать снова бубенец.

СТАРЫЙ ВЕЛИК

Вдоль железной дороги тропинка,
Если поезд, то – лучше сойти.
Велик старый – моя половинка,
Не оставит меня на пути.

Я гоню двухколёсного «чёрта»,
Что есть мочи, вцепившись в «рога».
И плевать, что покрывша истёрта,
И едва ль «чёрт» пройдёт на бега`.

Вдаль от дома, где нет мне запрета, –
Спуски, насыпь покруче горы,
И стекляшки в тропинке от света
Мне мигают, как брызги воды.

Вдаль по трассе, – подальше от гвалта,
Скорость взять, тормозами – отсрочь,
И щёбёнка из тела асфальта
«Разбегается» в стороны прочь.

На дороге, на переправе,
Кто заменит седло и коня?
В этой гонке, по сути – забаве,
Старый «чёрт» проверяет меня.

Что могу я, за «чёрта» вцепившись...
Он мне брат? – Да, пожалуй, что брат!
А раз так, тесно с великом слившись,
Мы с ним вместе сильнее стократ.

НА РЕКЕ

Река котомкой лодочку несёт,
Плыть по течению – труд неприхотливый.
И берег наблюдает молчаливо,
Ведёт ударов вёсел мерный счёт.

Деревнями разбавлены леса,
Причалы опустили сходи в воду.
Рыбалка... А в хорошую погоду,
Задрал край юбки, обнажая ногу,
Стирает баба, тряпки разбросав.

Мостится стрекозиная толпа
На листьях лилий, на речных кувшинках,
Качается, как будто на пружинках,
И белой развязавшейся косынкой
Плывут по небу тихо облака.

Недвижный лес... Сосна на косогоре
Взметнулась ввысь, щекочет облака,
И небо с голым брюхом от смешка
Хохочет через облачную прорезь.

Июльский полдень... Времецко течёт,
Неторопливо следуя за лодкой,
Камыш торчит початков жёсткой щёткой,
И солнце распоясалось и плёткой
По лицам, травам и деревьям бьёт.

Но вот течение падает. Встаёт
Не новая, но всё-таки плотина
С бревном прибившимся, гниющая тесина,
Где полный штиль, и где по пояс тина,
И всё, что сверху речка принесёт.

И, кажется, что здесь притормозил
Двадцатый век с его волной, течением,
А, может, девятнадцатый в смятении
Нам ветхостью плотины пригрозил...

ДОМИНО

На четверых, так крепко скроенный,
Чтоб не дрожал при слове «рыба!»,
Под карты, домино «заточенный», –
Стоял стол местного пошиба.

Над ним в дыму от беломорины,
Как в руки палки эстафетные,
За ходом вслед и матом сдобрены,
Слова слетают не газетные.

Серьёзно, не спеша и взвешенно,
Костяшку медленно с ладони
Берёт сосед и сверху бешено
Об стол её, как нагель, вгонит!

Спешить давно им вовсе некуда,
Подбит чертою стаж и выслуга.
Сидят, дуплятся и кумекают,
Кому бежать, купить... не рислинга.

Одиннадцать. Пора, не мешкая,
Послать гонца в ликёро-водочный...
Струится дыма нитка едкая,
И достаётся ножик пробочный...

На голове у них шапчоночки
Из «Правды», сложенные домиком.
И водка наполняет стопочки
Мужицкой «радости» за столиком...

ЗАГРАНКА

Взревел самолёт,
 унося нас в пространство
Хозяйственный планов,
 слащавых иллюзий,
Что года за два, не меняя гражданства,
Мы станем богаты на зависть французам.

Динамики «Sony» зазывно кричали,
И «Beatles» манил нас
 в «подвал Ливерпуля»,
А мимо машины отчаянно мчались,
И солнце свирепое било, как пуля.

Рукой не коснуться – металл обжигает,
Ждут птицы ночную прохладу, как чудо,
И скрючился лист эвкалипта, и «тает»
Вода в древнем Тигре, как капля на блюде.

Мы стали богаче? Мы стали добрее? ...
Да, «школа» была, где один год за три шёл,
Но только «успех» ненадолго согреет,
Концерт отзвучал, и сменились афиши.

Разломаны семьи длиной ожидания,
Наскучили песни динамиков «Sony»,
И пальмы остались за дальнею гранью,
Как облако пыли напрасной погони...

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТНИМ САДОМ

Всех красок передать не смею.
Вновь желтолистный снегопад
Сугробы прелые навевет
И раскидает невпопад.

О, как мне жаль — не слышу птиц я!
Положе, реже солнца блик,
Всё ближе осени граница,
Тепло — иссохший вдруг родник.

Прощай! А свидимся ль ещё мы?
Мне сад желанный знак подал:
Качнувшись, вышел он из дремы,
Прошелестел остатком кроны
И в ноги яблоки послал...

ЛЕТО

Пахнёт созревшим разнотравьем
Июнь с сухого чердачка,
Прозрачным бабьим обаяньем
Вильнёт, как рыбка из сачка.

Прищурится, заворочит
Из кущи выведенной трелью,
Грибом потянется под прелью,
И соком ягод удивит.

И повернутся головой
Цветы на солнечные «лужи»,
И каплями из тысяч дужек
Сверкнут над росною травой.

И с грустью, но без укоризн,
Смотрел, как лето убывало.
Его всегда нам будет мало,
А время крадучись бежало,
Неся в охапке нашу жизнь...

НЕ ЗНАЮ, ЧТО СКАЗАТЬ...

Не знаю, что сказать в разлучный час.
Рука твоя отдёргнулась пугливо,
Так, словно огонёк в углях угас,
Лишь дым дрожит в бессилии стыдливом.

Не мни, не жги вчерашнее «люблю»,
Пусть между строк сухим листом теснится.
Я этот лист никак не оживлю —
Так хоть узор прекрасный сохранится...

СЛОВА ТВОИ

Слова твои — они без смысла,
Они — без золота песок.
И фраза в воздухе повисла,
Как редкий дождь наискосок,
Как обезвоженный колодец,
Где гулким эхом голоса.
И вместо «да» я слышу «вроде»,
И смотрят в сторону глаза.

Как путник, что из-за тумана
Не видит камня и кустов,
Всё понимая, принимаю, –
И в плен прекрасного обмана
Идти безропотно готов.

ОСЕННИЙ ЛЕС

Стало тихо в пустом в лесу,
Не ворохнутся тени сосен.
Без рентгена скелет рисуй –
Замеревшую в ветках осень.

Прошуршит жухлых листьев пол,
Хрустнет скрюченный сук коленом,
Только елей живых костёл
Иерархом глядит надменным.

Протянул ветки лес, раздет,
О пернатом забыл хористе.
Шарит белка в пустом гнезде,
Да охотничий грянет выстрел...

ИМЯ

Не забыл её имя, а отчество
И не знал, да зачем оно мне...
И гитара звучит неразборчиво,
Как слова старой песни во сне.

Что-то пелось... Не «Бирюсинка» ли?
Про какой-то большой пароход.
Музыканты тарелками дзинькали,
Зазывая на танцы народ.

Не её нагадала пророчица
С золотой блестящей серьгой.
Я стою... Вроде, здесь была... рощица?
И откуда лес взялся густой?

Пароход, роща, имя, пророчество...
Может, было всё это во сне?
Только ночью девчонка без отчества
Наяву вдруг привидится мне...

МАЛИНОВЫЙ ЗАКАТ

Ни облачка... Малиновый закат
Играет дню торжественную коду.
И вечер разливает рос мускат
Кипящим травам и цветам в угоду.

Усталый день склоняется ко сну,
Туманами взбивает покрывала
Лугов, полей... И медленно всплывает
Луна рябая, за день отдохнув.

И так спокойно, мирно на душе,
Неспешно ночь коней своих седлает.
Закат запутался в прибрежном камыше,
И замер на мгновенье, и пылает...

ЧУДО

Повернули головы подсолнухи
К солнцу на закланье, обречённо.
Примеряет август форму школьную,
Дразнит дух антоновки мочёной.

Собирает небо треугольные
Клинья из кричащих многоточий.
Не удержишь – эти птицы – вольные,
Дождь ли, солнце – вылет не отсрочишь.

Наклонили головы подсолнухам,
Принимая осени остуду.
Господи, каким же был я олухом –
Пропустил, как улетело чудо...

ФЕВРАЛЬ

И долго ль жить земле
под рыхлым слоем снега?
Подтаявший пирог
с прослойкой изо льда
Не сладок и тяжёл
для долгого ночлега,
Февральская зима
уже – немолода.

Ей не пошлёт земля
на выпуклые сопки
Случайный первоцвет
и зелень первых трав.
Лишь голый барбарис
привстал из снега робко,
Несобранные ягоды
пожухлые достав.

Февральская зима
 обрюзгла и устала
От самой себя, от насморка...
 Капель
Ещё совсем редка,
 но куст речного тала
В предчувствии ожил
 и медленно краснел...

В СТАРОМ ПАРКЕ ГОРОДСКОМ

Морозный воздух в свете фонарей
Подрагивает в звуках жаркой меди.
Эстрада. Вечер. Группа из парней
Манчжурский вальс
 из труб, охрипших, цедит.

По мутному, изрезанному льду
Скользят за руки взявшиеся пары.
Закрой глаза – иного века дух
Всплывает с фотографий жёлтых, старых.

И кажется, что выскочит на лёд
Какой-то юнкер с юною курсисткой.
Сверкнёт труба и бодро позовёт
На танец со смешливой фигуристкой...

Всплывают довоенные года:
Ещё не брившийся плечистый комсомолец
По хрупкой корке голубого льда
Ведёт подругу хрупкую, из школьниц...

Проходят годы. Духовой оркестр
Меняет ритмы, череду мелодий.
Играй трубач! Ты в старом парке – мэтр!
И дышит медь, не покоряясь моде.

Уйдёт в ручьи последний снег,
Очистит дождь обочину,
Скорей – на велик и в побег
На Подмоскovie вотчину.

Эх, только б не было дождя,
И ветер путь озвучивал!
По тропке, змейкою финтя,
Качусь, чтоб не наскучило.

И верхней скорости рычаг
Вверну, как в карты – козыря,
И подмигнёт мне сквозь ивняк
Рябое блюдце озера.

И пусть дрожит в испуге руль,
И пыль за мною бесится,
Кукушка через листьяв тюль
Кукует околесицу.

Снисходит солнце по лучу,
Поигрывая блёснами...
Я душу ветром подлечу,
Да спицами колёсными...

ПУЛЯ-ДУРА

Мелькнула соколом над полынью,
Над садом, полем, заросшим снытью.
Пронзив со свистом прогорклый воздух,
Минуя вишни и птичьи гнёзда.

Кого искала? – Сама не знала!
Но наострила свинцово жало
И опустилась на грудь парнишки
В солдатской форме,
 с короткой стрижкой...

Он тихо ойкнул, осев всем телом,
А пуля-дура вперёд летела
За сотни вёрст над таким же садом,
Где воронье опустилось градом,
Где мать присела...
Глаза застыли...
Два сердца пуля прошла навывлет...

Анна МАРКОВА

Проживает в городе Раменское.

Анна Маркова выпускница Литературного института им. А. М. Горького, аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ.

Член Союза писателей. Публиковалась в «Литературной газете», в альманахах и журналах. Имеет два самостоятельных сборника стихов, входит в число поэтов и писателей литературного общества «Раменские зори» и литературной молодёжной студии «Росток». Стихи, по её мнению, это путешествия: к далёким звёздам, в глубины мифов, к новым берегам. Но, главное, – к непостижимой тайне.

МОРОЗОУСТОЙЧИВОСТЬ

«Здесь розы краснее,
чем пурпур царей!»
«Капитаны». Н. Гумилев

«Перед тем, как очнуться,
смотри – с твоего корабля»
Песня «Никогда»
из альбома «Алхимия».
Группа «Мельница».
Автор текста –
Хелависа (Н. О'Шей)

Звёздные дали
в чернильной студёной воде.
Взгляни, галактик лучи
уходят в морские пучины.
Покой лишь тревожат
трещащие вечные льды –
Да редко гладкие, чёрные спины.

Смотри же, смотри, с моего корабля,
Там, за бортом,
глубина с высотой созвучны,
Там, за бортом, космические поля –
Мгновенье и случай.

Морозоустойчивость
к сплетням и слухам,
Морозоустойчивость к надменности, скуке
И к бессердечности

Дают эти воды, что звездами полны,
Даёт этот воздух: морозный, солёный
И плавный бег моего корабля.
Здесь пурпура ярче заря.

* * *

«Когда бы не звезда, плывущая,
как рыба...»
«Стихи о феврале». Ю. Мориц

«А потому, что с Ней не надо света»
«Среди миров». И. Анненский

Моя звезда, в сиянье синем,
Плывёт, как рыба в сумеречной зоне,
Под толщею и тяжестью воды,
Неспешно и степенно, словно сны,
В глубоком и далёком небосводе.

Моя звезда не опалит планеты,
Не вспыхнет среди тысяч звёзд
сверхновой,
Она с достоинством Джульетты
Свершает путь и чтит заветы,
Но быть отважною – готова.

И пусть средь ярких, пышных звёзд,
О коих говорят всерьёз,
Она едва ли уловима,
Но свет её... Как взмах ресниц

Или как поздняя малина –
Нежней и слаще. Смотрит вниз,
Звезда, плывущая, как рыба.

И просто светит.

ГОЛУБОМУ ЦВЕТКУ

«Я прах, но ты в мой мозг
своё вложил зерно.
Вот сердце — бабочка! К тебе летит оно».
«Хосров и Ширин»
Низами. Пер. К. Литскерова

Как бабочку не тронь руками,
К тебе холодными словами,
Цветок мечты, небесно-лунный,
Взывать нельзя,
Но сколь б не был, слог мог скудный,
Вял и речист,
К тебе, мой нежный, чистый лист,
К тебе надежда, лучик света,
Мои слова, огнём задеты,
Смирненно тянутся едва
Восходишь ты,
Моя звезда.
Дай силу мне быть сокровенной,
Звездой-цветком благословенным,
Чтоб свет души дарить Вселенной,
Чтоб сохранить твой нежный цвет.

МОТЫЛЁК

Твоя кожа подобна цветку,
Забытому в пыльной книге.
Я вижу сон наяву, –
Прекрасна в каждом изгибе –
Маленьких, тёплых рук,
Прядей, что волнами вьются,
Тонкой (валлийский лук!)
Шеи. Морщинки смеются,
На умном твоём лице,
Быстро бежишь по строкам,
Желаешь понять, что в конце,
Обернется ль судьба – роком,
Для нежных героев книги.
Я думал, не встречу ныне –
Такой хрупкой души,
Как мотылек в тиши –

Едва уловим твой полёт,
В ночном, прозрачном, как лёд
Воздухе.
Но я услышал тебя,
Узнал,
По шелесту ветхих страниц.

ЗИЛАНТ*

Шелестом пряной травы
Ряской в зеленой мути
Первым эхом грозы
Крупицей с песчаной крути –
Слышится голос твой,
Шипенье, углей воркованье,
Колес твоих грозных сжиманье –
В томительный, огненный зной,
Возможно, дано мне изведать;
Зеленым лучистым побегом
Змеинный мне чудится взор.

И всё во земле Казанской –
От берега Волги до неба,
Обернуто трижды могучим,
От солнца горячим, хвостом.

И будто злата дороже,
И будто злата ценнее –
Сокровищ прекраснее всех,
Тот край, что тобой берегаем,
В змеином кольце – храним.

Однажды сражённый в битве –
Навечно – хранитель Казани.

*Зилант – мифическое существо, дракон, хранитель Казанской земли. По одной из версий легенды – был сражён богатырём и навсегда стал хранителем Казани.

ЛАЗОРЕВЫЙ

«Завтра, как в гору спускаться,
будет тут ваш заводской приказчик,
ты ему и скажи, да смотри,
не забудь-то слов...»

«Медной горы Хозяйка». Павел Бажов

Нет, не голубая трава я
Не крушу камень, не режу металл.
На путях рокового трамвая
Отравой масло не я разливала.
Меня –

чужой голос –

не звал.

Я – лазоревый нежный побег,
Мой каменный стебель ярок
Рудой драгоценной влетушь в обсерваторию –
Пусть дух укрепит
Царский подарок.

Под сводом хрустальным
Греет особый свет –
Любезна Медной горы Хозяйка.
И коли вручит она амулет,
Так всё, что велела –

скажи без утайки.

...Дух той горы бережет эту землю,
Люди чтят вековые законы.
Чутко и я

медному голосу

внемлю.

Каменной змейкой спаду
И верну тебя – к дому.

ДИАЛОГ

Спасибо вам, кто со мною звучит –
За каждое слово, за мысль.
За образ, что сердце хранит,
За бездны, глубины и выси.

Спасибо вам, что меняюсь,
Ведя наш диалог,
Узнать больше стараюсь,
Усвоить урок.

За то, что знаю – я больше,
Чем тихенький бой часов,
Звучу нежнее и тоньше,
И громче. Я – сонм голосов

* * *

«А моя бесконечно пылающая душа –
Чью ночь своим слабым огнём осветит?»

«Не знаю».

Хан Ёнун

(Пер. М. Солдатовой, Ро Чжи Юн)

«Нам не дано предугадать
Как слово наше отзовется...»

Ф. И. Тютчев

Чью ночь моя душа осветит?
В ком отзовется эхом снов,
Свободная, как южный ветер,
Откроет множество миров?

В чьём сердце прорастёт побегом,
Или обрушится дождём?
В чьём мире станет белым снегом
Или – огнём?

Возможно, вдруг найдя опору,
Себя «в другом» вновь обретёт
И солнцем, что венчает гору,
Цветком весенним расцветёт.

Не знаю. Не дано мне ведать,
Как слово зазвучит в тиши,
Но верю в бесконечность неба
И в песнь, что шепчут камыши.

Сергей КОВАЛЁВ

Сергей Ковалёв проживает в городе Раменское.
Участник ЛИТО «Раменские зори» и литературной
молодежной студии «Росток».

Издав две книги стихотворений.

ДУЭЛЬ...

Ещё верна любовь Бодлеру,
Ещё тепло хранит постель.
Вдвоём мы подойдём к барьеру –
Дуэль!
Уж лучше так: погибнуть с честью,
Чем в спину подлый твой удар.
Поверь, мы оба жаждем мести –
En garde!
Так пусть свершится же вендетта!
Уж слышен адских гончих лай.
Передо мной ты вновь раздета –
Стреляй!

ЖИЗНИ ВИТОК...

Пока судьбы не рвётся нить,
Пока в глазах сияют звёзды,
Ещё всё можно изменить,
И никогда не станет поздно.

Пусть говорят: всему свой срок,
А жизнь вокруг – сплошная драма,
Несвоевременности рок
Мосты разводит нам упрямо.

Не всё потеряно пока,
Спасенья ищут чьи-то души.
Ведь всё, что в наших есть руках,
Мы сами же подчас и рушим!

Всё ещё можно изменить...
Пусть негибкая воля
Сомнения гонит во всю прыть,
Горит огонь внутри поколе.

Пусть жизни давящий виток,
Получит новое развитие.
Пока есть сила, хоть глоток:
Дышите! Радуйтесь! Живите!

МОМЕНТЫ...

"Счастливым хочешь быть – будь им!" –
Сказать так просто.
Лишь внешне несоизмерим
Путь личный роста.

Куда сложнее не расплескать
Себя по капле.
И глупо, наступить опять,
На те же грабли.

Не претендуй из всех ролей,
На роль паяца.
И в сотни лишних мелочей,
Не размениваться.

Суметь хоть раз перелистнуть
Судьбы страницы,
И вслед мечте, раз встав на путь –
Не отступиться.

Не верить в ложные концы,
И в "хэппи энды",
И каждый миг наполнив "Ци" –
Ценить моменты.

ПАРАМНЕЗИЯ...

На простынь кофе свежий след пролил...
Тревожен день, начавшийся без кофе...
Любовь цеплялась из последних жил...
Но кровь чернеет на прозрачной кофте.

Чернеет сгусток капель на полу,
Вцепилась щупальца его в ковёр...,
в волокна.

Рассвет стучится, разгоняя мглу,
Сквозь прорези... Зашторенные окна.

Рассвет раскрыл безумству краски дня
Последние дражайшие объятия,
Чей призрак входит, душу леденя,
В парамнезию, не могу понять я.

ШАНС...

У каждого есть в жизни шанс,
Понять, где рушатся основы:
Всё важное – отнюдь не ново,
Всё незначительное – фарс.
И каждый волен выбирать,
Пусть выбор и не очевиден
Путей, лежащих не в Евклиде
Гранитных выше сводов, стать.
Отнюдь не каждому дано,
Кто волен этот сделать выбор,
Былое вырвать с корнем, ибо
Привычки с ним сродни давно.

Не все с упорством храбреца,
Сумеют выдержать дорогу:
Сквозь тернии, пусть и понемногу,
Но путь пройти свой до конца.
Возможность есть для всех, для нас,
Для каждого, без исключений,
Наперекор своей же лени,
Чужих посеянных сомнений,
Не упустить свой в жизни шанс.

ЦЕННОСТИ...

Здесь не пульсирует по венам,
Уж больше жажда перемен.
Эпоха ценностей подменных
Протестам всем пришла взамен.

Спасибо памяти короткой –
В наш век горящему клею:
Здесь не встречаются по походке,
Не провожают по уму.

Здесь лица встречные безлики,
Глаза под масками пусты.
Их манят купороса блики,
А бартер – детские мечты.

Не чтут здесь больше
память предков,
Не различают берегов...
Как всё же на руку и метко
Промывка действует мозгов!

КОТЁЛ...

В котле бушующих столетий
Секретный скрыт ингредиент:
Незаменимых нет на свете,
И заменимых, тоже нет.

Уйдут в беспамятство народы,
Простынет древних Майя след,
Накроют Атлантиду воды,
Песком засыплет Назарет.

Уйдёшь и ты, врезаясь в звёзды,
Едва ли завершив свой путь.
Но если мир наш кем-то создан,
То сбудется простая суть:

Однажды кто-то будет должен,
Сменить распятого Христа.
И мир, и путь твой –
жить продолжат,
Начавшись с чистого листа.

Татьяна КРУПНОВА

Крупнова Татьяна, московская поэтесса, член Союза писателей России, родилась в 1955 году.

Она много печатается в поэтических журналах и сборниках. К настоящему времени у неё вышли две книжки поэзии. Тематика её стихов разнообразна. Это стихи о природе и человеческих чувствах, о духовной жизни.

ЗИМНЕЕ УТРО

Зимнее утро пушисто от снега.
Щиплет за пальцы и щеки мороз.
В сердце усталом и ласка, и нега –
Жаль, их с тобой разделить не пришлось.

Быть одинокой и трудно, и странно:
Может ли быть у души пустоцвет?
Белка по веткам бежит на поляну
И разгорается зимний рассвет.

Чёрные семечки-капли роняя,
Снова синичек с ладони кормлю.
Где же ты, радость, надежда бывая?
Где же ты, тот, кого так я люблю?

Сетовать вновь на судьбу я не стану,
Видно во всём виновата сама.
Жизнь, словно чудо, любить не устану,
Как хороша у нас нынче зима!

Хочется в душу вобрать всё живое:
Мира красу, благодарность Творцу.
Как поделиться всем этим с тобою,
Людям отдать то, что в сердце несу?

Зимнее утро пушисто от снега.
Щиплет за пальцы и щёки мороз.
В сердце усталом и ласка, и нега –
Жаль, их с тобой разделить не пришлось.

МАРТ

Талый снег подснежниками пахнет.
По лесу весеннему бреду.
В спину дует ветер бед вчерашних,
Только улыбаюсь на ходу.

Солнышку весеннему вдогонку
Щурюсь, под синичек перезвон.
Чувствую, как юные берёзки
Сбрасывают тяжкий зимний сон.

Скоро вы, родимые, проснётесь,
Повинуясь ласковой весне.
Соками весенними нальётесь,
Весело купаясь в синеве.

На земле, у ног моих, хохлатки
Облачком лиловым поднялись.
Я живу, всё, стало быть, в порядке.
Это ж так прекрасно –
Просто жить!

* * *

Фиалки на окне опять цветут отменно.
И в мире, и в душе большие перемены
Кружится за окном опять снежинок стая,
Но снег уж ноздреват
и плачет грязный, тая.

Поставлю на балкон
 в холодной вазе розы.
Пусть ночью и мороз...

 Последние угрозы
Дряхлеющей зимы знаю, непременно,
И в мире, и в душе нагрянут перемены.

Весна возьмёт своё: я вижу,
 чую, слышу –

Пищат уже птенцы
 у голубей под крышей.

А впереди апрель –
 пастух, поэт и сводник.

Звенит его свирель,
 смеётся он, негодник!

И снова не до сна – мечты, тоска,
 надежды...

Да здравствует весна,
 ведь жизнь цветёт как прежде!

МОИ СТИХИ

Мне пишется, как дышится,
Как чувствуется, слышится.
Когда душа взволнована, –
Стихи рекой текут.
А если всё размеренно,

Привычно и проверено –
Стихам не место тут!

Живут во мне стихи мои,
Я вижу их во сне.
А рифмы птичьей стойкой
Слетаются ко мне.

Летят в ладонь снежинками
Холодную зимой,
Морозными картинками
Узор слагают свой.

Стихи – стрижи в разгар весны
Мне видятся в окне.
На Дон приду и плеск волны
Стихи нашепчет мне.

Хожу ли летом по лесу,
Собираю ли грибки,
Ловлю сравненья-бабочки
Изящны и лёгкие.

И ноша жизни кажется
Не столь тяжёлой мне,
Когда строка уляжется
В тетрадке на листе.

Пусть пишется, как дышится.
Иначе пусть не пишется!

Андрей ИВАНОВ

Родился в 1978 году в Туле в семье военнослужащего. В 1996 году окончил среднюю школу № 15 посёлка Нивский, Мурманской области, Кандалакшского района. В 2002 году с отличием окончил МАИ.

С 2021 года член ЛИТО «Ладога» (Лобня) имени Ю.В. Петрова. Член Союза писателей России. Автор поэтических сборников «Шаги» (2021), «Путь» (2022), «Плод труда и вдохновенья» (2022), изданных в издательстве «Экон-Информ». Публиковался в альманахах «Чайки над Лобней» и «Дебют».

СКАМЬЯ

Старый дом, покосился не мало...,
На пенёках у забора скамья.
Здесь сидели под вечер, бывало,
Наши матери, рядом мужья.

Детский смех, шелуха из-под семок,
Вдалеке от сует городских.
Жизнь текла, состояла из сценок,
Деревенских и милых таких.

Повзрослели, разъехались дети,
На погосте родители их.
Только та же скамейка у клети,
Притулилась на ножках гнилых.

Иногда, по весне приезжаем,
Собираясь большущей роднёй.
И сидим, о былом вспоминаем,
Восторгаясь родною землёй.

И теперь уже наши здесь внуки,
Постаревшие мы – сыновья...
Примет нежно всех, будто на руки,
Возле отчего дома скамья.

АВГУСТ

Как десерт чудный август у лета,
Словно сладкий, тягучий ликёр.
Он искрится под пологом света,
Дразнит запахом, будто бы флёр...

Цвет соломенный, классный, отменный,
Опьяняет меня терпкий хмель.
Перед осенью он вдохновенный,
Липнет патокой, как карамель.

Поцедить постараюсь по капле,
Растянуть удовольствия вкус.
Я у лета в гостях на спектакле,
И звучит его таинства блюз.

Сохраняю его память в закладке,
Взяв тепла у сезона взаймы.
Будет слаще любой шоколадки,
Образ лета в гостях у зимы.

* * *

Бахромются от инея ветки,
И на каждой из них свой узор.
В белоснежной берёза горжетке –
От мороза прекрасный декор.

И белёсо-молочная дымка,
Придаёт потрясающий вид.
И волшебной рукой невидимка
Поправляет пушистый прикид.

А чуть выглянет солнце над лесом,
Заискрятся бриллианты на ней.
Одарил её щедрый повеса –
Разухабистый дед-чародей.

Оглядел он внимательным взглядом:
Может что-нибудь вдруг упустил?
Даже солнышко зимнее радо,
Красоте его духа и сил.

ДОМИК В СУГРОБАХ

У околицы домик в сугробах,
Сизоватый дымок из трубы,
Затерялся в заснеженных тропах,
А за ним вековые дубы.

Я от стужи вбегал в наши сени,
А оттуда на печку стрелой.
И в трубу упирались колени,
Прижимался к тулупу скулой.

Щекотала овчина мне ноздри,
Накрывался тяжёлойолой.
Ух, как пальцы от снега замёрзли,
Будто кто-то их колет иглой.

Отогревшись, спускался покушать,
Сковородка с картошкой, чай, хлеб...
Разговоры родителей слушал,
Всё своё существо отогрев...

Как недавно всё, кажется, было,
Только нету деревни уж той.
И слезинка на миг ослепила,
По щетине скатилась седой.

СВИДАНИЕ

Она пришла под вечер тихо,
Открыла дверь своим ключом,
И замерла, будто трусиха,
Как будто я был ни при чём...

Свет принесла в мою «берлогу»,
И у порога замерла...
Сердца стучат и, слава Богу,
Простого хочется тепла.

И тут же бросилась в объятия,
Жар поцелуев на щеках,
И тихое шуршанье платья,
И блеск любви в больших глазах.

Важны для нас минуты счастья,
Даря себя для одного,
Становимся друг друга частью
Мы, отрясаясь от всего.

СНЕГ ВЕСЕННИЙ ЗАПОЗДАЛЫЙ

Двор вчера сверкал в кристаллах,
Таял лёд и гнал хандру...
Снег весенний запоздалый,
Сыплет в марте поутру.

До чего же снега много
На деревья, на кустах...
До краёв в снегу дорога,
Я по ней идти устал.

Отступать зима не хочет,
Снег кидает мне в лицо,
Но во мне весна клокочет,
Нараспашку пальцецо ...

И, ловлю я ртом снежинки,
Улыбаюсь, хохочу.
А в душе слова-искринки:
"Я весны, весны хочу!"

ЯВНЫЙ СОН

Ночь накинёт плед на плечи,
От бессонницы укрыв,
И шепнёт: "Лишь время лечит",
Боль на время заглушив.

Сон подарит в добром жесте,
Возвращая времена,
Где мы счастливы и вместе,
Там, где солнце и луна...

Память помнит все детали,
Как смеялись на лугу,
И о чём тогда мечтали,
У пруда, на берегу.

Поцелуй и объятия,
В васильках зелёный склон,
Запах твой и шелест платья...
Жаль, что кончился наш сон...

СПЯТ КОРАБЛИ

Спят зимой корабли на приколе,
Корпуса их затёрты во льдах.
Сны им снятся о ветрах, о воле...
Их качает на лёгких волнах.

За кормой от винтов бьётся пена,
И семь футов под килем у них,
И осадка, не знавшая крена,
На просторах российских, речных.

Словно песня для них крики чаек,...
Разрезают форштевнем волну,
Берега их крутые встречают,
Что речную хранят тишину.

Но пока что они на приколе,
И во льду их глубокие сны,
Но пойдут они с песнями вскоре
Нужно только дожждаться весны.

ПРИХОД ЗИМЫ

Проходил морозец ночью
И рассыпал серебро,
Лёд сковал на речке прочно,
Всё вокруг белым-бело.

И блестит на ветках иней,
И пушится бахрома,
Смыты очертанья линий,
В гости к нам пришла зима.

У кормушки с вкусным салом
Гвалт и гомон, посмотри.
Налетают алым шквалом,
От рябины снегири.

Распушив немного перья,
Цветом пламенным горят.
На деревьях ожерелья –
Будто яблоки висят!

КАЛЕНДАРИК

Отрывной календарик на стенке,
Как привет из эпохи другой.
Был такой же в родной деревеньке,
Где мы летом гостили порой.

На пороге бабуля встречала,
Улыбалась, стирая слезу.
Целовала всех громко сначала,
Поправляла былую косу.

И садились у печки за столик,
Фотографии в рамках висят,
Дед при форме, усатый соколик,
Был на фронте когда-то заснят.

И часы с громогласной кукушкой,
У иконок, что в красном углу.
Пахнет хлебом с румяной горбушкой,
Кот играет с клубком на полу.

Календарь отрывной у окошка,
И большущий комод у дверей,
В чугунке отварная картошка,
И тепло этих прожитых дней.

Андрей ДЕБАБОВ

Андрей Сергеевич Дебабов –
родился в 1947 году в г. Москве.
Окончил МГУ.
Геофизик.
Кандидат физико-математических
наук. Член Союза писателей России и
Москвы.

БЕЛОБРЫСЫЙ

В меня белобрысый вцепился,
Финансовых монстров агент:
«Найди им объект инвестиций
За очень хороший процент.

У них триллионы швейцарских.
Но мир демократии строг:
Пожить не дают им по-царски,
Ворованный резать пирог.
Строжайший контроль за расходом,
В солидный упрятанный банк...

Вот помощь отсталым народам –
Верней, чем защита собак...

Помощь, примерно, такая:
Построим им, скажем, АЭС.
С неё гигаватты пускаем
На развитых стран интерес:
На редкоземельных металлов
Добычу из тамошних руд,
На сжижение метана
Или прокладку труб...

Я слышал, – сказал белобрысый, –
Ты в Азии дружбу ведёшь
С советником власти высшей...

У них поддержку найдёшь.
Поймёт нас разум восточный,
Взаимной выгоде рад...

За это инвестор хочет
Иметь хороший откат».

(Так, чтоб нельзя было вычислить,
Заказчик даст миллион,
Посредник – по десять тысяч
Киллеру за патрон...)

В жульнической цепочке
Стать последним звеном?..
Я, как мыслитель в бочке,
Трудный решил бином:
На азиатском берегу
«Бабок» чужих не ждут.
А на другом – как керенки, *
Франки в каминах жгут.

** Народное прозвание валюты первой
демократической России 1917 года,
многотысячекратно обесцененной: лис-
та-ми купюр оклеивали стены.
Похожая судьба ожидала валюту демо-
кратической России 1990-х годов.*

* * *

Свобода – разумные идеала..
Откидыванье утром одеяла..
Завязыванье памяти узлом..
Боданье с неискоренимым злом –

Когда зараза лёгкие изъела,
Когда не обойтись без И-Вэ-эЛа..
Когда не уничтожить ИХ нельзя,
Иначе всё, чем живы, будет зря...

Корёжит мат прикормленные рты..
Гремит набат великой правоты..
Поддержит колокольную минарет..
Нет слабости.
Но силы – тоже нет.

Свобода – ненасилья разуменье,
Бессилью своему сопротивление.

ОДИН и ВСЕ

ОДИН сказал: «ВСЕ люди – братья».
ВСЕ не поверили Ему,
Спровалили Его в тюрьму,
Голосовали за распятие.
Он принял смерть. ОДИН за ВСЕХ.
И это ВСЕХ заколебало.
Чтоб искупить тягчайший грех,
Тысячелетья было мало.

ВСЕ – братья. Только и всего, –
Сказал Он. – Будьте ВСЕ, как дети...
Хотя бы в помыслах, в проекте
В ответе – ВСЕ за ОДНОГО.

4 апреля 1999 года

*В этот день автору «стукнуло» 52.
А Североатлантический альянс
(НАТО) отметил свой полувековой
юбилей бомбардировками Югославии.*

Полвека «ангел» мой недобрый
С двух лет преследует меня:
Вон, раздражается хворобой, –
Поносом смертного огня –
Союз, скреплённый швом Гольфстрима.
Ему полмира – полигон!
Его вмешательство спесиво!
Он обойдётся без ООН!

Рука моя подьмет с дрожью
В честь дня рождения бокал:
В тот день Господь меня прислал
на Землю.
Остальное – позже...

Про ПРО *

Преамбула

«Поэту – быть на линии огня!» ...
Когда бы только приняли меня,
Я вместо этого стихотворенья
Пошёл бы в зону соприкосновенья,

То за двоих – кому по 38,
То за троих – кому по 25,
За четверых – кому по 19...
Но – поздно!
Дед, подвинься, не мешай!
Свои стишки на сайте помещай,
Но лишь, в которых –
без дискредитаций.

Шла 20 лет Вьетнамская война
За воссоединение народа.
ТАМ не нашлось ни одного «урода»,
Который вопрошал бы: «На хрена?..»

Хотя, два монстра в небе над страной
Испытывали бомбы и ракеты
(как в прошлом дуэлянты – пистолеты):
Те – за Сайгон, а наши – за Ханой.

Да, это был «хороший» полигон
Для Пентагоновских вооружений.
И гибли «янки» на полях сражений,
Который раз назад беря Сайгон:

Напалмом джунгли жгли,
швыряли мины, –

А те всё шли
всё шли
всё шли
всё шли

«тропою Хо Ши Мина» ...

Как им тогда нужна была Луна, –
Хотя бы в фотошоповском муляже, –
Чтоб Армстронгом гордилась их страна, –
Пусть, – если б на Луне он не был даже!..

Я подготовлен был для нашей ПРО
На должность офицера наведения...

Теперь бы я признал стыковку дельной
«Союза» с «Аполлоном» ...
Над Днепром...

Вот, Хельсинкский подписан договор...

«Война» – по-русски.
По-английски – «вор».

Кому приносит прибыли война?
Какие совершаются обманы?

Состыковать враждующие страны, –
Не то –
Никто
Не спросит:
«На хрена?..»

МОЙ ПИТЕР

*(80-летие прорыва блокады Ленинграда
и 10 пакетов антироссийских санкций
Евросоюза)*

Создание европейских грёз,
Наименованный чужбинно
В упрёк Московии старинной, –
В её судьбу Блокадой врос.

Меняли, кто во что горазд
Его статут при власти разной *...
«Санктъ-Питэрсбургом» вновь
был назван
Родной Святой Петровский град.

Для вас он памятник живой.
А мне знаком тут каждый камень...
«Стихи и проза, лёд и пламень...»
Рассвет на Стрелке Биржевой...**

Пришла суровая пора.
Вся Русь, фактически, в блокаде.

В непокорённом Ленинграде
Живут праправнуки Петра.

**Столица Российской Империи –
Санктъ-Петербургъ; Петрополь
(А.С.Пушкин, «Медный всадник»);
Столица антинемецкой Рос. Империи –
Петроград;
потом столица «Первой дем. России» –
Петроград;
Нестолличный город Советской России –
Петроград,
потом – областной центр Ленинград;*

*Центр Ленинградской области: РСФСР
в составе СССР – Ленинград,
потом в РФ – СПб;
Во все времена в народе – Питер.*

***Неподалёку от Биржи на Васильевском
острове – ИРЛИ РАН
(Институт русской литературы
Российской Академии наук,
ПУШКИНСКИЙ ДОМ).*

«ХАРОН» ХАРИТОН

Экскурсия в Саровскую обитель...
Мне был знаком её «местоблюстителъ»,
По функции – почти что как Харон *:

Пожал мне руку Юлий Харитон. **

Заслуженно ли он пожал мне руку,
Обычному научному сотруднику
Со средней по СССР зарплатой, –
Принявшему в работу как-то в ночь
Заморскую компьютерную мощь,
Доставленную бизнеса пиратом
(её нам поставлять – ни Боже мой!..
Раскрытый, поплатился тот тюрьмой)?

По образцам подобья создавать
Для мыслящих учёных – стыд и мука, –
Цена за бред: «Машинам не бывать,
Основой для которых лженаука!».

Специалистом по «хайтэку» став,
Я чувствовал всю гибельность момента,
В котором нет иного инструмента
(как раньше – с Бомбой), –
кроме воровства...

С тех пор сухая сильная рука
«Саровского Харона» Харитона
В моей руке... И так пройдут века, –
Раз жизнь его бессмертья удостоена.
10.2.2023

**В древнегреческой мифологии – перевоз-
чик души умерших через пограничную
жизни подземную реку Стикс.*

*** «Со-отец» советского атомного про-
екта, трижды Герой социалистического
труда академик Юлий Борисович Харитон
(1904 – 1996)
до конца жизни руководил «шарашкой»
(КБ-11 и прочие
конспиративные имена, типа: Арзамас-16,
Горький-100...
ныне – Российский Федеральный ядерный центр)
рядом с обителью Св. Серафима Саровского.*

ДУХ И БУКВА

«Дух Закона» далеко не свят.
Подкупу и «Букве» подчинённый,
Он попрад духовные законы.
Он в помоях с головы до пят.

Мне самодовольный адвокат
Выложил, что, чтя в законах дыры,
Приобрёл он в собственность квартиры,
И теперь сдаёт их напрокат.

А за «материнский суррогат»,
Если б только прибыли посредник
Получал, – родился бы наследник...
– Нет! В утробе органы продать...
– И бессильны бранные суды:
«Буква» это не предусмотрела!
(как и душу изымать из тела)...
– Дай аванс юристу на труды!..

РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ТРЕЛИ ПРО КРУТЯЩИЕСЯ ДВЕРИ

Дыр бул щил
А. Кручёных

«Закручёновскую» трель
Замену на «дверь зверь щель»:
Двери крутятся как дрели,
Как качели-карусели.
Эти западные звери
В Москва-плазах обрусели.
Так и хочется попасть
В их разинутую пасть.

Кто засунет ногу в щель,
Остановит карусель.
В этом двери нам враги:
Вдруг оставят без ноги!
В щель ногой попасть –
как в пасть:
Может ноженька пропасть.

Но зато сквозь эти щели,
Как бредовая пурга,
Не пройдут: мороз, метели,
Стопудовые снега...
Щели – это берега,
Юбка новогодней ели.

Олег СЕВРЮКОВ

Родился в г. Липецке.

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова.

Лауреат премии Ленинского комсомола, кандидат технических наук, доцент НИЯУ МИФИ (Москва). Член Союза писателей России, Академии российской литературы.

Лауреат литературных премий «Золотое перо Москвы» (2010), имени Ярослава Смелякова (2011 г.), Роберта Рождественского (2013 г.)

Пробуждение?

Что есть болезнь, как некое явление?
Болезнь ума, болезнь души иль тела –
Одно и то же?
Нет ли между ними
Различия, таящего в себе
Непонимание того, что есть здоровье,
Которое мы тщательно лелеем
В надежде протянуть как можно дольше,
Идя путём земным, минуя Небо,
Стараясь подкрепить своё движенье
Срыванием плодов

лишь только сладких,
С брезгливой миной напрочь отвергая
Невзрачные, на вид сухие гроздья,
Что тянет нам побег лозы духовной?
Так шёл и я, увы, не спотыкаясь
Об эти острогранные вопросы,
Пока однажды –

дней примерно **на** пять –
Меня в кровать пластом не уложила
Какая-то престранная болезнь.
Казалось бы, всё было как обычно:
Температура, ломота, удушье,
Метание в жару, и пот, и слабость,
Т.д., т.п., но всё же по-другому
Воспринимались люди и предметы,
Они двоились, но не натурально,
Как может быть

при головокруженье,
А жили каждый,
но своей отдельной жизнью,
Не поддаваясь никаким усилиям
Их совместить во времени-пространстве,
Чтобы понять характер расхожденья

Меж мной внутри и тем,
кто был снаружи!

И этот каждый одинокий голос,
И каждое вовне обособленье
Кричало и вопило несовместно
О чём-то откровенно-непонятном,
Как будто бы хотело достучаться
До самых тёмных уголков сознания,
Чтоб разбудить остатки разуменья
У двойника, того, кем стал я нынче...

*МАРТ (наброски)**Утро*

Мазок «хвоста» ушедшей бури –
Из розоватых облаков,
Вкрапленья золота в лазури –
И мартовский эскиз готов!

Полдень

Набухает каша снежная,
Солнце «жарит» не по правилам –
Облака, как пена, нежные,
В котелке с небесным варевом!

Вечер

Под каждым деревом воды
Отнюдь не со стакан –
До первой вышедшей звезды
Плывут в ней облака...

Заброшенный дом

...В этом доме давно никого уже нет –
Только старый ненужный хлам,

Здесь разошёлся,
 раздался и вспух паркет,
Ветер носит пыль по углам.

В этом доме ни счастья, ни горя нет –
Здесь никто никого не ждёт,
День сменяет ночь, но сюда рассвет
Никогда уже не придёт.

В доме есть часы, но времени нет –
Только сумерек длится покой
Сколько здесь продремало
 и зим, и лет? –

.....
Время где-то течёт стороной...

Я думал, что...
Моей рукой водил Господь,
Пока писал стихи я –
Но Он вчера сказал: – Погодь! –

И улеглась стихия.
Он молвил: – Дорогой Поэт!
Ты начал гнать халтуру!
Прими настойчивый совет –
Не оскорбляй натуру!
В твоих писаньях нет огня,
Лишь соловьи да розы,
Поэт, с сегодняшнего дня
Рабом ты будешь прозы!
Я помогу тебе (слегка!) –
Прости мне эту шалость! –
Чтоб встреча пули и виска,
Жизнь движется твоя пока,
Без Моего, Поэт, свистка
Не состоялась!

.....
Но ты Мне нравишься, Поэт,
И Я свистеть не буду, нет!

Платон ДЮГАЙ

Дюгай Платон Владимирович – поэт и прозаик, в прошлом профессиональный топограф, журналист и политолог. Служил в армии, работал в топографических экспедициях в пустынях Центральной Азии, освоении новых земель, в строительной отрасли, общественных и государственных структурах, средствах массовой информации, Фонде региональной политики. Многие годы занимался парламентской, международной и правовой журналистикой. Участвовал в международных конференциях по вопросам гражданского общества, прав человека, парламентаризма, безопасности,

борьбы с терроризмом и другим актуальным проблемам, проходивших в странах АТР, ЦА, Ближнего Востока и Европы.

Его произведения выходили в свет в изданиях Узбекистана, Казахстана, России, Израиля, в Международных альманахах «Планета поэтов», «Юмористы СНГ», других изданиях, на сайтах интернет ресурсов.

Он – автор сборника стихов "Абрис осеннего дня", книги стихов и прозы "Силуэты уходящего лета", а также сборника стихов, переведенных на узбекский язык – "Кузги сохил" («Вечерний берег»).

В декабре 2021 года в Санкт-Петербурге издан его новый сборник стихов «Вирази».

Состоит в Союзе писателей России, союзах журналистов Узбекистана и СССР/России, а также в ряде других авторитетных творческих объединений, в том числе и международных.

П.В. Дюгай награжден государственными наградами Узбекистана – орденом «ДУСТЛИК» («Дружба») и другими знаками отличия.

Живёт в Подмоскowie.

ВЕЧЕРНЕЕ ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ...

«Если хочешь рассмешить Бога,
расскажи ему о своих планах».
Вуди Аллен

В летний сумрак поспать
убежала грунтовка-дорога,
И в роще за речкой запели опять соловьи,
А я рассмешить, всё же хочу
этим вечером Бога,
Немудрёным рассказом
о планах на завтра своих...

Пусть и Он отдохнёт, хоть немного,
о нас не печалась,
Не тревожась о наших
ещё не решённых делах...
К кушам райским Его
покой с благодатью причалят,
И ангелы сервис доставят Ему на крылах...

Только примет ли Он,
моё это Ему предложение,
Согласится ль на миг
без вниманья оставить людей?...
Если что-то не так,
то прошу у Него я прощенья,
Верить в святость Его –
квинтэссенция лучших идей...

Да, поможет нам Бог, и Он нам,
конечно, поможет,
В соседях увидеть и братьев своих,
и сестёр...
И от этого жизнь наша с вами
всем станет дороже,
И никто никого не отправит уже
на костёр...

И тогда благодать, снизойдёт
и в пределы земные,
Честь и вера, любовь нас спасут
от беды роковой...
Эти мысли мои, как и кони мои, вороные,
Под звон бубенцов,
по дороге бегут столбовой...

Потому верю я, что сомненья
в себе одолею
И себя обрету, искупая свои же грехи...
Путь к себе отыщу,
даже если в пути заболēju,
И застряну в порогах,
ещё не замёрзшей реки...

Слава Богу за всё,
говорить буду снова и снова...
И за веру мою в Силу Божьего
вечного слова...

И, за то, что живу... И за то,
что я стану добрее,
И другим помогу,
даже если не видно ни зги...
Ведь над лодкой моей,
парус вечной надежды белеет,
Ведь, сказав обо мне,
ветру Ты повелел: «Помоги!»...

Слава Богу за всё,
говорю Тебе снова и снова...
И за то, что пытаюсь я жить
по заветам твоим,
И за то, что пришел новый день
вместе с месяцем новым,
И единственной самой
взаимно до гроба любим...

И при этом прошу я простить
за минорные речи,
что ещё не умею я жить
и ничуть не грешить...
Что всего лишь хотел до Тебя
довести в этот вечер,
всё, что надобно мне,
с Твоей помощью, Боже, решить.

Слава Богу за всё,
говорю Тебе снова и снова...
Силу мне придаёт,
Сила Божьего вечного слова...

ОФИЦЕРСКИЙ ВАЛЬС

Приезжайте, друзья!
Не беда, что весна запоздала
И никак не оттаёт,
земля на апрельском ветру...
Наверно, погоду, природа
ещё не сверстала,
Да и вёрстка любая,
стать может иною к утру...

Оттого и берёзы, до мая в листву не одеты,
И сосны от стужи, куда-то ночами бредут...
В снег прошлогодний,
спрячу луну до рассвета
И достану для вас
из колодца дневную звезду...

Мангал разожгу.
Ароматный сварганю шашлык.
Сядем ближе к огню.
И друг к другу, конечно, поближе.
Из холодного неба,
удачу Господь нам пришлёт,
И её на шампур,
тихонечко, вместе, нанижем...

Мы разделим её,
как делили последний паёк...
И по несколько грамм,
из фляжки солдатской глотнём...
А наши внучата,
встревожатся, может, чуток,
Что мы загрустили,
за ими накрытым столом...

Помянем друзей,
что ушли и уже не вернуться...
Их крик журавлиный
всегда, долетает до нас...
Офицеры в строю,
офицерском своём, остаются,
И с ними их честь,
и она, не выходит в запас...

А время летит над ландшафтом
родимого края,
Осенней листвы Земля обретает окрас...
Вот и пришла, к нам наша пора золотая,
Вальс офицерский,
играя под вечер для нас...

В ней и живём, с честью своею не споря,
Как было всегда, на каждом у нас рубеже...
Нам Бог улыбнулся,
 чтобы хлеб колосился на поле,
Чтобы ангелы наши, снова запели в душе...

И пусть будут всегда за окнами
и за порогом,
Просторы России... Реки её и поля...
И над ними парят,
в своём одеянии строгом,
Берёзки в серёжках, и милые им, тополя...

РОССИЯ. САНКЦИИ. COVID.

Где мы только с тобой не бывали?
И куда не поедem ещё?
Мимо нас острова проплывали –
до них наш черед не дошёл..
Вот и ныне средь радостных буден,
не поедem в Торонто, Лион,
Да и в Лондоне тоже не будем,
в США мне не скажут – шпион...

Что нам Мексика, инки, туманы,
Куршавель, Нагасаки, Пном-Пень...
У них там свои тараканы,
наводящие тень на плетень...
И к тому ж, там бесчинствует «COVID»,
в оголтелом своем беспределе,
И новый «lockdown» готовит, как на
Западе диком и в Дели...

Потому в деревенские дали,
мы поедем с тобой поутру,
где на даче у бабушки Вали,
кабачки уже мечут икру...
В деревеньке родное раздолье,
и картошка, и лук, и чеснок,
И берёзка, что выросла в поле,
под шальной петуший звонок...

Там бурёнки мычат породному,
и родное журчит молоко ...
Не придется скучать и по дому:
он ведь рядом – подать лишь рукой...
Та м хиреет на солнышке «COVID»,
под прицелом у «СПУТНИКа V»...
А западных санкций «оковы»,
сберегут наше с вами «лаве»...

Потому, образумься, Европа,
да и штаты, придите в себя –
Не копайте меж нами вы пропасть,
«Евродоллар» в ночи тербя...
Нас ведь дюймами вам не измерить,
да и НАТО пора бы понять,
Что Россия себе не изменит,
а с врагом – разберётся опять...

И опять мир спасает Россия,
этот крест у неё не отнять –
Лишь она из войны выносила,
шар земной, как дитё, из огня...

МАСОНСКИЙ СЛЕД...

«Поэт в России больше, чем поэт». Е.
Евтушенко.

В уютном холле книжного дворца, девушка айфон «крутой» «листаёт» и что-то о политике читает, сгоняя скуку с милого лица... Она сюда зашла сегодня в гости, чтобы поклоняться в чьём-нибудь репосте, где местный классик, кому-то «моя кость», мостит в тишине свой виртуальный мостик...

Куда мостит?... Конечно, к Чёрной речке,
по занесённой ночью снегом «встречке» ...
Потом, к Машук, к огню горящих свечек,
от теплых радиаторов и печек...
А вот когда, закатится за полночь,
месяц, новорождённый, не полный...
С полки упадёт учебник школьный
и обернётся «каменщиком» вольным...

И он в наш мир, конечно же, ворвётся...
Проснутся Пушкин, Лермонтов, Дантес...

Он им, как Воланд, скупой улыбнётся,
держа в руке заряженный обрез...
И пули в нём, что хочешь, могут снять...
Дантес уж здесь... Мартынов подоспеет...
Руками их сей «каменщик» успеет
нажать курок и выстрелить опять...

И Пушкина пленительные строки,
что в масонский вписаны альбом,
и Лермонтова парус одинокий
для нас застынут в небе голубом...
Как много их, безвременно ушедших,
с песней недопетой на устах,
но край берёз уже воспеть успевших,
строкой на поле белого листа ...

И в строках тех тепло их душ и свет...
«Поэт в России больше, чем поэт!»...

ОТ КИПЛИНГА К НЕУТОПИЧЕСКОМУ РЕАЛИЗМУ...

Мне сегодня ни шатко, ни валко.
Новых песен не просит душа.
И хоть время становится жалко,
буду сам я спешить не спеша...
А то шёл по Земле, торопился,
 посещая святые места...
Иступлено, как грешник молился,
на холме, где распяли Христа...

И с мечом я был дружен, и с книгой,
в облаках, между делом, витал,
Лес валил и работал мотыгой,
много что на веку повидал...
Пух лебяжий на Севере диком,
знойный ветер у южных границ,
жизнь мою бередили, как лиха, от
весенних до зимних зарниц...

Время шло, и всплывали картины:
пирамиды, бомбёжки, мосты...
И руины, руины, руины
на местах неземной красоты...
Кто-то тайны скрывает земные,
англосаксы нам крутят кино,
о том, что их бомбы шальные,
нас убить готовы давно...

Они движутся к нам тихой сапой,
предвкушая победный восторг...
Хоть Восток смотрит с миром на Запад,
Запад хищно глядит на Восток...
Но когда с нами встретятся в поле,
будет всё, как бывало не раз...
Видно, плохо учили их в школе,
коль «свиньей» вновь попёрли на нас ...

Потому, как бывало, так будет.
И мы сделаем всё, что должны,
чтобы люди, обычные люди,
не страдали опять без вины...
Чтобы жить, все без распрей могли,
хоть планета на всех нас одна,
чтобы всем нам хватало Земли,
чтоб войне – ни покрывши, ни дна! ...
Химки, 07.02.22

КОНИ, МОИ КОНИ

Ах, как резво бегут мои кони,
пытаясь догнать облака...
Конечно, их вряд ли догоним,
но стоит чуток проскакать...

И может, с дороги разбитой,
где годы гуртами прошли,
увидю, как стайке ракиты,
крылами качнут журавли...

А там, у протоки, услышу,
как время поёт в камышах...
И дождь, пробежавший по крышам,
к воде поведёт лягушат...

И к бухте, за рощей зеленой,
где песня прибора слышна,
девочкой, в море влюблённой,
выйдет с букетом весна...

Пленителен край синеокий,
в его утопаю красе...
А вот и туман поволокой,
на речной зацепился косе...

Когда он растает... Без спора,
нас будет апрель баловать...
Я в эту чудесную пору,
берёзки готов целовать...

И кони мои, мои кони
бегут, закусив удила! ...
И я за фортуной в погоне,
хочу тебя вновь удивлять...

ЗА ЧАДРОЙ МИНУВШИХ ЛЕТ

Там, за рекой зеленеют поля,
По стрелке секундной денечки бегут...
Чинарам прекрасным несут тополя
Инжир, и лепешки, что сами пекут...

В арыках вода там светлее слезы,
А воздух настоян на песнях и травах...
И слушают сказки Козы-дерезы,
Детишки, кричащие: «Милая, bravo» ...

Там к осени ранней тучнеют сады...
Ковры из цветов в палисаде...
И были отчаянно мы молоды,
По жизни шагая, как на параде...

Там светлое Завтра глядело в окно,
К полям подбегала грунтовка дорога...
И ангелы наши, как в старом кино,
Домой нам звонили только от Бога...

Там день улыбался... Баюкала ночь
Звезды в волшебной своей колыбели...
И нами еще не рожденную дочь
Видеть счастливой соседи хотели...

Чудесное время. Хочу, не хочу...
Щедрое счастье кричит – «кукареку» ...
И было в ту пору нам все по плечу,
Ну, что еще надо, друзья, человеку? ...

хлопок одной ладони

Под хлопок всего одной ладони,
Город мой, досматривает сны.
А ночь, собрав, все лотоса бутоны,
Рассвет накроет взрывом тишины.

Он, прозвучав, хлопком одной ладони,
В дымчатой растает вышине...
А ветерок с берёзки лист обронит,
Чтоб этим утром ты позвонила мне...

Звук тишины – хлопок одной ладони,
Его так часто нам недостаёт...
Куда судьба на этот раз загонит,
Мне, заменив «Москвич»,
на блеск «Тойот»? ...

Нередко мы, в чужих проблемах тонем,
Осенним днём куда-нибудь спеша.
Но знаем мы, что под хлопок ладони,
С твоей душой поёт моя душа...

И песню ту внимает кто-то свыше,
Кометами. украсив Млечный путь...
А коли нас Всевышний всё же слышит...
Он счастье нам пришлёт когда-нибудь...

И пусть летят из космоса фотоны,
И будет всё, как должно впереди...
Я верю, Бог, баюкая в ладони,
Нас в лютый холод греет на груди...

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ...

Ах, чего только я не имею,
и соседи нисколько не врут,
что приходят ко мне дульсинеи
и лауры, что рядом живут.

А других я пока не имею,
не имею машин и дворцов.
И от доллара не зеленею,
живу, не теряя лицо.

Ах, чего только я не имею.
Нет ни золота, ни серебра.
Вот палатка - моё тут имяне,
ночь и речка, что очень быстра.

Нет ни дачи, ни яхты, ни блата,
нет в карманах и денег шальных.
Нет алмаза в десятки каратов,
на дверях нет запоров стальных.

Но и этого мне маловато,
не иметь еще что-то хочу.
Всем, что нет у меня – я богатый,
мне поэтому – всё по плечу.

Ах, чего только я не имею,
вот костер, что горит в тишине.
Все, кто где-то сейчас коченеет,
приходите погреться ко мне.

От богатств я своих пламенею,
с вами греясь в горах у огня.
Ах, чего только я не имею!
Ах, чего только нет у меня!

ШАЛАШ

Случайно встретились мы на излёте лета,
а к осени поставили шалаш.
И нам с тобой за смелость нашу эту,
Бог повелел: пусть рай в нем будет ваш.

И вот теперь, под шепот листопада,
как новый мир, друг друга познаем...
И ничего другого, нам не надо,
здесь мы вдвоем, любимая, вдвоем...

Рай в шалаше — нигде нет лучше рая.
Как нет у нас и мыслей о зиме...
Ведь мы с тобой, в огне любви сгорая,
ушли от всех за тридевять земель...

В округе вновь царит шальная осень,
её ненастьям, нынче, не до нас...
Ты шепчешь мне, что любишь меня очень,
я вижу свет твоих счастливых глаз...

Как хорошо, что вот, на свете этом,
есть рай земной, который только наш!
Как хорошо, что встретились мы летом,
а к осени поставили шалаш...

ШАМАНСКАЯ ДОЧЬ

В эти долгие зимние ночи,
Когда падает с неба звезда,
Над кем-то фортуна хохочет,
Над кем-то рыдает судьба...

И в этой гриневской деревне,
Где рыщет волчицею ночь,
Хранит меня пращур мой древний,
Ждёт у стога шаманская дочь...

Я приду к ней, минуя печали,
Расскажу о далеких краях...
Может, с ней мы сумеем причалить
К новой жизни на равных паях...

Может быть, в деревеньке заснеженной,
По которой гуляет луна,
Из рук твоих ласковых, нежных
Свое счастье я выпью до дна

ЕСТЬ МЫ ДРУГ У ДРУГА

Ты сетуешь, что дни летят быстрее звука...
Да, пусть они летят, спешить не стоит нам...
У нас с тобой два сына,
две снохи, два внука,
две внучки нам на сердце, льющие бальзам.

Гляди, они какие - два внука и два сына,
две внучки нам на сердце, льющие бальзам!
Они — богатство наше, наша честь и сила.
Разве можно ими не гордиться нам!?!...

И потому, не сетуй, что дни летят, как пули,
И пухом тополиным виски обелены,
К старости ненастной, старости сутулой,
Не пропустят нынче внуки и сыны...

Да и грустить не надо, что прошла весна,
и в окно стучится листопадом осень...
Есть мы друг у друга, наша жизнь красна...
Ты счастлива со мной?

— Да, мой милый... Очень!»

КАКОЙ МЫ СТАРОСТЬ НАЗОВЁМ, ТАКОЙ ОНА И БУДЕТ

Жене моей Машеньке

Как мало зим, осталось прошагать,
как много лет, так лихо пролетело...
И хорошо, что мы не будем знать,
что нагадать цыганка нам хотела.

И в этом вот, неведение своём,
еще верша, какие-то дела,
давай, счастливой, старость назовём,
нас не случайно жизнь к ней привела...

А коли так, мы скажем ей – встречай,
и веди в свои седые дали,
где мудрость, как пасхальная свеча,
поможет дочитать судьбы скрижали...

Давай, счастливой, старость назовем –
она у нас не может быть иною,
ведь мы с тобой, по-прежнему, вдвоём,
живем с любовью нежной и земною...

БОНЖУР, МАДАМ

Бонжур, мадам! Бонжур. Я снова с Вами.
Я снова Ваш, как прежде, как всегда...
И вижу я за этими словами
Пыл наших чувств, не спрятанный в года...

И ночь любви в волнительном Париже,
И взрывы звезд до позднего утра...
Я знал тогда, что с Вами вновь увижусь,
Под дивный дождь, что льет, как из ведра...

Париж. Париж... Есть тайны и в Брюсселе,
Да и в других чудесных городах.
Хоть и года стремительно летели,
Красивы Вы, как прежде, как всегда...

Я в Вас влюблён. В меня Вы влюблены.
И вот опять у Ваших я колен...
Мы так давно друг другом пленены,
И дай нам, Бог, продолжить этот плен...

Нам радость встреч не передать словами.
Я к Вам лечу опять, через года...
Бонжур, мадам!.. Бонжур. Я снова с Вами...
Я снова Ваш, как прежде, как всегда...

Платон ДЮГАЙ

БОНЖУР, МЕСЬЕ...

Бонжур, месье. Бонжур. Я рада встрече.
Я к Вам бегу по мокрой мостовой.
Кто сказал, что только время лечит?
Оно лишь разрушает мой покой...

Бонжур, месье. Бонжур. Я к Вам спешу.
Осталось сделать несколько шагов.
Я каждой нашей встречей дорожу.
Я Вас люблю... Все ясно и без слов...

Я помню ночи страстные в Париже.
И ласку Ваших губ, и нежность рук...
А за окном лил дождь, звеня по крыше.
Но слышен был нам каждый сердца стук...

Бонжур месье. Бонжур. Я встрече рада.
И пусть летят стремительно года.
Ведь Вы – моя любовь, моя отрада.
Я снова Ваша, Вы – мой навсегда...

Париж. Париж. Свидетель нашей тайны.
О ней поют сегодня соловьи.
Мы снова вместе. Нежно обнимаю
Свою любовь, стораю от любви...

Ирина СЕРЫХ
г. Ташкент

NOTRE DAME DE PARIS...

В обычный денек, без анонса и драм,
Без долгой, как мир, канители,
С чудом вы встретитесь, с чудом, мадам,
Именно с тем, что хотели...

И разобьются тотчас в драбадан,
Тучи, дожди и метели...
И будет ласкаться у ног океан,
И это - в начале недели...

Мой ангел на облаке явится к Вам,
И спросит, гуляя по крыше:
«Как возрождается Ваш Нотр Дам,
В Вашем чудесном Париже?...

В Москве зачастили зимою дожди,
Реки распахнуты настежь...
Хотел Ваш любимый пешочком дойти,
Сказать по-французски Вам – «здрасьте»...

Его Вы дожидетесь, дожидетесь, мадам,
Ведь жизнь наша так быстротечна...»
И ангел промолвит тихонечко Вам:
«Вы – нежность, летящая в вечность»...

Мы встретимся скоро, скоро, мадам,
Ничто нам не будет преградой...
И на Монмартре признаюсь я Вам:
«Мне, Вы от Бога награда»...

В обычный денек, без анонса и драм,
Без долгой, как мир, канители,
С чудом мы встретимся, с чудом, мадам,
Именно с тем, что хотели...

ХРАНИ ВАС БОГ

Храни вас Бог, мне женщина сказала.
Спасибо ей за добрые слова.
Над перроном Южного вокзала
Прибит луны желтеющей овал.

Храни нас Бог, живущих на Земле,
Под свеченьем солнца и луны...
Вместе жить на этом корабле
Пожизненно мы все обречены.

Так, жить, давайте, суетность отбросив,
Без червоточин в сердце и душе.
О том не Бога, мы себя попросим.
Пора нам всем прийти к себе уже.

Прийти к себе – не значит уезжать.
Прийти к себе – не значит оставаться.
Нам от себя никак не убежать.
А вот к себе так трудно возвращаться...

Прости нас Бог, за ветер в голове,
За то, что матерно ругаемся в бреду.
И дай нам всем, мудрейший, свой совет,
Как строить жизнь с самим собой в ладу.

А то стою опять, как на распутье,
В конце перрона Южного вокзала...
Умчалось прошлое. Плохое в нём, забудьте,
Храни вас Бог, мне женщина сказала...

Юлия ГОРДЕЕВА

Гордеева Юлия. Поэт, прозаик, журналист, редактор и корректор. Родилась 20 апреля 1983 года в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Литературный сотрудник НППЛ «Родные просторы, редактор и корректор авторских сборников на интернет-ресурсах «Author.Today» и «ЛитРес».

Автор поэтических книг «Океаническое плавание» (2014), «Неизлечимая болезнь» (2016) и «В любимой роли...» (2019) и многочисленных публикаций в печатных и интернет-изданиях. Печаталась в журналах «Невский альманах», «Аврора», «Петербургские строфы», «Новая Немига литературная», «Бессмертный полк Ленинграда», в газете «Тверские

ведомости», «Победа» (Феодосия, 2022 г.) и др.

Участник разнообразных конкурсов и фестивалей

Любит путешествовать. Живёт в Санкт-Петербурге.

ПИТЕРУ

Разбуянился ветер шальной:
Петербург словно раб крепостной,
Оконфуженный, взгляд опустил,
Даже Невский бравурный – без сил.

В заунывном молчанье Нева,
Отрешённа и дышит едва.
Покрываясь предательским льдом, –
Как реке донести о святом?

Может быть, возбуждённой строкой
Разбужу тебя, Питер родной!, –
Ты в объятиях страстных встревожь,
Возвратив благодатную дрожь!

Ветер шквалистый ночью утих, –
Безграничный простор для двоих!
Петербург! Силы вечно храни,
Чтоб обнять мог в суровые дни!

САПОГИ

Вы ждёте сытной русской каши,
Коль все изношены до дыр.
Прошли со мною Бежецк, Кашин, –
Тверской захватывающ мир!

Беседы с Волгою слышали,
Встречали первый снегопад.
Делили радости, печали,
И миновали тьму преград.

До мастерской нам не добраться:
Завал в делах под Новый год.
Но всей душою с вами, братцы, –
Стремиться будем лишь вперёд!

ВЫШНИЙ ВОЛОЧЁК. ЦНА

Обними меня в холод истовый
И волнами печали все смой.
Мелодичная, голосистая,
Оказалась в созвучье с душой!

Разделила идеи тайные,
Устремила навстречу любви, –
Ожидают леса бескрайние,
Солнце вышло нас благословить.

Я в кусты упаду малинные,
Разморённая нежною Цной.
И под песни усну лебединые,
Обнимаясь с землёй родной.

* * *

Ждёт Карадаг, качая гривой, –
На нём задерживаю взгляд.
Волной любви бодрящий живо,
Несёт космический заряд.

Многообразный, своенравный,
Не разгадать тебя никак.
Ты и разбойник кровожадный,
И как спасительный Маяк.

Как Лев, сердитый и лохматый,
Что ближе к вечеру рычит.
Ты на открытия богатый, –
Влечёшь и манишь, как магнит.

И я к тебе стремлюсь, как лвица:
Открыта страсти и любви!
Так пусть ночь в вечность превратится,
И Крым на брак благословит!

* * *

В небеса посылаю свой взгляд, –
Растворяюсь в лазурных глазах.
И кружит золотой листопад, –
Вдохновением город пропах.

Всплеском волн что-то шепчет Двина,
Мелодичен церковный набат.
Сокровенным делюсь допоздна, –
Город мой! Близкий друг ты и брат.

Даже дождь проливной удивил
Чистотой, гармоничностью нот.
Стал ты, Витебск, источником сил,
Расцветив весь оставшийся год.

МУЗА

Ты защищаешь от недуга,
Но вот исчезла вдруг, голуба.
Моя ль в случившемся заслуга? –
Бывала часто неприступна.

Не сберегла, недолюбила,
В родном краю не замечала, –
Ты, может, к празднику текилу
В ближайшей «Ленте» покупала?

Или, уставшая с работы,
Несла тяжёлые котомки,
Храня в условиях цейтнота
Любовь к супругу и ребёнку.

И вот, нежданная встреча
В февральский вечер у парадной!
Глаза, горевшие как свечи,
Жизнь излучающие жадно!

В руках – громоздкие котомки,
А ты похожа на тростинку, –
Я в незначайной незнакомке
Нашла родимую кровинку.

Ирина МАРКОВА

УРОКИ ТЁТИ ХАИ

Порой от классики я в шоке!
 И понимать хотел бы впредь:
 Как можно парус одинокий
 В тумане моря разглядеть?!
 Меня учила тетя Хая
 (Чей муж фанатом был Кусто):
 В тумане видимость плохая –
 Ну, так, ... от силы метров сто.

 А здесь и шторм, и ветер свищет,
 И тут же враки про туман!

Александр Окропиридзе

Учить племянника вздыхая,
 Стихосложению при луне
 Взялась однажды тётя Хая –
 Ей это удалось вполне!

Расскажет тётя, как по нотам,
 Она же гениям сродни!
 Пусть даже трижды классик кто-то,
 В твореньях казусы одни!

Вот автор, луковое горе!
 Видать, учить его, учить!
 Как он сумел в тумане моря
 Какой-то парус различить?

Да, тётя казусов нароет,
 Когда стихи – сплошной обман,
 Мол, буря мглою небо кроет, –
 Сказал какой-то графоман,

И про волнистые туманы,
 Про бледное пятно луны
 Насочиняли графоманы,
 Мы ж этот бред читать должны!

Не творчество, одна досада!
 И классик сник и враз умолк.
 ...А тётю Хаю слушать надо –
 В стихосложении знает толк!

Такая тётушка лихая!
 ...Коль был бы грамотней народ,
 Читал бы только тётю Хаю,
 Не изучая всякий сброд!

НА АНТРЕСОЛЯХ

Ветер дунул с антресолей -
 Так вот первая строка
 Раздувает поневоле
 Мыслей скучных облака.

Нейлин

Поэт воистину являет
 Не творчество, а чудеса,
 Коль ветер в голове гуляет –
 На антресолях небеса.

Поэт на антресолях пишет,
 Лишь там шедевры создаёт.
 Хотя и нафталином дышит,
 Зато душа его поёт!

Рождаются поэмы, саги,
 И мыслей скучных облака,
 Там тянется перо к бумаге,
 К перу ж, как водится, рука.

На антресолях жизнь – малина,
 Никто над ухом не галдит.
 Там чудеса средь нафталина,
 И Нейлин наверху сидит,

Шедевры пишет, не игрушки!
 Здесь творчество идёт на лад.
 Не Нейлин, а реально Пушкин!
 Не антресоль, а просто клад!

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

...Когда поэт чуть-чуть поддатый,
 Легко он может срифмовать
 Дезоксирибонуклеаты
 С известным всем C2H5...

.....
Его глубоких чувств природа:
Недаром, не жалея сил,
Четыре долгих трудных года
Он в школе химию учил!

Татьяна Кормилицына

На химию сегодня мода –
Источник знаний и прогресса!
...Четыре долгих трудных года
Науку грызла поэтесса.

И сил, и времени затраты,
Готова изучать опять,
Дезоксирибонуклеаты
Но более – C2H5.

А коль учёба поэтессы
Ещё на пару лет продлится,
Срифмует, не без интереса,
Всю Менделеева таблицу.

При том, C2H5 – отрада,
Не зря же химии училась!
Изобретёт таблиц громады,
Что Менделееву не снилось!

C2H5 приняв чрезмерно,
Была довольна чрезвычайно.
...Лишь только с кислотой серной
Не перепутала б случайно!

Но всё ж чего-то не хватало,
От стресса уронив слезу
C2H5 она глотала,
В итоге ж – ни в одном глазу.

Училась, видимо, не шибко –
Какой конфуз, какой пассаж!
...Она исправила ошибку,
Хлебнув C2H5OH!

БЕЗ ЗАДНИХ НОГ

Как засыпается на лаврах? –
Сбивая простыни в комок.
Как почивается на лаврах? –

Без задних ног, без задних ног.
Как просыпается на лаврах? –
С трескучей болью в голове...

...Тому, кто в жизниэтой
Родился без хвоста,
Пути другого нету,
Чем вниз сигать с моста!

Вера Павлова

Дано с рожденья ей трудиться,
Ну а порой – сигать с моста,
Поскольку довелось родиться
Без задних ног и без хвоста.

Такое, видимо, бывает,
Какой предвидится итог? –
Она на лаврах почивает
Без задних ног, без задних ног.

На лаврах – ноги не помеха,
Чтоб мысли облекать в слова,
Для минимального успеха
Не мешает голова.

У поэтессы с этим сложно.
Что делать? Истина проста,
Ведь сколь душе угодно, можно
Сигать без задних ног с моста.

Так тешит, видимо, гордыню –
Подстелит лавры под мостом,
Коль не обзавелась донине
Ни головой и ни хвостом.

РАЗРУХА В ГОЛОВЕ

Залив «Столичную» в живот,
О землю шаркая ногами,
Нанебесах поэт живёт...

.....
Под луной, как под секирою,
Тяжко мысли ремонтирую.

.....
Опять вокруг меня развал,
И в голове моей разруха.

Владимир Скворцов

Поэт небесный голос слышит,
Он видит звёздный хоровод,
О землю шаркает и пишет,
И льёт «Столичную» в живот.

Поэт напишет стих отличный –
Он любит творческий разгон –
И незаметно от «Столичной»
Он перейдёт на самогон.

Хоть и немножечко «под мухой»,
Поэт всё время на часах.
Он вместе с мысленной разрухой
Продолжит пить на небесах.

Он пригубил стакан приличный,
То ль наяву, а то ль во сне,
Он вместе со своей «Столичной»
Продолжит шаркать по луне.

ЗНАЙКИ И НЕЗНАЙКИ

Худеют деньги с каждым часом.
Куда от этого бежать?
Держать ли мне их под матрасом?
На депозите ли держать?
Как мне – незнайке, неумейке,
Сегодня с ними поступить?

Раздать ли бедным до копейки
Или с богатыми пропить?

Игорь Иртеньев

В шикарном баре на скамейке
И с водкой чистой, как кристалл,
Сидят незнайки-неумейки
И дружно тратят капитал.

У них, незнаек, так бывает –
Они все вместе дружно пьют,
Порою деньги пропивают,
Порою нищим раздают.

А что же бедные умейки?
Без денег, видимо, они,
И вечно тратят до копейки,
И до зарплат считают дни.

...Иртеньев байки сочиняет
И всех строкой своей разит,
То на безденежье пинает,
То вклад несёт на депозит.

Наслушаются этих баек –
Как знайкам и умейкам жить?
Видать, учиться у незнаек
И с неумейками дружить.

Эдуард ХАНДЮКОВ

* * *

Владимиру Пальчикову Элестинскому

Друзей и недругов помянет,
Он Музу пальчиком поманит,
Поэзии предложит мёд,
И палиндромом... оставанит.

* * *

*Памяти Михаила Тимофеевича
Калашникова*

Ка-лаш-ни-ков! – как много в этом звуке,
Когда враги подъемлют в страхе руки,
Когда героев чувствует толпа...
Чем жизнь страшней, тем слаще плод науки.

* * *

Виктору Пеленягрэ

Любви высокой вещей трубадур,
Он крашенных не замечая дур,
Предпочитает истинных блондинок
С повадками маркизы Помпадур...

Он ювелир, он в слове – Фаберже,
Французской булки хруст храня в душе,
Летит под звуки старенькой шарманки,
Знай наших! – на пролётке в неглиже...

Пусть позаботятся об этом повара, –
Чтоб стало нынче слаще, чем вчера...
Париж питателен в любое время суток,
Но упоительней – России вечера!

* * *

Себе – любимому

Я – лунный блик, мерцающий в реке...
Я – след змеи, затерянный в песке...
Я – тень любви языческого бога...
Я – пьяница, уснувший в кабаке...

* * *

Омару Нангару

Как лист чинары, ветром унесён,
Вкушаешь ты чужбины долгий сон...
Внимая песням птицы перелётной,
В тоске ей подпеваешь в унисон.

* * *

Сергею Соколовскому

Несётся жизни бешеный поток,
И, кажется, что я не одинок...
На берегу в руках моей любимой
Трепещет моё сердце, как платок.

* * *

Льву Котюкову

Объял планету атомный дурман.
В мозгах вождей туман, туман, туман...
Дымит Земля горящим космолётом,
И не сойти – отсутствует стоп-кран.

* * *

Михаилу Рожкову

В трёх тонких струнах
тайный смысл сокрыт.
Когда нам радостно, когда душа болит,
В руках маэстро чудо-балалайка
Смеётся и куражится навзрыд.

* * *

Отцу Роману

Почувствовав Божественную милость,
И плакала душа, и веселилась,
И в радости от вести всеблагот
Навстречу Свету, как цветок, открылась.

* * *

Испивавшемуся поэту

Не по тебе цветочные заботы, –
Душа пуста, как в ветхом улье соты...
Прочёл твои стихи и с грустью говорю:
– Какая немощ внутренней работы!

* * *

Честолюбицу

Тоска одолевает неспроста –
Всё ближе, ближе финиша черта,
Но не тебе фанфары чемпиона
По мановенью Божьего перста.

* * *

Российскому олигарху

Дворцы а-ля Ампира, немецкие заборы,
Замки английские – наследникам раздоры.
И даже на могиле у тебя
Решётот кованых нездешних узоров.

* * *

Владимиру Зайцеву

Пышут жаром рыбацкие страсти,
Коль в руках твоих ладные снасти,
Чтоб вдали от любимой своей
Вновь блесной соблазнять щучьи пасти.

* * *

Сергею Антипову

В пустыне дней, как родников журчанье,
Любви слова стозвонного звучанья...
Не соблазнить поэта разменять
Слов серебро на золото молчанья!

* * *

Ревнивицу

Не для тебя улада откровенья,
В душе больной змеиное шипенье...
Дурман любви не может усыпить
Недремлющее око подозренья.

* * *

Художнику

Твои полотна нынче дорогие –
Ужель настали времена другие?
А ведь когда-то были у тебя
Ценители слепые и глухие...

* * *

Валерию Завьялову

Глазок в окне морозном продыши,
И вмиг наступит оттепель души...
Пусть за окном трескучие метели
В твоей тридцатиградусной глуши.

* * *

Масонским подмастерьям

Клянутся мировому закулисью,
Что будут исполнять их планы – рысью...
В своих курятниках порядок наведут,
Покажут, кому надо, «морду лисью».

* * *

Угрюмствующему поэту

Прощай, прощай, надежд убитых, век.
Прощай, полуубитый человек.
Полуживой, авось, доковыляешь
До нового – в компании калек.

* * *

Афганскому другу Рахматулле Раванду

Сказав напутственно: – Найди и отопри!
Судьба вручила ключ, но от какой двери?!
За тысяча одной закрытой дверью слышишь
Слова безрадостные песен на дари.

* * *

Памяти Сергея Парфёнова

Мой друг навек ушёл за горизонт,
И это не фантазия, не сон.
Как будто по раненью побыл дома,
А нынче вновь отправился на фронт.

* * *

Памяти Шаха Масуда

Панджшерский Лев, отважный Шах Масуд,
Свершился над тобой неправый суд.
Ты был любим и те, кто тебя помнят,
Отмщенья огонь в сердцах несут.

* * *

Памяти Джордано Бруно

Преодолима старых истин твердь –
Чем выше вал, нужна длиннее жердь.
А к ней талант, упорство и удача,
Но главное – готовность умереть.

* * *

Максиму Лях

Когда любовь, как жертвоприношение, –
Надежды нет на трезвые решения.
В глазах любимой, словно в зеркалах,
Своё искать напрасно отражение.

* * *

Хрущёвским временам

Пропев осанну новому кумиру,
Грозили коммунизмом всему миру...
Из коммуналок с радостью везли
Клопов и моль на новую квартиру.

* * *

Полковнику Витюку

Он вёл с зелёным змием равный бой –
В тоске трезвел, то уходил в запой...
В отказах гордых от опохмеленья
Одерживал победы над собой...

* * *

Иудствующим

Предательства финальная картина:
На заднем плане вечная осина
В библейской роще терпеливо ждёт
Очередного сукиного сына...

* * *

Ирине Марковой

Твои остроты жгучей перца чили...
«Счастливики» по полной получили, –
Вино пародий и крошку эпиграмм,
Чтоб от приправы в Бозе не почили.

* * *

Маленькому принцу

Наследный, без наследства юный принц,
Глядишь на нас со сказочных страниц...
В мир гением Экзюпери явился,
Не ведая таможен и границ.

* * *

Владимиру Ляху

Путь славы долог, но и он конечен.
Да ты и сам, как этот мир, не вечен.
Но если предков имена хранишь,
Ты неба высшей похвалой отмечен.

* * *

Левону Блбуляну

Где вилы жертву ждут в заброшенном стогу,
Где рыба бьёт хвостом на мёртвом берегу,
Где все друзья друг друга позабыли, –
Там след неверия в чернеющем снегу.

* * *

Памяти Владимира Набокова

Переловил всех бабочек Парнаса,
В подельники взяв резвого Пегаса,
И, убаюканный Лолитою, почил
С американским флагом под матрасом.

* * *

Разочарованному

Что хранил в душе, не уцелело,
Даже негорючее – сгорело...
Неужели облегчённая душа
Собралась покинуть твоё тело?

* * *

Подражая Пиру Мухаммаду Какару

Лицо прекрасное чадрой не закрывай,
Бутоном губ своих открой дорогу в рай.
Твой поцелуй – глоток воды в пустыне,
Улыбка дивная – путь в заповедный край.

* * *

Кончите Вурст

Вкус жизни сник, осталась вкусовщина,
С телеэкранов лезет бесовщина...
И не понять, то ль женщина поёт,
Иль беспородный голосит мужчина?!

* * *

Памяти Владимира Кочурова

Старый друг, уведи меня в юность,
Где гитары твоей семиструнность,
Где сиреневый в звёздах туман,
Где царила весёлая глупость.

* * *

Памяти Андрея Битова

На нас, с какой не глянуть стороны,
Отчётливо различий видны...
Золотари, бомжи и президенты
Биеньем сердца – этим лишь равны.

* * *

Памяти Михаила Булгакова

Любого смертного в грехах я уличу,
Лишь мне, как Мастеру, такое по плечу.
И с Маргаритой на метле воображенья
Когда хочу, куда хочу – туда лечу.

* * *

Памяти Марка Шагала

Чеканя шаг, монеты и медали,
Года, как дни, в век новый прошагали.
В мир новых красок, но не тех невест,
Которые порхали при Шагале...

* * *

Хроническому алкоголику

Ни добр, ни снисходителен, ни зол,
Похмельный с вождельем пьёт рассол...
Того печаль и радость примитивней,
Кто далеко в безвременье зашёл.

* * *

Академику ZERO

Хоть вклад в науку непомерно мал,
Чужие деньги тратил – не считал,
Открытия присваивал чужие...
Иного вдохновения не знал.

* * *

Лидии Жаровой

Не всё в природе ладанно и ладно,
Медово-яблочно и виноградно...
Найдём ли утешение в зиме,
Когда в душе осенне-листопадно.

* * *

Николаю Цискаридзе

Ты в тайну жеста, в тайну тайн проник,
Постигнув тела и души язык.
Жизнь слава на балетном эсперанто,
Мог вечность обращать в летящий миг.

* * *

Памяти Николая Лобачевского

Науки пополняется казна...
Теорий поражает новизна:
Прямолинейным миром управляет
Гиперболическая кривизна.

* * *

Памяти Булата Окуджавы

Записан часовой любви в солдаты,
Которые ни в чём не виноваты.
До дня последнего огонь твоей любви
Горел, горел и... выгорел до тла ты.

* * *

Памяти Юрия Олеши

Я помню твой наказ: Ни дня без строчки.
У вдохновенья не просить отсрочки.
Начать лишь надо с чистого листа,
Оно придёт и доведёт до точки.

* * *

Племяннику Павлу

Будь собранным и в сложном и в простом.
Коль начал, так достраивай свой дом!
Теряет всякий смысл и актуальность
Отложенное дело на потом.

* * *

Либералам TV дебатов

Говоруны и вроде не балбесы,
По сути – полулюди, полубесы.
Участники лукавых мизансцен
Не ими срежиссированной пьесы.

* * *

Памяти Виктора Цоя

Иглоу шприца прячась, словно в стоге,
В толпе скитальцев... Ну а что в итоге?!
Нас, пробуждая, к переменам звал, а сам
У Вечности уснул ты на пороге.

* * *

Ксении Собчак

То не собачий, а собачий блуд,
"Дом два" – его лукаво назовут.
От бандерши не ожидай подвоха –
Её глаза блудливые не лгут!

* * *

Воинам ДНР и ЛНР

Снарядами распахан чернозём
И грозово грохочет окоём...
Героев имена – живых и павших,
Не выжечь даже фосфорным огнём.

* * *

Льву Котюкову

Грядут четыре всадника Завета...
Сбывается пророчество поэта:
Настанет день и смертные узрят,
Как скорость тьмы превысит скорость света.

* * *

Владимиру Кучерю

Родился ты давно в стране Советов,
Потомок славных кобзарей-поэтов.
Свою главу венчал ты не венком –
Короною блистательных сонетов.

* * *

Ярому перестроечнику

О, сколько судеб взято на излом...
С коррозией боролся, как со злом,
Но в огородах власти "Толик ржавый"
Предстал троянским не конём – козлом!

* * *

Застойным, не застольным временам

Он не считался верхом неприличности –
Ох, этот вечный дефицит наличности...
К тому ж повадка «выпить на троих»
Предотвращала раздвоенье личности.

* * *

Пока что человеку

Велик в запросах, а в деяньях мал,
Хоть дерзко мир на атомы разъял,
Забыл урок изгнания из рая.
Ну а теперь какой ты ждёшь финал?

* * *

Самой тяжеловесной ягоде

Из ягод всех крупней, сочней – арбуз,
Гурману явит аромат и вкус...
Он – главный на десерт, когда созреет.
Он, как в колоде карт, бубновый туз!

* * *

Памяти Профессора Людвиг

Есть во Вселенском кодексе статья:
"Писатель – и свидетель, и судья".
Но и его ждёт приговор суровый,
А вместе с ним – Харонова ладья.

* * *

Памяти Марины Никитиной

Скорбит душа, испытывая жалость...
Навеки ты ушла, – не попрощалась.
А мир не дрогнул, не заметил твой уход,
Лишь сердце опустело, в точку сжалось.

* * *

Друзьям-поэтам

Покуда время не схарчило нас,
Спасали душу ремеслом не раз...
Покуда зрим духовными глазами,
Не затеряются тропинки на Парнас.

* * *

Своему Я

Я – эхо песен бабушки моей,
Я – эхо стука в тысячи дверей,
Я – эхо дней, прожитых нараспашку,
Я – эхо незабвенных светлых дней...

* * *

Репортёру "Эхо Москвы"

Нет, ты не шмель, что собирает мёд.
Стервятник ты, что падалью живёт.
Ни слова о прекрасном, светлом, чистом...
Не журналист, а мусоропровод.

* * *

Старушкам-нищенкам

Им, давшим жизнь, подай ради Христа,
Им, согбенным под тяжестью креста...
Ведь им когда-то, как тебе сегодня,
Надежд горела празднично звезда.

* * *

Псевдодемократу

Ты продукт бесовских, девяностых, лихих...
На обломках страны хапал за семерых...
Попущенье Господнее – нам в наказание,
Коль в оградах церковных хоронят таких.

* * *

Урологу Андрею Андронову

Торчит, пупка пониже, трубка – дежавю,
Но жизни радостно признаться: J love you!
С таким подобьем пуповины, эскулап мой,
Пить-дать, до нового рожденья доживу!

* * *

Памяти Хорхе Луиса Борхеса

Забвенье – месть, оно же и прощенье,
Оно – своеобразное крещение,
Чтобы тщеславный мог спокойно ожидать,
Когда наступит время воскресенья.

* * *

Сенаторам Госдумы

Чем выше статус, низменной интриги...
Вы все, как на подбор, из высшей Лиги,
Недремно-зоркие с коррупцией борцы
По постным дням, а в остальных – барыги.

* * *

Памяти Анатолия Жигулина

Пройдя свой путь
меж чёрным и меж белым,
И день, и ночь под цензорским прицелом –
Собратьям по перу, не сломлен, завещал:
"Пишите честно, как перед расстрелом".

* * *

Татьяне и Валерию Завьялову

Морозной ночью дым из труб столбом...
Вновь снегирём наохлился ваш дом.
В окне свет ал, подстать окрасу птицы,
И благодать слов молитвы перед сном.

* * *

Памяти Цяо Цзы

Когда сети поставить и выбрать улов...
К исполнению советов не каждый готов.
Даже если хотеть, даже если напрячься –
"На закате напрасно ждать утренних слов".

* * *

Памяти Валентина Гафта

Через душевную, физическую боль
Дорога славы, утомив, ведёт в юдоль...
Зал репетиции пустой, но доиграть бы
Без режиссёрских понуканий свою роль.

* * *

Памяти Льва Котюкова

Пусть опечатан избылием рог,
Пусть век-судья не милосерд и строг,
О тернии душа пусть в кровь разбита,
Ведь Путь творца – хождение без дорог...

* * *

Владимиру Лория

Послание небес, землянину отрада,
О, чудо из чудес – вино из винограда...
Уставших от забот, хотя б на час, на два,
Пусть в рай не приведёт, но выведет из ада!

* * *

Солдату ВСУ

Молись, чтобы в бою быть раненым, но так,
Чтоб в каждом органе
заявленном был брак,
Чтоб трансплантологам
ты стал неинтересен,
Продажным всё равно:
свой в доску или враг.

* * *

Трудоголикам

Удачливый трудяга скарабей,
Кати до дому шарик, не робей!
Кусок дерьма, ниспосланный верблюдом,
Он перевесит сто твоих скорбей.

* * *

Скульптору

Ты идолов всю жизнь свою ваял –
В том правду отражения искал...
Не лучше ли искусства отраженья
Добиться полировкой зеркал?

* * *

Критикану

Ты желчен и настолько ядовит,
Что смерть твоя природе навредит:
Гурман – могильный червь, тебя отведав,
Подохнет с голода, утратив аппетит.

* * *

*Памяти Ивана Шадра,
Ромульда Иодко*

Лазеек множество между добром и злом.
Коль прошмыгнём, считаем – повезло!
Но не проныр встречает, провожает –
Эпохи символ – Девушка с веслом...

* * *

Феминисткам

Амбиции весомы, не пусты –
С Москвой, с Нью-Йорком говорить на ты...
После мытарств нашли себе занятие –
Глазеть на мир с панельной высоты.

* * *

Во имя чьё?

Здесь гендерный разгул и окаянство,
И удаль инфантильная и чванство...
В погоне за рекламной новизной
Здесь постоянное непостоянство.

Сергей ГАЗИН

ПАМЯТИ ПОЭТА

Льву Котюкову

Он был человеком долга,
Хоть никому не должен был, –
Придя в поэзию от Бога,
О людях помня, правдой жил.
Душой страдая, сердцем верил,
Что ключ от истины – в любви,
И ей, ни дня не лицемеря,
Он посвящал стихи свои.

СЕРГЕЮ АНТИПОВУ

Да, он такой – он настоящий,
Антипов – наш орёл летящий!
В любви и в бизнесе крылат,
Стихами светлыми богат!
Его поэзия чиста,
Как голос певчего дрозда, –
Душа пылает вдохновеньем,
Дыша небес благоволеньем.
Он знает точно – всё во благо!
Коль на столе лежит бумага
И есть чернила и перо,
Стихи из сердца – серебро!
Сергей идёт по жизни смело,
Покамест солнышко не село,
Спешит пролить в сердца людей
Свет доброты души своей!

* * *

Орлы парят над бездной,
Ни капли не страшась,
Пугать их бесполезно –
Нигде им не пропасть.
Их держат крылья веры
На должной высоте...
Антипов все барьеры,
Возьмёт, летя к мечте!

ОДИНОКИЙ В ПОЛЕ ДУБ

Андрею Дебатову

Он не рос средь баобабов,
А возрос среди дубов,
Коль начнёт читать Дебатов,
Стих отскочит от зубов!

Он геолог и учёный,
Кандидат физмат наук –
Стих любой, им испечённый,
Так и скачет прям из рук...

Он его читает смело,
Декламируя легко,
Чтобы слово долетело
Даже к тем, кто далеко.

Он разведчик недр планеты,
На Бермудах побывал!
У Галлеевой кометы
Форму льда обрисовал.

Вот такой Андрей Дебатов,
Геофизик и поэт,
Покоритель океанов –
С ним не меркнет русский свет!

15.04.2023

ВЛАДИМИРУ
КУЧЕРЮ-ЧЕПЕЛЁВУ

С открытым сердцем и прямой душою
Направлен к людям стих его живой,
Где слово дышит правдою земною,
Озвученное нервом жизни непростой.

И коль идёт с гитарою Владимир,
Он сердцем песню светлую поёт.
Такого не найдёте даже в Риме!
А кто со мной поспорит, тот соврёт.

ЭДУАРДУ ХАНДЮКОВУ

Он любит жизнь и пишет рубаи...
Его скульптуры совершенны –
Всем сердцем посвятил года свои
Труду мышленья ежедневно.
И что ни строчка, то всегда шедевр!
Но нос не задирает гордо,
К товарищам своим в советах щедр –
Как устно, так и в файлах Word-a...

Элла КУЗНЕЦОВА**ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ**

Лев Котюков – наш звёздный свет
На книжном русском небосклоне –
Писатель мудрый и поэт,
В большом своём диапазоне.

Он никому не делал зла,
Прошёл свой путь по жизни честно.
Стихи его – насущный злак,
Пусть колосится повсеместно!

Эпоха Льва – огонь и лёд!..
Но жил он только добротой,
Раскрылся звёздный небосвод –
Сам Бог забрал его с Собою...
03.04.2023

ПОРТРЕТ

Светлой памяти Льва Котюкова

Портрет мне снится на стене
Сквозь дымку траурной вуали –
Как будто вижу не во сне,
А въявь нечёткие детали.

Отодвигаю чёрный тюль,
И... замирает сердце сразу –
Лев Константиныч держит руль
Стихов, что крепче, чем алмазы.

Сказал: «Исчерпан, жаль, ресурс...
Эх, я ещё бы поработал!..
Я не менял друзей и муз,
Их окружал всегда заботой».

И я ответила: О, да!
Без вас так пусто и морозно...
Вы рулевой наш навсегда –
Осиротели мы серьёзно.

Но не закончен ваш полёт,
Живёте в новых измерениях...
И слово Божие поёт
У вас во всех стихотворениях.

Слились в вас жизни сразу две –
И гражданина, и поэта!
Стоите твёрдо во главе
Поэзии, смотря с портрета.
08.04.2023

МАСТЕРУ СЛОВА

В.И. Кучерю-Чепелёву

За чередой разных важных дел
Владимира стихи без тавтологий,
Искусством слова мастер овладел –
В стихах его заложен смысл глубокий.

Он пишет строчки солнечной душой,
Чтоб зажигать читателей отвагой,
И заводить их песнею живой,
И озарять духовною отрадой.

В словах поэта доброта во всём,
Отринув пошлой суеты никчёмность,
Он дарит свет с гитарой и пером,
В простом общенье проявляя скромность.

Поэзия – души его уют,
Чудесная обитель и спасенье,
И свет, и вдохновенный жаркий труд,
Она – лучина сердцу для горения!

Дмитрий КРАСНОВ**ТРЕУГОЛЬНИК ПЕЧАЛИ***Рецензия*

Лента «Треугольник печали» удостоена Золотой пальмовой ветви в 2022 году в Каннах.

Фильм является одной из частей трилогии («Форс-мажор» 2014 года и «Квадрат» 2017 года, который был также удостоен Золотой пальмовой ветви).

Эти фильмы являются осмыслением режиссером политических, социальных и культурных процессов, происходящих в мире. Сам автор принадлежит к поколению 50-летних людей, и период его жизни совпал с различными историческими процессами, свидетелями которых он являлся. Двуполярный мир, противоборство социалистической и капиталистической систем, падение этого мира и переход к однополярному миру, кризис которого сегодня переживает человечество, находящееся в процессе поиска новых смыслов, идей; выстраивание новой геополитической и экономической архитектуры мира. Мира, который находится на грани глобальной катастрофы, войны. Все эти процессы режиссер отразил в картине. С моей точки зрения, данный фильм является выдающимся произведением киноискусства последнего времени.

Обратимся к названию картины.

Нам представляется геометрическая фигура закрытого типа – треугольник. Все события, отображаемые в фильме, происходят как бы в трех углах этой фигуры. И каждая из локаций, через которую проходит сюжетная линия фильма, вызывает грусть, ощущение безысходности, морального, идеологического социального тупика, возникает ощущение наступления мирового катаклизма, крушения цивилизации.

Первая часть фильма посвящена вопросу равенства полов и теме построения отношений мужчины и женщины (Карл и Яя), и ощущения от этой части можно назвать противоречивыми, чего с моей точки зрения, и пытался добиться режиссёр.

С одной стороны, весь видеоряд – поступки, мысли, идеи главных героев – вызывает скуку. Все их мысли вертятся вокруг денег и вещей, они типичные представители общества потребления (в прологе режиссер показывает fashion-лекцию о разнице хмурого и задорного бренда: чем дороже бренд, тем очевиднее должно быть презрение к покупателю, а чтобы продать товар подешевле, нужно больше улыбаться (параллель с предыдущими работами Эстлунда, но если «Квадрат» – для эстетов, то «Треугольник печали» – для широкой аудитории).

С другой стороны, автор показывает смещение гендерных ролей. И это достигается определенными художественными приемами, а именно: мы видим, что главный герой Карл с десятками молодых людей участвует в кастинге.

Молодые мускулистые тела и женственные лица, не только даже лица, но и поведение этих молодых людей. Жеманные женские манеры присущи больше гомосексуальным особям, а не мужской профессии которую выбирают эти люди.

В продолжение этой мысли о смене ролей режиссер предлагает зрителю длительную сцену об оплате счета в ресторане. Эта сцена ярко показывает, что западные мужчины стали вести себя необычно, такое поведение в нашем понимании не должно быть присуще мужчине, а именно: главный герой Карл на протяжении длительного времени отказывается оплачивать счет за свою девушку Яю, демонстрируя свою мелочность, капризничает, не прекращает выяснение отношений по этому поводу, пытается оправдать и обосновать свое ненормальное, с нашей точки зрения, поведение. И эта сцена нытья сильного, красивого парня настолько долго длится, что не может не вызвать к нему неприязни и отвращения, чего и добивается режиссер. Возникает ощущение, что нормальный мир перевернут вверх ногами.

Данный эпизод отражает важное направление в развитии западного общества. На протяжении последних столетий женщины боролись за свои права в рамках феминистских движений, движений половых меньшинств и достигли успехов в своей борьбе – традиционная семья как основа общества рушится, а мужчины превратились в женщин.

Режиссер нам демонстрирует тектонический разлом между идеологией и ценностями западного мира – и мира, который придерживается традиционных устоев и ценностей, полностью отрицающих эти новые западные тренды. Режиссер явно высмеивает выбор западного общества и демонстрирует свое негативное отношение к этим явным признакам вырождения западной цивилизации. И эту глобальную проблему мы с вами видим в первом углу этой замкнутой геометрической фигуры.

Перейдем ко второй части фильма.

События разворачиваются на супердорогой яхте с возможностью отдыха для исключительно богатых и избранных людей. В этом замкнутом пространстве, оторванном от мира, находящемся в бескрайних просторах океана, режиссер показывает противоречие человека труда и человека капитала. Классовую несправедливость устройства современного мира.

Художник показывает, как шикарный отдых обеспечен непосильным, грязным, унижительным трудом прислуги. Как эта прислуга вынуждена из-за желания сохранить свои рабочие места выполнять унижительные требования богатых гостей. Это видно в сцене, когда по прихоти богатой сумасбродки (жены русского олигарха, продавца дерьма) весь персонал яхты вынужден бросить свои дела и в угоду ее прихоти «весело» плескаться в море, съезжая с горки.

Также очень ярко отражается классовое неравенство между богатыми и бедными в сцене капитанского ужина. Когда поедающих дорожные блюда высокой кухни богачей из-за шторма начинает тошнить. И сотрудники персонала, стоя на коленях в этой явоте, голыми руками собирают её с пола, а богатые продолжают свой сатанинский пир, наслаждаясь благами мира.

Хотелось бы остановиться на том, как Эстлунд показывает образ правителей рассматриваемого общества (в нашем случае – обитателей яхты).

Речь идет о капитане яхты. На протяжении всей этой части капитан фактически не занимается управлением корабля, передав свои обязанности помощнику, и не контролирует его. Администратор яхты не может достучаться до него и убедить принять командование на себя, не может вывести его из запоя.

И только требование явиться на капитанский ужин заставляет его туда прийти. Образ капитана вызывает ощущение отстраненности этого человека от своих обязанностей, нежелания их выполнять и быть игрушкой в руках богатых чудаков, прихотям которых он противостоять не в силе, а исполнять их не хочет. Это нас отсылает к тому, что руководство западного мира является марионеткой в руках людей капитала, тех людей, в чьих руках сосредоточены все деньги мира.

На этот пир капитан смотрит отрешенно, с нескрываемым презрением, и пытается напиться чтобы постараться абстрагироваться от всего происходящего. Важно отметить сцену, когда капитан спорит с русским олигархом в своём кубрике. Фоновой музыкой звучит «Интернационал» (...«Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем, тот станет всем»).

Представитель западного общества, капитан ретранслирует своему собеседнику идеи Маркса, пытаясь в них найти ответы на те проблемы, которые режиссер поставил в фильме (никакой более стройной и последовательной теории, чем марксизм, Запад за все это время так и не смог разработать и предложить миру). Его оппонент, «новый русский», который нажился на разорении и развале своей страны, как представитель эпохи первичного накопления капитала, отстаивает идеи наживы и эксплуатации. Под звуки «Интернационала», в шикарных интерьерах, за рюмкой дорогого коньяка они рассуждают о судьбах мира, в то время как за бортом идет смертельный шторм, грозящий погибелью яхте.

Финал капитана как образа руководителя этого мини-прообраза мира, печален, но закономерен. Он гибнет вместе с судном.

Режиссер в этой сцене, описывая нравственное и интеллектуальное профессиональное поведение представителей элит, правящего класса, показывает их несостоятельность как лидеров общества. Их неспособность адекватно реагировать на мировые катаклизмы, вызовы, неспособность осознать происходящее, предложить программу выхода из кризиса и повести за собой все человечество. Эти люди погрязли в наслаждениях, гонке за удовольствиями, получением прибыли любой ценой, даже ценой уничтожения мира и самих себя. Этот пример демонстрирован в сцене фильма, когда производители оружия хвастаются своим товаром как основой демократии, однако именно их граната, запущенная рукой пирата, уничтожает судно. Этот эпизод требует отдельного рассмотрения.

Западный мир, ввергнувший большую часть стран в нищету, разорение, междоусобицу, рискует сам оказаться жертвой гнева этих стран.

Судно с сомалийскими пиратами как образ стран третьего мира, ввергнутых в хаос и не имеющих возможность зарабатывать деньги честным путем, показывает, какой путь остается у этой части мира. Путь войны и грабежа. И именно в связи с нападением пиратов и происходит гибель яхты как образа мира богатых и успешных стран, гибнущего под ударами неоварваров.

Центральным событием этой сцены является ужин капитана, на котором стоит остановиться подробнее. Яхта в море как образ человечества в океане истории. В момент этого ужина начинается шторм, который явно просматривается за стеклами иллюминаторов и ощущается участниками этого мероприятия. Отгороженные от этого шторма бортами дорогой яхты участники этого пира поглощают дорогие блюда высокой кухни, они чувствуют силу стихии, опасность грядущего катаклизма, и многих из них начинает тошнить на богатые скатерти изысканно сервированных

столов. Другая часть трапезников как бы не замечает происходящего вокруг них: страшных волн за бортом, рвотной массы, растекающейся по столам и полу, трудящихся людей, стоящих на коленях и убиравших её голыми руками. Вся эта сцена вызывает ощущение нереальности происходящего, какого-то адского шабаша, пира во время чумы. И, должно быть, именно таким видится автору современный мир. Мир, лежащий во зле. И это еще один угол замкнутой геометрической фигуры, и в этой ее части мы тоже по воле режиссера не видим выхода.

Яхта как символ старого мира погибла.

Мы переходим к третьей локации, третьему и заключительному углу треугольника, закрытой геометрической фигуры. Как же режиссер видит, закрытая ли эта фигура? Каким в его картине мира видится новый мир, построенный на иных основах и правилах? События разворачиваются на псевдоострове. Вначале выжившие в крушении по привычке строят отношения по старым лекалам. Но старые правила и нормы не работают. Социальные роли и статусы, определившие их место в прошлой жизни, уже не имеют значения.

Перед голодом и холодом, необходимостью выживать все становятся равны. И новый русский, и сомалийский пират и супермодель.

Все наносное, гламурное уходит на второй план, и теряют свою ценность золотые украшения, «ролексы». Мир и социум возвращаются к своим глубинным вечным основам и истинам, которые заключаются в том, что для жизни и выживания нужны настоящие навыки, а умение ходить по подиуму и улыбаться, грабить и убивать, торговать – это уже элементы, не позволяющие прокормить себя.

На первый план выходит человек труда – тот человек, который ползал на коленях и убирал туалеты, кого в прошлой жизни эти люди не замечали или презирали. Но что характерно, этот человек по воле режиссера воспроизводит ту же модель построения социальных отношений, что была прежде. Уборщица Эбигейл стала унижать своих угнетателей, выстраивать их в островную иерархию, принуждать к сексу Карла за еду. То есть, по мнению Эстлунда, людям труда нечего предложить миру: ни в голове, ни в сердце у них нет ни идей, ни смыслов. Только еще более уродливое копирование и ретрансляция старых буржуазных устоев, которые уже демонстрировали люди, вышедшие из низов, дорвавшиеся волей судеб до власти. Таким образом, ничего нового в этом подлунном мире не видит и режиссер. То есть он замкнул третью локацию, третий угол, и вроде бы тем самым сказал: выхода нет. Подписав приговор будущности этого мира, он как бы подвел черту под спором капитана и русского олигарха. Однако в финальной сцене Яя и Эбигейл обнаруживают, что остров используется как курорт, находят вход в отель и главная героиня предлагает Эбигейл вернуться обратно «в стойло» и стать опять прежней. Униженной и оскорбленной. Испив чашу власти над людьми, трудяга не спешит принять щедрое предложение от Яя и берется за камень – орудие пролетариата, чтобы убить ее и хотя бы на мгновение продлить миг своего призрачного земного могущества. И хотя мы не видим самого удара, режиссер предлагает нам самим сочинить финал. Самим выбрать: есть ли выход из замкнутой фигуры, треугольника печали, или нет. И может быть, самим снять новый фильм – «Треугольник надежды». Но, на мой взгляд, удар непременно последует и выхода из той картины мира, которую предложил Эстлунд, нет. Треугольник замкнулся.

ПИСАТЕЛИ в ЦВСНП

Материал предоставлен партнёром МОО СПР АНО
«Поколение победителей»

Подростающая личность должна развиваться гармонично, во всех направлениях, и душой, и телом, и интеллектом. Совершенно однозначно есть в жизни вещи, без которых можно (и нужно) обойтись, например, наркотики и преступления. Но если уж так случилось, что они затронули молодую судьбу, то надо приложить все усилия, чтобы заместить в несовершеннолетнем этот дурной опыт чем-то более ценным, значимым, важным. Это и является целью программы работы с несовершеннолетними девиантами, подготовленная Дмитрием Красновым в качестве председателя Комиссии при ОНК г. Москвы 6-го состава. В этот раз к ней присоединились известные писатели, подарившие детям свой бесценный опыт!

На фото:
**Сергей Берсенов, Сергей
Антипов и Ирина Овчаренко**

19 апреля 2023 года Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при ГУ МВД РФ по г. Москве посетили виднейшие представители Московской Областной организацией Союза писателей России с целью проведения круглого стола на тему «Творчество – как один из основополагающих факторов становления личности подростка».

В состав группы вошли Председатель Правления Московской областной Организации Союза писателей России Сергей Антипов, руководитель только что образованного при МОО СП России отдела по работе с творческой молодёжью и социальным вопросам, член Союза писателей России Сергей Берсенов, являющийся также заместителем Председателя московского регионального отделения Всероссийского созидательного движения "Русский Лад" по культуре и социальным вопросам, и заместитель руководителя отдела по работе с творческой молодёжью и социальным вопросам Ирина Овчаренко.

Вопросы, затронутые в беседе, касались не только творчества, которым занимаются многие из ребят, пребывающих в Центре, но и их взглядов на жизнь. Разговор фактически проходил на равных, искренний, и ребята высказывали свои мнения и спрашивали о том, что их интересует.

По итогам встречи было решено провести многожанровый творческий конкурс без присуждения каких-либо мест, чтобы дать возможность проявить ребятам индивидуальность. Пусть это будут не только стихи, но и небольшие рассказы, заметки о том, как они видят своё будущее. Идею сделать такие встречи регулярными поддержали все участники круглого стола.

В конце встречи писатели почитали свои стихи философского содержания, которые были встречены ребятами с восторгом. И, поверьте, видеть его в глазах этих детей с непростыми судьбами – многого стоит!

РЕКОЮ ТЕКУЩАЯ РЕЧЬ

Выступить с докладом на писательском форуме в г. Шатура мне предложила организатор этого форума – Л.П. Жарова. Тема моего доклада «Защита и сохранение русского языка» перекликалась с принятым в феврале этого года Госдумой законом "О государственном языке Российской Федерации", регулирующим использование иностранных слов в русском языке и направленным на повышение значимости русского языка, как государственного, на всей территории России. Предполагалось также усиление контроля за соблюдением его норм госслужащими и гражданами. Эта мера направлена на защиту русского языка от чрезмерного употребления заимствований.

"Есть первая сфера употребления обязательно русского (как государственного языка.), без всяких оговорок, и есть несколько сфер, такие как исполнение произведений, СМИ, реклама, где могут быть особенности осуществления деятельности", – уточнила на заседании глава думского комитета по культуре Елена Ямпольская.

Как только об этом стало известно в Подмоскovie, житель г. Шатуры Н. Д. Чистяков отправил письмо президенту с просьбой помочь ОЧИЩАТЬ и ОБОГАЩАТЬ русский язык, избавляясь от таких иностранных слов, как ФЕЙК, БОРТ и др. и предложил свои технологии «очищения и обогащения». Шатурянка Л.П. Жарова, член правления Московской областной писательской организации, высказала авторитетное мнение по этому поводу. Вот фрагменты из её диалога с Н.Д. Чистяковым:

«Вы предлагаете заменить слово «фейк» словом «ложь». Однако, надо учитывать сферы употребления этих равнозначных понятий. Для СМИ, для молодёжи, привязанной (увы!) к смартфонам, для западных потребителей – это всё-таки фейк. Да и в эмоциональном плане это воспринимается должным образом: фу! Фейк! Куда же деваться от реалий – английский язык имеет всеобщее распространение. И, надо отдать должное, иногда более утилитарен, функционален и удобен в употреблении в наш стремительный век. И, разумеется, в использовании иностранной лексики необходимо чувство меры, необходимо ЗДРАВОМЫСЛИЕ».

Я поддерживаю Лидию Павловну и хочу добавить, что в 90-е годы администрация нашего города называлась мэрия, а руководил ею – мэр. Но вскоре нашлись аналоги в русском языке, и теперь – это глава (аналог в русском языке) города и администрация (слово латинского происхождения).

В процессе работы над докладом, у меня родилось стихотворение на соответствующую тему:

* * *

Лидии Жаровой

Как нам живётся? Понемногу
Английскому внимая слогу,
Мы произносим: «Фейк», «Кэшбэк»,
При этом ускоряя бег.

Бежать, а то ведь не успеешь!
Пожнёшь, когда кэшбэк посеешь,
Советский – в прошлом – человек,
С презрением произносит: фейк!

«Доход» и «выгода» – на свалку!
Кто проявил в словах смекалку,
«Фейк» не заменит словом «Ложь»:
А почему? Потом поймёшь!

* * *

Хочу напомнить, что бережное отношение к русскому языку при выборе аналогов иностранных слов ярко проявилось в начале 20-го века. В интернете есть информация, что когда в России появились воздухоплаватели, развивалась авиационная промышленность, то слову АЭРОПЛАН быстро нашли аналог в русском языке. Слово самолёт применяли ко всему быстрому, на ходу, подвижному. Одно из акционерных обществ на Волге в XIX веке было известно под фирмой «Самолёт». Отдельным пароходам тоже охотно давали это имя. Когда языку понадобилось дать имя новой воздушной машине, люди вспомнили, что подходящее для этого слово уже существует в русской речи. Иностранное слово «аэроплан» заменило русское красивое слово «самолёт». Интересно, что именно в области авиации был когда-то сделан ряд попыток вмешаться в развитие языка.

В начале XX века поэт-футурист Велимир Хлебников попытался составить маленький словарь для нужд нарождавшейся авиации. Он искусственно произвёл множество слов от корня «лёт», чтобы они называли новые понятия: летатель, полётчик, лтец, летатай и лётчий. А для женщин-пилотов – летавица. «Летоба» – вместо иноземного «авиация». Все эти слова в разговорном языке не удержались. Сами авиаторы произвели от того же корня «лёт» громадное число совсем других слов: лётчик, лётный, облетать. И вот эти-то не учёные слова прочно вошли в наш язык.

Есть известная легенда о происхождении слова "лётчик". В общепринятой версии она излагается так. В начале XX века, когда в небо над Россией начали взмывать аэропланы, потребовалось какое-то слово для обозначения тех, кто ими управлял, и они звались заимствованным словом "авиатор". Но уже был запрос на поиск славянских корней.

В 1910 году Александр Блок в стихотворении, которое, кстати, называется "Авиатор", предложил свой вариант: "Летун отпущен на свободу..." А спустя пять лет, в 1915 году Велимир Хлебников употребил слово "лётчик" в стихотворении "Гризна". Мнение о том, что именно нашему знаменитому футуристу и словотворцу мы обязаны кратким, ёмким, красивым словом "лётчик", было настолько распространено, что в 1984 году поэт Борис Слуцкий писал так:

Понадобилось перешагнуть порог
Небес, чтобы без всяких отсрочек
Слово "летун" придумал Блок,
И Хлебников чуть поправил: «лётчик»!

Однако за три года до Хлебникова слово "лётчик" уже употребил другой литератор – не менее известный: звали его Александр Грин. Именно он написал "Алые паруса". А слово "лётчик" мы впервые находим в его рассказе "Тяжелый воздух":

«Перед вылетом авиатор выпил бутылку коньяку, но не опьянел, а только начал особенно резко и отчетливо сознавать всё: свое положение состоящегося на крупный приз русского лётчика, высоту, на которой, параллельно земле, несясь вдаль, воздушную пустоту кругом аппарата, стоголосый рев мотора и время.» Впрочем, это не значит, что именно Александра Грина следует считать изобретателем нового слова. Есть свидетельства о том, что после 1910 года лётчиками периодически себя называли сами авиаторы. Так что писатели быстро подхватили удачный термин, уже возникший в русском языке.

Завершаю свои заметки авторским стихотворением:

* * *

О, русский язык! О, могучая чаща созвучий!
Звнящий ручей – и рекою текущая речь!
Родная земля, небосвод, породнившийся с тучей,
И вера, которую предки сумели сберечь!

Страна, где на карте – моря, океаны и горы,
Леса – и в степях колосистая хлебная рать,
Народ: не стихают о нём до сих пор разговоры,
Дано в годы битв ему волю в кулак собирать.

О чём наши песни? О войнах и славных победах:
Богат на сказителей русский великий язык.
Он – вечен, о чём бы он нам ни поведал,
Под силу ему передать страстный шёпот и крик.

В молитвенном Слове – Душа: глубина и бессмертье,
И каждой душе предстоит перед Богом предстать.
Бог милостив: нам удалось пережить лихолетье,
И жизнь возродить, и на прочность себя испытать.

Татьяна Максименко

ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКИЙ ФОРУМ

18 марта 2023 года в центральной библиотеке г.о. Шатура состоялся Областной писательский форум "Гражданином быть обязан", организованный Московской областной организацией Союза писателей России (МОО СПР) при финансовой и материальной поддержке администрации г.о. Шатура. Идейным вдохновителем и модератором форума выступила секретарь правления МОО СПР Лидия Павловна Жарова (г. Шатура). На форум приехали представители 16 муниципальных образований Московской области.

В президиуме форума работали: статс-секретарь Союза писателей России Николай Иванович Жданов-Луценко, председатель правления МОО СПР, член правления Союза писателей России Сергей Сергеевич Антипов и руководитель отдела Губернской библиотеки по работе с литературными объединениями Московской области Елена Анатольевна Гладилина. Совет молодых литераторов Союза писателей России представлял его руководитель, секретарь МОО СПР Андрей Николаевич Тимофеев. С приветственными словами к участникам форума обратились представители администрации и централизованной библиотечной системы г.о. Шатура

Работа форума проходила в два этапа. На первом этапе в центральной библиотеке г. Шатура С. С. Антипов изложил краткую информацию о состоянии, задачах и проблемах литературного творчества в Подмосковье и планах его развития, о сохранении русской языковой культуры, о планах работы в этих направлениях областной писательской организации.

Николай Иванович Жданов-Луценко передал приветствие форуму Председателя Союза писателей России Николая Фёдоровича Иванова и его пожелания в развитии литературного творчества в Подмосковье.

О планах и перспективах работы с творческой молодёжью и вовлечения молодых людей в литературное творчество и вообще в социокультурное пространство выступил А.Н. Тимофеев.

О роли областной универсальной губернской библиотеки в развитии творческого процесса в Подмосковье рассказала Е.А. Гладилина.

Сохранение и пропаганда исторического и культурного наследия России, особенно языковой культуры, в настоящее время приобретает исключительно важное значение. Такая работа успешно проводится в городском округе Шатура, о результатах которой рассказал член Союза писателей России, руководитель проекта «сердце Мещеры» Юрий Алексеевич Белоусов в докладе «Сказительство как форма сохранения исконно русского языка».

С докладом «Переосмысление классики – требование времени» выступил секретарь Союза писателей России, секретарь правления Московской областной организации Союза писателей России, Заслуженный работник культуры Московской области, руководитель Ступинского литературного объединения «Родники» Владимир Артёмович Леонов. В своём докладе В.А. Леонов представил критическое осмысление содержания и сути повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба».

С приветственными словами и краткими информационными сообщениями выступили представители Московской городской организации Союза писателей России и Ленинского городского округа МО.

В завершении первого этапа на площади перед библиотекой состоялась Акция «Крым – это Россия», на котором выступили С. С. Антипов и А. Н. Тимофеев.

Второй этап форума – дискуссионный – проходил в г. Рошаль. Работало две секции, на которых осуществлялся обмен опытом работы литературных объединений, в том числе с подрастающим поколением и молодёжью, рассматривались вопросы патриотического и нравственного наполнения литературного творчества на современном этапе. Активное участие в работе секций принимали молодые люди, в том числе учащиеся школ г. Рошаль. Большое внимание уделялось стратегии развития литературного творчества на современном этапе. Бурная дискуссия развернулась при обсуждении взаимодействия литературного творчества и идеологических принципов.

В ходе работы секций были затронуты и другие важные темы такие, как:

- работа с молодыми авторами в регионе, формирование образа будущего в творчестве, культура и субкультура.

- сверхзадача молодёжного творчества на современном этапе;

- воспитание гражданственности,

- проблемы защиты сохранения русского языка;

- развитие литературного творчества на основе самобытной русской культуры;

- роль краеведения в воспитании гражданственности и осмысления духовного наследия;

В заключении работы принята итоговая резолюция.

Главным итогом форума стало открытие, в ответ на вызовы времени, Областного писательского культурного фронта, объединяющего творческие силы Подмосковья, для укрепления национальной государственной идеи и идеологии нашей страны, для сохранения и развития отечественных духовных культурных традиций на основе нравственности.

Участники форума выразили благодарность организаторам от г.о. Шатура за тёплый приём, за обеспечение комфортным транспортом, прекрасное питание и проведение экскурсии по Территории Смыслов (парк Крестов Брод) в г. Рошаль.

Владимир Леонов

СТОЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ ИГОРЯ ГРЕБЦОВА

На фото: Игорь Гребцов и Сергей Антипов.

В начале марта мне позвонил председатель международного сообщества писательских союзов (МСПС) Юрий Викторович Коноплянников, и спросил, знаю ли я ныне здравствующих членов Союза писателей России, которым больше **ста** лет. Я не смог сходу ответить на этот вопрос. Тогда Юрий Викторович сообщил мне, что 23 марта 2023 года исполняется ровно сто лет

Игору Григорьевичу Гребцову.

Ветеран, прошедший всю Великую Отечественную войну, выживший после двух тяжёлых ранений и контузии, он окончил Литературный институт им. Горького, работал корреспондентом газеты «Советская Россия», написал 14 книг стихов и прозы, является членом Союза писателей и Союза журналистов России.

Разумеется, я не мог не откликнуться на приглашение поздравить этого заслуженного человека. Поэтому точно в день юбилея Игоря Григорьевича мы приехали к нему домой в небольшую квартиру на набережной Тараса Шевченко. Я был поражён тем, что писатель-ветеран обладает ясным умом и прекрасной памятью. Он читал нам наизусть свои стихи, делился интересными воспоминаниями. А ещё он нам подарил и подписал свою новую книгу избранных стихотворений и прозы. Могу сказать честно, что я испытал гордость за нашу страну, общаясь с Игорем Григорьевичем. Благодаря таким людям, как он, мы выстояли в тяжелейшей войне и заново отстроили великую державу. Мне было приятно поздравить ветерана и вручить ему награду от областной писательской организации. Мы спросили у родственников Игоря Григорьевича, кто ещё его поздравил с юбилеем. Оказалось, что приходили люди из Управы района и из Совета ветеранов. И всё... Честно говоря, мне это показалось странным. У нас осталось не так много людей такого уровня, у которых, уверен, каждому есть чему поучиться. Очень надеюсь, что об **Игоре Григорьевиче Гребцове**, писателе и фронтовике, перешагнувшем столетний юбилей, вспомнят и более высокие государственные чиновники. Думаю, что именно сейчас это важно, как никогда. Ну а я, от имени нашей областной писательской организации и всего Союза писателей России, от всего сердца поздравляю Игоря Григорьевича Гребцова с юбилеем и желаю ему крепкого здоровья, мирного неба и, конечно, новых творений во благо и славу нашей Отчизны!

Содержание

ДРУЗЬЯ, ПРЕКРАСЕН НАШ СОЮЗ.....	3
Юрий ВОРОТНИН (с. 3), Людмила СНИТЕНКО (с. 5)	
РУСЬ НЕИСТРЕБИМАЯ.....	8
Владимир КУЧЕРЬ-ЧЕПЕЛЁВ (с. 9), Александр АНУФРИЕВ (с. 18), Нина ИВАНОВА (с. 23), Владимир ЗАЙЦЕВ (с. 26), Владимир ШАПЦЕВ (с. 28), Владимир ФЕДОРОВ (с. 32), Ирина МАРКОВА (с. 33), Галина ЛЕОНОВА (с. 35), Элла КУЗНЕЦОВА (с. 40), Мия БИБКАЕВА (с. 43), Вера КИРИЛЛОВА (с. 45), Наталья ШУХНО (с. 48), Сергей КРЮКОВ (с. 51), Сергей ГАЗИН (с. 55), Владимир ИКОРСКИЙ (с. 59), Регина ЛУКАШИНА (с. 62).	
РУСЬ ПРАВОСЛАВНАЯ.....	64
Анатолий СИМОРА (с. 64), Вячеслав ГОРОВОЙ (с. 67), Галина РЯБИНИНА (с. 70).	
ПОЭТЫ О ПОЭТАХ.....	73
Лидия ЖАРОВА (с. 73), Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН (с. 79).	
КОНЦЕПЦИЯ.....	90
Сергей СЕЛЕЗНЁВ (с. 90)	
ПЕСНЬ ЛЮБВИ.....	96
Сергей АНТИПОВ (с. 97), Татьяна КОПЫЛЕНКО (с. 100), Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ (с. 101), Нина АБРАШИНА (с. 106), Дарья ДУХЛЕНКОВА (с. 109), Ирина КРАШЕНИННИКОВА (с. 111), Мелисса ШАРТРЕЗ (с. 113), Ирина ЛЕОНТЬЕВА (с. 117), Татьяна МАКСИМЕНКО (с. 121), Марина КАБАНОВА (с. 124), Ирина ОВЧАРЕНКО (с. 128), Марина КОРОЛЁВА (с. 131).	
РУСЬ ПОЮЩАЯ.....	135
Наталия МАКСИМОВА (с. 135).	
ПАМЯТЬ ЖИВАЯ.....	142
Ирина ШИТУЕВА (с. 142), Бусанна КУЮЗОВА (с. 143).	
НАШ КОНКУРС.....	148
Олеся БЕРГ (с. 148), Славяна ПЫШНЕНКО, Юлия ДАНЬКО (с. 149), Анна ПОПОВА (с. 150).	
КОНЦЕПЦИЯ.....	152
Владимир КУЧЕРЬ-ЧЕПЕЛЁВ (с. 152).	
ПРОЗА ПОЭТОВ.....	163
Юрий РЫЧЕНКОВ (с. 163), Андрей ФЕФЕЛОВ (с. 173), Ярослав КАУРОВ (с. 176), Владимир ЛЕОНОВ (с. 184), Александр ПРИХОЖАНИН (с. 194).	

ГОЛОСА ПОКОЛЕНИЙ	206
Елена ТИМАШОВА (с. 206), Дарья ТРУФАНОВА (с. 207), Дмитрий ПИМЕНОВ, Любовь КАРЛОВА, Марина ЗОЛОТОВА (с. 208), Виктор МОНАХОВ, Диана РЕШИХИНА (с. 209). Павел АЛИЕВ (с. 210), Надежда КОМАРОВА (с. 211), Андрей ЛЫСЕНКОВ (с. 215), Елена ВЕЛИЧКО (с. 216), Иван ВЕЛИЧКО (с. 218), Наталия СИЛАЕВА (с. 219), Алексей ЛАВРОВ (с. 220), Пётр СВИСТУНОВ (с. 221), Анна КОШМИНА (с. 223), Анастасия ШАЛУНКОВА (с. 224).	
ПОЭТЫ УРАНОВОГО ВЕКА	230
Лариса НАЗАРЕНКО (с. 230), Владимир БОРДЮГОВ (с. 233), Анна МАРКОВА (с. 237), Сергей КОВАЛЁВ (с. 240), Татьяна КРУПНОВА (с. 242), Андрей ИВАНОВ (с. 244), Андрей ДЕБАБОВ (с. 247), Олег СЕВРЮКОВ (с. 251), Платон ДЮГАЙ (с. 253), Юлия ГОРДЕЕВА (с. 261).	
УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ	263
Ирина МАРКОВА (с. 263).	
ПОСВЯЩЕНИЯ	266
Эдуард ХАНДЮКОВ (с. 266), Сергей ГАЗИН (с. 273), Элла КУЗНЕЦОВА (с. 274).	
РЕЦЕНЗИИ	275
Дмитрий КРАСНОВ (с. 275).	
ХРОНИКА НАШЕЙ ЖИЗНИ	279
Писатели в ЦВСНП (с. 279), Татьяна МАКСИМЕНКО (с. 280), Владимир ЛЕОНОВ (с. 283), 100-летний юбилей поэта Игоря ГРЕБЦОВА (с.285).	

литературно-художественный журнал

П О Э З И Я

Двадцать первый век Новой эры

Дизайн и верстка – Сергей Газин

*По вопросам распространения журнала
обращайтесь по телефону:*

8(495) 926-28-56

Журнал отпечатан
в ООО Издательство “Серебро Слов”

Телефон 8 (916) 964-84-64

E-mail: dogovor.srebro@gmail.com

Интернет-магазин на сайте:

<http://tvoyakniga.ru>

Формат 60x90 ¹/₁₆

Гарнитура PetersburgC.

Объём 18 п.л. Заказ № 123

Тираж 997 экз.

Время подписания в печать:
по графику – 15.05.2023 в 10:00,
фактически – 15.05.2023 в 09:55.
Дата выхода в свет – 25.05.2023

Цена свободная